

Институт психологии Российской академии наук

Государственный академический университет
гуманитарных наук
Факультет психологии

ПСИХОЛОГИЯ – НАУКА БУДУЩЕГО

Материалы IX Международной конференции
молодых ученых «Психология – наука будущего»

18–19 ноября 2021 года
Москва

Ответственные редакторы:

*Е. А. Сергиенко,
Н. Е. Харламенкова*

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2021

УДК 159.9

ББК 88

П 86

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Редакционная коллегия:

*И. И. Ветрова, Н. Н. Казымова, Е. А. Сергиенко (отв. ред.),
А. Ю. Уланова, Н. Е. Харламенкова (отв. ред.)*

П 86 **Психология – наука будущего:** Материалы IX Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего», 18–19 ноября 2021 г., Москва / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – 420 с.

ISBN 978-5-9270-0441-6

УДК 159.9

ББК 88

Сборник подготовлен к IX Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего». Статьи авторов из разных городов Российской Федерации и ближнего зарубежья отражают широту научных интересов молодых исследователей.

Издание подготовлено по Госзаданию № 0138-2021-0005

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2021

ISBN 978-5-9270-0441-6

Предисловие

Конференция молодых ученых «Психология – наука будущего», организуемая Институтом психологии РАН и факультетом психологии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), проводится 18–19 ноября 2021 г. в девятый раз. Традиционная конференция молодых ученых в этом году посвящена 50-летию Института психологии РАН. Это знаменательная дата в истории Института психологии, когда происходило становление теоретических направлений, психологической школы как сплава естественно-научного и гуманитарного научного знания, развитие новых экспериментальных подходов, новых методических решений. В данном процессе становления научной школы Института психологии важнейшее значение имеет не только взаимодействие с другими психологическими организациями нашей страны, но и личное общение ученых в рамках конференций, симпозиумов, семинаров, совместных научных трудов. В данном процессе научного взаимодействия особое место занимают и конференции молодых ученых, которые, с одной стороны, вносят вклад в научное знание, а с другой – способствуют передаче традиций и новаций от поколения к поколению в научной среде. Более того, усиление практико-ориентированных работ в психологии требует соотнесения практики и теории, методов и методологии, что для молодых ученых является особенно актуальным. Опыт взаимодействия на молодежных конференциях имеет значение не только для самих молодых участников, но и для их научных руководителей и сотрудников Института психологии, поскольку происходит взаимодействие взглядов, подходов, обмен методическими решениями.

Конференции молодых ученых, проводимые Институтом психологии и ГАУГН, имеют характерные особенности. Во-первых, это высокий научный уровень, который обеспечивается ведущими учеными (докторами наук Института психологии РАН и преподавателями ГАУГН), выступающими руководителями секций, что позволяет молодым специалистам получить квалифицированную обратную связь, обсудить собственные научные исследования.

Во-вторых, на каждой конференции проходит научный лекторий. За 14 лет лекции прочли такие известные российские ученые, как А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, В. В. Знаков, Ю. И. Александров, Н. Е. Харламенкова и другие ученые Института психологии РАН.

В этом году с лекциями выступят И. Ю. Владимиров, А. И. Лактионова и О. Е. Сварник. Кроме того, онлайн-формат позволяет размещать на сайте дополнительные материалы и лекции, записанные заранее: Д. В. Ушаков, академик РАН, директор Института психологии, и А. Л. Журавлев, академик РАН, научный руководитель Института психологии, расскажут об истории Института психологии РАН и актуальной научной проблематике, разрабатываемой в нем. Каждый год программа конференции дополняется новыми мастер-классами и круглыми столами, которые позволяют детально обсудить фундаментальные и научно-практические вопросы современной психологии. Круглый стол под руководством И. Р. Абитова будет посвящен соотношению практики и теории в психологии. Проблема модных и популярных тем, их реализации и ограничений будет обсуждаться на круглом столе, организованном И. И. Ветровой.

Еще одним преимуществом конференций «Психология – наука будущего» является публикация статей участников. Подготовка полнотекстовых статей позволяет участникам конференции представить свои работы для обсуждения и получить возможность самостоятельной научной публикации. Свидетельством высокого научного уровня работ может служить факт подготовки некоторых публикаций по грантам, поддержанным российскими фондами, авторы которых участвуют в реализации конкурсных проектов.

Сохраняется и достаточно широкая география участников конференции. Это не только авторы из Москвы и Санкт-Петербурга, но и из Ярославля, Казани, Челябинска, Воронежа, Нижнего Новгорода, Костромы, Курска, Томска, Красноярска, Омска и других городов России. Традиционно активное участие в работе конференции принимают коллеги из Белоруссии.

Разнообразен круг тем, затронутых в материалах конференции: методология психологии, общая психология, история психологии,

психофизиология, психология труда и инженерная психология, социальная психология, психология развития, психология творчества, психология личности, психодиагностика, клиническая психология. Лидирующее место среди присланных работ занимает психология личности, охватывающая четверть поступивших статей. Можно предположить, что данная проблематика, связанная с изучением индивидуальных характеристик психики, востребована временем и подготовлена развитием данной области психологической науки. Чуть меньше четверти поступивших статей приходится на когнитивную психологию и психологию творчества, что тоже весьма показательно в условиях актуализации интереса к различным когнитивным механизмам.

В сборнике материалов конференции работы расположены в алфавитном порядке по фамилиям авторов, в конце сборника представлены сведения о них. Помимо указания места работы (или учебы) и должности, сведения включают электронные адреса всех участников конференции, что способствует научной коммуникации.

Новый онлайн-формат проведения конференции в ситуации пандемии, безусловно, не заменяет личного общения, но позволяет проводить научное взаимодействие, несмотря ни на какие сложные обстоятельства.

Мы надеемся на успешную и плодотворную работу IX конференции «Психология – наука будущего», ставшей традиционной для Института психологии РАН и факультета психологии ГАУГН. Данная форма научной работы позволяет, на наш взгляд, осуществлять поддержку молодых ученых и обеспечивает преемственность в развитии науки.

Редколлегия

Тревожность в структуре посттравматического стресса у женщин

А. А. Агишева (Москва)

Представлен дизайн исследования специфики тревожности у женщин разного возраста в связи с генезом переживаемого посттравматического стресса, а также с учетом степени значимости типа стрессора в возникновении деструктивных и «полезных» (конструктивных) проявлений тревожности. Гипотеза: посттравматический стресс у женщин, вызванный различными травматическими событиями (физическое и сексуальное насилие, утраты, угрожающие жизни заболевания, варианты комбинаций стрессоров) сопряжен с разным уровнем и характером тревожности. Методики: ОСС (WCQ), Шкала оценки уровня тревожности (STAI), Я-структурный тест Аммона (ISTA), таблицы TAT, Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90), методики для диагностики ПТСР – PCL-5 и LEC-5. В эмпирической части приведен кейс, иллюстрирующий функциональность дизайна исследования, описываются ожидаемые результаты и перспективы.

Исследования различных аспектов посттравматического стресса в ряде случаев демонстрируют наличие его положительной корреляционной взаимосвязи с тревожностью личности, а также отражают первичность роли последствий воздействия стрессоров высокой интенсивности в формировании высокого уровня тревожности. Авторы акцентируют внимание на непосредственном воздействии на личность потенциально травмирующих событий и последующих эмоциональных реакциях, вызванных воздействием этих событий, как на факторах дополнительного риска в отношении развития пост-

травматической симптоматики при возможных в дальнейшем контактах со стрессорами высокой интенсивности. На сегодняшний день существует тенденция к развитию тревожных расстройств, возникновению интенсивных проявлений тревоги в популяции в целом и у женщин в частности, частотность выявления тревожных расстройств среди которых в два раза выше, чем среди мужчин (Remes, Wainwright, 2017). Аналогичным образом распространенность признаков, характерных для посттравматического стресса, вдвое чаще наблюдается у женщин, что может быть обусловлено как психофизиологическими особенностями, так и более высокой вероятностью контакта со стрессором высокой интенсивности в мирное время, к примеру, с физическим насилием (Pooley, Benjamin 2018). Наряду с этим целенаправленные исследования, позволяющие дифференцировать соотношение посттравматического стресса разного генеза и тревожности, недостаточно представлены в литературе, что делает актуальным изучение тревожности в структуре или на фоне посттравматического стресса.

Затрагивая возрастные аспекты исследования, стоит отметить, что в каждой возрастной группе наиболее распространены определенные травматические события, при этом люди более зрелого возраста, как правило, имеют в анамнезе и более широкий круг травматических ситуаций, позволяющий исследовать влияние различных комбинаций стрессоров.

Цель исследования – изучить специфику тревожности у женщин в связи с генезом переживаемого посттравматического стресса, выдвинуть дальнейшие гипотезы о роли типа стрессора в возникновении деструктивных, а также «полезных» проявлений тревожности. Исследовательская гипотеза: посттравматический стресс у женщин, вызванный различными травматическими событиями, сопряжен с разным уровнем и характером тревожности. Среди событий, рассматриваемых в рамках гипотезы, можно выделить физическое и сексуальное насилие, заболевания, угрожающие жизни, утрату, а также комбинации этих стрессоров.

Как личностная, так и ситуационная тревожность, отклоняясь от условной психологической нормы в сторону повышения, конфликтуют с базовой потребностью человека в безопасности. В динамике данный процесс может приводить к нарушению саморегуляции личности, оказывать на нее дезорганизующее воздействие. Принимая во внимание проявления посттравматического стресса, а также его крайнюю выраженность в виде посттравматического стрессового расстройства, важно учитывать потенциальные негативные

последствия, сопутствующие развитию тревожности в структуре или на фоне посттравматического стресса. Воздействие «полезной» тревожности на субъекта, имеющего в анамнезе признаки ПТС, может рассматриваться в качестве механизма совладания и элемента структуры личностных ресурсов, включаясь в деятельность с целью облегчения проявлений посттравматического стресса и стимулирования посттравматического личностного роста. Вместе с тем отсутствие узкоспециализированных инструментов, позволяющих прогнозировать развитие деструктивных проявлений тревоги в зависимости от генеза стрессора у женщин, обуславливает практическую значимость данного исследования.

Ожидаемые результаты

Полученные данные позволят дифференцировать уровень и характер тревожности у женщин в связи с генезом посттравматического стресса, что даст возможность вывести и сформулировать обнаруженные закономерности, которые будут способствовать расширению прогностического и профилактического инструментария. Для иллюстрирования механизмов, формирующих специфический профиль тревожности в структуре посттравматического стресса, рассмотрим данные кейса N. Респондент – женщина, 34 г., высшее образование, работает в сфере маркетинга, замужем, есть ребенок. Предъявляет жалобы на тревогу и депрессивные эпизоды.

Шкала самооценки тревожности Спилбергера–Ханина (STAI) позволила установить актуальный уровень реактивной тревожности (умеренный, 38 баллов), а также оценить личностную тревожность (высокая, 54 балла). По итогам Я-структурного теста Аммона (ISTA) было сформировано представление о характере тревожности респондента: деструктивная тревожность имеет тенденцию к высокой, в то время как конструктивная и дефицитарная принимают средние значения. Таким образом, можно говорить о том, что интенсивные проявления тревоги, свойственные респонденту, вызваны особенностями организации личности или являются реактивным образованием, коррелирующим с ситуациями прошлого, поскольку актуальный уровень ситуационной тревожности находится в норме. С целью оценки неосознаваемого компонента тревожности и выявления стратегий совладающего поведения респонденту была предложена проективная методика – таблицы ТАТ. Интерпретация позволяет оценить неосознаваемую тревожность как конструктивную, умеренную с тенденцией к высокой, в качестве предпочитаемой стратегии совладания может быть выделена стратегия «бегство». Полу-

ченные сведения частично подтверждаются результатами Опросника способов совладания (WCQ): наиболее характерная реакция респондента на стрессовые ситуации – «бегство» и «самоконтроль», относительная величина по обоим показателям – 66,67.

Оценка психопатологического статуса производилась при использовании SCL-90-R (Symptom Checklist-90-Revised) в русскоязычной адаптации (Тарабрина, 2007). Результаты были проинтерпретированы по 9 шкалам симптоматических расстройств, был также осуществлен подсчет общего индекса тяжести симптомов, индекса наличного симптоматического дистресса и общего числа утвердительных ответов. Респондент продемонстрировал высокие сырые баллы по шкалам «Обсессивность-компульсивность» – 1,3 и «Тревожность» – 0,9, что также соотносится с результатами предыдущих методик. Общий индекс тяжести симптомов – 0,62; индекс наличного симптоматического дистресса – 1,06, общее число утвердительных ответов – 53.

Для диагностики психологических последствий контакта со стрессорами высокой интенсивности была предложена методика PCL-5 (Posttraumatic Stress Disorder Checklist) в русскоязычной адаптации (Тарабрина, 2017), позволяющая оценить общую степень выраженности симптомов, характерных для ПТСР, а также дифференцировать их по кластерам. Вместе с тем респонденту был предложен опросник LEC-5 (Life Events Checklist) (Тарабрина, 2017) с целью выявления в истории жизни опыта контакта со стрессорами высокой интенсивности, установления генеза этих стрессоров и получения более развернутой информации о событии, субъективно воспринимаемом респондентом как наиболее тяжелое. Результаты не являются достаточными для предварительного диагностирования ПТСР у данного участника (суммарный балл – 13, что на 20 единиц меньше условного минимума, позволяющего выдвинуть гипотезу о наличии ПТСР), однако количество баллов в кластере, отражающем негативные изменения в когнитивно-эмоциональной сфере, превышает минимальное значение ($D=7$), что может свидетельствовать о некоторой связи травмирующего эпизода, описанного респондентом в LEC-5, с тревожными тенденциями, продемонстрированными в предыдущих методиках.

Среди ситуаций, перечисленных в опроснике PCL-5, респондент не выбрал ни одну как случившуюся непосредственно с ним, однако указал, что был свидетелем стихийного бедствия, пожара, физического насилия и вооруженного нападения, дополнительно подтверждая таким образом гипотезу об избегающей стратегии со-

владания. Наряду с этим участник исследования отметил, что члены его семьи попадали в транспортные аварии и переживали опасные для жизни заболевания. Также в ходе прохождения методики респондентом было акцентировано внимание на внезапной смерти отца, которая прогнозировалась, но была воспринята как острый неожиданный эпизод (п. 17 в перечне ЛЕС-5, ситуация А). Самой тяжелой ситуацией респондент считает онкологическое заболевание матери, повлекшее за собой операцию по удалению почки и серьезную угрозу жизни (ситуация В). Операция производилась 6 лет назад, в 2015 г., респондент отмечает интенсивность переживаний, собственный страх рецидива и беспокойство об «угасании» матери, которые не снижаются с течением времени. Настоящие сведения также могут подтверждать ранее выдвинутую гипотезу о специфике тревожности, коррелирующей у респондента с наличием психотравматизирующего эпизода в прошлом.

В результате анализа кейса можно предположить, что высокая деструктивная тревожность, а также избегающее поведение респондента являются реактивными образованиями, представляющими собой ответ на контакт со стрессорами высокой интенсивности, среди которых участник выделяет утрату и опасное для жизни заболевание у значимых фигур. Таким образом, дизайн исследования позволяет проследить разные контексты диагностики, сформировав более полное представление о процессе организации различных профилей тревожности в структуре посттравматического стресса.

Литература

- Тарабрина Н. В.* Психология посттравматического стресса: теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Кызымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В.* Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Remes O., Wainwright N., Surtees P.* Sex differences in the association between area deprivation and generalised anxiety disorder: British population study // *BMJ Open*. 2017. № 7. e013590. doi: 10.1136/bmjopen-2016-013590.
- Pooley A. E., Benjamin R. C., Sreedhar S. et al.* Sex differences in the traumatic stress response: PTSD symptoms in women recapitulated in female rats // *Biology of Sex Differences*. 2018. № 9. P. 31. doi: 10.1186/s13293-018-0191-9.

Особенности учебной мотивации младших школьников, обучающихся в музыкальной школе

Е. А. Аносова (Красноярск)

В статье представлены результаты исследования, целью которого было выявить особенности учебной мотивации детей младшего школьного возраста, обучающихся в музыкальной школе на разных специальностях. Для проверки гипотезы о различии учебной мотивации младших школьников в зависимости от выбора музыкального инструмента было опрошено по 15 обучающихся игре на фортепиано и народных инструментах. Результаты исследования показывают, что при сходстве переживаний осмысленности и увлеченности, преобладании внутренней мотивации структура мотивов отлична у обучающихся на разных направлениях в музыкальной школе.

В настоящее время проблема мотивации учения является актуальной не только в общеобразовательной школе, но и в системе дополнительного образования. Проблема мотивации школьников при занятиях музыкальной деятельностью является слабоизученной. В немногочисленных работах А. В. Тороповой, Н. Э. Таракановой, А. А. Харжевской, М. Ю. Самковой и др. мотивация детей к занятиям музыкой рассматривается как система потребностей, интересов, мотивов, опосредованных внешними и внутренними факторами, и целей, которые побуждают ребенка к активной и целенаправленной деятельности, имеющей эмоциональную окраску (Торопова, 2011).

В исследовании мотивации обучения в музыкальной школе М. Ю. Самковой, А. А. Харжевской и др. отмечается, что ребенок начинает заниматься музыкой под влиянием родительской семьи, где музыкой занимается один из родителей. С возрастом сила внешней мотивации начинает ослабевать, так как ученики все меньше значение начинают придавать формальным оценкам. У дошкольников и первоклассников в качестве определяющих мотивов музыкальной деятельности является желание научиться играть на музыкальном инструменте, петь, что дополняется общим интересом к учению и стремлением к взрослости. В младшем школьном возрасте появляются новые мотивы, среди которых определяющим становится мотив выполнения требований учителя, получаемые оценки, мотив престижа, реже познавательный мотив (Харжевская, 2015). Младший школьный возраст является благоприятным для развития и творческой, и эстетической мотивации – стремления искать новые возможности, получать удовольствие, эстетические переживания, что находит отражение в желании ребенка самостоятельно

исполнять музыкальные произведения, в том числе в собственной интерпретации.

Возникающие переживания могут быть соотнесены с аутолитическими переживаниями (потока) как самодостаточные формы активности (Чиксентмихайи, 2011), мотивирующие деятельность, подталкивая школьников к продолжению самосовершенствования в рамках музыкальных занятий.

Занятия музыкой могут быть связаны и с «компенсаторной мотивацией»: реализацией потребности в самоутверждении, признании со стороны сверстников посредством занятий музыкой, особенно при коммуникативных и учебных затруднениях в общеобразовательной организации. В связи с этим музыкальные занятия могут снизить тревожность по поводу низкой успеваемости в школе и помочь учащемуся найти свое предназначение в сфере творчества.

На мотивацию занятиями музыкой оказывает влияние и ожидание быстрого результата при обучении игре на музыкальных инструментах. При столкновении с трудностями обучения дети часто теряют интерес к занятиям музыкой. И при отсутствии внутренней мотивации занятия в музыкальной школе могут стать источником раздражения и стресса для детей.

Представляет интерес изучение различий в учебной мотивации при посещении музыкальной школы у обучающихся разных направлений и выявление того, насколько выбор музыкального инструмента влияет на учебную мотивацию. Игра на народных инструментах предполагает оркестровое исполнительство, игра на фортепиано — преимущественно сольное. Целью исследования является выявление особенностей учебной мотивации детей младшего школьного возраста, обучающихся в музыкальной школе по разным направлениям специальности «Инструментальное исполнительство».

В исследовании принимали участие дети младшего школьного возраста в количестве 30 человек в возрасте от 8 до 12 лет, обучающиеся по разным дополнительным предпрофессиональным образовательным программам (ДПОП) в области музыкального искусства. Первую группу составили обучающиеся по направлению «Народные инструменты» (домра, балалайка, гитара, баян, аккордеон): 6 мальчиков и 9 девочек, средний возраст — 10,5 лет. Вторая группа — обучающихся по направлению «Фортепиано»: 10 девочек и 5 мальчиков, средний возраст — 10,7 лет.

Для изучения мотивации были использованы методика «Диагностика переживаний в деятельности» Д. А. Леонтьева, «Шкалы учебной мотивации» Т. О. Гордеевой и «Лесенка побуждений»

Н. Л. Елфимовой. Сравнительный анализ проводился с помощью критерия *t* Стьюдента.

В обеих группах преобладают высокие показатели удовольствия от учебной деятельности в музыкальной школе, наличия в ней смысла, что соотносится с «состоянием потока» – состояния оптимального переживания, полного слияния со своим делом, приносящим чувство воодушевления и особую радость (Чиксентмихайи, 2011). Переживания пустоты и усилия в обеих группах имеют низкие значения: обучение в музыкальной школе представляется значимым занятием, не вызывает дискомфорта и не ассоциируется с напрасной тратой времени. Выделены различия по переживанию пустоты: более высокие значения у обучающихся по направлению «Фортепиано», при этом значимых различий не выявлено. Таким образом, у обучающихся музыкальной школы проявляется осмысленность и удовольствие, усилие как один из компонентов, необходимых для погружения в оптимальные состояния, не выражен. Данная тенденция для учебной деятельности была выделена в исследовании К. Г. Клейна и др. (2019).

Преобладающими мотивами учебной мотивации, по методике Т. О. Гордеевой, в двух группах являются мотивы познания (интерес при обучении в музыкальной школе и желание узнавать новое, получение удовольствия от занятий музыкой), достижения (решение трудных задач, приложение интеллектуальных и творческих усилий), саморазвития (самосовершенствование и достижение новых успехов в учебе), а также мотивы самоуважения (доказать самому себе свою компетентность, значимость). Статистически значимые различия между группами были установлены по экстернальной (внешней) мотивации, которая более выражена у обучающихся по профилю «Фортепиано» ($t=2,4, p<0,05$). Амотивация – отсутствие всяких мотивов заниматься музыкой – занимает последнее место в иерархии мотивов у обучающихся двух направлений.

С помощью методики Н. Л. Елфимовой «Лесенка побуждений» были выделены ранги мотивов, сопоставление которых показало, что для детей, играющих на народных инструментах, в большей степени выражен процессуальный мотив учебной деятельности ($t=2,1, p<0,05$), что может быть связано с коллективной игрой в оркестре, где у каждого музыканта есть свое место, своя роль в коллективе, что способствует ощущению своей значимости для общего дела.

Для школьников, обучающихся игре на фортепиано, в большей степени значим широкий социальный мотив ($t=3,1, p<0,01$), что может быть связано с особенностями подготовки юных пианистов: ак-

цент на благородной, высокой миссии музыканта-пианиста, который доставляет удовольствие и положительные эмоции своей игрой другим людям, способствует появлению у них положительных переживаний, трогает их души. Также для детей данной группы значим родительский мотив, который состоит в стремлении заслужить похвалу и уважение родителей ($t=2,3, p<0,05$).

Обобщая полученные результаты, можно заключить, что у младших школьников, обучающихся в музыкальной школе по разным направлениям, выявлено сходство в преобладании положительных переживаний на занятиях в музыкальной школе, более выражены мотивы познания, достижения, саморазвития и самоуважения, значима внутренняя (интроецированная) мотивация. При этом у младших школьников, обучающихся игре на фортепиано, более выражены широкие социальные мотивы, экстернальная мотивация и стремление заслужить похвалу родителей и избежать санкции с их стороны. У играющих на народных инструментах более выражен процессуальный мотив учебной деятельности. Таким образом, направление обучения в музыкальной школе обуславливает различия в мотивации учебной деятельности в младшем школьном возрасте.

Литература

- Клейн К. Г., Леонтьев Д. А., Костенко В. Ю., Осин Е. Н., Тараненко О. А., Кошелева Н. В.* Переживания в разных видах деятельности: временная динамика и содержательная валидность // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 5. С. 47–57. doi: 10.17759/pse.2019240505.
- Торопова А. В.* Мотивация к занятиям искусством и проблема ее развития // Развитие личности. 2011. № 2. С. 116–126.
- Харжевская А. А.* Психолого-педагогические особенности развития детей с музыкальными склонностями в условиях дополнительного музыкального образования // Музыкальное искусство и образование. 2015. № 2. С. 85–103.
- Чиксентмихайи М.* Поток: психология оптимального переживания. М.: Альпина Нон-фикш, 2011.

Адаптация психофизической методики «Да/Нет» для психофизиологического исследования процессов приобретения и автоматизации навыка

*В. В. Апанович, К. С. Юдаков, Д. Л. Гладилин, Э. А. Арамян,
Ю. И. Александров (Москва)*

Разработана и апробирована психофизическая методика, основанная на теории обнаружения сигнала, предназначенная для психофизиологического исследования процессов приобретения навыка и его автоматизации. Материалом к методике послужила задача различения коротких интервалов времени. Для конструирования методики были проведены две экспериментальные серии. Первая из них – «сенсibiliзирующая» – направлена на исследование не связанной с обучением начальной динамики по улучшению результативности в первых пробах. Описан паттерн динамики результативности и установлено, что возможен подбор процедуры, в ходе прохождения которой появление этого не связанного с обучением паттерна минимизируется. Вторая экспериментальная серия была проведена с целью определения дискриминативности методики и возможности контролировать психометрический уровень сложности для возможности учета этого фактора в качестве независимой переменной. Сделаны выводы об эффективности применения разработанной методики как для анализа закономерностей научения, так и для решения других психофизиологических задач.

В психологической, в том числе в психофизиологической литературе, существует много разных вариантов описания феномена научения. С позиций системно-эволюционного подхода (СЭП) научение рассматривается через понятие структуры индивидуально-го опыта (СИО) как отражения всей истории соотношения индивида и среды, которая представлена набором функциональных систем, соответствующих различным поведенческим актам (ПА). Научение – формирование нового элемента индивидуально-го опыта – описывается как системогенез, т. е. процесс образования новой функциональной системы, который происходит через селекцию нейронов, специализирующихся относительно системы данного ПА (Швырков, 2006). Динамика уже сформированного навыка, т. е. его автоматизация, описывается, в частности, как изменение межсистемных отношений между ранее сформированными функциональными системами. Системогенез и изменение межсистемных отношений возможно исследовать при анализе ЭЭГ в ходе решения задачи.

Для проведения подобного исследования необходима методика, позволяющая применять единую систему измерений в процессах приобретения и автоматизации навыка. Нами была выбрана психофизическая методика «Да/Нет», базирующаяся на Теории обнаружения сигнала (ТОС) (Гусев и др., 1998). Ключевой для этой методики показатель d' традиционно определяется как показатель чувствительности испытуемого (Забродин и др., 1984). Мы рассматриваем этот показатель шире и определяем его как показатель текущей способности испытуемого к различению сигналов.

Методика

Задача испытуемого заключалась в том, что ему нужно было различать два сигнала по длительности их предъявления, в околопороговой (разностный порог) зоне. Каждая проба представляла собой: сигнал «внимание», затем два последовательных сигнала, первый из которых всегда был эталоном и длился 400 мс, а второй предъявлялся либо столько же, либо дольше на 50 мс. Испытуемый давал ответ и получал обратную связь о правильности ответа. Сигнал представлял собой белый квадрат размерами 3 × 3 см. В течение эксперимента участник проходил 15 серий по 50 проб.

Так как психофизические методики чувствительны к большому числу побочных переменных, необходимо было их учитывать. Усталость контролировалась с помощью субъективного самоотчета. Также в классической литературе выделяют процессы адаптации и сенсibilизации (см. ниже), которые не являются конкретным этапом научения и влияние которых, таким образом, необходимо минимизировать. Адаптация осуществлялась за счет нахождения испытуемого в кабинете не менее 15 минут до начала эксперимента. Сложнее было нивелировать влияние эффекта сенсibilизации. Решению этой задачи была посвящена первая экспериментальная серия.

Эксперимент 1

Сенсibilизацию можно описать как изменение результативности (улучшение) при начале взаимодействия с задачей. Со стороны внешнего наблюдателя это можно описать как «вработывание в задачу» (Кравков, 1948). В традиционных психофизических исследованиях проблема сенсibilизации решалась с помощью прохождения тренировочных серий перед основным экспериментом. Для исследования научения данный способ не подходит, так как процесс прохождения пробных серий неминуемо будет связан с научением. Необходимо

было подобрать задачу, которая будет «сенсibilизировать» относительно основной, но при этом не будет ее обучать.

Было показано, что у ранее наученных испытуемых в первых 150 пробах наблюдается стабильная динамика, которая может описываться как сенсibilизация (контрольная серия). Этот паттерн представлен первоначальным падением результативности с последующим ростом и дальнейшим снижением. Было показано, что этот паттерн встречается достоверно чаще равномерного распределения ($\chi^2 = 8,0$, $p = 0,018$) и наблюдается в 77% случаев.

В другой день (порядок серий контрсбалансирован) те же испытуемые проходили экспериментальную серию. Перед решением задачи на различение интервалов времени им предлагалась «сенсibilизирующая» задача. По результатам предварительного исследования была выбрана задача, схожая с основной: испытуемый также сравнивает два зрительных сигнала, но они отличаются не по длительности предъявления, а по размерам и форме. Остальные параметры были идентичными: первый сигнал – квадрат 3×3 см длительностью 400 мс, второй – либо такой же, либо $3 \times 3,35$ см длительностью 400 мс. Серия включала 150 проб.

Результаты исследования показали отсутствие стабильных колебаний в показателе d' у испытуемых, проходивших «сенсibilизирующую» серию перед началом основных серий. Частота встречаемости разных паттернов не отличается от равномерного распределения ($\chi^2 = 0,25$, $p = 0,882$).

Таким образом, в ходе этой серии была описана динамика процесса, известного по литературе как «сенсibilизация» и было показано, что эта динамика исчезает при прохождении задачи, максимально схожей с основной экспериментальной по своим параметрам.

Эксперимент 2

Для изучения дискриминативности методики и сопоставления различий между процессом приобретения нового навыка и процессом автоматизации необходимо иметь возможность манипулировать сложностью задачи. Для приобретения нового навыка испытуемый исходно не должен решать задачу, но учится этому в ходе эксперимента. Для автоматизации навыка задача должна быть такой сложности, чтобы она изначально решалась испытуемым.

В качестве критерия подбора сложностей решения задачи нами была выбрана вероятность неслучайного решения в начале эксперимента ($\frac{1}{3}$ респондентов, 33%, для «сложной» задачи и $\frac{2}{3}$ респондентов, 67%, для «простой» задачи).

Математически был выведен критерий неслучайного решения задачи, при котором задача считается не решаемой испытуемым, если показатель d' статистически не отличается от нуля (с помощью модели Стьюдента было показано, что d' , превышающий значение 0,387, достоверно отличается от нуля).

В исследовании приняло участие 54 человека, 11 мужчин и 42 женщины возрастом от 18 до 45 лет (средний возраст – 23,3 года).

Эксперимент проходил в несколько этапов. В начале испытуемые 15 минут адаптировались к освещению и обстановке в комнате и проходили предэкспериментальный опрос, затем они проходили «сенсibiliзирующую» серию (см. Эксперимент 1) и далее экспериментальную серию с одним из уровней сложности. После этого проходили постэкспериментальный опрос.

В экспериментальной серии проверялись следующие дельты (разница между эталоном и оцениваемым сигналами) сигнала: 50, 60, 70, 80, 90 мс. Для каждой из дельт сигнала анализировалось исходное решение задачи у испытуемых.

Был получен средний процент исходной неслучайной решаемости задачи на пяти точках. График по этим точкам, в соответствии с классическими психофизическими кривыми, был представлен функцией нормального распределения, которая после перевода значений в z -координаты выражается прямой линией. Используя полученную аппроксимацию, мы получили уравнение вида $Z = -2,66 + 0,0337 * \Delta$. Исходя из данного уравнения, были подобраны дельты, задающие исходную вероятность неслучайного решения задачи $\frac{1}{2}$ ($\Delta = 66$ мс) и $\frac{2}{3}$ ($\Delta = 92$ мс). Таким образом, в ходе этой серии была проверена дискриминативность методики и подобран уровень сложности, обеспечивающий необходимую дискриминативность.

Заключение

Разработанная нами методика предъявления психофизической задачи в большой степени универсальна и позволяет исследовать такие психические процессы, как научение, утомление, внимание, а также память (восстановление навыка). Важно также, что выбранный нами способ предъявления материала позволяет минимизировать количество артефактов при регистрации ЭЭГ. Это дает широкие возможности для использования методики для системного описания вышеописанных психических процессов и учитывать как указанные факторы, так и индивидуальные различия.

В качестве ограничения методики можно отметить высокую специфичность задачи. Закономерности, выявленные на задаче с око-

лопороговыми сигналами, могут не проявляться на других задачах, и универсальность закономерностей будет нуждаться в отдельных доказательствах.

Литература

- Гусев А. Н., Измайлов Ч. А., Михалевская М. Б. Измерение в психологии: общий психологический практикум. 2-е изд. М.: Смысл, 1998.
- Забродин Ю. М., Пахомов А. П., Шаповалов В. И. Взаимосвязь эффективности обнаружения сигнала // Психифизика сенсорных и сенсомоторных процессов / Под ред. Ю. М. Забродина. М.: Наука, 1984.
- Кравков С. В. Взаимодействие органов чувств. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Швырков В. Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. Избранные труды / Под ред. Ю. И. Александрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Пилотное исследование ЭЭГ-потенциалов при обучении навыку различения коротких интервалов времени

Э. А. Арамян, Д. Л. Гладиллин, К. С. Юдаков, В. В. Апанович (Москва)

Было проведено пилотное исследование изменения ЭЭГ-потенциалов при обучении навыку различения коротких интервалов времени. Описаны кривые научения, показан их нелинейный характер. Показано, что в начале научения происходит спад результативности с последующим ростом, имеющим волнообразный характер. Показано, что в точке надежной результативности компоненты ССП не выявляются и стабильный паттерн компонент ССП формируется только после первичного снижения результативности. Показано, что положительные пики результативности характеризуются сниженными амплитудами по сравнению с отрицательными пиками. Обсуждаются перспективы развития этого направления работы.

Проводилось исследование динамики мозговых потенциалов в процессе обучения психофизической задаче. Теоретическим базисом стал системно-эволюционный подход (Швырков, 1995), с позиций которого приобретение нового понимается как модификация структуры индивидуального опыта, отражающей всю историю соотношения индивида и среды. Как два отдельных процесса выделяются процесс приобретения нового элемента навыка (системогенез, процесс формирования новой функциональной системы) и процесс автоматизации навыка (изменение межсистемных отношений ранее

сформированных функциональных систем). Процессы системогенеза и модификации межсистемных отношений изменяют структуру индивидуального опыта и системную организацию поведения.

Одним из ключевых методов изучения системной организации поведения в психофизиологии является анализ электроэнцефалографических компонентов связанных с событием потенциалов (ССП) (Александров, Максимова, 1987; Гаврилов 1987). С позиций системно-эволюционного подхода позитивные колебания соответствуют процессам актуализации систем, предшествующей «принятию решения», а негативные — реализации поведения и деактуализации данных систем.

Мы описываем особенности изменений СИО в соответствии с приведенной выше моделью. Для изучения процесса научения использовалась психофизическая методика «Да/Нет». Методика была модифицирована нами и представлена в другой работе (Апанович и др., 2021). Мы сопоставляли поведенческие характеристики по изменению результативности (на основе показателя d') с амплитудно-временными характеристиками компонент ССП, сопровождающих предъявление сигналов.

Эксперимент состоял из несколько этапов. В начале испытуемые получали первичное информирование об эксперименте, его длительности (1–1,5 часа), противопоказаниях (эпилепсия), установке электродов, невозможности прерывать эксперимент на не предусмотренные процедурой эксперимента паузы.

Затем в течение 15 минут испытуемые адаптировались к обстановке и освещению в экспериментальной комнате, в это время они проходили предэкспериментальный опрос. После завершения опроса им зачитывалась инструкция к первой задаче «вертикальные и горизонтальные линии», которая проверяла точность и скорость ответа испытуемых (результаты обработки данных этой серии не вошли в текст настоящей работы). После прохождения данной серий следующие 30 минут происходила установка ЭЭГ- и ЭОГ-электродов. Запись ЭЭГ производилась неполяризующимися хлорсеребряными электродами монополярно в 19 отведениях (Fp1, Fp2, F7, F8, F3, Fz, F4, T3, T4, T5, T6, C3, Cz, C4, P3, Pz, P4, O1, O2), отслеживались глазодвигательные артефакты.

После установки электродов испытуемые получали указания, которые следовало соблюдать во время прохождения всех последующих серий: стараться не двигаться, не моргать при предъявлении проб, моргать при получении обратной связи, не сжимать челюсти, не разговаривать, держать глаза закрытыми между сериями.

Далее испытуемому зачитывалась инструкция к «сенсibiliзирующей» задаче (Апанович и др., 2021), схожей с экспериментальной, где необходимо было различать размеры двух последовательно предъявляемых квадратов (150 проб). Процедура была необходима для нивелирования эффектов, обозначаемых в литературе как «адаптация» и «сенсibiliзация».

После прохождения «сенсibiliзирующей» серии испытуемый закрывал глаза и получал инструкцию к экспериментальной задаче (10 серий по 50 проб), в которой нужно было различать два последовательно предъявляемых квадрата по времени предъявления. Испытуемые проходили данную задачу на одной из двух сложностей: в простой задаче разница между эталонной и сигнальной фигурой составляла 92 мс, в сложной — 66 мс (обоснование выбранных значений см.: Апанович и др., 2021). В перерывах между сериями испытуемый сидел с закрытыми глазами.

Поведенческие данные экспериментальной серии были преобразованы в кривые научения с плавающим окном по 50 проб и с шагом в одну пробу. При анализе высчитывался d' , используемый как показатель текущей способности испытуемого к различению сигналов. Если d' статистически отличался от нуля, это интерпретировалось как неслучайное решение испытуемым задачи. Эпохи с пиковыми значениями d' сопоставляли с потенциалами ЭЭГ. Для анализа были использованы участки ЭЭГ, событийно связанные с предъявлением второго прямоугольника (пустая/сигнальная проба).

Результаты

Как и ожидалось, часть испытуемых исходно решали задачу на достоверно не отличающемся от нуля уровне, часть испытуемых справлялись с задачей успешно. На выбранном нами диапазоне наблюдалась положительная динамика d' , однако эта динамика представлена не линейным ростом, а последовательно сменяющимися колебаниями с тенденцией к общему росту результативности.

При анализе ССП было обнаружено несколько феноменов, стабильно проявляемых на пилотажной выборке.

Было показано изменение паттерна компонент ССП в процессе решения задачи. В начале решения при предъявлении второго сигнала (сигнальная/пустая проба) наблюдается на 200 мс позитивный пик и негативация, которая заканчивалась к концу пробы.

При первом падении результативности (d') паттерн исчезает и выделение компонент ССП становится невозможным (амплитуды не превышают 2 мкВ). Далее, при возрастании d' , компоненты

возвращаются, однако в дальнейшем они характеризуются большей крутизной фронтов.

При дальнейшем анализе эпох с низкой и высокой результативностью компоненты ССП сохраняют свою конфигурацию. При этом было обнаружено, что при низкой результативности амплитуда позитивных пиков выше, чем при высокой результативности. Амплитуда левого фронта компонента имеет большую амплитуду при низкой результативности, чем при высокой результативности.

Обсуждение результатов

Было показано, что кривые научения психофизической задаче имеют нелинейную динамику и могут описываться как постепенно колебательный процесс с постепенно возрастающими пиками. Такого рода нелинейность может феноменологически описываться, как другие психические процессы (например, колебания внимания), но существенно, что такую динамику удалось обнаружить в связи с высокой дробностью эпох анализа (сдвиг плавающего окна на 1 пробу). Также возможно, что нелинейность научения связана с окологороговым характером задачи, в то время как традиционные линейные кривые научения были получены на задачах другого рода (как правило, не сенсорных).

Научение с системных позиций связывается с процессом регрессии, которая может проявляться на первом негативном пике кривой (существенное падение результативности) и с системных позиций описываться как деактуализация функциональных систем, не приводящих к достижению результата. На дальнейших этапах формируется другой паттерн ССП, характеризующийся большей крутизной фронтов. При этом периоды, когда пики высокой результативности сменяются пиками низкой результативности, происходит актуализация разных функциональных систем для последующей селекции; это сопровождается повышением амплитуд компонентов ССП. Таким образом, можно говорить о системном описании процесса научения психофизической задаче в первом приближении.

Наше исследование имеет важные ограничения, связанные с отсутствием контрольных экспериментов, проведение которых входит в программу нашего исследования. Для спецификации системных процессов и соотношения их именно с процессом научения необходимо проведение эксперимента с уже обученными (тренированными) испытуемыми, а также с теми, кто имел навык решения задачи, но восстанавливает его. Увеличение выборки также позволит разде-

лить ситуации формирования нового элемента опыта и изменения межсистемных отношений без появления новых элементов опыта — функциональных систем.

Литература

- Александров И. О., Максимова Н. Е.* Типология медленных потенциалов мозга, нейрональная активность и динамика системной организации поведения // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях / Под. ред. В. Б. Швыркова, В. М. Русалова, Д. Г. Шевченко. М.: Наука, 1987. С. 44–72.
- Апанович В. В., Юдаков К. С., Гладилин Д. Л., Арамян Э. А., Александров Ю. И.* Адаптация психофизической методики «Да/Нет» для психофизиологического исследования процессов приобретения и автоматизации навыка // Материалы IX Международной конференции молодых ученых «Психология — наука будущего». 18–19 ноября 2021 г., Москва / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Гаврилов В. В.* Соотношение ЭЭГ и импульсной активности нейронов в поведении у кролика // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях / Под. ред. В. Б. Швыркова, В. М. Русалова, Д. Г. Шевченко. М.: Наука, 1987. С. 33–43.
- Швырков В. Б.* Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. Избранные труды / Под ред. Ю. И. Александрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.

Факторы выбора возможных Я у молодежи: программа исследования

А. В. Баранова (Москва)

Рассматривается вопрос о факторах, влияющих на выбор личностью пути своего развития из спектра возможностей. Для описания данных возможностей личности используется конструкт возможных Я. В качестве факторов, побуждающих личность к выбору определенных значимых для нее возможных Я, рассматриваются самооценка, саморефлексия, самодетеринация. Предлагается программа исследования данных факторов выбора возможных Я у молодежи, включающая описание психодиагностических методов (в том числе методики «Возможные Я»), планируемого к использованию математико-статистического аппарата, предполагаемого объема и состава выбор-

ки исследования. Описываются этапы проведения планируемого исследования.

Личность существует в изменяющемся мире, предъявляющем широкий спектр различных возможностей и выдвигающем требования к ее способности к определению своего пути развития. Это обуславливает актуальность изучения факторов, способствующих осуществлению подобного выбора. Для репрезентации индивидуально значимых представлений личности о собственных возможностях используется конструкт возможных Я. Возможные Я описываются как индивидуально значимые когнитивные компоненты стремлений и целей личности, ее надежд, опасений, страхов, которые являются частью Я-концепции (Василевская, 2016). Под Я-концепцией понимается динамическая система оценочных установок, представлений личности о самой себе, испытывающая влияние внешней среды и социума и выступающая результатом самосознания как процесса (Баранова, Мустафина, 2021).

Возможные Я обладают мотивационным потенциалом, направляющим поведение человека на достижение или избегание той или иной возможности. Это подтверждается в исследованиях академической мотивации, здоровьесбережения, психотерапевтической работы. При этом невыясненным остается вопрос, что побуждает личность выбирать для себя возможные Я как значимые, что наделяет их потенциалом. Так как возможные Я являются продуктом самосознания, мы предполагаем, что детерминирующие факторы должны иметь тесную связь с самоопределением личности, представлять основу для построения ее Я-концепции. В результате теоретического анализа были выделены следующие факторы: самооценка, самодетерминация, саморефлексия. Самооценка отражает общее суждение о себе, выступая, по К. Роджерсу, как идентификатор соответствия между идеальным и реальным Я. Саморефлексия, понимаемая как процесс отражения личностных особенностей и действий, позволяет оценить их и скорректировать. Самодетерминация рассматривается как способность самостоятельно направлять свою активность вне зависимости от внешних по отношению к личности установок в соответствии с внутренней логикой, ценностно-смысловыми ориентациями.

Цель исследования — изучение данных факторов выбора возможных Я у молодежи.

Объект исследования — возможные Я как часть Я-концепции, предмет исследования — самооценка, самодетерминация, саморефлексия как факторы выбора возможных Я.

Гипотеза исследования – предположение, что самооценка, самодетерминация, саморефлексия выступают как значимые факторы выбора возможных Я у молодежи.

В исследовании планируется использовать следующие психодиагностические методы:

1. Методика возможные Я (Адаптация протокола интервью возможные Я). Представляет собой самоотчет респондентов об их желаемых Возможных Я (надеждах) и нежелаемых (опасениях). Позволяет рассмотреть такие параметры Возможных Я, как важность, соответствие реальному Я, частота мыслей, воспринимаемая эффективность собственных действий, ожидаемый результат. Опросник позволяет определить, насколько каждая приведенная возможность характеризует личность сейчас, насколько она может стать характеристикой респондентов в будущем (ожидания) и в какой степени респонденты хотели бы видеть ее характеристикой себя в будущем (надежды).
2. Дифференциальный тест рефлексии Д. А. Леонтьева.
3. Методика «Уровень развития субъектности личности (УРСЛ)» М. А. Шукиной, позволяющая рассмотреть представления о реальном и идеальном Я и определить самооценку личности;
4. Опросник РОКО (каузальных ориентаций) Д. А. Леонтьева для диагностики автономии и самодетерминации личности на основе конструкта каузальных ориентаций.
5. Пятифакторный опросник личности (5PFQ) планируется для контроля личностных переменных.
6. Анкета для контроля некоторых социально-демографических характеристик респондентов (пол, возраст, уровень материальной обеспеченности родительской семьи).

В качестве математико-статистического аппарата планируется использовать следующие методы обработки данных: описательная статистика, корреляционный анализ, Т-критерий Вилкоксона для связанных выборок, U-критерий Манна–Уитни, факторный анализ, регрессионный анализ.

Предполагаемая выборка исследования – 300 человек молодого возраста (16–25 лет), в которую будут включены студенты 1-го года обучения, а также старшеклассники, планирующие поступление в вузы. Возрастная категория молодежи в качестве группы исследования обусловлена ключевой ролью выборов, совершаемых в данном возрасте, для последующей жизни личности, ее развития и реализации.

Исследование планируется проводить на связанных выборках с разницей в год; соответственно, исследование разделено на два этапа. Данный временной промежуток обусловлен зависимостью возможных Я и их мотивационного потенциала от социально-демографического контекста, что было показано в зарубежных исследованиях (Oyserman et al., 2015). Предполагается, что год является достаточным периодом для перехода из одного социального контекста в другой, привыкания к новому положению и его функциям, следовательно, сравнение выборок позволит отследить устойчивость выбираемых возможных Я и влияние изучаемых факторов на данный выбор.

На первом этапе планируется психодиагностическое исследование студентов 1-го года обучения на предмет актуальных возможных Я, саморефлексии, самооценки, самодетерминации. Параллельно планируется проведение исследования старшеклассников, намеревающихся поступить в вузы или колледжи, заканчивающих школу и готовящихся перейти в новую социальную ситуацию, что провоцирует возникновение представлений о широком спектре возможных ситуаций. На первом этапе для проверки основной гипотезы планируется использовать все приведенные выше методики. При использовании методики «Возможные Я» будет применяться как качественный (контент-анализ), так и количественный анализ (параметры возможных Я). Для контент-анализа ответов респондентов будет применяться категориальная схема, согласно которой каждое из возможных Я относится к одной из 20 категорий («тем»). Планируется привлечение независимых экспертов для анализа. Будет проводиться корреляционный анализ связи параметров возможных Я и результатов шкал прочих методик: связь выборов возможных Я с реальным и идеальным Я, с показателем саморефлексивности, самооценкой, способностью к самодетерминации.

Второй этап предполагает исследование тех же респондентов через год, анализ того, как изменение контекста социальной ситуации отражается на изменении в сфере воспринимаемых возможностей и выборе наиболее значимых и актуальных из них с последующим сравнением изменений. Предполагается, что результаты второго этапа покажут сдвиг в выборе возможных Я у старшеклассников: какие возможности они теперь видят перед собой, насколько устойчивы их личностные особенности при переходе в другую среду. Также предполагается, что будут наблюдаться изменения в выборе возможных Я первокурсниками при их переводе на следующий курс, поскольку изменится их социальная ситуация: непосредст-

венное знакомство с профессией позволит оценить сделанный ранее выбор. Для проверки основной гипотезы на данном этапе планируется проведение факторного и регрессионного анализа, чтобы определить, какие из выделенных параметров являются предикторами выбора рассматриваемых возможных Я.

Литература

- Баранова А. В., Мустафина Л. Ш. Философский анализ психологических теорий Я-концепции // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2021. Т. 9. № 2 (33). С. 115–124. doi: 10.23888/humJ20212115-124.
- Василевская Е. Ю., Молчанова О. Н. Возможные Я: обзор зарубежных исследований // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. Т. 13. № 4. С. 801–815.
- Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: Possible selves motivate in context, not otherwise // *Self and Identity*. 2015. № 14 (2). P. 173–188.

Проблемы готовности молодежи к родительству*

М. Л. Белановская (Минск, Белоруссия)

Цель исследования – определение субъективной готовности молодежи к родительству. Выборка: 110 не состоящих в браке респондентов (59 женщин и 51 мужчина) в возрасте ранней взрослости (20–30 лет). Гипотезой выступило предположение о наличии тенденции к снижению уровня готовности молодежи к родительству, а также о наличии значимых различий в уровне готовности к родительству у мужчин и женщин. Диагностика осуществлялась при помощи авторской методики «Субъективная готовность к браку». Результаты исследования подтверждают выдвинутые предположения. Выявлено более чем 40% молодых людей с низкой готовностью к рождению детей, а также 50% респондентов с низкой готовностью к воспитанию детей. Подтверждено наличие значимых различий в уровне готовности к родительству у мужчин и женщин: мужчины значимо ниже оценивают свою готовность к рождению и воспитанию детей.

На современном этапе большинство исследователей брачно-семейной сферы отмечают усиление кризисных тенденций институ-

* Г21М-006 от 01.07.2021.

та брака и семьи. Уместно также говорить и о другом кризисе – кризисе родительства как следствии трансформации брачно-семейных отношений, ярко проявляющемся в современном мире.

Произошедшие в последние десятилетия социальные изменения в обществе запустили динамические процессы в брачно-семейном и, в частности, репродуктивном поведении современных молодых людей. Многие молодые люди не хотят вступать в брак вовсе, предпочитая свободные отношения, не обремененные обязанностями и ответственностью. Еще одной современной тенденцией является потеря патриархальной семьей статуса «традиционной». Она все чаще уступает место эгалитарному браку, где семейные роли супругов изменяются в сторону равноправия. В такой ситуации женщина может делать самостоятельный выбор. Часто она перестает быть удовлетворенной ролью жены и матери, не желает стоять в стороне от вне-семейных событий жизни, жаждет самореализации в других сферах, что может негативно сказаться на ее репродуктивных установках.

Трансформационные тенденции внутрисемейных отношений и поиск новых моделей брачных отношений, адекватных для реализации современной семьей ее функций и способных наиболее полно удовлетворить индивидуальные потребности супругов с учетом их динамической природы, способствуют распространению так называемых современных форм брачно-семейных отношений, характерных для эпохи постмодерна (сепаратные браки, свингерство, современные формы полигамии, сожительство, сознательно бездетные, или *childfree*, браки и др.). Данные тенденции в совокупности с рядом социально-экономических причин оказывают влияние на репродуктивные установки брачных партнеров, приводя к увеличению количества молодых людей со скрытым нежеланием рожать и воспитывать детей вплоть до открытого и полного отказа их иметь.

Было проведено исследование, целью которого являлось определение субъективной готовности молодых людей, не состоящих в браке, к родительству. В исследовании приняли участие 110 не состоящих в браке респондентов (59 женщин и 51 мужчина) в возрасте ранней взрослости (20–30 лет). В качестве научного предположения была выдвинута гипотеза о наличии тенденции к снижению уровня готовности молодежи к родительству, а также о наличии значимых различий в уровне готовности к родительству у мужчин и женщин. Диагностика осуществлялась при помощи авторской методики «Субъективная готовность к браку», включающей вопросы, касающиеся мнения респондентов об их готовности к браку и всем его аспектам (Белановская, 2017). Ответы определялись по методу

фиксированных оценок по пятибалльной шкале. Методологическим основанием при конструировании данной методики послужили идеи Э. Дисси о базовой потребности в компетентности, а также выделенные М. С. Мацковским основные функции семьи.

Проанализировав взгляды многих авторов, изучающих аспекты родительства и готовности к нему (Г. С. Абрамова, Э. Р. Алексеева, Т. А. Гурко, М. О. Ермихина, И. С. Кон, Р. В. Овчарова, В. А. Рамих, Е. Г. Смирнова и др.), можно отметить множественность точек зрения как на сам конструкт «родительства», так и на его внутреннюю структуру. В качестве основного было выбрано определение родительства, данного Р. В. Овчаровой: «Родительство – интегральное психологическое образование личности, включающее совокупность ценностных ориентаций родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля семейного воспитания» (Овчарова, 2005).

При анализе субъективной готовности молодежи к родительству в данном исследовании детальному изучению подвергались два аспекта: готовность к рождению детей и готовность к их воспитанию. В научных работах, посвященных родительству, чаще упоминается именно готовность к рождению детей. Ведь ценность родительства неоспорима, она не подвергается сомнению и является основным атрибутом семьи как социального института. Аспект же воспитания детей упоминается не так часто. Вместе с тем воспитание детей занимает особое место среди ведущих семейных функций, поскольку от степени осознания родителями ответственности за этот процесс зависит не только благополучие ребенка, но и будущая судьба социума. Родители должны подготовить молодежь к самостоятельной взрослой жизни и развить способности к экономической и интеллектуальной деятельности. Воспитание детей требует от родителей значительных затрат эмоционального, материального, физического характера, осознанного отказа от реализации личных интересов и удовольствий ради целенаправленного взаимодействия с детьми (Дементьева, 2017).

Анализируя полученные в результате диагностики общие тенденции в сфере субъективной готовности к родительству, необходимо отметить достаточно низкие баллы молодых людей при оценке своей готовности к рождению детей (средний балл по выборке – 2,8; средний балл по выборке женщин – 3,1, по выборке мужчин – 2,4). Свою готовность к воспитанию детей респонденты воспринимают более позитивно (средний балл по выборке – 3,3; средний балл по выборке женщин – 3,6, по выборке мужчин – 3,0). Следует отметить,

что оба изученных параметра имеют более низкие оценки у мужчин, по сравнению с женщинами. Проведенный с помощью U-критерия Манна–Уитни статистический анализ значимости различий в уровне готовности к родительству у мужчин и женщин подтвердил наличие различий как в параметре «Готовность к рождению детей» ($U = 1060,0$, при $p \leq 0,05$), так и в параметре «Готовность к воспитанию детей» ($U = 1035,5$, при $p \leq 0,05$). Полученные результаты позволяют утверждать, что субъективная готовность к родительству в возрасте ранней взрослости значимо отличается у мужчин и женщин.

С целью уточнения полученных данных дальнейший анализ предполагал выделение респондентов с низкой и высокой самооценкой готовности к родительству. Полученные первичные данные были перешифрованы с учетом их разделения по медиане на две группы – со значениями признака меньше медианы и больше медианы. Полученные таким образом группы можно обозначить как «группа с высокой самооценкой готовности к родительству» и «группа с низкой самооценкой готовности к родительству». С помощью такого деления показатели респондентов уточнились и приобрели большую надежность.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы. Высокая самооценка по параметру «Готовность к рождению детей» выявлена у 57,3% испытуемых (у женщин – 71,2%, у мужчин – 41,2%), в свою очередь, низкая самооценка выявлена у 42,7% респондентов (у женщин – 28,8%, у мужчин – 58,8%). Выявлено, что самооценка по параметру «Готовность к воспитанию детей» имеет равное (50%) распределение высоких и низких показателей. При этом у женщин высокая самооценка по параметру отмечается у 61,0%, а у мужчин – у 37,3%. Низкая самооценка по параметру выявлена, соответственно, у 39,0% женщин и у 62,5% мужчин.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают выдвинутое предположение о наличии тенденции к снижению уровня готовности молодежи к родительству. Выявлено более чем 40% молодых людей с низкой готовностью к рождению детей, а также о 50% респондентов с низкой готовностью к воспитанию детей. Результаты исследования также подтвердили наличие значимых различий в уровне готовности к родительству у мужчин и женщин: мужчины значимо ниже оценивают свою готовность к рождению и воспитанию детей.

Полученные данные актуализируют проблему подготовки мужчин и женщин к браку, семейной жизни и родительству. Выявление проблем в области психологической готовности к родительству сви-

детельствует о необходимости психологического сопровождения семьи, планирования и осуществления возможной коррекционно-развивающей работы с молодыми людьми по сохранению и укреплению института брака и авторитета семьи, что является в настоящее время приоритетной задачей, стоящей перед обществом.

Литература

Белановская М. Л. Структурно-динамическая иерархия мотивов вступления в брак у мужчин и женщин: Дис. канд. психол. наук: 19.00.05. Мн., 2017.

Дементьева И. Ф. Дети в системе ценностей современной российской семьи // Семья и современный социум, серия: семья и дети в современном мире. Коллективная монография / Под ред. В. Л. Ситникова, С. А. Бурковой, Э. Б. Дунаевской. СПб.: Социально-гуманитарное знание, 2017. С. 61–66.

Овчарова Р. В. Психология родительства. М.: Академия, 2005.

Пример исследования влияния инверсии как инструмента для поиска новых методик обучения в космической психологии

В. Д. Березина (Москва)

Исследование посвящено изучению влияния реверсивно воспроизведенного предъявляемого видеоматериала на эффект установки, а также влияния условий инверсии на усвоение новой визуальной информации. Запланированное пилотное исследование небольшой выборки представителей разных профессий 30–35 лет с использованием интраиндивидуального плана (открытое интервью, включающее уточняющие вопросы, используется как способ фиксации субъективного отчета о запомнившихся содержаниях). Планируемый результат: при предъявлении реверсивно-воспроизведенного видеоряда испытуемый, будучи свободным от смысловых установок и приписывания, в силу этих установок будет концентрировать больше внимания на деталях, запоминании свойств объектов, четко запоминая внешние признаки, хронологию общих планов.

Традиционно в космической психологии распространены моделирующие эксперименты, т. е. те эксперименты, которые могут в той или иной степени повторить некоторые из условий, влияющих на человека в космическом пространстве. Подобные эксперименты про-

водились, в частности, для того, чтобы изучить поведение человека в определенных ситуациях, например, в ситуации принятия решений (эксперименты на «плавучем стенде» на Ладоге подробно описаны в работах Л. Г. Дикой (Дикая, 2011); и/или для подготовки будущих космонавтов и их научения действовать тем или иным способом в условиях космической среды. Часть подобных экспериментов проводилась в контексте операторской деятельности. Однако, если обобщить специфические условия работы в космосе до понятия «инверсия», то моделировать стоит именно инверсии. Самый известный в психологии классический эксперимент – это эксперимент с инвертоскопом Джорджа Стрэттона (Stratton, 1986). Экспериментатор использовал специальный оптический прибор, с помощью которого исследовал механизмы зрительного восприятия.

В своем исследовании Д. Стрэттон поднимал вопрос о том, есть ли смысл в том, что изображение на сетчатке глаза формируется перевернутым и есть ли необходимость в перевернутости сетчаточных изображений для привычного неперевернутого видения. Данный эксперимент ученый проводил и на себе, используя инвертоскоп, стараясь не допустить попадания в глаза неперевернутого светового потока в течение девяти дней.

В работе А. Д. Логвиненко был повторен и переосмыслен классический опыт с инвертоскопом, результатом стало утверждение, что в ходе адаптации к инвертированному зрению человек приобретает способность воспринимать правильно ориентированный видимый мир при инвертированной чувственной ткани в качестве перцептивного новообразования, но не взамен, а наряду со способностью воспринимать видимый мир при неинвертированной чувственной ткани (Логвиненко, Жедунова, 1980). Возможно, опыт инверсии можно воспринимать как перцептивное научение. Но в моделирующих экспериментах на сегодняшний день использованы не все доступные варианты инверсий. Мы планируем провести пилотное исследование с целью найти новую инверсию, связанную со специфическим восприятием времени и пространства в космосе, для подготовки операторов к осуществлению деятельности в условиях автономности.

Планируемое пилотное исследование призвано изучить, оказывает ли влияние реверсивно воспроизведенный предъявляемый видеоматериал на эффект установки, а также изучить, влияют ли условия инверсии на усвоение новой визуальной информации. Эта работа призвана также обосновать проведение более глубокого исследования на большей выборке с применением уже не только качественных, но и количественных методов.

Объект исследования – особенности, проявляющиеся в условии предъявления реверсивно воспроизведенного видеоряда.

Предмет исследования – опыт инверсии как фактор успешности усваивания новой информации.

Выборка – представители разных профессий внутри общей для всех представителей возрастной категории. Дело в том, что в истории психологических экспериментов уже проводился похожий эксперимент В. П. Морозовым, когда людям предъявляли реверсивно воспроизведенную аудиозапись дикторов, при этом испытуемые должны были определить эмоции говорящего (позитивные, негативные, нейтральные) (Морозов, 1992).

Эксперимент, планируемый в этом исследовании, имеет схожий дизайн: испытуемым будет предъявляться реверсивно воспроизведенные видеозаписи. В исследовании В. П. Морозова в качестве испытуемых были выбраны представители разных профессий. В рамках планируемого исследования также будут выбраны профессионалы в совершенно разных областях.

Теоретическая гипотеза. Опыт восприятия реверсивно воспроизведенного видеоряда влияет на внимание, память.

Гипотезы исследования

Реверсивно воспроизведенный видеоряд повышает концентрацию внимания на деталях, так как сформировать собственное отношение к предъявляемому материалу неадаптированный испытуемый не способен (в силу отсутствия сформированной смысловой установки).

Реверсивно воспроизведенные видеоматериалы будут субъективно восприниматься быстрее, так как испытуемый будет больше вовлечен в процесс.

Предъявление инвертированного материала влияет на актуальное состояние и субъективно воспринимаемое время.

Предъявление инвертированного материала вызывает усталость у испытуемого.

Планируемое исследование имеет интраиндивидуальный план: открытое интервью, включающее уточняющие вопросы, при этом интервью используется как способ фиксации субъективного отчета о запомнившихся содержаниях. Для понимания результатов исследования будут использованы: анализ текста (интервью), методика «Субъективная минута» (М. Е. Литвак), тест «Актуальное состояние» (АС).

Испытуемый на протяжении всего исследования просматривает три видеоролика, после чего ему предлагается вспомнить мак-

симальное количество содержаний из каждого видео в свободной форме. В начале, когда испытуемый еще не знает, с какой целью ему демонстрируют материал, он смотрит видео, воспроизведенное в привычном порядке, после чего ему предъявляется 10–12 двойственных изображений и их подробное обсуждение с экспериментатором для того, чтобы очистить рабочую память. После этого дается задание на перечисление содержаний, которые он запомнил из видео. Затем все то же самое продлевается с реверсивно воспроизведенным видео. В третий раз, когда самому испытуемому уже становится понятно, что его будут снова спрашивать о содержании видео, ему демонстрируют одно и то же видео: сначала в обычном порядке, а затем в обратном. Это делается для того, чтобы понять, есть ли какой-то эффект, не связанный с научением и адаптацией испытуемого к заданию. При анализе полученных стенограмм будет отдаваться приоритет качественному содержанию высказываний испытуемого, а не количеству правильно названных содержаний. В начале и в конце исследования испытуемый должен будет пройти тест «Субъективная минута», чтобы можно было установить, существует ли какая-то объективная разница между тем, как было до момента столкновения с некой инверсией (в виде просмотра реверсивно воспроизведенного материала), и после. Для того, чтобы узнать, влияет ли демонстрация реверсивного материала на усталость испытуемых, в начале, середине исследования и в конце будет проводиться тест на актуальное состояние.

Испытуемые – представители разных профессий, возраст от 30 до 36 лет.

Количество участников пилотного исследования: минимум 6 человек (трое женщин и трое мужчин).

Формат исследования – индивидуальный.

Способ проведения – онлайн-трансляция видео с демонстрацией экрана.

Видеоматериал. Всего испытуемым будет предъявлено три разных видеоряда. Видеоматериал авторский, нигде ранее не использованный, смонтирован из десятисекундных роликов из общественного фото- и видеобанка по трем разным тематикам, без звука. Дополнительно между предъявлением видео будут предъявлены порядка 48 разных двойственных изображений, в середине исследования будет предъявлена видеозапись с анимированным изображением планировки комнаты (в течение записи мебель из комнаты исчезает).

Планируемый результат: если опираться на теоретическую гипотезу, то мы планируем обнаружить, что при предъявлении ревер-

сивно-воспроизведенного видеоряда испытуемый, будучи свободным от смысловых установок и приписывания, в силу этих установок будет концентрировать больше внимания на деталях, запоминая свойства объектов, четко запоминая внешние признаки, хронологию общих планов, но не сможет пересказать общую канву сюжета.

С практической стороны развитие подобных исследований не только может быть полезно в области космической психологии, но и может служить подспорьем для областей, где деятельность связана с необходимостью концентрации и внимания к деталям.

В перспективе дальнейшие попытки исследования могут оказаться весьма полезным вкладом в формирование новых методик для обучения операторской деятельности.

Литература

- Дикая Л. Г.* Вклад института психологии Российской Академии Наук в развитие космической психологии // Национальный психологический журнал. 2011. № 1 (5). С. 78–84.
- Логвиненко А. Д., Жедунова Л. Г.* Адаптация к оптическим трансформациям сетчаточного изображения // Вопросы психологии. 1980. № 5. Сентябрь-октябрь. С. 149–161.
- Морозов В. П.* Исследование способности человека к восприятию инвертированной во времени речи // Психологический журнал. 1992. № 1. С. 61–68.
- Stratton G.* Some preliminary experiments in vision without inversion of the retinal image // Psychol. Rev. 1986. V. 3. P. 611–617.

Проблема определения степени погруженности в виртуальное пространство и ее влияние на личность

И. А. Бикметов (Санкт-Петербург)

Будущее будет определяться инновациями. Это относится не только к социальным сетям, но и к Интернету в целом, особенно в области социальных коммуникаций. Социальные сети в настоящее время являются важной частью жизни многих людей. Люди всех возрастов и всех профессий используют сайты социальных сетей в качестве средства общения. Социальные сети играют доминирующую роль в нашей повседневной жизни. Они создают широкий спектр воздействия на людей, но особенно на молодежь. Безусловно, эти изменения не могли остаться незамеченными отечественными и зарубежными учеными.

Возникают вопросы степени погруженности в интернет-пространство, восприятие интернет-среды, обсессивно-компульсивное использование Интернета и т. д.

Окружающая действительность современного общества требует быстрого принятия различных решений и обработки всевозможных задач. Для этого необходим источник, который позволяет оперативно находить и получать информацию. На сегодняшний день таким источником является Интернет. Интернет перевернул наше существование с ног на голову. Практически во всем, что мы делаем, мы используем Интернет. Заказ пиццы, покупка телевизора, обмен мнениями с другом, отправка изображения через мгновенные сообщения. До появления Интернета, если вы хотели быть в курсе новостей, вам приходилось спускаться к газетному киоску, когда он открывался утром, и покупать местное издание, в котором рассказывалось о том, что произошло накануне. Но сегодня одного или двух щелчков мышью достаточно, чтобы прочитать местную газету и любой источник новостей из любой точки мира, обновляемые с точностью до минуты.

Каждый раз, когда человек использует Интернет, он погружается в интернет-пространство, которое представляет собой огромный «информационный» океан. Это целый виртуальный мир, порой загадочный, порой опасный, порой неисследованный. Неудивительно, что любой человек может потеряться в этом мире. Соответственно возникает закономерный вопрос: как долго человек может оставаться там? Где грань, определяющая здоровое и нездоровое использование личностью виртуального пространства, интернет-пространства?

Понимая под «личностью» самостоятельно мыслящий субъект, мы не можем не согласиться с тем, что, попадая в киберпространство, личность «становится виртуальной, происходит виртуализация всех ее сторон, атрибутов, все социальные связи также приобретают виртуальный характер». Нагляднее всего эта трансформация видна на примере взаимодействия пользователей и машины в сети Интернет. Виртуализация в данном случае происходит в момент создания собственного продукта — квеста, сайта, страницы фэйсбука, являющегося посредником реального пользователя в виртуальном мире. Создаваемая искусственно виртуальная личность является не столько воплощением самого пользователя, сколько воплощением его представлений об идеальной самопрезентации. Эта личность может в зависимости от этих представлений быть более или менее связана с реальным лицом или же быть полностью непознаваемой и анонимной (Кириллова, Пестова, 2017).

Когда речь заходит о глубине погруженности в виртуальное пространство, необходимо понимать, чем его измерить? Для этого можно ввести критерий, который называется степень «виртуализированности личности». На сегодняшний день нет единого понимания того, что должен включать в себя данный критерий: время проводимое в Интернете в течение дня, количество активных аккаунтов в социальных сетях, количество активных игровых аккаунтов, частота обращения к мессенджерам в течение дня, частота/количество размещаемых фотографий/видео личного характера в социальных сетях и т. д.

Исследование виртуализированности личности включает в себя два этапа:

- 1) первый этап – сбор данных с использованием параметров, указанных выше;
- 2) второй этап – разделение респондентов с сильной и слабой виртуализированностью.

Абсолютно необходимо отметить, что именно на втором этапе исследования можно столкнуться с проблемой определения грани между сильной и слабой виртуализированностью личности. Достаточно много исследований посвящено интернет-зависимости (интернет-аддикции), тем не менее нет единства в определении даже самого термина. Соответственно, о степени виртуализированности личности и говорить не приходится.

Несомненно, использование Интернета имеет свои преимущества и недостатки. При использовании Интернета может возникнуть ситуация, когда человек всё больше и больше использует виртуальное пространство. В результате может образоваться зависимость, так как интернет-пространство предлагает множество сервисов, а также бесконечное количество развлекательной информации. Стремясь получить эмоциональный ресурс, человек все больше и больше начинает погружаться в интернет-пространство. Что такое интернет-зависимость? Вы постоянно играете в компьютерные игры в Интернете? Вы часто совершаете покупки в Интернете? Не можете физически перестать проверять «В контакте» или Facebook? Не мешает ли чрезмерное использование компьютера вашей повседневной жизни – отношениям, работе, учебе? Если вы ответили «да» на любой из этих вопросов, возможно, вы страдаете расстройством доступа в Интернет, называемым также компульсивным использованием Интернета.

На прогресс в изучении интернет-зависимости негативно повлияло отсутствие стандартизации в этой области. Однако среди ис-

следователей есть мнение, что интернет-зависимость является лишь подмножеством технологической зависимости в целом. Из-за взрыва цифровой эры поведенческие расстройства, связанные с интернет-зависимостью, и их серьезность стали возрастать.

Большую часть того, что мы делаем в целом, можно сделать в Интернете. Не можешь найти в магазине ту рубашку, которая тебе нужна? Не беспокойся – в Интернете это есть! Вот, в сущности, почему это расстройство может быть таким тревожным даже с точки зрения лечения. Мы всегда окружены Интернетом – и, естественно, большинство использует его каждый день.

Для того чтобы определить, является ли интернет-зависимость расстройством или с помощью сети реализуются другие виды зависимостей, зарубежными учеными был разработан ряд критериев, с помощью которых интернет-зависимость может быть описана и диагностирована. Первыми указанные критерии предложили А. Голдберг, М. Гриффитс и К. Янг. Опираясь на ряд исследований, Кимберли Янг выделила пять различных типов интернет-зависимости:

- киберсексуальная зависимость;
- зависимость от виртуальных отношений;
- пристрастие к азартным онлайн-играм;
- информационная перегрузка;
- компьютерная зависимость (Братчикова, 2019).

Возникает вопрос, а каким образом степень погруженности в интернет-пространство влияет на личность человека? Как именно коррелирует степень погруженности с началом зависимости от Интернета? В целом интернет-зависимости подразделяются на различные категории. Наиболее часто идентифицируемые категории интернет-зависимостей включают игры, социальные сети, электронную почту, ведение блогов, онлайн-магазины и неуместное использование порнографии в Интернете.

В настоящее время актуальность проблемы интернет-зависимости становится все больше очевидной в связи с ростом количества пользователей Интернета в России и в мире. Со стремительным развитием Интернета феномен интернет-аддикции постоянно видоизменяется, кроме того, под проявлениями зависимости от Интернета могут скрываться другие аддикции или же психологические отклонения (Спиркина, 2019).

Ряд исследователей предполагают, что проблема заключается не в количестве времени, проведенного в Интернете, а в том, как ис-

пользуется Интернет. Другие выявленные многомерные факторы риска интернет-зависимости включают физические нарушения, социальные и функциональные нарушения, эмоциональные нарушения. Есть предположение, что может оказаться вполне закономерной связь между степенью виртуализированности личности и наличием интернет-зависимости.

Литература

- Братчикова Н. Н.* Интернет-зависимость или зависимость от интернета? // Colloquium-journal. 2019. Т. 23. № 3 (47). С. 11.
- Кириллова Н. Б., Пестова А. В.* «Виртуальный человек» как феномен новой социокультурной цивилизации // Культура и цивилизация. 2017. № 4А. С. 632.
- Спиркина Т. С.* Личностные особенности пользователей сети Интернет, склонных к интернет-зависимости // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 60. С. 477.

Особенности мотивационно-потребностной сферы лидеров молодежных добровольческих групп

Т. И. Богачева (Орёл)

Добровольчество как форма социальной активности личности остается актуальным предметом исследований в психологии, особенно в контексте мотивации и личностных смыслов добровольческой деятельности. Целью исследования стало изучение особенностей мотивационно-потребностной сферы лидеров молодежных добровольческих групп. В исследовании приняло участие 108 молодежных лидеров, включенных и не включенных в добровольческую деятельность. Гипотезой исследования выступило предположение о том, что у лидеров добровольческих групп в большей мере выражены мотив «стремление к людям» и потребность в достижении успеха в целом. В методический блок исследования вошли опросник аффилиации А. Мехрабиана и методика диагностики мотиваторов социально-психологической активности личности. Проведенное исследование позволило установить, что лидеры-добровольцы ориентированы на достижение успеха в целом, а также в большей мере испытывают стремление к людям и в меньшей степени переживают страх быть отвергнутыми, чем лидеры учебных групп.

На сегодняшний день добровольчество все чаще входит в круг научных интересов психологов всего мира, что обусловлено активным ростом добровольческих движений, организаций и, как следствие, возникновением объективной необходимости в изучении психологических основ данного вида деятельности и психологических характеристик людей, занимающихся ею (Богачева, 2021).

Достаточно большое количество работ, посвященных данной тематике, в той или иной степени касается вопросов мотивации добровольческой деятельности (Логвинова, Богачева, 2021). Так, различные аспекты мотивации добровольческой деятельности отражены в работах Е. С. Азаровой, Е. П. Ильина, У. П. Косовой, Л. А. Кудринской, С. В. Михайлова, Ю. В. Паршиной, Е. М. Разумовой, Е. Е. Русляковой, Л. Е. Сикорской, Е. Ю. Шпаковской и др. (Азарова, 2008; Богачева, 2021). Однако несмотря на то, что на данный момент накоплен достаточно большой теоретический и эмпирический материал, необходимый для понимания специфики мотивации добровольческой деятельности, в психологической литературе остаются недостаточно освещены аспекты, касающиеся особенностей мотивации лидеров молодежных добровольческих групп.

Целью исследования стало изучение особенностей мотивационно-потребностной сферы лидеров молодежных добровольческих групп.

Объектом исследования выступили лидеры добровольческих групп.

Предметом исследования стали особенности мотивационно-потребностной сферы лидеров молодежных добровольческих групп.

Гипотеза исследования. У лидеров добровольческих групп в большей мере выражены мотив «стремление к людям» и потребность в достижении успеха в целом.

Для достижения цели исследования были использованы следующие *методы*: эмпирические (тест «Самооценка лидерства» – Фетискин, 2002), метод экспертных оценок (для выявления лидеров), а также опросник аффилиации А. Мехрабиана и методика диагностики мотиваторов социально-психологической активности личности (Фетискин, 2002), математико-статистические (U-критерий Манна–Уитни, критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера).

В выборку исследования вошли лидеры добровольческих групп ресурсных центров добровольчества Курской и Орловской области, лидеры-добровольцы ОЦ «Монолит», обучающиеся ОБПОУ «Курский педагогический колледж» и учащиеся 9–11-х классов школ № 2 и № 52 г. Курска, являющиеся лидерами в учебных коллективах

и не занимающиеся добровольческой деятельностью. Общий объем выборки составил 108 молодежных лидеров в возрасте от 14 до 22 лет.

Для достижения цели исследования нами были изучены две группы молодежных лидеров: первую составили лидеры-добровольцы (54 исследуемых), вторую – лидеры учебных групп (54 респондента), не включенные в добровольческую деятельность.

Сначала проанализируем результаты сравнительного исследования мотиваторов социально-психологической активности лидеров исследуемых групп. Как было установлено, у лидеров добровольческих групп преобладает потребность в достижении успеха в целом (42,5%), менее выражена у респондентов тенденция к аффилиации (35,3%) и наименьшую представленность имеет такой мотиватор, как стремление к власти (22,2%).

Доминирующим мотиватором социально-психологической активности лидеров, не включенных в добровольческую деятельность, является тенденция к аффилиации (59,3%), что указывает на тот факт, что лидеры учебных групп проявляют высокую социальную активность, прежде всего, для того, чтобы добиться группового признания и уважения. Почти каждый третий исследуемый данной группы (27,8%) стремится к достижению успеха в целом и для 12,9% респондентов ведущей потребностью стало стремление к власти.

Таким образом, нами было установлено, что у лидеров-добровольцев наиболее выражена потребность в достижении успеха в целом, в то время как у лидеров учебных групп доминирует тенденция к аффилиации. Согласно результатам статистического анализа, значимые различия среди исследуемых групп выявлены в показателях каждой из шкал: Достижение успеха в целом ($\varphi^* = 3,488$; $p < 0,01$), Стремление к власти ($\varphi^* = 1,865$; $p < 0,05$), Тенденция к аффилиации ($\varphi^* = 5,15$; $p < 0,01$). Отметим, что в целом показатели мотиваторов социально-психологической активности лидеров-добровольцев и лидеров учебных групп также имеют статистически достоверные отличия ($U = 1973,2$; $p < 0,01$).

Проанализируем особенности структуры аффилиации лидеров добровольческих и лидеров учебных групп, которая включает в себя две противоположные тенденции – «стремление к людям» и «боязнь быть отвергнутым». Как следует из результатов исследования, большинство лидеров-добровольцев (58,7%) имеют высокий уровень развития стремления к принятию других, 41,3% респондентов характеризуются средним уровнем развития данного референта, низкий уровень в данной группе выявлен не был (0%). По шкале «боязнь быть отвергнутым» у лидеров добровольческих групп преоб-

ладает низкий уровень развития анализируемого референта (52,3%), для 47,7% исследуемых характерен средний уровень, высокий уровень по данной шкале выявлен не был (0%).

Таким образом, у большинства лидеров добровольческих групп структура аффилиации представляет собой сочетание высокого уровня развития мотива «стремление к людям» с низким уровнем развития мотива «боязнь быть отвергнутым», что свидетельствует о том, что лидеры-добровольцы открыты для общения с другими людьми и испытывают положительные эмоции в процессе межличностного взаимодействия.

Теперь проанализируем особенности структуры аффилиации лидеров учебных групп. Так, по шкале Стремление к людям у данной группы респондентов преобладает средний уровень (45,2%), для 36,7% свойствен высокий уровень, а для 18,1% – низкий. Примечательно, что по шкале Боязнь быть отвергнутым у лидеров учебных групп также доминирует средний уровень развития (41,4%), для 31,8% исследуемых характерен высокий уровень и для 26,8% – низкий. Как мы видим, у большинства лидеров учебных групп на среднем уровне развиты обе мотивационные тенденции «стремление к людям» и «боязнь быть отвергнутым».

В ходе статистического анализа диагностических результатов по опроснику аффилиации А. Мехрабиана было установлено, что лидеры-добровольцы в большей мере испытывают стремление к людям ($U = 2073,2$ $p < 0,01$) и в меньшей степени испытывают страх быть отвергнутыми ($U = 1856,2$ $p < 0,01$) в отличие от лидеров учебных групп.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить: во-первых, лидеры-добровольцы в большей мере ориентированы на достижение успеха в целом, в то время как у лидеров учебных групп доминирует тенденция к аффилиации; во-вторых, лидеры-добровольцы в большей мере испытывают стремление к людям и в меньшей степени переживают страх быть отвергнутыми в отличие от лидеров учебных групп. Полученные результаты исследования позволяют говорить о справедливости выдвинутой гипотезы: у лидеров добровольческих групп в большей мере выражены мотив «стремление к людям» и «потребность в достижении успеха в целом».

Литература

Азарова Е. С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2008.

- Богачева Т. И.* Мотивация добровольческой деятельности как предмет социально-психологических исследований в XXI веке // Ученые записки Курск. гос. ун-та. 2021. № 1 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-dobrovolcheskoy-deyatelnosti-kak-predmet-sotsialno-psihologicheskikh-issledovaniy-v-xxi-veke> (дата обращения: 26.08.2021).
- Логвинова М. И., Богачева Т. И.* Психологические аспекты феномена социального капитала (в контексте исследования молодежных субкультур просоциальной направленности) // Актуальные проблемы исследования массового сознания: Материалы 6-й Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 195–199.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.

Особенности переживания профессионального стресса ИТ-специалистами

Я. В. Боева (Москва)

В статье приводятся результаты исследования особенностей профессионального стресса в сфере информационных технологий. Выборку составили четыре группы специалистов, проживающих в Российской Федерации: руководители, специалисты технической, творческой направленности и контрастная группа. Для диагностики были применены: «Методика интегральной диагностики и коррекции профессионального стресса» А. Б. Леоновой, «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева, «Мельбурнский опросник принятия решений» в адаптации Т. В. Корниловой и «Шкала контроля за действием» Ю. Куля. Выявлено, что сравниваемые группы значимо различаются по ряду показателей. Общий показатель стресса среди групп схож, но имеет различные источники и аспекты проявлений. Показатели смысложизненных ориентаций и волевой саморегуляции также имеют значимые различия. Различий в стиле принятия решений обнаружено не было. Полученные результаты подтверждают гипотезу о существовании различий в переживании профессионального стресса у представителей сравниваемых групп специалистов.

Проблема профессионального стресса требует все большего внимания исследователей ввиду быстро меняющейся картины мира

и социума, а также активной цифровой трансформации экономики. Усиливаются факторы стресса, связанные с восприятием информации, а профессиональная деятельность и рабочая среда виртуализируются. И так как современный человек проводит значительную часть времени в рабочем процессе (теперь даже не всегда требуется личное присутствие на рабочем месте), такой стресс является важнейшим риск-фактором. Профессиональный стресс рассматривается в рамках трех парадигм, дополняющих друг друга, — экологической, трансактной и регуляторной (Водопьянова, 2009). В отечественной психологии большую известность приобрела регуляторная, в наибольшей степени прикладная модель стресса, так как акцентируется на функциональном состоянии человека и управлении им (Леонова, 2007). Также стресс имеет многоуровневую структуру и свойство накапливаться, итогом хронического стресса на работе является «синдром эмоционального выгорания», который — выражается в ощущении психологического и физического истощения, ведя к потере трудоспособности. Он связан исключительно с трудовой деятельностью и с 2022 г. будет включен в новую Международную классификацию болезней (МКБ-11) (Неруш, 2020).

Цель данной работы — проверка гипотезы существования специфических факторов стресса у работников ИТ-сферы и наличия различий в переживании профессионального стресса разными группами данной сферы.

Описание выборки. С целью выявления различий в переживании профессионального стресса был проведен опрос среди сотрудников ИТ-сферы. Все группы были уравнены по полу, возрасту и стажу (по возможности). Всего в исследовании приняли участие 200 человек:

- *управляющие специалисты* (руководители) — 29 мужчин и 21 женщина, средний возраст — 35 лет, средний трудовой стаж — 11 лет;
- *технические специалисты* (программисты, системные администраторы) — 33 мужчины и 17 женщин, средний возраст — 31 год, средний трудовой стаж — 8 лет;
- *творческие специалисты* (дизайнеры) — 28 мужчин и 22 женщины, средний возраст — 33 года, средний трудовой стаж — 9 лет;
- *контрастная группа* (бухгалтеры, юристы) — 20 мужчин и 30 женщин, средний возраст — 34 года, средний трудовой стаж — 7 лет.

Процедура исследования. Онлайн-опрос с предварительным инструктированием респондентов.

Результаты исследования. Для проверки наличия различий между группами специалистов использовался непараметрический тест

Краскела–Уоллиса, для математической обработки данных – пакет IBM SPSS Statistics v. 20.

Полученные результаты в целом подтверждают гипотезу о существовании различий в переживании стресса среди ИТ-специалистов указанных групп.

По показателям «Методики интегральной диагностики и коррекции профессионального стресса», шкале *общего индекса стресса* существенных различий не обнаружено, но имеются значимые различия по отдельным характеристикам. Так, по шкале, учитывающей потенциальные риск-факторы, связанные с условиями работы, высоким уровнем нагрузки и содержанием трудового процесса в группе руководителей наблюдаются наибольшие значения по всем составляющим, а наименьшее негативное влияние условий и организации труда отмечается в группе технических специалистов ($p < 0,01$).

По субъективной оценке профессиональной ситуации наиболее комфортно себя ощущают респонденты из группы руководителей, имея самые низкие показатели по всем составляющим шкалы: разнообразие ($p < 0,00$), сложность ($p < 0,00$), значимость задач ($p < 0,00$) и независимость их выполнения ($p < 0,00$). Самыми стрессовыми эти факторы являются для контрастной и технической групп. Творческая группа сильнее остальных ощущает зависимость процесса их работы от коллег ($p < 0,00$).

В целом группы находятся примерно под близким по уровню, сильным влиянием стресса по оценке вознаграждения и психологического климата в коллективе, но различаются по двум составляющим: социальным конфликтам ($p < 0,01$) и оплате труда ($p < 0,03$). Группа руководителей больше всех удовлетворена материальным вознаграждением, контрастная группа и группа технических специалистов испытывает наименьшую подверженность социальным конфликтам, а самое значительное отрицательное влияние этих стресс-факторов проявлено среди творческих специалистов.

В переживании острого стресса среди групп не обнаружено значимых различий, за исключением показателя эмоциональной напряженности ($p < 0,04$). Творческие специалисты и руководители наиболее подвержены высокому эмоциональному напряжению, группа программистов и контрастная группа ощущают меньшее влияние этого проявления острого стресса.

Общее значение проявлений хронического стресса существенно различается между группами ($p < 0,01$). Из показателей выделяются проявления тревоги ($p < 0,01$), депрессии ($p < 0,01$) и астении ($p < 0,03$). Группа творческих специалистов ощущает все указанные проявле-

ния значительно сильнее, чем три остальные группы, находящиеся примерно на одном уровне. Особенно высоким является уровень депрессивных проявлений среди творческих специалистов, а специалисты контрастной группы наименее склонны к астении.

Отличий в личностных и поведенческих деформациях среди групп не обнаружено, за исключением показателя поведения по типу А (соперничество, перфекционизм, агрессия). В группе руководителей это негативное влияние стресса наиболее выражено, технические специалисты наименее ему подвержены, а две другие группы показали схожее среднее значение ($p < 0,02$).

По результатам методики «Тест смысловых ориентаций» сравниваемые группы значимо различаются как в суммарном показателе осмысленности жизни ($p < 0,02$), так и в ряде входящих характеристик: цели ($p < 0,02$), насыщенность жизни ($p < 0,01$) и управляемость жизнью ($p < 0,01$). Наивысшие показатели зафиксированы в группе руководителей, а самые низкие — в технической группе.

По «Шкале контроля за действием» и «Мельбурнскому опроснику принятия решений» различий между группами не выявлено, за исключением показателя стратегии избегания ($p < 0,01$). Наиболее склонны к нему оказались специалисты технической группы, наименьшее значение выявлено в группе руководителей.

Вывод

Целью данной работы являлась проверка гипотезы существования специфических факторов стресса у работников ИТ-сферы и наличия различий в переживании профессионального стресса разными группами данной сферы.

Группа руководителей при наибольшей организационной нагрузке имеет самые низкие стресс-показатели субъективной оценки профессиональной ситуации и самую высокую осмысленность, наполненность и удовлетворенность жизнью. Для технических специалистов и контрастной группы самым стрессовым фактором оказалась субъективная оценка задач. Важно заметить, что первые при этом имеют одни из самых низких значений в смысловой сфере и выраженную склонность к избеганию, а вторые в смысловом аспекте приближаются к руководящей группе. Группа творческих специалистов кажется наиболее подверженной хроническому и острому эмоциональному, а также физическому стрессу, что может быть связано с наименьшей удовлетворенностью автономией исполнения, оплатой труда и социальным климатом. При этом содержание труда у этой группы вызывает наименьший дискомфорт, а их оцен-

ка условий труда имеет средний уровень значений наравне с контрастной группой.

Полученные результаты подтверждают гипотезу и позволяют выдвинуть предположение о том, что профессиональная деятельность в сфере ИТ имеет свои особенности и специфические проявления. Обнаруженные различия соответствуют представлениям о разнообразии природы и переживания профессионального стресса.

Литература

- Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Психологические технологии управления состоянием человека. М.: Смысл, 2007.
- Неруш Т. Г., Неруш А. А. Проблема профессионального выгорания в контексте цифровизации и цифровой трансформации, пандемии и удаленной работы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 5—1. С. 89.

Особенности совладающего поведения при переживании оскорбления в период средней зрелости*

А. А. Бузина (Москва)

В статье представлены результаты исследования особенностей совладающего поведения при переживании оскорбления людьми средней зрелости. Проверилось предположение, согласно которому переживание оскорбления в период средней зрелости сопряжено с эмоционально-ориентированным стилем совладания. В исследовании приняли участие 120 человек (средний возраст — 46 лет). Опрос с использованием методик LEQ и КПСС подтвердил, что при интенсивном переживании оскорбления более выражены показатели эмоционально-ориентированного копинга. В меньшей степени люди среднего возраста склонны прибегать к проблемно-ориентированному копингу и копингу, направленному на избегание.

Оскорбление относится к преднамеренным, умышленным, направленным на унижение человеческого достоинства видам эмоционального (психологического) насилия. Подобное обращение с человеком может повлечь ряд негативных психологических последствий, включая развитие виктимности, депрессии, тревожности, проблем

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-013-00011-А.

со сном. Негативным образом оскорбление сказывается и на уровне самооценки (Doherty, Berglund, 2008).

Исследователи отводят оскорблению особое место среди интенсивных травматических стрессоров антропогенного характера. С одной стороны, его воздействие не связано с непосредственной угрозой жизни и здоровью человека. С другой стороны, оскорбление представляет серьезную опасность для психологического благополучия личности, подчас нарушая устойчивость и адекватность представлений человека о самом себе. Оскорбление угрожает целостности человека, уничтожает его как личность (Харламенкова, 2016).

Подобные «невидимые раны» способны оказывать воздействие на личностные особенности человека, его последующее поведение. Привыкая к роли жертвы, человек замыкается в себе, становится подавленным и апатичным, теряет способность отстаивать собственную точку зрения. Совладание с возникшей стрессовой ситуацией зачастую ограничивается погружением в негативные эмоции, пассивным переживанием унижения.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей совладающего поведения (копинга) при переживании оскорбления в период средней взрослости.

Гипотеза исследования: переживание оскорбления в период средней взрослости сопряжено с эмоционально-ориентированным стилем совладания.

Участники, процедура и методы исследования. Участниками исследования стали 120 человек: 85 женщин и 35 мужчин (средний возраст — 46 лет). Каждый респондент был опрошен в индивидуальном и анонимном порядке с использованием следующих методик:

1. Опросник травматических ситуаций (LEQ), разработанный Дж. Норбеком (Norbeck), И. Сарасоном, Дж. Джонсоном, Дж. Сигель (Sarason, Johnson, Siegel) и адаптированный на русский язык Н. В. Тарабриной (Тарабрина, 2007). В методике, определяющей уровень посттравматического стресса, приводится 36 описаний тяжелых стрессовых ситуаций (в том числе ситуации оскорбления). Отдельно респондент может указать экстраординарную стрессовую ситуацию и другие возможные стрессовые ситуации, не охваченные пунктами методики. Участник исследования определяет степень влияния события на его жизнь за последний год по 5-балльной шкале.
2. Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС), разработанная Н. С. Эндлером и Дж. Д. А. Паркером и адапти-

рованная на русский язык Т.Л. Крюковой (Крюкова, 2004). Методика, позволяющая определить тип совладающего поведения, содержит 48 типичных реакций человека на различные трудные, огорчающие или стрессовые ситуации. Респонденту предлагается оценить по пятибалльной шкале (где 1 балл – никогда; 2 балла – редко; 3 балла – иногда; 4 балла – часто; 5 баллов – очень часто), как часто он ведет себя подобным образом в стрессовой ситуации. Баллы методики распределяются по трем шкалам, измеряющим три стиля совладающего поведения (копинга): проблемно-ориентированный стиль (сокращенно – ПОК), эмоционально-ориентированный стиль (ЭОК) и стиль, ориентированный на избегание (КОИ). Последняя шкала включает в себя две субшкалы: социального отвращения (СО) и отвращения (О).

Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием программных пакетов Excel и Statistica v. 10.

Результаты и их обсуждение. Для целей исследования участники были разделены на две группы в зависимости от факта переживания оскорбления: в первую вошли 74 человека, отметившие описывающий это травматическое событие пункт 26 LEQ, во вторую – 46 человек, не указавшие данный пункт в ходе опроса.

Далее исследование проводилось с первой группой респондентов. Для оценки выраженности того или иного стиля совладания в зависимости от степени переживания оскорбления первая группа участников исследования была разделена на подгруппы в соответствии с интенсивностью показателя посттравматического стресса (ПТС). Критериями выделения подгрупп являлись низкие и высокие баллы индекса травматичности по методике LEQ. Использовался расчет нижнего и верхнего квартилей.

В результате были выделены три подгруппы: Низкий ПТС (18 человек), Средний ПТС (33 человека) и Высокий ПТС (23 человека).

Сравнение показателей методики КПСС указанных подгрупп с использованием непараметрического критерия Краскела–Уоллиса (H) выявило статистически значимые различия лишь по шкале эмоционально-ориентированного копинга ($H = 11,91, p = 0,002$).

Для оценки выраженности эмоционально-ориентированного стиля совладания у представителей подгрупп было проведено попарное сравнение показателей методики КПСС с использованием непараметрического критерия Манна–Уитни (U). Сравнение не выявило различий между показателями подгрупп Низкий ПТС и Средний ПТС.

Статистические значимые различия получены между подгруппами Низкий ПТС и Высокий ПТС ($U=74,0$, $p=0,0005$; $Me_{1,1}=48,0$, $SD_{1,1}=4,03$; $Me_{1,3}=53,0$, $SD_2=4,13$) и Средний ПТС и Высокий ПТС ($U=254,0$, $p=0,03$; $Me_{1,2}=51,0$, $SD_{1,2}=4,65$; $Me_{1,3}=53,0$, $SD_2=4,13$).

Таким образом, при интенсивном переживании оскорбления более выражены показатели эмоционально-ориентированного копинга. Участникам исследования, сообщившим о переживании оскорбления, в меньшей степени свойственны стили совладания, направленные на решение проблем и избегание.

Эмоционально-ориентированный копинг, представляющий собой переживание чувств и их отреагирование на эмоциональном уровне, связан с такими качествами, как депрессивность, личностная тревожность, одиночество, пессимизм. В отдельных ситуациях, связанных с проживанием негативных состояний, подобный стиль совладания может быть продуктивен в сочетании с другими стилями (Крюкова, 2008).

В ходе беседы участники исследования нередко сообщали о негативных эмоциях, сопровождавших ситуацию оскорбления, в частности, о печали, раздражении, гневе, отвращении, тревоге, опустошенности. Испытывая подчас полярные ощущения (например, враждебность и бессилие), респонденты отмечали похожее «увязание» в переживаниях, навязчивое воспроизведение в памяти ситуации оскорбления. Многие ассоциировали данную ситуацию с выражением негативных эмоций в виде плача, крика.

Такую ориентированность на совладающее поведение эмоционального характера можно объяснить тем, что ситуация оскорбления наносит ущерб самооценке человека, его представлению о собственном Я. В результате жертва оскорбления не находит в себе сил на решение проблемы – на эффективное противодействие эмоциональному агрессору.

Обращение к стратегии избегания свойственно переживающим оскорбление в меньшей степени, чем эмоциональная «проработка» ситуации. В ходе беседы участники исследования, которые сталкивались с оскорблением, признавались в излишней сосредоточенности на негативных переживаниях, что нередко проявлялось по прошествии длительного времени с момента травматического события.

Выводы

Полученные в ходе исследования результаты позволяют подтвердить гипотезу, согласно которой переживание оскорбления в период

средней взрослости сопряжено с эмоционально-ориентированным стилем совладания.

Литература

- Крюкова Т. Л.* Психология совладающего поведения. Монография. Кострома: Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004.
- Крюкова Т. Л.* Человек «совладающий»: качества субъекта и его совладающего поведения // *Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы* / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 257–273.
- Тарабрина Н. В.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2. Бланки методик. М.: Когито-Центр, 2007.
- Харламенкова Н. Е.* Интенсивность посттравматического стресса как отсроченной реакции на травматические события в разные периоды взрослости // *Человек. Сообщество. Управление*. 2016. Т. 17. № 1. С. 42–56.
- Doherty D., Berglund D.* Psychological abuse: A discussion paper. URL: <https://www.canada.ca/content/dam/phac-aspc/migration/phac-aspc/sfv-avf/sources/fv/fv-psych-abus/assets/pdf/fv-psych-abus-eng.pdf> (дата обращения: 11.07.2021).

Тест на самооценку Дембо–Рубинштейн: об авторе и истории создания методики (к 110-летию со дня рождения С. Я. Рубинштейн)

Д. О. Бузина (Арзамас)

В статье, посвященной 110-летию со дня рождения Сусанны Яковлевны Рубинштейн, известного советского ученого, стоявшего у истоков отечественной патопсихологии, анализируется ее творческий путь и основные этапы научной деятельности. Рассматривается методика исследования самооценки Дембо–Рубинштейн и история ее создания.

Данная статья посвящена памятной дате в истории отечественной психологии – 110-летию со дня рождения выдающегося советского ученого Сусанны Яковлевны Рубинштейн (03.06.1911–18.02.1990). Она внесла огромный вклад в развитие патопсихологии и дефектологии, занималась исследованием различных проблем в области клинической психологии. С. Я. Рубинштейн проводила исследования психологии умственно отсталых детей, разработала целый комплекс

патопсихологических методик, ввела систему различных форм психологической помощи в экспериментальной патопсихологии.

В 1932 г. С. Я. Рубинштейн окончила педагогический факультет второго МГУ. Во время обучения в аспирантуре Всесоюзного института экспериментальной медицины (с 1938 г.) ее научным руководителем был известный советский психолог А. Р. Лурия. В годы Великой Отечественной войны С. Я. Рубинштейн работала под руководством А. Р. Лурии в нейрохирургической эвакогоспитале, в поселке Кисегач Челябинской области. Сусанна Яковлевна в группе советских психологов занималась исследованием восстановления трудоспособности военнослужащих после тяжелых травм и ранений. Впоследствии результаты этой работы были отражены в ее кандидатской диссертации «Восстановление трудоспособности у больных с военной травмой мозга» (1945).

В 1946 г. началась многолетняя деятельность Сусанны Яковлевны по разработке методологических и теоретических аспектов экспериментальной патопсихологии в НИИ судебной психиатрии им. Сербского, которая затем (с 1957 по 1977 г.) продолжилась в лаборатории патопсихологии Московского НИИ Психиатрии Минздрава РСФСР (Зверева, 2012).

С. Я. Рубинштейн довелось сотрудничать еще с одним выдающимся советским психологом: в 1956 г. под руководством К. К. Платонова она принимала участие в создании первой в стране авиационной лаборатории для исследования летных навыков. На данном этапе научного творчества С. Я. Рубинштейн занималась разработкой проблем психологии труда и авиационной психологии.

Однако основным направлением научной деятельности С. Я. Рубинштейн была патопсихология. В конце 1950-х годов началось их тесное сотрудничество с Б. В. Зейгарник по разработке теоретических и практических основ патопсихологии как самостоятельной отрасли психологии. Накопленный в этой области опыт был изложен С. Я. Рубинштейн в книге «Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике» (1970), который долгое время был единственным практическим руководством для специалистов, работающих с психически больными людьми. В данной книге, которая пользуется популярностью и у современных психологов, представлены описания экспериментальных методов исследования нарушения психики у людей с различными психическими заболеваниями, среди которых впервые была описана методика исследования самооценки Дембо–Рубинштейн. Данная методика позволяет определить самооценку человека, а также выявить лич-

ное отношение к таким понятиям, как «здоровье», «ум», «характер», «счастье».

Обратимся к истории создания этого известного и популярного теста. Основа психодиагностической методики была разработана в 1962 г. Тамарой Вульфовой Дембо, целью методики было исследование представления о счастье (Люк, 2011). В 1970 г. первоначальный тест был расширен и модифицирован С. Я. Рубинштейн: были добавлены варианты интерпретации, целью его применения стало изучение самооценки. Название методики сложилось из фамилий двух ее разработчиц (а между тем многие студенты-психологи полагают, что одним из авторов теста был известный советский психолог С. Л. Рубинштейн).

Тест Дембо—Рубинштейн уже давно стал классическим инструментом психодиагностики, он пользуется популярностью среди психологов и не теряет своей актуальности по сей день. Уникальность его состоит в том, что он может применяться как в работе со здоровыми испытуемыми, так и с людьми, имеющими психические отклонения. Среди достоинств использования методики Дембо—Рубинштейн с больными людьми в патопсихологической диагностике можно отметить возможность исследования жизненных ценностей человека во время заболевания, а также динамику их изменения и, соответственно, адекватность проведения психологической реабилитации.

Данная методика включает в себя четыре шкалы, каждая из которых представлена горизонтальной линией и имеет название: шкала здоровья, шкала ума, шкала характера и шкала счастья (Рубинштейн, 1970).

Процедура проведения: испытуемому предлагается обозначить свое положение на данный момент между нижней (низким здоровьем) и верхней точкой (высоким здоровьем) и так на каждой из шкал. В ходе беседы экспериментатор просит объяснить свой выбор и в сравнении показать, чем отличаются люди с высоким или низким здоровьем. После завершения работы по данным четырем шкалам испытуемый может добавить от одной до трех шкал на свое усмотрение, и по ним проводится подобная работа. При интерпретации результатов экспериментатор опирается не на местоположение меток на шкалах, а на обобщение наблюдений и беседы с испытуемым.

С. Я. Рубинштейн адаптировала методику для детей. В детском варианте ребенку предлагается на каждой из шкал, кроме своего положения, отметить, где, по его мнению, находится одноклассник, учитель, а затем также проводится беседа.

Методика Дембо—Рубинштейн в дальнейшем была модифицирована и дополнена, в этой работе принимали участие: Б. В. Зейгарник,

Т. М. Габриял, В. Г. Щур, П. Я. Яньшин, А. М. Прихожан, Л. В. Бороздинова (см.: Сидоров, 2013).

Еще один знаменитый труд С. Я. Рубинштейн – учебник «Психология умственно отсталого школьника» (1970 г., 2-е изд.). Эта книга и на данный момент – одна из самых значимых и ценных для специалистов-дефектологов.

Вся научная деятельность С. Я. Рубинштейн была связана с экспериментальными исследованиями, с практической работой. Даже в преклонном возрасте она продолжала трудиться: с 1977 по 1987 гг. работала патопсихологом в Московском детском психоневрологическом санатории.

Умерла Сусанна Яковлевна 18 февраля 1990 г.

Труды С. Я. Рубинштейн по проблемам патопсихологии и дефектологии, а также созданный ею психодиагностический инструментарий популярны и востребованы профессиональным психологическим сообществом.

Литература

- Зверева Н. В.* Сусанна Яковлевна Рубинштейн (1911–1990): служение делу (к 100-летию со дня рождения) // *Медицинская психология в России*. 2012. № 1 (12).
- Люк Х., Волкова М. В.* Тамара Дембо: научный портрет на фоне XX века // *Методология и история психологии*. 2011. № 1. С. 40–73.
- Рубинштейн С. Я.* Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике (практическое руководство). М.: Медицина, 1970.
- Сидоров К. Р.* Методика Дембо–Рубинштейн и ее модификация // *Вестник Удмуртск. ун-та. Сер. «Философия. Психология. Педагогика»*. 2013. № 1. С. 40–42.

Психологические факторы уязвимости в период пандемии COVID-19*

Ю. В. Быховец (Москва)

В работе представлены результаты проведенного онлайн-исследования факторов уязвимости (пол, возраст, параметры физического здоровья, собственный опыт заболевания COVID-19 и оценка его тя-

* Статья подготовлена по Госзаданию № 0138-2021-0005.

жести) к интенсивным негативным переживаниям вирусной угрозы жителями РФ.

Пандемия COVID-19 рассматривается психологами как особый психотравмирующий стрессор, воздействие которого носит пролонгированный характер. Вирусная угроза, наряду с террористической и радиационной угрозами, относится к невидимым стрессорам, специфика психологического влияния которых состоит в том, что население получает информационные сообщения об опасности, которую они визуальным образом не могут увидеть. Общим для всех невидимых угроз является то, что их психотравмирующее воздействие складывается из двух составляющих: собственные представления о потенциальной опасности стрессора, а также информационные сообщения СМИ о вредоносном воздействии стрессора. В многочисленных работах описана роль СМИ в детерминации психологических переживаний (тревога, депрессия, обсессивно-компульсивная симптоматика, соматизация, посттравматический стресс, нарушения сна) (Быховец, 2020; Тарабрина и др., 1996). Таким образом, общими характеристиками невидимых угроз являются неопределенность ситуации, пролонгированный характер воздействия, влияние информационных источников на психологическое состояние населения, направленность переживаний страха на будущее.

Вирусная угроза отличается от других невидимых угроз. Ее маркерами являются многофакторность воздействия, тотальность распространения и потенциальная возможность контроля/предупреждения заражения.

Анализ исследований психологических последствий переживания вирусной угрозы COVID-19 позволяет выделить следующие группы факторов уязвимости населения: социально-демографические факторы (пол, возраст, этническая принадлежность, уровень образования) и личностные особенности. В ряде исследований показано, что наиболее уязвимы для острых переживаний угрозы вирусного заражения являются люди с психическими заболеваниями, представители сексуальных меньшинств, медики, дети и молодые люди 18–30 лет, женщины, пожилые люди и лица с более низким уровнем образования, а также те, у кого на руках есть иждивенцы (Browning et al., 2021). Кроме того, к факторам уязвимости относится этническая принадлежность: показано, что чернокожие, азиатские и другие этнические меньшинства проявили более высокий уровень психического неблагополучия, чем белые. Авторы объясняют полученный результат степенью соблюдения мер социальной изоляции, а также социально-экономическими особенностями жизни респондентов.

Второй группой факторов уязвимости являются личностные особенности. Получены данные о том, что циклотимический темперамент, тревожно-амбивалентная привязанность, базисные убеждения (Гриценко и др., 2020), а также способы совладания (самообвинение, фантазирование и надежды на внешние силы, уход) (Куфтяк, 2020) предрасполагают к интенсивным переживаниям стресса в период пандемии.

Целью данной работы является выявление факторов уязвимости (пол, возраст, параметры физического здоровья, собственный опыт заболевания COVID-19 и оценка его тяжести) к интенсивным негативным переживаниям вирусной угрозы жителями РФ.

Выборка и процедура исследования

Исследование проводилось в октябре 2021 г. путем анонимного онлайн-опроса через систему «Анкетолог». Всего в исследовании приняли участие 100 человек, проживающих на территории РФ, в возрасте от 18 до 65 лет (средний возраст – 40,13 лет): 74 женщины и 26 мужчин. Все респонденты имеют опыт заболевания COVID-19 (переболели в прошлом – 90 респондентов, болеют в настоящее время – 3 респондента, подозревают, что в настоящее время болеют COVID-19, – 7 респондентов). Респонденты подписывали информированное согласие, которое предваряло онлайн-опрос.

Методики

Оценка психопатологической симптоматики

Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R) в адаптации Н. В. Тарабриной (Практическое руководство по психологии посттравматического стресса, 2007) включает следующие шкалы: Соматизация, Межличностная сензитивность, Обсессивно-компульсивное расстройство, Депрессия, Тревожность, Враждебность, Фобическая тревожность, Паранойяльность, Психотизм, а также индексы: общий индекс тяжести симптомов (GSI), общее число утвердительных ответов (PSI) и индекс наличного симптоматического дистресса (PSDI).

Оценка тяжести симптомов ПТСР

Опросник самооценки посттравматического стресса PCL-5 в адаптации Н. В. Тарабриной с соавт. направлен на оценку тяжести симптомов по отдельным критериям симптомов ПТСР (навязчивое повторение, избегание, негативные изменения в когнитивно-эмоциональной

сфере, возбудимость) и общего индекса тяжести ПТСР (Тарабрина и др., 2017). В качестве психотравмирующей ситуации в инструкции респондентам предлагалось оценить их опыт заболевания COVID-19.

Оценка интенсивности переживания вирусной угрозы

Опросник переживания вирусной угрозы (ОПВУ – Быховец, 2020) позволяет оценить данное переживание по следующим параметрам: интерес к информации о вирусной угрозе, оценка социально-экономических последствий вирусной угрозы, доверие правительственным инициативам, готовность к решениям и действиям в условиях вирусной угрозы, эмоциональная оценка опасности вируса, личностная значимость события, изменение обычных форм поведения, изменения в социальных взаимодействиях.

Результаты

Для проверки половых различий по уровню выраженности психопатологической симптоматики и признаков ПТСР был использован критерий U Манна–Уитни. Получены данные о том, что женщины (среднее – 54,09) превосходят мужчин (среднее – 40,27) по уровню наличного симптоматического дистресса ($U = 696$, при $p = 0,037$).

Также получены данные о связи возраста с симптоматикой избегания напоминаний, ситуаций, мыслей и чувств, связанных с ситуацией болезни COVID-19: чем младше респонденты, тем интенсивнее переживаемые симптомы избегания ($r_s = -0,203$, при $p = 0,042$).

Респонденты, имеющие болеющих COVID-19 родственников ($N = 90$), в большей степени страдают от признаков межличностной сензитивности (самоосуждение, беспокойство, дискомфорт в межличностном взаимодействии) ($U = 246$ при $p = 0,019$) и психотизма (избегающий, изолированный стиль жизни) ($U = 277$ при $p = 0,042$), чем группа респондентов, чьи родственники не болели COVID-19 ($N = 10$).

Не выявлено различий в выраженности признаков психопатологической симптоматики и ПТСР между группами респондентов, имеющих и не имеющих родственников, умерших в результате COVID-19.

Группа респондентов, оценивающих свое физическое здоровье на среднем уровне удовлетворенности ($N = 49$), имеет более высокие значения по шкалам SCL-90-R и PCL-5, чем респонденты, в большей степени удовлетворенные своим физическим здоровьем ($N = 47$): соматизация (головные и другие боли, дискомфорт мускулатуры, жалобы на кардио- и респираторную системы), обсессивно-компуль-

сивность (мысли, действия, воспринимаемые как непрерывные и непреодолимые), депрессия (отсутствие интереса к жизни, потеря жизненной энергии и т. п.), тревожность, фобическая тревожность (стойкая реакция страха на определенные места, ситуации, людей), психотизм, а также общий индекс тяжести симптомов (GSI) и общий показатель тяжести симптомов ПТСР.

Степень тяжести перенесенного респондентами COVID-19 связана с кластером симптомов ПТСР – В (навязчивого повторения) ($r_s=0,208$ при $p=0,045$) и кластером симптомов С (симптомы избегания) ($r_s=0,210$ при $p=0,044$).

Обсуждение результатов

Затяжной характер распространения пандемии Covid-19 является угрозой не только физическому здоровью населения, но и психологическому благополучию. В основе психотравмирующей ситуации воздействия вирусной угрозы лежит пролонгированное состояние тревоги и страха за собственную жизнь и жизнь близких, а также изменение привычного образа жизни (переход в онлайн-режим обучения, работы и т. п.). Спецификой ситуации вирусной угрозы является также множество ограничений, например, посещения мест большого скопления людей (театры, кино и пр.), снижение количества офлайн-контактов с близкими. Все эти условия оказывают психологическое воздействие на определенные группы населения. Так, данное исследование показывает, что в сложившейся ситуации у женщин выше общий уровень дистресса. Возраст является фактором уязвимости для проявления признаков избегающего поведения: более молодые люди в большей степени избегают напоминаний о перенесенном заболевании, т. е. перенесенный ими COVID-19 стал для них интенсивным стрессором.

Наличие родственников, переболевших COVID-19, становится основанием для изменения стиля поведения респондентов: повышается беспокойство в общении с другими людьми, появляется стремление к изолированному стилю жизни.

Фактор физического самочувствия оказался наиболее чувствителен к выраженности психопатологической симптоматики и признаков ПТСР: чем выше человек оценивает свое состояние здоровья, тем ниже выраженность психопатологических особенностей поведения.

Важными являются данные о том, что степень тяжести перенесенного Covid-19 заболевания взаимосвязана с отдельными признаками ПТСР (навязчивые, повторяющиеся воспоминания, сны

о произошедшем событии; избегание напоминаний о случившемся). Это своего рода психологические способы пережить травмирующий опыт угрожающего жизни заболевания.

Литература

- Быховец Ю. В.* Специфика вирусной угрозы как психотравмирующего стрессора // Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ / Под ред. Т. А. Нестика, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 465–478.
- Гриценко В. В., Резник А. Д., Константинов В. В., Маринова Т. Ю., Хоменко М. В., Израйловиц Р.* Страх перед коронавирусом заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9. № 2. С. 99–118.
- Курфяк Е. В.* Совладание со стрессом в период пандемии COVID-19 // Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 18–19 ноября 2020 г. / Под ред. А. Б. Холмогоровой и др. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 93–96.
- Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы / Под ред. Н. В. Тарабриной. М.: Когито-Центр, 2007.
- Тарабарина Н. В., Лазебная О. Е., Зеленова М. Е., Ласко Н. Б., Опр С. Ф., Питман Р. К.* Психофизиологическая реактивность у ликвидаторов аварии на ЧАЭС // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 30–44.
- Тарабарина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В.* Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Browning M. H., Larson L. R., Sharaievska I., Rigolon A., McAnirlin O., Mullenbach L., Cloutier S., Vu T. V., Thomsen J., Reigner N., Metcalf E. C., D'Antonio A., Helbich M., Bratman G. N., Alvarez H. O.* Psychological impacts from COVID-19 among university students: Risk factors across seven states in the United States // PLoS One. 2021. V. 16 (1). e0245327. doi: 10.1371/journal.pone.0245327.

Сравнительный анализ ценностей и жизнестойкости представителей разных поколений жителей Ленинградской области

К. А. Вильде (Санкт-Петербург)

Целью данного исследования является сравнение ценностей и показателей жизнестойкости, а также взаимосвязей между ними у представителей разных поколений жителей Санкт-Петербурга. Гипотезой является предположение о том, что поколения различаются по уровню жизнестойкости и ценностным ориентациям/ценностям. Частной гипотезой выступает предположение о том, что у разных поколений существуют общие и специфические взаимосвязи между ценностями и показателями жизнестойкости. Выборку составили 225 представителей послевоенного, советского, переходного и постсоветского поколений, проживающих в Санкт-Петербурге. Для исследования уровня жизнестойкости использовался тест жизнестойкости Д. А. Леонтьева и Е. И. Расказовой. Ценностная сфера респондентов была изучена с помощью опросника терминальных ценностей И. Г. Сенина. Результаты исследования показали, что поколенческие группы достоверно различаются по некоторым компонентам жизнестойкости. Были обнаружены общие для всех поколений ценности: Высокое материальное положение, Достижения, Семейная и Профессиональная жизнь. При этом выявлены специфические ценности для послевоенного и постсоветского поколений. Общих для всех поколений взаимосвязей между жизнестойкостью и ценностями в ходе исследования обнаружено не было.

Ценностные ориентации являются значимым аспектом мотивационной сферы человека. Они влияют на его мировоззрение, определяют социальное поведение и жизненную направленность. Жизнестойкость же, в свою очередь, является важной характеристикой личности, позволяющей ей справляться в трудными жизненными ситуациями. Данные показатели являются чувствительными к социокультурным изменениям, поскольку формируются в процессе социализации, а значит, могут быть использованы как индикаторы различий между поколениями.

Цель исследования – проанализировать различия между ценностями и показателями жизнестойкости представителей разных поколений жителей Санкт-Петербурга. Гипотеза: поколения различаются по уровню жизнестойкости и ценностным ориентациям/ценностям. Частная гипотеза: у разных поколений существуют об-

шие и специфические взаимосвязи между ценностями и показателями жизнестойкости.

Выборку составили 225 представителей послевоенного, советского, переходного и постсоветского поколений, проживающие в Санкт-Петербурге. Основанием для разделения на поколения является самоидентификация участников исследования с тем или иным поколением по периодизации М. И. Постниковой.

Для исследования уровня жизнестойкости использовался тест жизнестойкости Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой, который представляет собой адаптацию опросника «Hardiness Survey» С. Мадди (Леонтьев, Рассказова, 2006). Ценностная сфера респондентов была изучена с помощью опросника терминальных ценностей И. Г. Сенина, основанного на концепции ценностей М. Рокича. Для сравнения ценностей и показателей жизнестойкости представителей разных поколений между собой был использован непараметрический критерий Краскела–Уоллиса. Взаимосвязи между ценностями и показателями жизнестойкости были выявлены с помощью непараметрического критерия Спирмена.

При сравнении уровня жизнестойкости и ее компонентов с помощью критерия Краскела–Уоллиса было выявлено, что у более старших поколений уровень Вовлеченности значимо выше, чем у более младших ($N = 17,186$, $p = 0,002$). Принятие риска выше всего у переходного поколения ($N = 17,460$, $p = 0,002$).

Межпоколенный анализ ценностей с помощью критерия Краскела–Уоллиса показал, что существуют различия по всем ценностям, кроме Высокого материального положения, Достижений, Семейной и Профессиональной жизни. Это можно объяснить тем, что семья, профессия и благосостояние соотносятся с основными потребностями человека и являются, вероятно, наиболее универсальными. Больше всего значимых различий отмечено у послевоенного и постсоветского поколений. Для послевоенного поколения более значимыми в сравнении с другими поколениями оказались ценности Собственного престижа ($N = 19,408$, $p = 0,0002$) и Общественной жизни ($N = 9,227$, $p = 0,02$). Для постсоветского поколения такими ценностями являются Духовное удовлетворение ($N = 12,478$, $p = 0,005$), Сохранение своей индивидуальности ($N = 21,307$, $p = 0,0001$), Обучение и образование ($N = 13,853$, $p = 0,003$) и Увлечения ($N = 19,966$, $p = 0,0002$). Такие результаты могут свидетельствовать о том, что для послевоенного поколения основной областью самореализации является общественная жизнь и социальный статус. Для постсоветского поко-

ления это основные занятия — обучение, увлечения и внутренние ресурсы — духовность, индивидуальность.

В ходе корреляционного анализ были выявлены общие значимые взаимосвязи между показателями жизнестойкости и ценностями Активных социальных контактов, Общественной и Профессиональной жизни у представителей советского и переходного поколений ($0,27 \leq r \leq 0,32$), а также связи жизнестойкости и ценности Развитие себя у представителей советского и постсоветского поколений ($0,23 \leq r \leq 0,38$). Больше всего специфических взаимосвязей было обнаружено у представителей советского поколения: жизнестойкость связана с такими ценностями, как Креативность, Духовное удовлетворение, Достижения, Сохранение собственной индивидуальности ($0,21 \leq r \leq 0,37$). У представителей послевоенного поколения взаимосвязи между жизнестойкостью и ценностями не обнаружены.

Результаты исследования показали, что поколенческие группы достоверно различаются по таким компонентам жизнестойкости, как Вовлеченность и Принятие риска. Существуют также общие для всех поколений ценности: Высокое материальное положение, Достижения, Семейная и Профессиональная жизнь. Выявлены специфические ценности для послевоенного поколения, такие как Собственный престиж и Общественная жизнь, для постсоветского поколения такие, как Духовное удовлетворение, Сохранение своей индивидуальности, Обучение и образование и Увлечения. Общих для всех поколений взаимосвязей между жизнестойкостью и ценностями в ходе исследования обнаружено не было.

Литература

Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
Постникова М. И. Психология отношений между поколениями в современной России: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2011.

Сравнительный анализ имплицитных представлений о рекламе у подростков и взрослых

Н. Э. Волкова, М. Е. Колташова (Москва)

В данной работе представлены результаты пилотного исследования, посвященного сравнительному анализу имплицитных представлений о рекламе у подростков и взрослых. В исследовании, которое было реа-

лизовано в Google-forms, принимали участие 55 респондентов из Москвы двух возрастных групп: 29 взрослых из близкого окружения подростков (родители, учителя, бабушки и дедушки, соседи) в возрасте от 36 до 60 лет и 26 подростков от 15 до 17 лет. Согласно полученным данным, взрослые респонденты отличаются более высокими показателями формально-динамических свойств индивидуальности. Анализ фундаментальных свойств личности выявил более высокие показатели нейротизма у подростков по сравнению с выборкой взрослых. Показатели психотизма в группе подростков также оказались более выраженными по сравнению со взрослыми респондентами. Показатель аналитического интеллекта в группах подростков достоверно ниже, чем у взрослых респондентов. Значимых различий показателей тревожности (ситуативная тревожность, личностная тревожность) не обнаружено. В современном обществе бытует негативное отношение к рекламе, однако на выборке исследования выявлено позитивное отношение к рекламе как в группе подростков, так и в группе их ближайшего взрослого окружения.

На сегодняшний день реклама является неотъемлемой составляющей современного социума, частью нашего бытия. Ментальный образ действительности, возникающий в процессе просмотра рекламы, помогает человеку ориентироваться в сфере услуг. Первоначально открытие новых услуг и возможностей, новых сфер бытия реализуется индивидом через его чувственный опыт. Как отмечал С. Л. Рубинштейн, «с появлением новых уровней бытия в новом качестве выступают и все его нижележащие уровни» (Рубинштейн, 2003, с. 285), преобразуется индивидуальная картина мира, особенности которой определяются как внешними, так и внутренними ресурсами человека. Ментальные ресурсы в работах Е. В. Волковой рассматриваются как совокупность индивидуально-психологических свойств, осознаваемых как полезные и позволяющие индивиду при помощи определенных преобразований получить желаемый результат (Волкова, 2016). Высшим уровнем в системе индивидуальных ментальных ресурсов выступают концептуальные структуры (концепты), отвечающие за процессы концептуализации. Благодаря этому процессу человек наделяет объекты ресурсными значениями (Волкова, 2016; Хазова, 2014; Холодная, 2015). Как показывают исследования М. А. Холодной, Е. В. Волковой, концептуальные структуры выполняют стержневую функцию в структуре индивидуальных ментальных ресурсов и в значительной мере определяют продуктивность жизнедеятельности человека, следовательно, обуславливают представление о рекламе, и отношение к ней.

Режим обязательной или добровольной самоизоляции, введенный в начале 2020 г. во многих странах внес значительные изменения в социальной сфере. Самоизоляция стала причиной возрастающего уровня тревожности: потери ощущения стабильности, невозможность полностью удовлетворить социальные потребности, все больше и больше людей стали проводить время за просмотром фильмов и в Интернете. В работе Е. А. Горшкова тревожность определяется как психологическое состояние человека, проявлением которого является тревога по любым поводам (Горшков, 2015). Ю. Л. Ханин выделяет ситуативную тревожность (связана с конкретной внешней ситуацией) и личностную тревожность (свойство личности) тревожность (Ханин, 1976).

Таким образом, возникает вопрос, отличаются ли люди с разными ментальными ресурсами во взглядах на рекламу?

Целью исследования стал сравнительный анализ имплицитный представлений о рекламе у подростков и взрослых.

Процедура и дизайн исследования

Участникам исследования на основании анонимности и добровольности было предложено заполнить ряд опросников, которые были реализованы в Google-forms и отправлены каждому респонденту индивидуально. Предварительно всем добровольцам были объяснены цели исследования, а также указывалось, что все желающие могут получить индивидуальную обратную связь по своим данным.

В исследовании принимали участие 55 респондентов из Москвы двух возрастных групп: 1) 29 взрослых из близкого окружения подростков (родители, учителя, бабушки и дедушки, соседи) в возрасте от 36 до 60 лет ($48,03 \pm 9,07$), среди них 55,2% женщин, 2) 26 подростков от 15 до 17 лет ($16,12 \pm 0,58$), среди них 57,2% девушек.

Для достижения поставленной цели применялся направленный ассоциативный эксперимент (стимульное слово Реклама) и комплекс диагностических методик:

- Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (Русалов, 2012).
- Опросник фундаментальных свойств личности Г. Айзенка (Русская модифицированная и адаптированная версия ЛОА-к Е. Р. Слободской, Г. Г. Князева, М. В. Сафроновой, 2006).
- Стандартные прогрессивные матрицы Равена (СПМ Дж. Равена, 2012).

- Шкала личностной и ситуативной тревожности Спилбергера (State-Trait Anxiety Inventory – STAI в адаптации Ю.Л. Ханина, 1976).

Для выявления имплицитных представлений о рекламе учитывалась только первая вербальная реакция респондентов на стимульное слово «Реклама» как наиболее значимая. В ассоциативном поле (совокупность ассоциатов на слово-стимул) выделялось ядро (наиболее частотные реакции) и периферия.

Статистическая обработка данных

Статистическая обработка данных проводилась на базе программного пакета IBM SPSS Statistics v. 22.0. Она включала дискриптивный анализ (среднее, стандартное отклонение, асимметрия, эксцесс), сравнительный анализ (t-критерий Стьюдента).

Результаты исследования и обсуждение

Статистический анализ выявил достоверные различия показателей темперамента в группах подростков и взрослых:

- эргичность психомоторная (ЭРМ: $4,80 \pm 1,44 / 6,48 \pm 1,78$, $T = 3,79$, $p = 0,000$);
- пластичность психомоторная (ПМ: $5,11 \pm 1,81 / 6,10 \pm 1,79$, $T = 2,02$, $p = 0,048$);
- скорость психомоторная (СМ: $5,69 \pm 1,69 / 7,06 \pm 1,79$, $T = 2,97$, $p = 0,004$);
- скорость интеллектуальная (СИ: $6,53 \pm 2,02 / 7,58 \pm 1,76$, $T = 2,05$, $p = 0,045$);
- моторная активность ($15,61 \pm 3,78 / 19,65 \pm 3,41$, $T = 3,62$, $p = 0,001$);
- общая активность ($45,23 \pm 8,17 / 51,72 \pm 8,99$, $T = 2,78$, $p = 0,007$);
- общая адаптивность ($28,61 \pm 10,31 / 35,51 \pm 7,35$, $T = 2,88$, $p = 0,006$).

Согласно полученным данным, взрослые респонденты отличаются более высокими показателями формально-динамических свойств индивидуальности (общая активность, адаптивность, моторная активность).

Анализ фундаментальных свойств личности выявил более высокие показатели нейротизма у подростков по сравнению с выборкой взрослых респондентов ($N: 18,15 \pm 5,21 / 14,58 \pm 2,22$, $T = 3,36$, $p = 0,001$). Показатели психотизма в группе подростков также оказались более выраженными по сравнению со взрослыми респондентами ($P: 13,34 \pm 5,19 / 11,06 \pm 2,50$, $T = 2,10$, $p = 0,04$).

Показатель аналитического интеллекта в группах подростков достоверно ниже, чем у взрослых респондентов ($43,57 \pm 7,85 / 49,65 \pm 4,47$, $T = 3,57$, $p = 0,001$).

Значимых различий показателей тревожности (ситуативная тревожность, личностная тревожность) не обнаружено.

Центр ядра концепта «реклама» у взрослых респондентов представлен такими описаниями, как яркая, интересная и смешная. В целом представление о рекламе позитивное с преобладанием визуальных характеристик (преимущественно цветовые решения). У подростков ядро концепта также представлено позитивными оценками (яркая, интересная), но в ближней периферии отмечаются негативные когнитивные оценки ролика (глупая, тупая и др.).

Выводы

В современном обществе бытует негативное отношение к рекламе, однако на выборке исследования выявлено позитивное отношение к рекламе как в группе подростков, так и в группе их ближайшего взрослого окружения. Несмотря на условия пандемии, показатели ситуативной и личностной тревожности респондентов оказались в норме. Следует подчеркнуть тот факт, что подростки, отличающиеся меньшим показателем аналитического интеллекта, меньшими показателями активности и адаптивности, гораздо чаще обращают внимание на интеллектуальную составляющую рекламы, в то время как для взрослых наиболее важным является цветовое решение рекламного ролика. Большая выраженность показателя психотизма в группе подростков, указывает на возможность неожиданных, в том числе и агрессивных реакций на рекламу в случае, если она не соответствует интеллектуальному стандарту в понимании подростков.

Литература

- Волкова Е. В.* Технологии развития ментальных ресурсов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Горшков Е. А., Короткина Л. Д.* Исследование эмоциональной тревожности студентов на разных этапах обучения в педагогическом вузе // Молодой ученый. 2015. № 23. С. 46–51.
- Русалов В. М.* Темперамент в структуре индивидуальности человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Хазова С. А.* Ментальные ресурсы субъекта: природа, функции, динамика // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Сер. «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2014. № 4. С. 31–42.

- Ханин Ю. Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера. Л.: ЛНИИФК, 1976.
- Холодная М. А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Равен Дж., Равен Дж. К., Корт Дж. Х. Руководство к Прогрессивным матрицам Равена и словарным шкалам. Раздел 3. Стандартные прогрессивные матрицы (включая паралельные и плюс версии). М.: Когито-Центр, 2012.

Сравнительный анализ склонности к академическому мошенничеству у студентов с разным статусом профессиональной идентичности

М. А. Гаврилова, Н. П. Ячменева (Москва)

В данной статье представлен план исследования, целью которого является описание взаимосвязи статуса профессиональной идентичности и склонности к академическому мошенничеству, а также описание его пилотажа. В рамках гипотезы мы предположили, что чем выше сформированность профессиональной идентичности у студентов, тем ниже склонность к академическому мошенничеству.

В пилотажном исследовании приняло участие 35 первокурсников психологических направлений подготовки, средний возраст — 19 лет. Для исследования профессиональной идентичности использовались опросники МИПИ Л. Б. Шнейдер и МИСПИ А. А. Азбель. Склонность к академическому мошенничеству измерялась количеством баллов, которые студенты набрали в смоделированной ситуации написания контрольной работы. По результатам пилотажного исследования, значимых связей сформированности профессиональной идентичности и склонности к академическому мошенничеству обнаружено не было. Однако обнаруженные тенденции в различиях склонности к академическому мошенничеству у респондентов с различным статусом профессиональной идентичности показывают потенциальную перспективу исследования.

По данным исследований, академическое мошенничество становится все более распространенным феноменом в сфере образования (Maloshonok, Shmeleva, 2019). Согласно наиболее популярным объяснительным моделям академического мошенничества (теория запланированного поведения и теория экономической преступнос-

ти), такое поведение определяется целями, убеждениями, ценностями человека. В контексте профессионального обучения происходит формирование профессиональной идентичности, которая характеризуется наличием или отсутствием устойчивых целей и ценностей, профессиональных планов и спецификой их осуществления (Шнейдер, 2001). В связи с этим можно предположить, что сформированность профессиональной идентичности может быть взаимосвязана со склонностью к недобросовестному освоению программы. Однако в настоящее время отсутствуют исследования, посвященные изучению данной взаимосвязи. Среди релевантных исследований академического мошенничества можно выделить только изучение влияние моральных напоминаний (этический кодекс студента, положение об академической честности и др.) (McCabe, Trevino, Butterfield, 2002; и др.). Таким образом, данное исследование восполняет пробел в имеющихся знаниях о роли профессиональной идентичности в склонности к академическому мошенничеству.

Основной *целью* исследования является попытка описать специфику взаимосвязи сформированности профессиональной идентичности и склонности к академическому мошенничеству у студентов-психологов.

В качестве *гипотезы* было выдвинуто предположение о том, что чем более сформирована профессиональная идентичность у студентов, тем ниже их склонность к академическому мошенничеству. Для проверки гипотезы было проведено пилотное исследование, результаты и их обсуждение в данной работе представлены на уровне тенденций, а не выявленных закономерностей.

Всего в исследовании приняло участие 35 первокурсников психологических направлений подготовки. Средний возраст испытуемых составил 18 лет ($SD=0,7$).

В эмпирическом исследовании были использованы опросники изучения профессиональной идентичности (МИПИ) Л. Б. Шнейдер (2007) и опросник статусов профессиональной идентичности (МИСПИ) А. А. Азбель (2004). Для измерения академического мошенничества нами был разработан тест, предлагаемый студентам в качестве тренировочной контрольной работы с возможностью получения дополнительных баллов по дисциплине профильной части подготовки. Тест состоял из 10 вопросов, содержащих 4 варианта ответа: 3 варианта, не содержащих верного ответа на вопрос, и вариант ответа «Я не знаю». Ответы на вопросы теста невозможно было найти в Интернете, вопросы были подобраны таким образом, что не предполагалось их верное решение.

На первом этапе исследования испытуемым была отправлена ссылка для прохождения опросников на определение профессиональной идентичности в Google Forms. Для второго этапа была смоделирована ситуация проведения контрольной работы по дисциплине профильной части обучения, в рамках которой разработанный тест был загружен на платформу дистанционного обучения. За несколько дней до тестирования по групповым беседам студентов помощником исследователя были разосланы ложные ответы. Студентам добавлялось по 0,25 балла за каждый ответ, совпадающий с присланным ключом, и 0 баллов при выборе не совпадающих вариантов или выбором ответа «Я не знаю». Таким образом, чем выше балл за контрольную работу, тем выше склонность к академическому мошенничеству у студента.

Так как проверка данных на нормальность по критерию Колмогорова–Смирнова показала, что данные не соответствуют нормальному распределению, были использованы непараметрические методы. В рамках проверки основной гипотезы результат корреляционного анализа по критерию Спирмена показал, что значимых связей статусов профессиональной идентичности с академическим мошенничеством обнаружено не было ($p > 0,05$).

Затем мы сравнили с использованием U Манна–Уитни эквивалентные группы с преждевременной (11 человек) и диффузной идентичностью (12 человек) по их склонности к академическому мошенничеству. Статистически значимые различия не были обнаружены ($p = 0,88$).

Далее мы проанализировали преобладающие типы идентичности у студентов с высокой и низкой склонностью к нечестному поведению, разделив выборку по медиане относительно склонности к академическому мошенничеству ($Me = 1,49$). Было выявлено, что статус моратория значимо чаще проявляется у респондентов с низкой склонностью к академическому мошенничеству ($p = 0,038$).

Таким образом, основная гипотеза не подтвердилась. Результаты свидетельствуют о том, что идентификация с профессией, профессиональными целями и ценностями не является барьером для использования практик академического мошенничества. Однако отсутствие значимых связей может быть обусловлено недостаточным количеством респондентов для равномерного распределения выраженных статусов профессиональной идентичности.

Кроме того, полученные результаты свидетельствуют о том, что студенты со статусами несформированной профессиональной идентичности одинаково склонны к академическому мошенничеству,

а у студентов, находящихся в статусе моратория, наблюдается более низкая склонность к недобросовестному поведению в обучении. Это может объясняться содержанием статусов, так как мораторий – первый кризисный этап перед становлением статуса достигнутой идентичности, на котором личность активно пытается определить себя как профессионала, а аттестационные мероприятия по профильным дисциплинам могут выступать в качестве инструмента оценки собственного профессионального уровня.

Литература

- Азбель А. А.* Особенности формирования статусов профессиональной идентичности старшеклассников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. СПб., 2004.
- Шнейдер Л. Б.* Личностная, тендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.
- Шнейдер Л. Б.* Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2001.
- Maloshonok N., Shmeleva E.* Factors Influencing Academic Dishonesty among Undergraduate Students at Russian Universities // Journal of Academic Ethics. 2019. V. 17. № 3. P. 313–329.
- McCabe D. I., Butterfield K. D., Trevino L. K.* Faculty and academic integrity: The influence of current honor codes and past honor code experiences. Research in Higher Education // Human Sciences Press. 2003. V. 44. P. 367–385. doi: 10.1023/A:1023033916853.

Психологическое благополучие и отношение подростков к своему будущему

О. С. Галашева (Санкт-Петербург)

Статья посвящена изучению отношения подростков к своему будущему в связи с уровнем их психологического благополучия. Гипотезой исследования выступило предположение о том, что психологически благополучные подростки более позитивно относятся к своему будущему. Выборка: 48 подростков 13–16 лет. Методы: Шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Т. Д. Шевленковой), методика Отношение к будущему М. Р. Гинзбург (адаптация В. Р. Манукян). Исследование показало, что у подростков с более низким уровнем психологического благополучия выражены эмоции страха и тревожности

в отношении своего будущего, сочетающиеся с повышением индифферентности к будущему.

Психологическое благополучие (ПБ) рассматривается как конструкция, не имеющая четко определенной теоретической структуры (Carneiro, 2019). Вместе с тем ПБ может быть напрямую связано с тем, каким образом сами люди оценивают качество своей жизни и дают ему положительную и благоприятную оценку (Páez-Gallego, 2020).

Впервые ПБ рассматривалось в работах Н. Брэдберна как соотношение между комплексами позитивных и негативных эмоций. Э. Динер ввел понятие «субъективное благополучие» как один из компонентов ПБ, который включает удовлетворенность жизнью, комплекс положительных и отрицательных эмоций. Э. Динер и Н. Брэдберн, делают акцент на позитивных эмоциях как основном показателе ПБ. Согласно концепции К. Рифф, в структуру ПБ входят «психологические блага», которыми обладает психологически благополучный человек (самопринятие, позитивные отношения с другими, автономия, контроль над окружением, жизненные цели, личностный рост). Наличие указанных компонентов, по мнению К. Рифф, способствует психологической устойчивости личности. Согласно этой точке зрения, важнейшим условием психологического благополучия является активность личности, саморазвитие, раскрытие своих возможностей и способностей (Головей и др., 2019). Важное дополнение указанных моделей – интегративная трехфакторная модель ПБ, включающая эвдемонический (личностный), когнитивно-оценочный (удовлетворенность жизнью) и эмоциональный компоненты (Психоэмоциональное..., 2020). Эмоциональный компонент особенно важно учитывать в подростковом возрасте, так как для этого возраста характерен высокий уровень эмоциональности и нестабильность эмоций, а также в связи с тем, что в основе формирования образа будущего лежат эмоциональные реакции и когнитивные процессы. В ходе формирования образа будущего события будущего и образы прошлого наделяются особым смыслом и эмоциональной окраской. Образ будущего ориентирует субъекта и определяет направленность и цели развития, вектор поведения личности и ее переживания. Позитивное отношение к будущему (ОБ) придает настоящему ценность, его функцией является обеспечение смысловой и временной перспективы личности (Свистунова, 2017).

ОБ подростков, как правило, рассматривается в контексте профессионального самоопределения. В ряде исследований описаны взаимосвязи психоэмоционального благополучия и успешности планирования профессионального будущего. Показан вклад в успешное

решение задач самоопределения, удовлетворенности жизнью, чувстве осмысленности, жизненных целей, принятия себя, позитивной самооценки, компетентности, открытости новому и направленности на саморазвитие (Головей и др., 2019).

Другие аспекты проблемы соотношения ПБ и ОБ в подростковом возрасте изучены недостаточно. Все вышесказанное позволяет сформулировать в качестве цели следующую: изучить взаимосвязи психологического благополучия с отношением подростков к своему будущему.

Гипотеза исследования: подростки с более высокими показателями ПБ относятся к своему будущему более позитивно, у них в меньшей мере представлены негативные эмоции страха и тревоги.

Методы исследования: шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Т. Д. Шевеленковой), методика Отношение к будущему (М. Р. Гинзбург, адаптация В. Р. Манукян). Обработка результатов включала первичный статистический анализ, вычисление различий при помощи Т-критерия Стьюдента.

Выборка: 48 подростков 13–16 лет, обучающихся в общеобразовательных школах. Исследование проводилось с применением дистанционных технологий и очного тестирования. Участники исследования были ознакомлены с целями исследования, от них было получено информированное согласие.

По показателям ПБ подростки разделились на три группы: с высокими ($N=20$), средними ($N=13$) и низкими значениями ($N=15$) (1-я, 2-я и 3-я группы соответственно), различия между группами ($p<0,000$). Группы сравнивались попарно. Сравнение 1-й и 2-й групп выявило снижение ПБ по его общему уровню ($p<0,000$), показателям «управление средой» ($p<0,002$) и «цели в жизни» ($p<0,000$) у подростков 2-й группы.

Сравнение ПБ во 2-й и 3-й группах обнаружило снижение показателей «позитивные отношения» ($p<0,013$), «самопринятие» ($p<0,001$) и общего уровня ПБ ($p<0,000$). Сравнение групп с самым высоким (1-я) и низким (3-я) значениями ПБ выявило достоверные различия по всем показателям психологического благополучия (позитивные отношения, автономия, управление средой, личностный рост, цели в жизни, самопринятие при p от 0,000 до 0,001).

Обратимся к анализу ОБ в выделенных группах подростков. Так, у подростков 2-й группы по сравнению с 1-й более выражены эмоции страха ($p<0,005$) и индифферентные отношения к будущему ($p<0,046$). У подростков 3-й группы в сравнении со 2-й существенно выше проявления «страха» ($p<0,003$) и близко к достоверному превы-

шение по уровню тревожности ($p < 0,069$). Сравнение ОБ подростков 1-й и 3-й группы показало более высокие значения страха ($p < 0,000$), тревожности ($p < 0,001$), индифферентности ($p < 0,001$) в группе с самым низким уровнем ПБ.

Таким образом, исследование позволило выделить группы подростков, различающиеся по уровню ПБ. Различия проявились как в общем уровне ПБ, так и в структуре его показателей. Так, подростки 1-й группы характеризуются равномерно высокими значениями по всем показателям ПБ. У них отмечается и наиболее позитивное отношение к будущему, проявляется оптимизм и уверенность, менее выражены тревога и страх. У подростков, имеющих средний уровень общего показателя ПБ, выявлено снижение компетентности как показателя контроля над средой и умения управлять ею и снижение направленности на жизненные цели. Это сочетается с более высокими значениями страха и тревожности в ОБ. В структуре ПБ подростков с наиболее низкими значениями общего показателя, страдают, прежде всего, компоненты самопринятия и направленность на позитивные отношения с окружающими. Как показало исследование, на фоне снижения уровня ПБ и изменений в его структуре у этих подростков обнаружено повышение страха, тревожности и в то же время индифферентности в отношении к своему будущему.

Эти результаты дают возможность сформулировать вывод о том, что сниженный уровень ПБ может выступать в качестве фактора, негативно влияющего на формирование отношения к своему будущему. Высокий уровень показателей ПБ, напротив, соответствует позитивному отношению к будущему, уменьшению тревоги и страха.

Результаты исследования можно рассматривать как предварительные ввиду ограниченного объема выборки. В перспективе планируется расширение выборки, что позволит применить более совершенные приемы статистического анализа.

Литература

- Головей Л. А., Данилова М. В., Груздева И. А. Психоэмоциональное благополучие старшекласников в связи с готовностью к профессиональному самоопределению // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 6. С. 63–73.
- Психоэмоциональное благополучие: интегративный подход / Под. ред. Л. А. Головей. СПб.: Нестор-История, 2020.
- Свиштунова Е. В., Лизунков О. Б. Представление о будущем подростков из социально-дезадаптивных семей // Психолог. 2017. № 2. С. 126–134.

- Carneiro L. S., Fernandes H. M., Vasconcelos-Raposo J. Psychological well-being in adolescence. *Motricidade*, 2019.
- Páez-Gallego J., Gallardo-López J. A., López-Noguero F., Rodrigo-Moriche M. P. Analysis of the relationship between psychological well-being and decision making in adolescent students // *Frontiers in Psychology*. 2020. V. 11. P. 1195.

Специфика отношения общества к людям с психическими расстройствами

А. А. Гец (Брест, Белоруссия)

В данной статье представлены результаты исследования, цель которого — определить содержание аффективного компонента социальных установок в отношении людей с психическими расстройствами. Предположительно существует взаимосвязь между фактом личного столкновения человека с психическим расстройством и более высоким уровнем толерантности в отношении лиц с психическими нарушениями. В частности, степень социального дистанцирования у представителей юношеского возраста и периода взрослости различна. Выборку исследования составили 60 респондентов, средний возраст которых от 19 до 40 лет. В качестве основного метода исследования применялась модифицированная шкала социального дистанцирования Э. Богардуса, разработана анкета. Оценка достоверности полученных результатов производилась с помощью U-критерия Манна–Уитни, χ^2 Пирсона и ϕ^ — углового преобразования Фишера. Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство респондентов выражают нетолерантное отношение к людям с ПР независимо от возрастной категории и опыта столкновения с людьми, имеющими психические расстройства. Однако данная нетолерантность ограничивается обособленностью и/или изолированностью в отношении лиц с ПР и не переходит в открытую форму ксенофобии. Существует необходимость в дальнейшем расширении выборки с целью однозначного подтверждения/опровержения выдвинутых гипотез.*

Концепция «психической болезни» прошла в своем развитии ряд преобразований, прежде чем сформировалась и укоренилась в современном ее восприятии. Во многом на становление представлений о психических расстройствах повлияло понимание границ нормы и патологии в конкретный исторический период. На совре-

менном этапе представления о психических расстройствах базируются на трудах «классиков» психиатрии XX в., таких как В. М. Бехтерев, П. Б. Ганнушкин, В. Х. Кандинский, Э. Крепелин, Э. Кречмер, Ю. Кох.

Представления о людях с психическими расстройствами продолжают дополняться в рамках идеи гуманистического отношения к ним. Однако нельзя говорить о том, что разделение на «Мы» и «Они» перестало быть актуальным в современном обществе. Стигматизация лиц с психическими нарушениями выражается в разнообразных формах дискриминации обществом самих больных, а также членов их семей. Исследования в данной области подтверждают, что значительное количество лиц, имеющих относительно легкую степень выраженности психических расстройств, страдают от стигматизации в большей степени, чем от непосредственного проявления психических нарушений (Corrigan, 2004).

Цель исследования – определить особенности содержания аффективного компонента социальных установок в отношении лиц с психическими расстройствами (ПР).

Гипотезы исследования:

1. Степень социального дистанцирования у представителей юношеского возраста и периода зрелости различна.
2. Существует взаимосвязь между фактом личного столкновения человека с ПР и более высоким уровнем толерантности в отношении лиц с ПР.
3. Наличие человека с ПР в близком окружении способствует повышению толерантного отношения к людям с ПР.

Выборку исследования составили 60 респондентов, средний возраст которых от 19 до 40 лет. Соотношение респондентов юношеского возраста и зрелости составляет 58,33% и 41,67%, соответственно.

Для сбора эмпирических данных была использована модифицированная шкала социальной дистанции Э. Богардуса, разработана анкета. Оценка достоверности полученных результатов производилась с помощью U-критерия Манна–Уитни, χ^2 Пирсона и φ^* – углового преобразования Фишера.

Результаты исследования

Более 38% респондентов, по результатам проведенного исследования, проявляют толерантное отношение к людям с ПР. Данный показатель предполагает ту или иную степень открытости к непосредственным контактам с людьми, которые имеют ПР, а также отсутствие

разделения на «Мы» и «Они». Соответственно, 61,7% респондентов выражают нетолерантное отношение к людям с ПР. Однако данная нетолерантность ограничивается обособленностью и/или изолированностью в отношении лиц с ПР и не переходит в ксенофобию.

Затем выборка исследования была разделена по различным основаниям с целью выяснения факторов, которые могут оказывать воздействие на степень (не)толерантного отношения к людям с ПР.

1. Возрастная категория респондентов

Среди представителей юношеского возраста 40% выразили толерантное отношение к лицам с психическими расстройствами. Большинство (60% респондентов) склонны к проявлению нетолерантного отношения к лицам с ПР, которое в 100% случаев проявляется в обособленности, т. е. нежелании вступать в непосредственные контакты с людьми, имеющими ПР, и выражается в тенденции восприятия людей с ПР как «не совсем своих, но и не совсем чужих».

36% респондентов, находящихся в периоде взрослости, выразили толерантное отношение к людям с различными ПР. Следовательно 64% респондентов также склонны к проявлению нетолерантного отношения к людям с ПР. При этом, несмотря на общую тенденцию к обособленности, более чем в 20% случаев респондентам свойственна тенденция к изолированности. По отношению к людям с ПР изолированность проявляется в нежелании вступать в непосредственное взаимодействие с ними, а также нежелание принимать их как членов общества. Согласно концепции Э. Богардуса, изолированность отражает предрасположенность к ксенофобии, выступая в качестве скрытой формы ксенофобии.

2. Опыт личного столкновения с ПР

Более 32% респондентов отмечали, что они имеют опыт личного столкновения с психическими расстройствами, соответственно, 68% респондентов не сталкивались с психическими расстройствами лично. Предположительно существует взаимосвязь между фактом личного столкновения с психическими расстройствами и более толерантным отношением к людям с ПР.

Для проверки данной гипотезы были использованы ϕ^* – угловое преобразование Фишера, χ^2 Пирсона, а также U-критерий Манна–Уитни. С помощью критерия Фишера была рассчитана частота встречаемости толерантного отношения к людям с ПР среди тех, кто имеет опыт личного столкновения с ПР, и тех, кто не имеет данный опыт ($\phi^* = 0,79266$ при уровне значимости $p < 0,05$). Таким образом, в час-

тоте встречаемости толерантного отношения к людям с ПР среди тех, кто имеет опыт личного столкновения с ПР, и тех, кто не имеет данного опыта, не обнаружено статистически значимых различий. Для расчета U-критерия Манна–Уитни были использованы индивидуальные значения социального дистанцирования в выборках респондентов, которые имели опыт личного столкновения с ПР и не имели данного опыта. Статистически значимых различий выявлено не было ($U_{\text{эмп.}} = 368$ при уровне значимости $p > 0,05$). При сравнении двух распределений с помощью χ^2 Пирсона были получены следующие результаты: $\chi^2 = 0,26$ при уровне значимости $p < 0,05$. Степень толерантности тех, кто имел опыт личного столкновения с ПР, не отличается от степени толерантности тех, кто не имел данного опыта.

3. Наличие человека с ПР в близком окружении

Более 48% респондентов отмечали наличие в их близком окружении людей с ПР, соответственно, 51,7% респондентов не имеют в своем близком окружении людей с психическими нарушениями. Помимо опыта личного столкновения с ПР, выдвинуто предположение о том, что на степень толерантности также может влиять наличие человека с ПР в близком окружении. Гипотеза аналогична предыдущей: наличие человека с ПР в близком окружении способствует повышению толерантного отношения к людям с психическими расстройствами. Проверка данной гипотезы осуществлялась с помощью U-критерия Манна–Уитни и χ^2 Пирсона.

Для расчета U-критерия Манна–Уитни были использованы индивидуальные значения социального дистанцирования в выборках респондентов, которые имеют в близком окружении человека с диагностированным ПР, и тех, у кого отсутствуют в близком окружении люди с ПР. Полученные данные свидетельствуют об отсутствии статистически значимых различий ($U_{\text{эмп.}} = 370,5$ при уровне значимости $p > 0,05$). С помощью χ^2 Пирсона произведено сопоставление толерантного и нетолерантного отношения в выборках респондентов, которые имеют в близком окружении человека с диагностированным ПР, и тех, у кого отсутствуют в близком окружении люди с ПР. Произведенные расчеты также не подтвердили наличия статистически значимых различий ($\chi^2 = 0,534$ при уровне значимости $p < 0,05$). Таким образом, опровергнута гипотеза об изменении степени толерантности при наличии человека с ПР в близком окружении.

Полученные данные позволяют обозначить общую тенденцию отношения в современном обществе к людям с психическими расстройствами. Тем не менее существует необходимость в дальней-

шем расширении выборки с целью однозначного подтверждения/опровержения выдвинутых гипотез. Дальнейшее изучение данной проблемы позволит спрогнозировать потенциальное дискриминационное поведение в отношении лиц с психическими расстройствами и разработать варианты дестигматизации.

Литература

Corrigan P. How stigma interferes with mental health care // American Psychologist. 2004. V. 59. № 7. P. 614–625.

Взаимосвязь содержания «образа Я» и гендерной идентичности

А. С. Горшкова (Москва)

В работе осуществляется эмпирическая попытка осмысления гендерной специфики образа Я в молодости и проверка гипотезы о более позитивном содержании компонентов образа Я у людей с гендерной идентичностью, соответствующей биологическому полу (у маскулинных мужчин и фемининных женщин) и обладающих высокой степенью стереотипизованности гендерной идентичности. Выборку составили 47 человек молодого возраста как минимум с неоконченным высшим образованием, из них 36 женщин и 9 мужчин. Предъявлялись стандартизированные и проективные опросы, требующие как односложного, так и развернутого ответа. Результаты показывают, что андрогины обоих полов имеют более позитивный эмоционально-оценочный компонент и предпочитают более доминирующий стиль в поведенческом компоненте. Было выявлено, что стереотипизованность гендерной идентичности отрицательно коррелирует с самопринятием.

Проблему исследования определяют такие социально-психологические факторы, как индивидуализация личности, ее самоактуализация, поощрение свободы выбора совместно с тенденцией к глобализации, а также диалектика толерантности к новому опыту и дифференцирования догм в таких сферах, как внешность и телесность, сексуальность, самопрезентация, в том числе в виртуальном пространстве, амбициозность и достижение в различных сферах (Марцинковская, 2009). Интегративность, целостность личности рассматривается как согласованность высокодифференцированной структуры ее образа Я, подверженной изменениям в таких условиях. Самоуважение, уверенность в себе и самопонимание

как компоненты образа Я являются ключевыми элементами в позитивности глубинных личностных структур и обуславливают гармоничное, адекватное, гибкое поведение личности (Эрдынеева, 2008). Гендерные ожидания как значимый предиктор изменений структуры образа Я пронизывают социализацию в профессиональной, семейной сфере, взаимодействие со СМИ, процесс воспитания, формирование этнической идентичности, роль архетипов. Преобразовываются гендерные ролевые модели, представления об идеальных свойствах мужчины и женщины, устоявшиеся паттерны их поведения. Актуальны для анализа трансгендерность как несоответствие гендера биологическому полу и те негативные влияния, которые она оказывает на личностное благополучие. Наконец маскулинность и фемининность стали трактоваться как непрерывное социальное самоконструирование в динамично трансформирующихся условиях (Перегудина, 2011).

В связи с этим была обозначена *цель* работы – выявление и определение специфики образа Я в связи с содержанием гендерной идентичности личности.

Частная гипотеза: более частое самоописание в личностных категориях эмоциональной стабильности и открытости, нормативная структура самоотношения и более адаптивные типы межличностных отношений характерны для молодых людей с гармоничной гендерной идентичностью и высокой степенью гендерной стереотипизированности.

Выборка исследования – 47 участников, из них 38 женщин и 9 мужчин в возрасте от 19 до 28 лет, образование не ниже неоконченного высшего, с дальнейшим делением на три группы: 21 человек – с гармоничной гендерной идентичностью (маскулинные мужчины и фемининные женщины), 13 – с андрогинной гендерной идентичностью и 13 – с дисгармоничной гендерной идентичностью (фемининные мужчины и маскулинные женщины). На этапе пилотажного исследования дополнительная дифференциация групп по биологическому полу не проводилась.

Методы исследования: метод опроса; непараметрические критерии анализа – Н Краскела–Уоллиса с дальнейшими попарными сравнениями критерием U Манна–Уитни; коэффициент корреляции r Спирмена); контент-анализ ответов.

Методики исследования: методика диагностики гендерной идентичности (С. Бем, модификация В. А. Лабунской и М. В. Бураковой); проективная самооценка гендерной идентичности «Я – женщина/мужчина» (Л. И. Ожигова); тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд,

в авторской модификация «Какой Я»); методика исследования самооотношения (МИС) С. Р. Пантилеева; методика диагностики межличностных отношений (ДМО) Т. Лири.

Результаты исследования. Относительно *когнитивного* компонента были обнаружены значимые различия в частоте самоописаний в категории «импульсивность» ($p=0,02$). Группа с гармоничной гендерной идентичностью использовала их чаще группы с дисгармоничной ($p=0,006$), но не чаще андрогинной идентичности ($p=0,262$). Андрогины использовали эту категорию практически чаще группы с дисгармоничной гендерной идентичностью ($p=0,095$). Соответствие гендерным ожиданиям явило себя в самоописаниях, разрешенных и одобряемых к проявлению в социуме для женщин, составляющих большую часть выборки. Однако это качество как стереотипно фемининное нельзя назвать адаптивным; оно имеет скорее негативную коннотацию в современном обществе, что противоречит нашей гипотезе.

Также была обнаружена положительная корреляция между уровнем стереотипизированности и количеством самоописаний в категории «привязанность» ($r=0,26$, $p=0,039$). Ориентировка на комфортные, доверительные и равные отношения с социумом ожидаема, так как люди с выраженной стереотипизированностью не склонны обособливаться — общество принимает их и дает условия для комфортного существования.

Эмоционально-оценочный компонент образа Я демонстрирует различия в уровне внутренней конфликтности ($p=0,021$). Андрогины имеют наименьший ее уровень как по сравнению с группой гармоничной гендерной идентичностью ($p=0,006$), так и с группой с дисгармоничной гендерной идентичностью ($p=0,044$). Вероятно, это связано с их большей адаптивностью перед социальными нормами и правилами, большим арсеналом возможностей в различных ситуациях, который позволяет действовать успешно внешне и в согласии с личностными убеждениями.

Была выявлена отрицательная корреляция между уровнем стереотипизированности и уровнем самопринятия ($r=-0,3$, $p=0,02$). В современных условиях проявлять принятие к тем частям образа Я, которые не попадают под часто изменчивые догмы, особенно затруднительно.

Различия в *поведенческом* компоненте представлены в степени выраженности следующих типов межличностных отношений:

- «независимый-доминирующий» тип ($p=0,004$) у людей с гармоничной гендерной идентичностью выражен меньше, чем у группы

андрогинов ($p=0,001$) и у группы с дисгармоничной гендерной идентичностью ($p=0,029$);

- «прямолинейный-агрессивный» тип ($p=0,025$) у людей с гармоничной гендерной идентичностью выражен практически меньше, чем у группы андрогинов ($p=0,053$), и меньше, чем у группы с дисгармоничной гендерной идентичностью ($p=0,017$);
- «зависимый-послушный» ($p=0,003$); у людей с гармоничной гендерной идентичностью он выражен больше, чем у группы андрогинов ($p=0,002$), и у группы с дисгармоничной гендерной идентичностью ($p=0,013$).

Наконец, обнаружены различия в степени выраженности интегрального показателя «дружелюбие» ($p=0,001$). У людей с гармоничной гендерной идентичностью он выражен больше, чем у группы андрогинов ($p=0,003$) и у группы с дисгармоничной гендерной идентичностью ($p=0,001$). Вышеперечисленные различия можно объяснить преимущественно женской выборкой, для которых превалирование типов подтвердилось по гендерным ожиданиям. Мы видим, что истинно фемининные стили взаимодействия менее адаптивны и позитивны для современного индивидуалистского общества, а потому не можем утверждать позитивность поведенческого компонента для людей, чей биологический пол соответствует гендерной идентичности.

Выводы

Гипотеза подтверждена лишь частично: андрогины столь же часто, как и люди с гармоничной идентичностью, показывают более благоприятные и адаптивные результаты в разных компонентах образа Я. Можно полагать, что андрогины и люди с гармоничной гендерной идентичностью достигают позитивного образа Я разными способами: андрогины – через отрицание зависимости от общества и активное использование своих широких возможностей, что снижает их сотрудничество с обществом, но улучшает самоотношение, а люди с гармоничной гендерной идентичностью – через податливое и конформное впитывание и реализацию догм и правил, что улучшает их открытость обществу, но ухудшает их самоотношение. Люди же с дисгармоничной гендерной идентичностью, ожидаемо показавшие самый дисгармоничный образ Я, характеризуются реализацией этой дисгармонии через открытый агрессивный конфликт с социумом. Однако, принимая во внимание достаточно весомые ограничения, накладываемые выборкой и диагностическим инструментарием, мы можем расценивать полученные результаты как требующие более обширных исследований.

Литература

- Марцинковская Т. Д. «Образ Я» в современном мире: константы и трансформации // Мир психологии. 2009. № 4 (60). С. 142–149.
- Перегудина В. А. Особенности становления мужской и женской гендерной идентичности в возрастном диапазоне от старшего дошкольного до юношеского возраста: Дис. ... канд. психол. наук. Тула, 2011.
- Эрдынеева К. Г. Развитие позитивной Я-концепции студента // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 1. С. 98–101.

Метафоры саморазвития в психологическом консультировании

Ю. В. Горюнова (Санкт-Петербург)

В работе представлены результаты пилотажного исследования, целью которого было подтверждение возможности изучения особенностей метафор, употребляемых в ходе построения плана саморазвития в процессе психологического консультирования. Проверялись гипотезы о том, что образы исходной и желаемой точек саморазвития имеют свои особенности, что описания путей достижения цели саморазвития в метафорах имеют различия в зависимости от временных ожиданий скорости достижения изменений. Выборка представлена 5 респондентами, в возрасте от 20 до 32 лет. Исследование проводилось с помощью полуструктурированного интервью, по методикам «Готовность к саморазвитию» В. Л. Павлова, УРСЛ М. А. Щукиной, ММИ Ж. Нюттена. В результате исследования были подтверждены гипотезы, а также обнаружены особенности метафорической репрезентации пути саморазвития в зависимости от готовности респондентов к саморазвитию.

Проблема саморазвития все больше привлекает внимание исследователей, в частности, в области психологического консультирования, для которого запрос на определение целей, задач и способов развития и саморазвития личности, является типичным (Смолова, 2020). В связи с этим представляется важным создание и развитие психологических техник, которые будут эффективны в сопровождении саморазвития клиента. Одной из таких техник может стать психологическое консультирование с использованием метафор. Мы исходим из того, что отмечаемый многими учеными терапевтический и диагностический ресурс метафор может быть с успехом применен

в области саморазвития. Исследования по данной теме носят ограниченный характер, что определяет их актуальность.

Настоящее пилотажное исследование проведено с целью подтверждения возможности изучения особенностей метафор, употребляемых при планировании пути саморазвития. В исследовании проверялись следующие гипотезы:

1. Метафорические образы исходных и желаемых точек саморазвития имеют свои особенности.
2. Описания путей достижения цели саморазвития в метафорах имеют различия в зависимости от временных ожиданий скорости достижения желаемых изменений.

Сбор данных проводился с помощью полуструктурированного интервью, которое длилось 45–60 минут и включало следующие этапы:

1. Определение исходного и желаемого состояний, поиск их метафорических образов.
2. Определение пути трансформации исходного состояния к желаемому на уровне метафор.
3. Перенос этапов трансформации метафорических образов на плоскость реального мира с поиском конкретных инструментов и ресурсов для достижения целей саморазвития.

Далее респонденты отвечали на вопросы методик «Готовность к саморазвитию» В.Л. Павлова, «Уровень развития субъектности личности» (УРСЛ) М.А. Щукиной, «Метод мотивационной индукции» (ММИ) Ж. Нюттена.

Полученные в ходе интервью данные анализировались с помощью контент-анализа, единицами анализа выступали: метафоры исходного и желаемого состояний, временные ожидания скорости достижения цели, метафоры пути изменения.

Выборка пилотажного исследования представлена пятью респондентами (четыре женщины, один мужчина) от 22 до 30 лет с высшим образованием, проживающими в крупных городах России.

В ходе контент-анализа данных интервью были получены следующие результаты.

1. Метафоры исходных состояний были представлены дисфункциональными образами, не отвечающими задачам саморазвития и вызывающими негативную оценку.

Так, респондент, определив свое исходное состояние в понятиях одиночества и отчужденности, предложил в качестве его метафоры образ «тесной комнаты, заваленной ненужными вещами, в которой

не видно двери». Образ оценивался респондентом как препятствующий достижению желаемого состояния — переживания сопричастности к миру. Обсуждение этого образа вызывало у респондента резкое чувство неприятия.

Негативное отношение к метафорам, символизирующим исходные точки саморазвития, может говорить о том, что этап поиска метафоры исходного состояния соответствует начальным этапам саморазвития: осознанию и негативной оценке исходной ситуации и состоянию лиминальности (Щукина, 2014). Можно предположить, что метафоры исходной ситуации выражают неприятие проблемной ситуации, недовольство человека самим собой, что может стать движущей силой его саморазвития.

2. Метафоры желаемых состояний представляли функциональные образы и оценивались положительно.

Респондент, определивший в качестве цели саморазвитие качества собранности, предложил в качестве метафоры образ смарт-часов в противовес заданной им метафоре исходного состояния рассеянности — часов из сахарных бусин, которые не могли использоваться для отслеживания времени. Образ смарт-часов оценивался респондентом как более подходящий для его цели, воспринимался позитивнее.

Другой пример метафоры желаемого состояния — образ супергероя — обладателя не хватающих респонденту качеств уверенности в своих силах, решительности, целеустремленности. Такой образ вызывал у респондента восхищение, желание идентифицировать себя с ним.

Преобладание функциональных по отношению к целям саморазвития метафор и их позитивная оценка респондентами может свидетельствовать о том, что метафоры желаемого состояния репрезентируют будущий Образ Я, возможный результат саморазвития, обладающий теми полезными качествами и свойствами, которых в настоящем пока нет, что делает такой образ более привлекательным по сравнению с образом исходного состояния.

3. Путь трансформации исходного состояния в желаемое иногда включал использование магических инструментов и волшебных сил.

Так, респондент, которому было необходимо трансформировать образ часов из сахарных бусин в образ смарт-часов, воспользовался «волшебной коробочкой», которая в один миг совершила необходимые изменения. Другой респондент воспользовался «внутренней волшебной силой», чтобы растворить стены комнаты, превратив ее в открытое пространство, что привело его к образу желаемого со-

стояния. Вероятно, обнаруженная взаимосвязь свидетельствует о недостаточности у респондентов знаний и навыков в области саморазвития, когда желаемые изменения происходят таинственным для них способом.

4. Путь трансформации отличался многоэтапностью, насыщенностью событиями в случаях, когда респонденты определяли время для саморазвития до 1 года, и относительной простотой в случаях, когда респонденты прогнозировали достижение цели в течение 1–2 недель. Вероятно, это связано с тем, что респонденты, планирующие длительный путь саморазвития, в меньшей степени были мотивированы на личностные изменения, чем более стремительные в прогнозах саморазвития респонденты. Также можно предположить, что в этом может усматриваться и чувство реального времени, когда 1 год воспринимается более протяженным, чем 1–2 недели.

Анализ результатов по методике «Готовность к саморазвитию» показал яркую выраженность готовности к развитию у респондентов, упоминавших в своем рассказе о пути изменения с помощью магических инструментов. Их ответы набрали наивысшие показатели по шкале «Готовность к развитию» (7 из 7) и средние показатели по шкале «Готовность к самопознанию» (3–4 из 7). Респонденты, определившие более продолжительный временной период для саморазвития, показали более сглаженную картину, демонстрируя одинаковую средне выраженную готовность к познанию себя и развитию. Это может подтверждать высказанную ранее гипотезу о том, что использование магических инструментов в нарративе субъекта саморазвития может свидетельствовать о недостаточном уровне компетентности в вопросах саморазвития.

Анализ результатов по методике ММИ Ж. Нюттена показал свернутость временной перспективы респондентов, ориентированных на быстрое достижение цели, в то время как в ответах других респонденты обозревалась более отдаленная временная перспектива средней и поздней зрелости, старости.

Анализ результатов по методике УРСЛ М. А. Шукиной не представил статистически значимых результатов на малой выборке исследования.

Таким образом, можно прийти к выводу, что техника психологического консультирования с использованием метафор предоставляет возможность наглядно представить путь саморазвития. Упоминание в нарративе субъекта саморазвития магических сил и инструментов как средств достижения нужного результата может быть показателем высокой готовности к изменениям, за которой может скры-

ваться некомпетентность в вопросах саморазвития. Многоэтапный и насыщенный событиями метафорический путь изменений свидетельствовать о неярко выраженной готовности клиента к изменениям, что может трактоваться с позиции как недостаточной мотивации к изменениям, так и работы психологических защит.

Литература

Смолова Л. В. Психологическое консультирование: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2021.

Шукина М. А. Стадия лиминальности в саморазвитии личности // Ученые записки Санкт-Петербургского гос. ин-та психологии и социальной работы. 2017. Т. 27. № 1. С. 45–51.

Влияние билингвизма на восприятие фонем у детей с расстройствами аутистического спектра: методика исследования*

Д. Э. Гояева, Т. С. Обухова, Т. М. Овсянникова (Москва)

Дефицит коммуникативных навыков, задержка развития речи, а также специфические особенности восприятия и продуцирования речи являются одними из характерных признаков расстройства аутистического спектра (РАС). Оценка влияния средовых факторов на развитие речевых навыков приобретает дополнительное значение в контексте мультикультурного общества с разными этническими языковыми группами. В настоящее время мало данных о процессах восприятия, так как большинство исследований посвящено изучению нарушений речевой продукции (Eigsti, 2011). Оценка результатов слухоречевого тестирования с учетом уровня когнитивного развития детей позволит выявить особенности низкоуровневых процессов восприятия речи у типично развивающихся детей и детей с РАС в условиях монолингвальной и билингвальной языковой среды.

Цель и гипотеза исследования

Дети, имеющие диагноз «расстройство аутистического спектра» (РАС), как правило, имеют отставание в речи. От 25% до 50% людей с диагнозом РАС за свою жизнь так и не овладевают функциональной

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ и МОН РЮО, проект № 20-513-07005.

речью (Tager-Flusberg et al., 2005). Понимание особенностей процессов восприятия речи способствует разработке более эффективных методов и подходов к обучению детей с диагнозом РАС, прежде всего, для формирования коммуникативных навыков речевого общения.

Восприятие речи можно разделить на низкоуровневые и высокоуровневые процессы. Изучению высокоуровневых процессов посвящен ряд исследований (Касьяненко, 2010; Dai et al., 2018; Hambly et al., 2014), в то время как низкоуровневые процессы остаются малоизученными.

Наше исследование направлено на изучение в рамках поведенческого эксперимента низкоуровневых процессов, а именно восприятия фонем. На основании результатов слухоречевого тестирования мы предполагаем выявить фонологический дефицит у детей с РАС по сравнению типично развивающимися детьми (ТР), а также выявить разницу в восприятии речи у детей, развивающихся в моно- и билингвальной среде.

Характеристики выборки и методы исследования

В исследовании принимают участие дети в возрасте от 6 до 14 лет, типично развивающиеся и имеющие диагноз РАС; второй признак разделения — языковая среда, монолингвальная (русский язык) или билингвальная (русский и осетинский языки).

Для тестирования слухоречевого восприятия мы используем субтесты «Клиническая оценка развития базовых лингвистических компетенций» («Кораблик») (Lopukhina et al., 2019). В нашем исследовании используются пять субтестов: слуховая дифференциация псевдослов; повторение слов; повторение псевдослов; понимание существительных; понимание глаголов.

Субтест «слуховая дифференциация» содержит пары псевдослов. Часть пар представлена идентичными псевдословами, часть — псевдословами, отличающимися одним фонематическим признаком. Задачей ребенка является определение идентичности или различности псевдослов в паре. Субтест «повторение псевдослов» содержит псевдослова, образованные от существующих слов русского языка путем замены одной фонемы. Задачей ребенка является правильное повторение услышанного псевдослова. Субтест «повторение слов» содержит существительные, которые ребенок также повторяет на слух. Эти тесты позволяют оценить восприятие фонем языка.

«Понимание существительных» и «понимание глаголов» — субтесты, в рамках которых ребенок должен выбрать из четырех изображений то, которое соответствует предъявленному на слух слову. Три

неподходящих изображения соответствуют трем типам ошибок: семантической (изображенный объект (действие) близок названному по смыслу), фонетической (изображенный объект (действие) имеет название, схожее по звучанию с названием верного), иррелевантной (изображенный объект/действие не имеет отношения к предъявляемому слову).

Три типа изображений-дистракторов призваны выявить причины неверного ответа. Наличие преимущественно фонетических ошибок свидетельствует о недостаточно устойчивом образе названного объекта/действия. Поэтому при рассматривании изображений сходные по звучанию названия (непроизвольно возникающие в памяти ребенка) интерферируют с предъявленным словом, приводя к ошибке. Доминирование семантических ошибок свидетельствует о том, что у ребенка сформировался образ объекта/действия, но не сформировалось достаточного следа памяти звукового образа слова. Значительное количество иррелевантных ошибок или отсутствие явно выраженного доминирования одного из типов ошибок при значимом количестве ошибок в целом будут свидетельствовать о недостаточной концентрации участника, в том числе из-за усталости.

Сопоставление результатов слухоречевого восприятия между разными группами детей требует исключения влияния различий интеллектуального развития детей. Поэтому выборки нормализуются по уровню интеллекта.

Мы применяем традиционную методику оценки уровня интеллектуального развития – батарею тестов когнитивных способностей Кауфманов (КАВС II). По результатам тестирования рассчитывается общий стандартизованный балл – индекс интеллектуальной обработки (Mental Processing Index, MPI), который при необходимости может быть переведен в IQ-показатель.

Математические методы анализа данных

Для обработки результатов, полученных при речевом тестировании, мы используем дисперсионный анализ (ANOVA) с факторами повторных измерений. Например, при сравнении результатов субтестов «понимание существительного» и «понимание глагола» между группами детей с РАС и ТР детей мы используем факторы:

- групповой фактор – ТР/РАС (2 уровня),
- континуальный предиктор – возраст,
- фактор повторных измерений – часть речи (существительные и глаголы – 2 уровня),

- фактор повторных измерений – тип ошибки (семантическая, фонетическая, иррелевантная – 3 уровня),
- зависимая переменная – число ошибок.

Для факторов с числом уровней 3 и больше необходимо использовать поправку Гринхауса–Гейсера, в данном примере она применяется к фактору «тип ошибки».

Для оценки силы и характера зависимости качества выполнения слухоречевых задач от возраста и уровня интеллектуального развития производится расчет коэффициента многофакторной корреляции Спирмена. Уровень значимости в каждой корреляции был увеличен до $p < 0,01$ из-за наличия большого количества сравнений.

Предварительные результаты и их интерпретация

В настоящее время сбор данных не завершен, проведено тестирование только части предполагаемой выборки ТР детей и детей с РАС, живущих в монолингвальной среде, для них получены предварительные результаты. По мере увеличения выборки и проведения расчетов на расширенных данных результаты будут уточняться. Результаты исследования на билингвальной выборке также будут получены позже.

По предварительным данным, мы выявили у детей с РАС доминирование фонетических ошибок в субтестах «понимание существительного» и «понимание глагола». Поскольку зависимость частоты фонетических ошибок от интеллектуального уровня и возраста не выявлены ($R = -0,54$, $p = 0,068$), можно утверждать, что они обусловлены дефицитом процессов фонематического восприятия.

У детей-билингвов с РАС мы ожидаем увидеть увеличение общего числа ошибок по сравнению с детьми с РАС, говорящими на одном языке, в связи увеличенной нагрузкой при восприятии расширенного перечня фонем и нагрузкой на общий речевой аппарат при формировании коммуникативных навыков в двуязычной среде.

Выводы

Разработана методика оценки влияния социокультурных (билингвизм) и биологических (аутизм) факторов на восприятие речевых фонем, установлено, что для адекватной интерпретации результатов слухоречевого тестирования необходимо осуществлять нормализацию групп испытуемых по уровню интеллектуального развития.

Предварительно установлено, что дети с РАС чаще совершают фонетические ошибки и что частота этих ошибок не зависит

от уровня интеллектуального развития и возраста (в рассматриваемом диапазоне).

Литература

- Касьяненко Л. С.* Механизм просодической интерференции в русской речи кабардино-черкесских билингвов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2010.
- Dai Y. G., Burke J. D., Naigles L., Eigsti I. M., Fein D. A.* Language abilities in monolingual-and bilingual-exposed children with autism or other developmental disorders // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2018. V. 55. P. 38–49.
- Hambly C., Fombonne E.* Factors influencing bilingual expressive vocabulary size in children with autism spectrum disorders // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2014. V. 8. №9. P. 1079–1089.
- Lopukhina A., Chrabaszcz A., Khudyakova M., Korkina I., Yurchenko A., Dragoy O.* Test for assessment of language development in Russian “Korablik” // *Proceedings of the Satellite of AMLaP conference “Typical and Atypical Language Development Symposium”*. 2019. P. 30.
- Tager-Flusberg H., Paul R., Lord C.* Language and Communication in Autism // *Handbook of autism and pervasive developmental disorders: Diagnosis, development, neurobiology and behavior* / F. R. Volkmar, R. Paul, A. Klin, D. Cohen (Eds). Hoboken, N. J.: John Wiley & Sons Inc., 2005. P. 335–364.

Эмоциональный интеллект как фактор совладания со стрессом у студентов-медиков в период пандемии

М. А. Грачев (Челябинск)

В статье представлены результаты исследования структуры эмоционального интеллекта у студентов медицинского вуза в период пандемии. Выборку составили студенты Южно-Уральского государственного медицинского университета (M=31). Для исследования использовался метод тестирования. Описаны ситуации эффективного совладания со стрессом у студентов-медиков в период пандемии с помощью эмоционального интеллекта.

Введение

Пандемия COVID-19 была объявлена Всемирной организацией здравоохранения 11 марта 2020 года. По данным организации здравоохранения США CDC (Centers for Disease Control and Prevention),

за последние 2,5 года количественный прирост диагнозов «тревожность» и «депрессия» у взрослых людей составляет более 20%. Причиной подобного скачка в выявленных диагнозах считают пандемию COVID-19. Работники здравоохранения находятся в зоне максимального риска. Медики, в том числе и студенты медицинских вузов, оказались под влиянием как физического, так и психологического стресса из-за постоянной угрозы заражения.

Стресс сегодня – обширный феномен, характеризующийся динамичностью, длительностью и интенсивностью. Без сдерживающих факторов стресс может стать причиной развития различных заболеваний. Это является причиной повышенного внимания к психологическим способам преодоления стресса.

Эмоциональный интеллект (ЭИ) как концепт – предмет обсуждения многих современных исследователей. Д. В. Люсин определяет эмоциональный интеллект как «способность понимать эмоции и управлять ими». Существуют мнение, что эмоциональный интеллект может быть ресурсом преодоления стрессовых ситуаций (Fteiha, Awwad, 2020).

Дистресс и тревожность как проявление стресс-реакции – нормальный ответ психики и на пандемию (Vinkers et al., 2020).

Проблема совладания со стрессом является актуальной для всех студентов-медиков (Прилуцкая и др., 2020).

Цель работы – исследовать эмоциональный интеллект как фактор совладания со стрессом и особенности его переживания у студентов медицинского вуза в период пандемии.

Гипотеза: эмоциональный интеллект является одним из факторов совладания со стрессом у студентов медицинского вуза в период пандемии.

Выборка. Исследование проводилось в апреле 2021 г., выборку составили студенты 2–5 курсов Южно-Уральского государственного медицинского университета (M = 31).

Использованные методики: опросник «ЭМИн» Д. В. Люсина; методика Индекс Жизненного стиля Р. Плутчика в адаптации Л. И. Вассермана; методика «Модели преодолевающего поведения» С. Хобфолла в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой; тест уровня тревожности Ч. Спилбергера в адаптации Ю. Н. Ханина; тест уровня тревожности PSM-25 в адаптации Н. Е. Водопьяновой.

Для выявления структуры факторов ЭИ у испытуемых использовался факторный анализ данных проведенной психологической диагностики. Вся математическая обработка данных осуществлена при помощи статистического пакета IBM SPSS v. 26.

Результаты

По результатам проведенного исследования выявлено, что испытуемые обладают высоким показателем межличностного эмоционального интеллекта ($\bar{x} = 43,1$, $\sigma = 10,2$), средним показателем внутриличностного эмоционального интеллекта ($\bar{x} = 37,97$, $\sigma = 11,56$). Выявлено, что преобладающим механизмом психологической защиты у испытуемых является проекция ($\bar{x} = 61\%$, $\sigma = 0,2$). Поскольку, по мнению автора методики, данный механизм психологической защиты является «зрелым», можно заключить, что проекция как механизм психологической защиты помогает испытуемым справиться с возникающим стрессом. Преобладающей преодолевающей моделью поведения у испытуемых являются осторожные действия ($\bar{x} = 21,71$, $\sigma = 3,68$). На момент проведения исследования испытуемые находились в состоянии тревожности ($\bar{x} = 40,94$, $\sigma = 6,33$). Тревожность как свойство личности испытуемых зафиксирована на среднем уровне ($\bar{x} = 51,87$, $\sigma = 6,75$). На момент проведения исследования показатель стресса испытуемых находился на среднем уровне ($\bar{x} = 98,13$, $\sigma = 27,24$).

По результатам факторного анализа обнаружено, что структура ЭИ образована 7 факторами с общей долей дисперсии 80%.

Некоторые показатели составляющих ЭИ (понимание своих эмоций и управление ими, контроль экспрессии своих эмоций, внутриличностный эмоциональный интеллект, управление эмоциями в целом, а также показатель общего эмоционального интеллекта) вошли в первый биполярный фактор с максимальной долей дисперсии (20%). Для упрощения интерпретации обобщенно назовем образовавшуюся группу показателей в соответствии с одним из них «Внутриличностный ЭИ».

На одном полюсе второго выделенного фактора с долей дисперсии 17% также находятся некоторые показатели составляющих ЭИ. Для упрощения интерпретации обобщенно назовем образовавшуюся группу показателей в соответствии с одним из них «Межличностный ЭИ» (показатели, относящиеся к этой составляющей эмоционального интеллекта, являются наиболее выраженными в рассматриваемом факторе).

Остальные пять факторов не включают ни один из показателей эмоционального интеллекта. Итоги факторного анализа описаны ниже.

1. Группа показателей «Внутриличностный ЭИ» как фактор совладания со стрессом у испытуемых проявляется в отказе от нежелательной реальности, анализе вариантов и последствий раз-

решения ситуации. При условии высоких показателей этой оси ЭИ снижается вероятность усугубления переживания стресса за счет нивелирования субъективного переноса (вероятно, агрессивного характера) собственных негативных качеств на других людей и попыток ухода из стрессовой ситуации без ее решения. Также высокие показатели по этой оси ЭИ предположительно позволяют испытуемым уменьшить субъективную склонность переживать тревогу как эмоциональное состояние.

2. Группа показателей «Межличностный ЭИ» как фактор совладания со стрессом у испытуемых наиболее эффективна в ситуациях активного и уверенного взаимодействия с другими людьми с учетом понимания их эмоций; при условии высоких показателей этой оси ЭИ снижается вероятность усугубления переживания стрессовой ситуации за счет снижения вероятности ухода от решения проблем.

Выводы и обсуждение

На основе проведенного исследования делается вывод о том, что эмоциональный интеллект является одним из факторов совладания со стрессом у студентов-медиков в период пандемии. Исходя из результатов проведенного факторного анализа, тревожность как нормальная реакция человека на пандемию (Vinkers et al., 2020) также может быть снижена за счет высокого эмоционального интеллекта.

Оказавшись в стрессовой ситуации, люди с высокими показателями эмоционального интеллекта имеют набор навыков, необходимый для совладания с возникающим стрессом. Об этом пишут и зарубежные исследователи (Drigas, Papoutsis, 2020). В нашем исследовании это демонстрируется на студентах медицинского вуза. Очевидно, возникает необходимость диагностики и развития показателей эмоционального интеллекта не только у студентов-медиков. В число подверженных стрессовому влиянию пандемии попадают и другие специальности, например учителя (John, 2021).

Литература

Прилуцкая М. В., Мендуалиева Т. Т., Корацца О. Эмоциональное реагирование и копинг-стратегии среди студентов-медиков во время пандемии коронавирусной инфекции: поперечное онлайн-исследование // Наука и здравоохранение. 2020. № 4. doi: 10.34689/SH.2020.22.4.001.

Drigas A., Papoutsis Ch. The need for emotional intelligence training education in critical and stressful situations: the case of COVID-19 // International

- Journal of Recent Contributions from Engineering, Science & IT (IJES). 2020. V. 8. № 3. P. 20–36. doi: 10.3991/ijes.v8i3.17235.
- Fteiha M., Awwad N.* Emotional intelligence and its relationship with stress coping style // Health Psychology Open. 2020. V. 7. № 2. doi: 10.1177/2F2055102920970416.
- John B.* A Study of emotional intelligence and teachers' stresses in COVID Situation // Annals of the Romanian Society for Cell Biology. 2021. V. 25. № 6. P. 1096–1106.
- Vinkers C. H., van Amelsvoort T., Bisson J. I., Branchi I., Cryan J. F., Domschke K., Howers O. D., Manchita M., Pinto L., de Quervain D., Schmidy M. V., van der Wee N. J. A.* Stress resilience during the coronavirus pandemic // European Neuropsychopharmacology. 2020. V. 35. P. 12–16.

Особенности структурной интеграции и функционирования Я у лиц с рассогласованием между гендерной идентичностью и биологическим полом

В. В. Грибов (Москва)

Предполагается, что лица, желающие сменить пол, могут быть разделены на две категории. Первые — люди, ощущающие несоответствие между биологическим и психологическим полом, готовые пройти хирургическое вмешательство и гормональную терапию, чтобы перейти в желаемый пол. Вторые — люди с дисморфофобическими нарушениями, испытывающие отвращение к определенной части (частям) своего тела (например, к половым органам) и мечтающие избавиться от нее (от них). Если для первых изменение биологического пола может быть оправданно, то вторым оно не принесет никакой пользы и, возможно, усугубит их страдания. Для проверки исследовательских гипотез будут использованы: данные анамнестического интервью, опросник Аммона и метод Мея.

Транссексуализм относится к одной из важных и до конца не проясненных в эмпирических исследованиях тем половой и гендерной идентичности. Вопросы гендерной идентичности с учетом развития современных социальных трендов приобретают особенную остроту и требуют внимательного и беспристрастного рассмотрения. В последние годы эти вопросы становятся актуальными и для нашей страны. В данной работе предполагается изучение глубинной гендерной идентичности у лиц, желающих сменить пол, транссексуалов. В исследовании предполагается использовать метод оценки гендер-

ной половой идентичности Р. Мея, основанный на контент-анализе нарративов, который прежде не применялся в отечественных психологических исследованиях.

Согласно Р. Столлеру (Stoller, 1968), рассогласование между глубинной гендерной идентичностью и биологическим полом может быть вызвано как биологическими, так и психологическими факторами. В случае биологически обусловленных нарушений может быть оправданно хирургическое вмешательство, но и в этом случае не может быть однозначного и простого решения. Довольно часто люди, прошедшие через хирургическую операцию по смене пола выражают острое сожаление о принятом решении и сталкиваются с серьезными психологическими проблемами, нарушениями физического здоровья и серьезными трудностями с адаптацией в социуме.

Психологическая же причина чаще всего лежит в особенностях условий развития ребенка. Согласно Столлеру, Шерази и др., огромное влияние на становление ребенка оказывают его отношения со значимыми родительскими фигурами, особенно в период развития с 0 до 3 лет.

По представлениям Ф. Пфэффлина, транссексуализм также связан с рассогласованием между психологическим и анатомическим полом. Причем рассогласование происходит на глубинном уровне, и отследить его можно только с помощью проективных методик, которые позволяют обойти психологические защиты и добраться до глубинной идентичности, на уровне которой происходит рассогласование. Исследования Ф. Пфэффлина и его рабочей группы показывают, что после операции по смене пола МЖ-ТС женщины и ЖМ-ТС мужчины проявляли черты своих прежних полов, принятия этих черт было больше, чем до операции.

Согласно современным представлениям, гендерная дисфория — это дискомфорт, связанный с полом, определенным при рождении. Люди, у которых наблюдается стойкая гендерная дисфория, как правило, чувствуют, что их психологический пол отличается от их биологического пола, и такие люди рассматривают возможность изменения своей гендерной роли наряду с феминизацией или маскулинизацией своего тела, чтобы достичь комфортного соответствия с самим собой и своей идентичностью. Гендерная идентичность имеет отношение к тому, каким образом индивид определяет свой собственный гендер. Например, в культуре, в которой гендер дихотомичен, гендерная идентичность определяется как то, чувствует ли человек себя мужчиной или женщиной. Следует отметить, что гендерная идентичность — наряду с представлениями о гендере — зависит от психо-

логических, культурных, социальных и исторических рамок, в которых рождаются люди. При этом гендерная идентичность может быть точно определена только на психологическом уровне путем самоопределения. Только сами люди могут сказать, какого они пола.

В современном общественном сознании стран Европы и США закрепились тенденции, основанные на идее личного выбора половой принадлежности, а современные технологии способны преодолеть такие ограничения, как биологический пол. С помощью сложных пластических операций, а также курса гормональной терапии и психологической реабилитации появилась возможность полностью изменить свою внешность и привести ее в соответствие с произвольно избранным психологическим полом, гендером. При этом культивируется слабо подтвержденное данными объективных научных исследований мнение, что последствия резкой смены пола минимальны.

Согласно гипотезе исследования, среди лиц, желающих прибегнуть к операции по смене пола предполагается обнаружить две подгруппы: транссексуалы с нарушенной гендерной идентичностью (мужчина в теле женщины и наоборот), и транссексуалы с идентичностью, соответствующей биологическому полу, но с дисморφοфобическими нарушениями. Между двумя этими подгруппами транссексуалов существуют различия в Я-функционировании. При помощи Я-структурного теста Аммона предполагается выявить различия по шкалам Я-функции агрессии, тревоги и страха, внутреннего и внешнего отграничения и нарциссизма.

В качестве выборки выступают люди, которые обращаются в один из клинических центров по поводу проведения клиничко-психологической экспертизы для последующей подачи заявки на хирургическую операцию по смене пола. В выборку сравнения предполагается включить людей с соответствием психологического и биологического пола.

Планируемое исследование построено по квазиэкспериментальному плану. Для определения глубинной гендерной идентичности планируется использовать контент-анализ нарративов Р. Мэя. Для определения особенностей Я-функций будет использован опросник Аммона, который был адаптирован в Институте Бехтерева в Санкт-Петербурге. Для диагностики дисморфофобии предполагается воспользоваться опросником образа собственного тела Ярослава Исайкина. Опросник предоставляет возможность оценить степень неудовлетворенности внешностью как составным компонентом образа тела. Оценка отношения к телу отражает глобальную оценку

тела (удовлетворенность/неудовлетворенность весом, формой тела, его специфическими частями), эмоции и чувства по поводу внешности, убеждения в отношении внешности (схемы тела), определенное поведение (например, избегание смотреть на себя в зеркало, взвешиваться, посещать тренажерные залы).

Литература

- Пфэффлин Ф.* Транссексуальность. Психопатология, психодинамика, лечение. М.: Мисс Икс, 2002.
- Cherazi S.* Female Psychology: A Review // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1986. V. 34. P. 141–162.
- Barnett M.* Vaginal Awareness in the Infancy and Childhood of Girls // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1966. V. 14. № 1. P. 129–141.
- Stoller R. J.* Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity. London: Karnac Books, 1968.
- The International Encyclopedia of Human Sexuality / Eds P. Whelehan, A. Bollen. V. I. A-G. Wiley–Blackwell, 2015.

К вопросу о методике изучения познавательной потребности в процессе решения проблемной задачи

В. А. Грудинин (Москва)

В статье производится попытка осветить результаты разработки опросника оценки выраженности переживания форм познавательной потребности в процессе решения проблемной задачи. Цель исследования – разработка и пилотажная апробация опросника для изучения выраженности переживания форм познавательной потребности в процессе решения проблемной задачи. Гипотеза исследования – предположение о том, что переживание различных форм познавательной потребности на разных этапах решения проблемной задачи может быть значимо связано с успешностью решения этой задачи, но эти формы будут отличаться в зависимости от типа задачи. Выборка исследования – студенты старших курсов различных вузов России в размере 20 человек. Установлено, что наиболее испытываемой формой познавательной потребности является «интерес» независимо от типа предъявляемой проблемной задачи. Обнаружена определенная динамика форм познавательной потребности на различных этапах решения проблемной задачи, связанная с успешным и неуспешным решением.

Проблема взаимодействия когнитивного и аффективного компонентов в процессе решения различного рода проблемных задач хорошо подчеркивает афоризм Л. С. Выготского «Мыслит не мышление — мыслит человек». Процесс мышления не отрывается от контекста всей совокупности психических процессов и состояний, хотя они и могут уходить на второй план.

Для изучения непосредственно аффективных состояний в процессе решения проблемных задач был разработан опросник для изучения выраженности переживания познавательной потребности в процессе решения проблемной задачи. В основу данного опросника легли аффективные процессы, переживаемые людьми в ходе решения проблемных задач, которые ранее были выделены в работах деятельностных психологов. К этим формам относятся: интерес, удивление, ощущение противоречия, необходимость задать вопрос, необходимость получить подсказку (Рубинштейн, 2012), желание узнать принцип, уверенность и сомнения в правильность выбранного пути решения (Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980, с. 59). Данные формы и были выбраны для оценки в рамках разработанного опросника.

В качестве основного подхода к проблеме познавательной потребности была выбрана теория решения проблемных ситуаций А. М. Матюшкина, в рамках которой познавательная потребность определяется как «ощущаемая человеком необходимость в отсутствующем знании, способе или условиях действия, требуемых для достижения поставленной цели при выполнении теоретического или практического задания» (Матюшкин, 2017, с. 180).

Актуальность изучения данной проблемы обусловлена тем, что в настоящее время многие аспекты нашей жизни подвержены «цифровизации» и не совсем понятно, каким образом это повлияет на мотивационную сферу человека, который решает задачи в цифровом пространстве. К тому же до сих пор актуально противопоставление рационального и аффективного, ведущая роль отдается первому, а роль второго упоминается только в отрицательном влиянии на успешность решения задачи.

Цель данного исследования — разработка и пилотажная апробация опросника для изучения выраженности переживания форм познавательной потребности в процессе решения проблемной задачи.

Гипотезы исследования: 1) формы переживания познавательной потребности различны на разных этапах решения проблемных задач; 2) различные типы проблемных задач связаны с разными формами переживания познавательной потребности.

Выборку исследования составили студенты старших курсов различных государственных вузов России (ЦФО), обучающиеся по гуманитарным (16 человек в возрасте от 21 до 25 лет) и техническим (4 человека в возрасте от 22 до 25 лет) специальностям. Общий объем выборки – 20 человек. Половые особенности выборки в процессе исследования не учитывались. Для обработки полученных данных использовались следующие статистические методы: χ^2 , непараметрический корреляционный анализ Спирмена. Исследование проводилось по интраиндивидуальному плану.

Опросник представляет собой 8 вертикальных шкал с нумерацией от 0 до 10, сверху каждой шкалы указана одна из 8 выделенных форм познавательной потребности. При этом добавлены еще 3 «пустые» шкалы, чтобы участник исследования мог добавить свою собственную форму на случай, если представленного перечня ему недостаточно. Участникам предлагалось оценить три раза в течение решения одной проблемной задачи те формы познавательной потребности, которые они испытывают в данный момент и оценить их выраженность. В ходе экспериментального исследования участникам предлагалось решить 4 задачи, 2 из которых геометрической направленности: «универсальная пробка» и «неизмеряемый сосуд» (Матюшкин, 2017) и 2 литературной: фрагменты рассказов А. П. Чехова «Крыжовник» и «Пересолил» (ПСОХТ, Матюшкина, 2015).

За основу этапов решения проблемной задачи были взяты 5 этапов, выделенных А. М. Матюшкиным: 1) использование известных способов решения – этап «закрытого» решения проблемы; 2) расширение области поиска новых способов решения – этап «открытого» решения проблемы; 3) нахождение нового отношения или принципа действия; 4) реализация найденного принципа; 5) проверка правильности полученного решения. В процессе теоретического планирования исследования было принято решение объединить 1-й и 2-й, 4-й и 5-й этапы, что обусловлено попыткой избежать излишне частого предъявления опросника в ходе решения проблемной задачи, что впоследствии могло негативно сказаться как на успешности решения проблемной задачи, так и на переживаниях участников. Также для оценки успешности решения проблемных задачи были разработаны 4 уровня правильности решения.

В ходе исследования было установлено, что наиболее частой формой переживания познавательной потребности в задачах геометрического типа были «интерес» и «удивление», а в задачах литературного типа «интерес» и «уверенность в правильности выбранного пути решения». Были обнаружены значимые различия в частоте пережи-

вания удивления на первом этапе решения проблемных задач «универсальная пробка» и «крыжовник» ($\chi^2=7,01$; $p<0,01$); переживании удивления на втором этапе решения проблемных задач «универсальная пробка» и «пересолил» ($\chi^2=7,17$; $p<0,01$). Подобные различия могут быть объяснены непосредственно содержанием проблемной задачи: если первые две задачи направлены на поиск способа действия («неизмеряемый сосуд») и открытия нового условия применения предмета действия («универсальная пробка»), то задачи «литературного» типа основаны на анализе ситуации и высоком уровне абстракции, понимании контекста ситуации и ведущей идейной составляющей.

В результате корреляционного анализа была обнаружена отрицательная связь между выраженностью удивления на втором этапе решения проблемной задачи «универсальная пробка» и успешностью решения данной задачи ($r=-0,457$, $p=0,043$). Установлена статистически значимая отрицательная связь между формами «необходимость задать вопрос» ($r=-0,588$, $p=0,006$), «необходимость получить подсказку» ($r=-0,542$, $p=0,013$) и «желание узнать принцип» ($r=-0,533$, $p=0,016$) на третьем этапе решения задачи «универсальная пробка».

Также была обнаружена статистически значимая связь между формами «уверенности в правильности выбранного пути решения» на первом ($r=0,517$, $p=0,02$) и втором ($r=0,584$, $p=0,007$) этапах решения проблемной задачи «пересолил», на основании чего можно говорить о том, что переживание данной формы познавательной потребности в процессе решения «литературной» проблемной задачи приводит к успешному решению данных задач. Помимо этого, была обнаружена значимая связь между переживанием интереса на третьем этапе решения проблемной задачи и успешностью ее решения ($r=0,448$, $p=0,048$).

Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом: в случае, когда имеет место «запаздывание» переживания удивления и оно не переживается на первом этапе решения проблемной задачи «геометрического» типа, вероятность неуспешного решения задачи увеличивается. Отсюда можно предположить и обратное влияние в случае, если на первом этапе решения проблемной задачи «геометрического» типа переживается «удивление», то это может увеличивать вероятность успешного решения. При этом переживание «интереса» в процессе всего решения и особенно сохранение его на последнем этапе может оказывать значимое влияние на дальнейшую успешность решения проблемной задачи «геометрического» типа.

Полученные результаты отчасти подтверждают эффективность разработанного опросника, но исследование не лишено условностей и ограничений. Одним из основных выступает вопрос о времени предъявления опросника и количестве форм познавательной потребности, которые он должен содержать. В процессе исследования была обнаружена проблема «вырывания» участников из контекста задачи. Поэтому дальнейшая работа требует как методологической проработки самой методики, так и расширения объема выборки и определения четких критериев ее формирования.

Литература

- Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К.* Эмоции и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Матюшкин А. М.* Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: Учебное пособие. М.: ИД «Международные отношения», 2017.
- Матюшкина А. А.* Уровни решения проблемного задания как отражение глубины мышления // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2015. № 3 С. 93–107.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: Питер, 2012.

Психическое здоровье и отношение к ребенку у беременных женщин в период пандемии COVID-19*

А. А. Деева, С. С. Савеньшева (Санкт-Петербург)

Исследование посвящено изучению психического здоровья беременных женщин и их отношения к беременности и ребенку в ситуации пандемии COVID-19. В исследовании приняло участие 50 беременных женщин (средний возраст женщин – 30,1 лет, средний срок беременности – 28,78 недель). Методы исследования: шкала психологического функционирования Т. Ахенбаха, методика «Тест отношений беременной» И. В. Добрякова, шкала оценки пренатальной привязанности Дж. Кондона, методика реактивной и личностной тревожности Спилбергера–Ханина, шкала оценки влияния травматического события Д. Вейса. Исследование выявило уровень выраженности ситуативной тревоги выше среднего, склонность к депрессивным, но не тревожным расстройствам у беременных женщин, а также

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-04-60386.

показало, что процент женщин с симптомами ПТСР выше, чем в период до пандемии коронавируса. Отношение к беременности и ребенку у беременных женщин характеризуется преобладанием оптимального типа отношения к беременности и уровнем пренатальной привязанности выше среднего. Обнаружена тесная связь отношения к беременности и ребенку и показателей тревожности, депрессии и ПТСР.

Введение

Известно, что на внутриутробное развитие ребенка влияют испытываемые матерью эмоции, а отношение женщины к своей беременности и к еще не родившемуся ребенку может повлиять на ее отношение к нему уже в постнатальном периоде (Добряков, 2009). Поскольку ситуация, связанная с пандемией коронавирусной инфекции, представляет собой источник стресса (Акименко, 2020), важно рассмотреть ее влияние на психическое здоровье женщин на этапе беременности, а также проанализировать влияние фактора отношения к беременности и ребенку на психическое здоровье беременной женщины.

Целью исследования является изучение взаимосвязи психического здоровья беременных женщин и их отношения к беременности и ребенку в ситуации пандемии COVID-19.

Гипотеза исследования: уровень тревожности, депрессии и стресса беременных женщин выше в период пандемии COVID-19 и тесно связан с отношением к беременности и ребенку – при более позитивном отношении к беременности и ребенку характерен меньший уровень их выраженности.

Выборка. В исследовании приняли участие 50 беременных женщин. Средний возраст женщин – 30,1 (min – 21, max – 38 лет). Средний срок беременности составил 28,78 недель (min – 10, max – 40 нед.).

Методы статистической обработки: анализ средних, частотный анализ, корреляционный анализ по Спирмену.

Методы исследования: шкала психологического функционирования Т. Ахенбаха (The Achenbach System of Empirically Based Assessment) (показатели – депрессивные и тревожные расстройства), методика «Тест отношений беременной» И. В. Добрякова, шкала оценки пренатальной привязанности Дж. Кондона (Maternal Antenatal Attachment Scale, MAAS), методика реактивной и личностной тревожности Спилбергера–Ханина (показатель – ситуативная тревожность), шкала оценки влияния травматического события Д. Вейса (Impact of Event Scale, IES).

Результаты и их интерпретация

В результате изучения психического здоровья беременных женщин было выявлено следующее.

По параметру «депрессивные расстройства» шкалы психологического функционирования у женщин в исследуемой выборке средний балл составляет 60,74 ($\max > 70$). Частотный анализ показал, что для 66% выборки характерно нормальное функционирование, отсутствие тенденции к депрессивным расстройствам, 22% находятся в зоне риска и у 12% отмечается тенденция. По параметру «тревожные расстройства» средний балл выборки составил 56,32 ($\max > 70$). Частотный анализ выявил, что для 90% выборки характерно нормальное функционирование, отсутствие тенденции к тревожным расстройствам, 10% находятся в зоне риска по тенденции к тревожным расстройствам.

Женщины из исследуемой выборки имеют средний балл по выраженности ситуативной тревожности – 42,98 ($\max > 46$). В результате частотного анализа было выявлено, что 44% беременных женщин имеют средний уровень выраженности ситуативной тревоги, 38% – высокий и 18% низкий уровень выраженности.

По шкале оценки влияния травматического события у данной выборки отмечается средний балл – 21,36, свидетельствующий об отсутствии симптомов посттравматического стрессового расстройства. У 10% выборки наблюдается критический уровень выраженности симптомов ПТСР, что превышает результаты зарубежных исследований ПТСР у беременных женщин до периода пандемии (4–5%).

Таким образом, можно сказать, что у беременных женщин наблюдается уровень выраженности ситуативной тревоги выше среднего, склонность к депрессивным, но не тревожным расстройствам. У части женщин отмечаются симптомы посттравматического стрессового расстройства.

Изучение особенностей отношения к беременности и к ребенку у беременных женщин выявило следующее.

По результатам теста отношений беременной было установлено, что для женщин исследуемой выборки наиболее выражен оптимальный вариант ПКГД (5,34). На втором и третьем месте – эйфорический (1,38) и тревожный (1,26), соответственно. Менее выраженными являются гипогестогнозический (0,7) и депрессивный (0,2) типы.

Качество пренатальной привязанности находится на уровне выше среднего (41,82 балла, $\max = 50$), интенсивность включения – на уровне чуть выше среднего (26,88 балла, $\max = 40$), общий показатель при-

вязанности – на уровне выше среднего (73,04 балла, $max = 95$). Таким образом, большинство женщин адекватно положительно относятся к своей беременности и ребенку, следят за своим самочувствием и развитием ребенка.

Изучение особенностей взаимосвязи эмоционального состояния беременных женщин и отношения к ребенку выявило следующее.

Оптимальный тип ПКГД, качество привязанности, общий показатель привязанности отрицательно коррелируют с ситуативной тревожностью, тревожными и депрессивными расстройствами ($p < 0,01$). Вдобавок оптимальный тип ПКГД отрицательно коррелирует с общим уровнем ПТСР ($p < 0,01$). Тревожный тип ПКГД и депрессивный тип ПКГД положительно коррелируют с ситуативной тревожностью, склонностью к тревожным и депрессивным расстройствам ($p < 0,01$). Также тревожный тип ПКГД положительно коррелирует с общим уровнем ПТСР ($p < 0,01$).

Таким образом, можно сказать, что для беременных женщин с высоким уровнем качества привязанности, общей пренатальной привязанностью и оптимальным типом отношения к беременности характерны низкий уровень ситуативной тревожности и низкий уровень склонности к тревожным и депрессивным расстройствам, также женщинам с оптимальным типом отношения к беременности не свойственны посттравматические переживания. Женщинам с тревожным и депрессивным типом отношения к беременности свойственны высокий уровень ситуативной тревожности и высокая склонность к тревожным и депрессивным расстройствам. Кроме того, для женщин с тревожным типом отношения к беременности характерны посттравматические переживания.

Заключение

Проведенное исследование показало, что психическое здоровье беременных женщин тесно связано с отношением к беременности и ребенку. В связи с вышеизложенными результатами можно предположить, что позитивное отношение к беременности и ребенку является важным фактором и ресурсом, позволяющим беременной женщине справляться с такой хронической стрессовой ситуацией как пандемия коронавируса COVID-19.

Выводы

1. Изучение психического здоровья беременных женщин выявило уровень выраженности ситуативной тревоги выше среднего, склонность к депрессивным, но не тревожным расстройствам.

У части женщин отмечаются симптомы посттравматического стрессового расстройства и их процентный показатель выше, чем в период до пандемии коронавируса.

2. Отношения к беременности и к еще не родившемуся ребенку характеризуется как положительное, выраженное в оптимальном типе ПКГД и показателях выше среднего по пренатальной привязанности.
3. Анализ взаимосвязей эмоционального состояния и отношения к ребенку во время беременности показал, что беременным женщинам с тревожным и депрессивным типом отношения к беременности свойственны переживания значительной тревоги и тенденция к тревожным и депрессивным расстройствам. Также для женщин с тревожным типом отношения к беременности характерны посттравматические переживания.

Для женщин с высоким уровнем пренатальной привязанности и оптимальным типом отношения к беременности характерны более низкий уровень ситуативной тревоги, склонности к тревожным и депрессивным расстройствам, а также симптомы ПТСР.

Литература

- Акименко Г. В., Кирина Ю. Ю., Начева Л. В., Селедцов А. М. Психология эпидемии: как пандемия (COVID-19) влияет на психику людей // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1. № 4. С. 45–54.
- Добряков И. В. Перинатальная психология. СПб.: ИД «Питер», 2009.

Качество жизни женщин с благоприятным и неблагоприятным течением рака молочной железы*

М. А. Демчук, Е. А. Евстафеева (Челябинск)

В работе представлены результаты сравнительного анализа показателей качества жизни у женщин, больных раком молочной железы с благоприятным и неблагоприятным течением болезни. В группу с благоприятным течением болезни вошли женщины, больные раком молочной железы на стадии полной ремиссии и со стабилизацией болезни. В группу женщин с неблагоприятным течением рака молочной железы включались пациенты в случае генерализации процесса, рецидива, прогрессии опухоли. У всей выборки женщин оценивались показате-

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 21-18-00434.

ли качества жизни (физическое, психическое и социальное функционирование) с помощью методики SF-36. Всего в исследовании приняли участие 202 женщины с диагнозом рака молочной железы с благоприятным ($N = 149$) и неблагоприятным ($N = 53$) течением болезни. Результаты сравнительного анализа показали отсутствие достоверных различий в показателях качества жизни между группой женщин, больных раком молочной железы с благоприятным течением заболевания и группой женщин с неблагоприятным течением болезни. Значения показателей качества жизни в обеих исследуемых группах средние и ниже среднего.

Рак молочной железы входит в группу наиболее распространенных видов рака во всем мире. В России рак молочной железы является ведущей онкологической патологией у женщин, которая приводит к ухудшению здоровья, потере трудоспособности, инвалидности и ранней смерти.

Несмотря на достижения медицины в диагностике, системе профилактики, уменьшении агрессивности лечения женщин, больных раком молочной железы, специалистам требуются дополнительные критерии для оценки эффективности лечения данного онкозаболевания.

В современной онкологии таким важным дополнительным критерием, связанным с прогнозом выживаемости, является качество жизни женщин (Мусаева, Дыхно, Слонимская, 2005). Качество жизни – интегральная характеристика физического, психического и социального функционирования здорового и больного человека, основанная на его субъективном восприятии (Ионова, 2019). Изучение параметров качества жизни женщин, больных раком молочной железы, дает возможность выявить факторы, влияющие на течение болезни и прогноз выживаемости.

Целью данного исследования являлось изучение ключевых аспектов качества жизни женщин, больных раком молочной железы с благоприятным и неблагоприятным течением заболевания.

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что оценка качества жизни у женщин, больных раком молочной железы и имеющих благоприятное течение заболевания, будет выше по сравнению с оценкой качества жизни женщин с неблагоприятным течением онкозаболевания.

Методы исследования: опрос, методы описательной статистики, сравнительный анализ (с использованием непараметрического критерия U Манна–Уитни). Статистическая обработка данных осуществлялась в программе SPSS Statistics.

В исследовании приняли участие 202 женщины в возрасте от 26 лет до 80 лет, проживающие в России. В первую клиническую группу вошли женщины (N = 149) (группа 1), больные раком молочной железы и с благоприятным течением болезни. Под благоприятным течением болезни понимается полная ремиссия (полное исчезновение всех опухолевых проявлений заболевания, подтвержденное теми же методами исследования, которыми эти изменения выявлялись, и при необходимости дополнительными методами исследования); стабилизация болезни (незначительный рост или уменьшение опухоли без появления новых очагов поражения, при котором невозможно отнести эти изменения ни к прогрессированию болезни, ни к частичной регрессии). Вторая клиническая группа (N = 53) (группа 2) – женщины, больные раком молочной железы с неблагоприятным течением болезни. Под неблагоприятным течением болезни подразумевается генерализация процесса (распространение болезненного процесса по всему органу или даже организму), рецидив (возвращение злокачественного заболевания после периода ремиссии), прогрессия опухоли (появление новых отдаленных метастазов рака с последующими возможными качественными изменениями в структуре новообразования).

Для исследования качества жизни женщин, больных раком молочной железы, использовался опросник SF-36 (36-Item Short-Form Health Survey). Опросник позволяет оценить физическое, психологическое и социальное функционирование пациента: общее состояние здоровья (GH); физическое функционирование (PF); ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием (RP); ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием (RE); социальное функционирование (SF); интенсивность боли (BP); жизненная активность (VT); психическое здоровье (MH).

Полученные в результате психологической диагностики средние значения показателей качества жизни у женщин, больных раком молочной железы, значительно отличаются от максимальных показателей качества жизни (100 баллов). Практически все показатели качества жизни находятся на среднем уровне или ниже среднего. В группе 1 выявлены следующие средние значения и стандартное отклонение: PF-M = 65,20; SD = 25,82; RP-M = 37,63; SD = 43,35; BP-M = 57,77; SD = 30,74; GH-M = 51,34; SD = 28,93; VT-M = 52,41; SD = 26,01; SF-M = 61,80; SD = 27,54; RE-M = 42,13; SD = 42,37; MH-M = 50,53; SD = 24,68). В группе 2 выявлены следующие средние значения и стандартное отклонение: PF-M = 63,39; SD = 35,42; RP-M = 30,96; SD = 42,15; BP-M = 52,07; SD = 24,50; GH-M = 48,73; SD = 25,48;

VT-M = 48,58; SD = 22,75; SF-M = 69,09; SD = 25,19; RE-M = 33,66; SD = 41,08; MH-M = 52,01; SD = 26,37). Выше среднего оценка качества жизни у женщин, больных раком молочной железы, по показателям физического (RF) и социального функционирования (SF). Полученные результаты свидетельствуют о значительном влиянии состояния здоровья на выполнение женщинами физических нагрузок. При этом физическое и эмоциональное состояние женщин, больных раком молочной железы, не препятствует их социальной активности.

Достаточно низко женщины, больные раком молочной железы, оценивают свое функционирование, обусловленное физическим состоянием (RP). Показатели ниже среднего свидетельствуют о том, что проблемы со здоровьем, плохое физическое состояние значительно ограничивают выполнение работы и повседневных дел.

Кроме того, низкие значения обнаружены по показателю ролевого функционирования, обусловленного эмоциональным состоянием (RE). Результаты свидетельствуют о том, что эмоциональное состояние онкобольных женщин мешает выполнению работы или другой обычной повседневной деятельности. Требуются большие временные затраты на выполнение работы, уменьшается объем, снижается ее качество.

Остальные значения качества жизни у женщин, больных раком молочной железы, находятся на среднем уровне. Невысокий уровень жизненной активности, психического здоровья свидетельствует об утомлении и сниженной жизненной активности, о сниженном эмоциональном фоне онкопациенток. Женщины, больные раком молочной железы, оценивают на среднем уровне общее состояние своего здоровья (GH) и интенсивность боли (BP), что свидетельствует о влиянии болезни на способность заниматься повседневной деятельностью, включая работу по дому и вне дома.

Для выявления статистических различий по показателям качества жизни у женщин, больных раком молочной железы с благоприятным и неблагоприятным течением болезни, в анализе данных использовался непараметрический критерий U Манна—Уитни. В результате сравнительного анализа не получены достоверные различия по всем показателям качества жизни (SF-36) между исследуемыми группами женщин, больных раком молочной железы ($p > 0,05$).

Таким образом, полученные результаты указывают на значительное влияние физического и эмоционального состояния женщин, больных раком молочной железы с благоприятным и неблагоприятным течением заболевания, на выполнение различного рода деятельности.

Результаты сравнительного анализа показали, что оценка качества жизни у женщин, больных раком молочной железы с неблагоприятным течением болезни, не отличается от оценки женщин, больных раком молочной железы с благоприятным течением болезни. Можно предположить, что онкозаболевание оказывает значительное влияние на физическое и психологическое состояние пациенток, снижая качество их жизни во всех сферах деятельности. Несмотря на наличие благоприятного прогноза в лечении заболевания, на фоне болезни у женщин сохраняется невысокая оценка своего физического и психического состояния. Возможно, для улучшения оценки качества жизни у женщин, больных раком молочной железы, требуется продолжительный безрецидивный период, который изменит субъективное восприятие пациентками своего физического, психического и социального функционирования.

Литература

- Ионова Т. И.* Значение исследования качества жизни в современном здравоохранении // Качество и жизнь. 2019. Т. 1 (21). С. 3–8.
- Мусаева Н. Э., Дыхно Ю. А., Слонимская Е. М.* Качество жизни больных при раке молочной железы // Сибирский онкологический журнал. 2005. № 2 (14). С. 50–55.

Модифицированный вариант Эзопова теста: исследование наглядно-действенного мышления серых ворон (*Corvus cornix*)*

*Е. А. Диффинэ, К. Н. Кубенко, Л. Р. Булгакова,
М. А. Чеплакова, А. А. Смирнова (Москва)*

С серыми воронами провели Эзопов тест, в котором, в отличие от предыдущих исследований, использовали 5 цилиндров (четыре, заполненные водой или песком на $\frac{2}{3}$ или $\frac{1}{3}$, и один пустой), а также два типа объектов (камни и кусочки пробки). Ни одна из 10 ворон не добыла приманку. Далее 6 ворон обучили помещать тонущий объект в цилиндр для получения приманки, повторно провели Эзопов тест и вновь получили отрицательный результат.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-015-00287-А, по Госзаданию № 121032500080-8 и при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

Введение

При помощи Эзопова теста оценивают наличие представления о свойстве тонущих объектов поднимать уровень воды. Дети младше семи лет справляются с ним лишь с четвертой-пятой пробы (Cheke et al., 2012). С похожей задачей некоторые орангутаны и шимпанзе справились с первой пробы (Hanus et al., 2011). Представителей нескольких видов врановых птиц вначале обучали бросать камни в цилиндр (Bird, Emery, 2009; Taylor et al., 2011). После этого проводили тесты, в которых им предлагали выбрать между двумя цилиндрами, один из которых заполнен водой, а другой — песком, или между подходящими и не подходящими для решения задачи объектами — тонущими или плавающими. Оценивая, как быстро животные начинают справляться с подобными задачами, пытаются выяснить, есть ли у них представление о свойстве тонущих объектов поднимать уровень воды или могут ли они его сформировать в ходе тестирования. Метаанализ полученных на врановых птицах данных указывает на то, что, как и дети младше 7 лет, врановые в большинстве случаев решали эти задачи не с первой пробы, а благодаря обучению в ходе повторных предъявлений теста (Hennefield et al., 2018). Обучались ли птицы при этом чему-то большему, чем повторение действий, приближающих приманку, остается неизвестным. Целью нашей работы было выяснить, есть ли у серых ворон ранее сформированное представление о свойстве тонущих объектов поднимать уровень воды, а если нет, то способны ли они сформировать его в результате обучения в ходе эксперимента.

Методика и результаты

Исследование проводили на двух группах птиц: сначала на четырех молодых (полутороговых), а затем на трех взрослых (одной трехлетней и двух старше 10 лет). Всем птицам дали возможность ознакомиться со свойствами компонентов задачи сначала в жилом вольере (месяц), а затем в экспериментальной клетке (5 серий по 15 мин каждая). Для этого к стенке вольера или экспериментальной клетки прикрепляли прозрачные пластиковые цилиндры: часть из них была заполнена водой или песком либо доверху, либо на $\frac{1}{3}$, а некоторые были пустыми (приманку в цилиндры не помещали). Перед цилиндрами размещали поддон с камнями и кусочками пробки. В цилиндрах, установленных в вольере, за весь месяц были обнаружены только 4 кусочка пробки. В экспериментальной клетке вороны не помещали в цилиндры никаких объектов.

Далее с ними провели модифицированный нами вариант Эзопова теста, в котором птицам нужно было выбирать между двумя типами объектов (камнями и кусочками пробки) и пятью типами цилиндров (два были заполнены водой и песком до уровня, на полсантиметра ниже доступного воронам, т. е. примерно на $\frac{2}{3}$; два были заполнены водой и песком на $\frac{1}{3}$ и один был пустым). В каждый из цилиндров помещали личинку мучного хрущака, привязанную к кусочку пробки. Поддон с камнями и кусочками пробки размещали около противоположной стенки клетки. Ворона могла достать приманку, поместив 3–5 камней в цилиндр, заполненный водой на $\frac{2}{3}$. Использование пяти цилиндров уменьшало вероятность первого случайного правильного решения и влияние обучения на результат теста. За 3 сессии (10 мин каждая) ни одна из семи ворон не поместила в цилиндры никаких объектов.

Для того чтобы выяснить, могут ли вороны понять структуру этой задачи и сформировать представление о свойстве тонущих объектов поднимать уровень воды, далее их учили помещать тонущие объекты в цилиндр с водой для получения приманки. При обучении использовали один цилиндр, заполненный на $\frac{2}{3}$ водой (на ее поверхности плавала приманка). На краю цилиндра закрепляли прозрачную платформу и помещали на нее камень (для молодых птиц) или гайку (для взрослых). После того как ворона 5 раз подряд получала приманку, сбрасывая объекты с платформы в воду, платформу перемещали ниже. Шесть ворон удалось обучить поднимать объекты с пола и помещать их в цилиндр: трем молодым потребовалось для этого 17, 24 и 51 проб, а трем взрослым – 5, 15 и 23 проб (пробу считали выполненной, когда ворона получала приманку).

Для того, чтобы получение приманки было ассоциировано со всеми типами цилиндров, а не только с использованным в ходе обучения, далее птицам дали возможность получить приманку из остальных четырех типов цилиндров, выбор которых в тесте будет «неправильным». Для этого в стенках трех из них (заполненных водой и песком на $\frac{1}{3}$ и пустом) были проделаны отверстия. Все шесть ворон получили приманку из всех четырех типов цилиндров равное или большее число раз, чем в ходе обучения с использованием цилиндра, заполненного водой на $\frac{2}{3}$. Анализ первых пяти проб этой серии показал, что молодые птицы (но не взрослые) помещали в эти цилиндры камни, хотя делать это для получения приманки не требовалось.

Для того чтобы выяснить, чему именно обучились птицы, с ними повторно провели Эзопов тест с пятью типами цилиндров и двумя типами объектов (камнями и кусочками пробки). Ни одна из ворон

за три тестовые сессии (10 мин каждая) не добыла приманку. Только одна молодая ворона помещала камни в цилиндр, заполненный водой на $\frac{2}{3}$, но в недостаточном для получения приманки количестве. Вторая молодая ворона помещала камни в цилиндр, заполненный песком на $\frac{2}{3}$, а кусочки пробки — в цилиндры, заполненные водой и песком на $\frac{2}{3}$. Среди взрослых птиц одна поместила в цилиндр, заполненный песком на $\frac{1}{3}$, кусочек пробки и камень. Другие две взрослые птицы, как и одна молодая, не помещали в цилиндры никаких объектов. Тот факт, что лишь одна взрослая ворона один раз поместила в цилиндр камень, вероятно, обусловлен тем, что камни для этой группы птиц были новыми объектами — их обучали помещать в цилиндр гайки. Отрицательный результат теста свидетельствует о том, что в ходе обучения и молодые, и взрослые вороны скорее сформировали ассоциацию между помещением камня в цилиндр и получением приманки, чем поняли структуру этой задачи и сформировали представление о свойстве любых тонущих объектов поднимать уровень воды.

В последующих этапах участвовали только две взрослые вороны. Для того чтобы выяснить, какие именно факторы влияют на их поведение, далее мы пошагово приближали условия теста к тем, которые были использованы при обучении. Вначале ситуацию упростили, разместив камни и кусочки пробки непосредственно около цилиндров. Ни одна из двух ворон за три двадцатиминутных сессии не помещала никаких объектов в цилиндры. После этого заменили камни на гайки — объекты, которые были использованы при обучении, и вновь разместили их около противоположной стенки клетки. В этом случае одна из двух взрослых ворон справилась с Эзоповым тестом: ей удавалось добыть приманку из цилиндра, заполненного водой на $\frac{2}{3}$ в каждой из четырех двадцатиминутных серий. При этом она ни разу не помещала в цилиндры кусочки пробки.

Заключение

Таким образом, лишь одна из взрослых ворон справилась с Эзоповым тестом и только тогда, когда ей предоставили тот же объект, что был использован при обучении. Этот результат свидетельствует о том, что обучения с одним типом объектов оказалось недостаточным для формирования у ворон представления о свойстве любых тонущих объектов поднимать уровень воды.

Литература

Bird C. D., Emery N. J. Rooks use stones to raise the water level to reach a floating worm // *Curr. Biol.* 2009. V. 19. P. 1410–1414.

- Cheke L. G., Loissel E., Clayton N. S. How Do Children Solve Aesop's Fable? // PLoS One. 2012. V. 7 (7). e40574. doi: 10.1371/journal.pone.0040574.
- Hanus D., Mendes N., Tennie C., Call J. Comparing the Performances of Apes (*Gorilla gorilla*, *Pan troglodytes*, *Pongo pygmaeus*) and Human Children (*Homo sapiens*) in the Floating Peanut Task // PLoS One. 2011. V. 6. № 6. e19555. doi: 10.1371/journal.pone.0019555.
- Hennefield L., Hwang H. G., Weston S. J., Povinelli D. J. Meta-analytic techniques reveal that corvid causal reasoning in the Aesop's Fable paradigm is driven by trial-and-error learning // Anim. Cogn. 2018. 21. P. 735–748. doi: 10.1007/s10071-018-1206-y.
- Taylor A., Elliffe D., Hunt G., Emery N., Clayton N., Gray R. New Caledonian crows learn the functional properties of novel tool types // PLoS One. 2011. V. 6 (12). e26887.

Влияние состояния микросна на эффективность запоминания лекционной информации в виртуальной среде

Д. А. Докучаев, К. А. Пушкарева (Москва)

Цель исследования состояла в изучении сопряженности нарушения гигиены сна с состояниями микросна и успешности запоминания лекционной информации в виртуальной среде. Гипотеза исследования: чем чаще возникают состояния микросна во время просмотра лекции в виртуальной среде, тем меньше объем сохранения лекционной информации. Данная гипотеза полностью подтверждена результатами электроэнцефалограммы (ЭЭГ), на которой микросон фиксировался как участок гиперсинхронизации медленноволновой активности длительностью более трех секунд. Выявлена обратная корреляция между количеством правильных ответов и частотой фиксации состояний микросна во время просмотра лекционной информации.

Переход на дистанционную форму обучения во время пандемии COVID-19 показал, что современное общество не готово к цифровизации. С одной стороны, от педагогов поступало множество жалоб на отсутствие обратной связи от обучающихся. С другой стороны, возникли проблемы и у самих школьников, поскольку при обучении в домашней обстановке появлялось множество отвлекающих факторов, ведущих к потере внимания. Недостаток двигательной активности, изоляция приводили к нарушению гигиены сна, что также негативно сказывалось на продуктивности учебной деятельности.

ти, в частности, из-за возникновения состояния микросна, особого состояния в ритме сон-бодрствования, возникающего из-за недостатка ночного сна и характеризующегося кратким выключением сознания. В связи с этим изучение продуктивности воспроизведения лекционной информации, прослушанной в виртуальной среде, представляется актуальным.

Целью настоящего исследования является изучение сопряженности частоты проявления состояний микросна во время лекционного занятия в условиях виртуальной среды и объема воспроизведения лекционного материала.

Материалы и методы

В исследовании принимали участие 30 школьников 10-го класса г. Москвы. Средний возраст респондентов – 16 лет.

Для анализа активности мозговых волн и диагностики состояний микросна использовался энцефалограф «Энцефалан-ЭЭГР-19/26» фирмы «Медиком-МТД» (19 отведений). По схеме 10–20, монополярно, в полосе пропускания 0,5–50 Гц. Регистрация проводилась в телеметрическом режиме. Запись ЭЭГ была автоматически просканирована на наличие артефактов, которые устранялись вручную. Эпохи для анализа выбирались после удаления артефактов. Длина одной эпохи – 10 секунд. На электроэнцефалограмме состояние микросна регистрировалось как гиперсинхронная медленно-волновая активность.

Первым этапом эксперимента была запись фона – активности мозговых волн в состоянии покоя (сидя, с закрытыми глазами).

Далее предоставлялась лекция на русском языке (платформа TED) «Что нам рассказали 83000 сканирований мозга».

После лекции респонденту задавалось 8 вопросов, связанных с содержанием просмотренного материала.

Статистический анализ проводился в программе SPSS v. 24. Использовался корреляционный анализ (критерий Спирмена) и сравнительный анализ (критерий Краскела–Уоллиса) для сопоставления показателей спектра мощности в разных группах респондентов: группа 1 – эпизодов микросна не обнаружено, группа 2 – выявлен один эпизод микросна, группа 3 – зарегистрировано более двух эпизодов микросна.

Результаты

Статистический анализ выявил значимую корреляцию между количеством правильных ответов на вопросы о содержание лекции

и количеством зарегистрированных фактов микросна ($r_s = -0,725$, $p = 0,0001$).

В первую группу вошло девять человек из тридцати участников эксперимента, которые правильно ответили на все вопросы. У данных девяти респондентов состояния микросна выявлено не было. Состояния микросна также не было выявлено у двух из шести респондентов, правильно ответивших на семь из восьми лекционных вопросов. У остальных 18 респондентов было выявлено состояние микросна и количество правильных ответов варьировало от 5 до 7 (среднее значение – 5,9, медиана – 6).

Статистически значимые различия в отведениях ЭЭГ правого полушария у респондентов с разным количеством эпизодов микросна обнаружены в отведениях: O2 ($\chi^2 = 28,98$, $p = 0,05$), P4 ($\chi^2 = 14,83$, $p = 0,04$), C4 ($\chi^2 = 15,44$, $p = 0,001$), F4 ($\chi^2 = 8,67$, $p = 0,01$), Fp2 ($\chi^2 = 6,31$, $p = 0,04$), T6 ($\chi^2 = 4,89$, $p = 0,04$), T4 ($\chi^2 = 13,57$, $p = 0,01$), F8 ($\chi^2 = 10,39$, $p = 0,04$). Средние значения показателей спектра мощности по всем отведениям составили: в группе респондентов без микросна – 2,40 мВ²; в группе респондентов с одним эпизодом микросна – 4,08 мВ²; в группе респондентов с зарегистрированными двумя и более эпизодами микросна – 5,18 мВ².

Статистически значимые различия в отведениях ЭЭГ левого полушария у респондентов с разным количеством эпизодов микросна по отведениям: O1 ($\chi^2 = 6,35$, $p = 0,04$); P3 ($\chi^2 = 15,16$, $p = 0,01$); C3 ($\chi^2 = 9,73$, $p = 0,01$); F3 ($\chi^2 = 8,94$, $p = 0,01$). Fp1 ($\chi^2 = 5,27$, $p = 0,05$); T5 ($\chi^2 = 13,50$, $p = 0,02$); T3 ($\chi^2 = 8,43$, $p = 0,01$); F7 ($\chi^2 = 14,46$, $p = 0,01$). Средние значения показателей спектра мощности по всем отведениям ЭЭГ: в группе респондентов без микросна – 3,05 мВ²; в группе респондентов с одним эпизодом микросна – 4,68 мВ²; в группе респондентов с зарегистрированными двумя и более эпизодами микросна 5,78 мВ².

Выявлены статистически значимые различия в отведениях ЭЭГ центральной линии: Pz ($\chi^2 = 13,80$, $p = 0,001$), Cz ($\chi^2 = 14,38$, $p = 0,001$), Fz ($\chi^2 = 8,13$, $p = 0,02$). Средние значения показателей спектра мощности по всем отведениям ЭЭГ: в группе респондентов без микросна – 3,26 мВ²; в группе респондентов с одним эпизодом микросна – 4,84 мВ²; в группе респондентов с зарегистрированными двумя и более эпизодами микросна 4,85 мВ².

Экспериментальные данные показывают, что при увеличении количества эпизодов микросна достоверно возрастают значения показателей спектра мощности ($p < 0,05$) при прослушивании лекционного материала в виртуальной среде.

Обсуждение результатов

Корреляционный анализ показывает, что возникновение эпизодов микросна имеет обратную связь с количеством правильных ответов. Таким образом, результаты нашего исследования соотносятся с литературными данными о негативном воздействии эпизодов микросна на память. Человек в состоянии микросна теряет «нить повествования», «выпадает» из контекста получаемой информации. После короткого (до 3 с) засыпания объем запоминаемой информации снижается.

Исследование спектра мощности ЭЭГ респондентов с разным количеством эпизодов микросна, показывает, что чем больше эпизодов микросна, тем выше спектр мощности во всех отведениях. Данный факт указывает на необходимость большей затраты энергии при постоянном переходе из состояния сна в бодрствование и наоборот (Фокин, Пономарева, 2002). Сон является «энергосберегающим» режимом, но постоянная потеря смысла повествования требует затраты энергии на припоминание предыдущей информации и обработки новой (Jones, 2016, 2017). Головной мозг у респондентов без эпизодов микросна во время прослушивания лекционной информации в виртуальной среде затрачивает меньше энергии.

Задействованные доли коры головного мозга выполняют следующие функции в получении и обработке информации: лобные доли (F4, Fp2, F8 – правое полушарие, F3, Fp1, F7 – левое полушарие, Fz – отведения, находящиеся по срединной линии) – логический анализ поступающей информации; височные доли (T6, T4 – правая височная доля, T5, T3 – левая) – визуальная память и обработка сенсорной информации (в частности, визуальное и акустическое восприятие; теменные доли (P3, C3 – левая и P4, C4 – правая, Cz – центральная) – анализ пространства и пространственное мышление; затылочные доли (правая – O2, левая – O1) – за принятие и первичный анализ зрительной информации (Neubauer, Fink, 2009, Синельников и др., 2010).

Учитывая результаты, данные функции можно интерпретировать следующим образом: активность затылочной коры связана с получением зрительной информации от монитора компьютера, на котором воспроизводится видеоизображение лектора и слайды презентации; височная кора активируется вследствие получения звуковой информации (голос лектора, доносящийся из наушников), а также вследствие работы структур памяти; вследствие изменения положения лектора на экране, смены слайдов лекции и изображений на них активируется теменная кора; лобная кора активируется вследствие работы механизмов кратковременной памяти, логического осмысления поступающей информации.

Информация, получаемая в ходе прослушивания лекции в виртуальной среде, идет от слуховых и зрительных анализаторов в височную и затылочную кору, оттуда поступает в теменные доли, после чего происходит ее финальная обработка в лобной коре, где она сохраняется в виде оперативной или рабочей памяти. В случае консолидации информации переход ее из кратковременной в долговременную память происходит в височных долях, во время глубоких фаз сна. Вследствие этого следующим этапом исследования будет опрос респондентов не только сразу после просмотра лекции, но и утром следующего дня.

Вывод

Выявлена обратная зависимость между наличием эпизодов микросна и количеством правильных ответов.

Обнаружены статистически значимые различия в спектре мощности ЭЭГ во всех отведениях у респондентов с разным количеством эпизодов микросна. Чем меньше эпизодов микросна (вплоть до отсутствия), тем ниже уровень этого параметра.

Литература

- Синельников Р. Д., Синельников Я. Р., Синельников А. Я.* Атлас анатомии человека: Учеб. пособие: В 4 т. Т. 4. 7-е изд., пер. М.: Новая волна, 2010.
- Фокин В. Ф., Пономарева Н. В.* Энергетическая физиология мозга. М.: Антидор, 2002.
- Jones B. E.* Neuroscience: what are cortical neurons doing during sleep // *Current Biology*. 2016. V. 26. Iss. 21. P. R1147-R1150. doi: 10.1016/j.cub.2016.09.027.
- Jones B. E.* Principal cell types of sleep-wake regulatory circuits // *Current Opin. Neurobiol*. 2017. V. 44. P. 101–109. doi: 10.1016/j.conb.2017.03.018.
- Neubauer A. C., Fink A.* Intelligence and neural efficiency: Measures of brain activation versus measures of functional connectivity in the brain // *Intelligence*. 2009. V. 37. № 2. P. 223–229. doi: 10.1016/j.intell.2008.10.008.

Готовность к организационным изменениям госслужащих

В. Е. Долинина (Н. Новгород)

Цель исследования – изучить уровень готовности госслужащих к проводимым организационным изменениям в рамках внедрения инструментов эффективного управления и степень влияние факторов отношения к организации и структурному подразделению на уровень готовности.

Исследование готовности госслужащих к нововведениям проводилось с помощью опросника «Готовность к организационным изменениям» Д. Холта. Для оценки организационной идентификации использовалась методика «Отношение к организации» Ю. Липпонена в адаптации С. А. Липатова. В исследовании приняли участие 88 сотрудников Правительства Нижегородской области. Данные обрабатывались с помощью методов математической статистики (количественный и корреляционный анализ). Выявлен средний уровень готовности госслужащих к организационным изменениям, выявлена значимая положительная корреляция между факторами отношения к подразделению, отношению к организации и компонентами готовности к организационным изменениям – «поддержкой со стороны руководства» ($r=0,287$, $r=0,337$, соответственно), «реализуемостью изменений» ($r=0,371$, $r=0,313$, соответственно), отрицательная корреляция со значением «личное отношение» ($r=-0,492$, $r=-0,113$).

Современная жизнь немыслима без проведения изменений, составляя организации, как в бизнесе, так и в государственном секторе, анализировать свое состояние, выявлять недостатки и устранять их. Говоря об успешности внедрения изменений, нужно учитывать множество факторов, но одним из ключевых является готовность сотрудников к проведению изменений. Перед руководителями стоит задача не просто разработать и внедрить, а суметь вовлечь в процесс персонал, обосновать значимость изменений, разрушить возникающее сопротивление и грамотно мотивировать к действию. Однако в связи с ускорением этого процесса измерение уровня готовности сотрудников отходит на второй план.

В разное время можно наблюдать различное отношению к термину «организационные изменения». Исходя из цели исследования, наибольший интерес представляет определение, данное авторами О. С. Виханским и А. Н. Наумовым – сознательные действия руководителей и сотрудников по улучшению функционирования структурных подразделений или всей организации по значимым для нее направлениям (Виханский, 2014).

Готовность к изменениям Д. Холт определяет как комплексный аттитюд, на который влияет одновременно содержание (что изменяется), процесс (как изменение реализуется), контекст (обстоятельства, при которых изменения происходят), и физические лица (характеристики тех, кто вовлечен в процесс изменений) (Holt et al., 2010). По мнению Д. Холта, готовность сотрудников к организационным изменениям опирается на психологические и структурные факторы. Под психологическими автор понимает факторы, отражающие сте-

пень склонности сотрудников как в эмоциональном, так и в когнитивном плане к принятию и осуществлению изменений. К структурным факторам относят обстоятельства, влияющие на активность принятия и внедрения изменений среди сотрудников.

Проведение исследования

Исследования уровня готовности применялась русскоязычная версия методики «Readiness for organizational change» (ROC), разработанной Д. Холтом совместно с А. Арменакисом, Х. Филдом, С. Харрисом и состоящей из четырех шкал (Holt et al., 2007):

- «Уместность изменений» (Appropriateness) – предлагаемое изменение подходит для организации;
- «Поддержка руководства» (Management support) – лидеры привержены предлагаемому изменению;
- «Реализуемость изменений» (Change Efficacy) – сотрудники способны реализовать изменение эффективности в области изменений;
- «Личная выгода» (Personal Valence) – предлагаемое изменение выгодно для членов организации.

Для оценки организационной идентификации использовалась методика «Отношение к организации» Ю. Липпонена в адаптации С. А. Липатова, учитывающая целый ряд психологических характеристик (лояльность, особенности межгрупповых отношений, организационная культура, приверженность, восприятие организационных изменений и особенность реагирования на изменения) (Lipponen, 2001).

В исследовании приняли участие 88 госслужащих, из них 63 женщины (71,6%) и 25 мужчин (28,4%), в возрасте от 22 до 59 лет, участвовавшие в разработке проектов по оптимизации рабочих процессов с применением инструментов эффективного управления.

Данные, полученные в ходе исследования, были проанализированы с использованием количественного (описательная статистика) и корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона) с помощью статистического пакета SPSS v. 22.

Результаты исследования

Результаты оценки готовности к организационным изменениям

По шкале «личное отношение» ($\mu = 24,41$) наблюдается высокий уровень, по шкалам «поддержка руководства» ($\mu = 41,56$), «реализуемость

изменений» ($\mu = 20,42$), «уместность изменения» ($\mu = 22,25$) наблюдаются средние значения, незначительно приближенные к верхней границе нормы.

Оценка идентификации с организацией показала, что отношение к подразделению соответствует значению выше среднего ($\mu = 3,62$), отношение к организации показывает среднее значение ($\mu = 2,85$).

Наблюдается схожие значения корреляции между факторами отношения к подразделению, отношению к организации и «поддержкой со стороны руководства» ($r = 0,287$, $r = 0,337$, соответственно), «реализуемостью изменений» ($r = 0,371$, $r = 0,313$, соответственно). При этом корреляция значительна и носит положительный характер и в первом, и во втором случае. Исключение составил фактор влияния отношения к подразделению на значение «уместности изменений» ($r = 0,158$). Также наблюдается сильная отрицательная корреляция как по отношению к подразделению ($r = -0,492$), так и к организации в целом ($r = -0,113$) со значением «личное отношение».

Интерпретация результатов

Показатели готовности к организационным изменениям свидетельствуют о том, что сотрудники считают полезным внедрение изменений и видят личную выгоду после их реализации, но приближенность результатов к среднему значению по трем показателям не позволяет точно сказать, что изменения воспринимаются исключительно положительно, скорее сотрудники занимают нейтральную позицию.

Результаты идентификации госслужащих с организацией свидетельствуют о том, что взаимоотношения в подразделении более тесные, сотрудники создают более сильные социальные связи, в отличие от связей с руководством организации в целом. Таким образом, отношение сотрудника к собственному подразделению более лояльное, чем к организации в целом.

В результате исследования обнаружено сильное влияние факторов отношения к подразделению, отношения к организации на фактор «поддержки со стороны руководства», «реализуемости изменений», что можно объяснить тем, что руководители определяют видение и задают условия работы, формируют климат в коллективе. Стиль управления имеет прямую зависимость с корпоративной культурой и даже удержанием кадров.

Сильная отрицательная зависимость фактора отношения к подразделению и «личного отношения» свидетельствует о смене приори-

тетов. Чем больше степень идентификации госслужащего со своим подразделением и организацией, тем в большей степени приоритет смещается в пользу достижения общих целей, что соответствует принципам госслужбы.

Выводы

При внедрении изменений большое значение оказывают социальные взаимоотношения, микроклимат в коллективе, а также проводимая политика руководителей, которые задают вектор развития и определяют стиль управления изменениями. Практическая значимость данного исследования выражается в возможности использовать полученные данные для дальнейшего совершенствования процесса внедрения организационных изменений и повышения уровня готовности госслужащих.

Литература

- Виханский О. С., Наумов А. И.* Менеджмент: Учебник. М.: Гардарики, 2014.
- Armenakis A. A., Harris S. G., Mossholder K. W.* Creating readiness for organizational change // *Human Relations*. 1993. № 46. P. 681–703.
- Holt D. T., Armenakis A. A., Feild H. S., Harris S. G.* Readiness for organizational change: the systematic development of a scale // *Journal of Applied Behavioral Science*. 2007. V. 43. № 2. doi: 10.1177/0021886306295295.
- Holt D. R., Helfrich C., Hall C. G., Weiner B. J.* Are you ready? How health professionals can comprehensively conceptualize readiness for change // *Journal of General Internal Medicine*. 2010. № 25. P. 50–55. doi: 10.1007/s11606-009-1112-8.
- Lipponen J.* Organizational identifications: Antecedents and consequences of identifications in a shipyard context. Helsinki: University of Helsinki Publ., 2001.

Особенности современной игры дошкольников

М. М. Достанов (Москва)

В данной статье представлены результаты, полученные в ходе изучения различных особенностей игровой деятельности детей дошкольного возраста. Целью данного исследования является изучение состояния игры современных дошкольников, в том числе сюжетно-ролевой. Исследование проводилось на базе государственного бюджетного общеобразовательного учреждения г. Москвы «Школа № 1586». В исследовании

участвовали 20 воспитанников в возрасте от 4 до 5 лет. Применялась методика включенного наблюдения за свободной игровой деятельностью детей. Результаты показали, что современные дети имеют желание играть и играют, однако сюжеты их игр, если и наблюдаются, то в основном заключаются в воспроизведении отелных стереотипных действий, почерпнутых из окружающей их среды.

Введение

В современном мире детская игра в ее полном и развернутом понимании стала нечастым явлением среди детей. Начиная с малых лет многих из них начинают готовить к поступлению в школу и освоению школьной программы. У ребенка остается мало времени и возможности по-настоящему играть. Игра включает правила, роли, а также взаимодействие с партнером, что помогает ребенку исследовать новые способы поведения и общения.

Согласно позиции многих отечественных авторов, игра в дошкольном возрасте, дает детям возможность учиться и развиваться (Л. И. Божович, Д. Б. Эльконин и др.). Сюжетно-ролевые игры способствуют развитию произвольного поведения. Многие сюжеты игр представляют собой воспроизведение мира взрослых, их ролей, взаимоотношений через призму детского восприятия.

Недостаточный опыт ролевой игры может являться причиной дальнейших трудностей, с которыми столкнется ребенок. Важно изучить возможное влияние недостаточной сформированности игры на дальнейшее развитие ребенка.

Е. О. Смирнова в своей работе «Возрастные особенности ролевой игры дошкольников с предметами оперирования» пишет о недостаточной сформированности ролевой игры у современных дошкольников (Рябкова, Смирнова, Шеина, 2019). Целью исследования Смирновой являлось изучение спонтанной игры ребенка с так называемыми «полифункциональными» предметами и с игрушками, предполагающими определенные действия.

Цель данного исследования — изучить современную игру детей дошкольного возраста и выявить возможные связи особенностей игровой деятельности с возрастом.

В *выборку* вошли 20 детей в возрасте от 4 до 5 лет; мальчиков 3, девочек 17.

В ходе исследования применялась *методика* включенного наблюдения.

Объектами наблюдения выступали особенности игровой деятельности детей и их поведения: различные аспекты взаимоотношений

между детьми (конфликтность, распределение лидерства, напряженность и пр.), составляющие игры (развитие сюжета, наличие элементов ролевого поведения, использование игрового материала и пр.).

Под ролевым поведением в работе понимался выбор и разыгрывание определенной роли. Данный показатель в исследовании включал несколько проявлений: ролевою речь; ролевые действия; использование атрибутов; называние себя или партнера в соответствии с ролью.

Организация исследования

В начале исследования дети случайным образом объединялись в небольшие группы (по 2 или 3 человека) и приглашались в игровую, где им предлагалась свободно поиграть в течение 20 минут. В игровой комнате находились различные игрушки и полифункциональные предметы: ткани, палочки и пр.

Затем экспериментатор приступал к наблюдению, не вмешиваясь в игровой процесс детей. Наблюдалась предпочитаемые игровые сценарии, выбор материала для игр, особенности игровых действий и предпочтения во взаимоотношениях. В ходе наблюдения отмечалось, проявляли ли дети ролевое поведение: были ли в играх оформленные роли, поведение в соответствии с ними. Отмечалось, насколько это проявляется в речи. Пункты наблюдения оценивались по 5-балльной шкале: 0 – пункт не проявляется в течение игры, 1 – проявляется единично, 2 – проявляется редко, 3 – проявляется часто, 4 – проявляется постоянно.

Результаты

Полученные результаты показали, что у большей части детей наблюдалась предметная игра. В игре не выделялись роли, ролевое поведение, речь, а также какие-либо атрибуты роли. Сюжет в играх отсутствовал. В некоторых группах наблюдались отдельные элементы сюжетно-ролевой игры. Однако они проявлялись в слабой форме и не образовывали развивающуюся игру. Роли проявлялись слабо. В большинстве групп дети воспроизводили отдельные цепочки ролевых действий, которые являлись стереотипными и шаблонными.

Также исследовалась связь особенностей игры с возрастом детей. С данной целью был проведен корреляционный анализ полученных данных.

Результаты анализа показали, что прямая зависимость наблюдается между возрастом и следующими особенностями игровой деятельности: соблюдением правил, которые появлялись в игре детей; соответствием действий ребенка выбранной им роли; использова-

нием ролевых атрибутов; использованием «ролевой речи»; упорядоченностью своих действий; а также творческому подходу в игре.

С возрастом дети лучше соблюдают правила, которые они сами придумывают в своих играх, или те, которые связаны с особенностями ролей, которые они отыгрывают. В их играх чаще начинают проявляться элементы ролевого поведения. Дети чаще ведут себя в соответствии с ролью, которую решили отыграть. Чаще наблюдается использование атрибутов роли. Чем старше ребенок, тем чаще в игре наблюдаются высказывания, которые связаны с ролью. С возрастом больше проявляется структура, упорядоченность действий, дети чаще проявляют творческую активность в игре. Стоит отметить, что полученные результаты свидетельствуют о том, что с возрастом дети чаще проявляют данные особенности в своих играх. Однако, это не означает, что внутри возрастов данные особенности встречаются часто.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что современная игра дошкольников не похожа на ту, которую описывал в своих работах Д. Б. Эльконин. Говоря о сюжетно-ролевой игре, он выделял в ней собственно роль, замещение предметов, сюжет, правила и пр. В современной игре дети нечасто берут на себя определенные роли. Замещение предметов происходит крайне редко, в основном дети играют с игрушками, в которых уже заложено определенное значение. Сюжет в играх, если и присутствует, то не развивается, ограничиваясь воспроизведением конкретных моментов из опыта ребенка. Можно сказать, что сюжетно-ролевая игра, как ее описывал Д. Б. Эльконин, еще встречается у детей, однако крайне редко и в упрощенном виде.

Литература

Рябкова И. А., Смирнова Е. О., Шеина Е. Г. Возрастные особенности игры дошкольников с предметами оперирования // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 5. С. 5–15. doi: 10.17759/pse.2019-240501.

Личностные факторы досуговых предпочтений

М. В. Евтодий (Москва)

Рассмотрена актуальность изучения досуговой активности. Цель работы – систематизация данных по психологии досуга, полученных в социологических и психологических исследованиях. При помощи теоретического анализа зарубежных и отечественных исследований в данном

направлении были выявлены основные факторы, определяющие выбор личностью типа досуга: чувство удовлетворения, комфорта/дискомфорта, интроверсия/экстраверсия.

Обобщив российские и зарубежные психологические определения досуга, можно сказать, что досуговая активность представляет собой особый вид деятельности, которая выполняется в свободное время, инициируется как внутренней, так и внешней мотивацией, отличается экспрессивностью, имея своей конечной целью достижение чувства удовлетворения, а также способствует развитию личности (Воробьева, Акбарова, 2019; Ионова, 2016; Esendemir, 2015; и др.).

Проблему досуга изучают в основном в социологии, в то время как в психологии данное направление исследований не развито, но представлено отдельными работами, выполненными в рамках смежных направлений психологии. Вследствие этого гуманитарной науке хорошо известны социально-демографические факторы досуга (пол, возраст, социальный статус, материальное благополучие и т. д.), а представление о психологических факторах скудное. Отечественных психологических исследований досуговой активности проводится значительно меньше, чем зарубежных. В силу культурно-исторических особенностей будет некорректно проецировать все результаты зарубежных исследований досуга на граждан стран СНГ, в частности, Российской Федерации.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выделить путем теоретического анализа личностные факторы досуговых предпочтений, которые были получены в зарубежных и отечественных исследованиях.

В зарубежных исследованиях досуга существует тенденция выделять внутреннюю и внешнюю мотивации, которые инициируют саму досуговую активность. Также чувство удовлетворения, получаемое человеком в ходе досуговой деятельности, не только является целью досуга, но и детерминирует выбор формы его проведения. Люди склонны выбирать такие типы досуга, которые отражают их личность. Досуг может усиливать определенные личностные качества, но при этом не оказывает непосредственного влияния на их формирование. В ходе исследований было выявлено, что на досуговые предпочтения влияют: чувство личного комфорта, некоторые психологические характеристики, например, интроверсия и экстраверсия, нейротизм, а также восприятие человеком своих способностей и наличие навыков (Lu, Argyle, 1994). В качестве одной из детерминант физически активного досуга, помимо вышеперечисленных, выделяют и самоэффективность (Chiu, Kayat, 2010).

Количество отечественных исследований досуга в социологии превалирует над количеством психологических исследований на данную тему. Однако именно к личностным факторам досуговых предпочтений можно отнести потребности человека, в зависимости от которых он выбирает ту или иную форму досуга (Ионова, 2016). Также к факторам досуга относят различные личностные характеристики. Например, эмоциональная насыщенность жизни и мотивация влияют на выбор формы досуговой активности (Воробьева, Акбарова, 2020). В. Г. Белов, П. Е. Тищенко и Ю. А. Парфенов по результатам своего исследования заключили, что те подростки, которые предпочитают активную форму досуга, имеют в целом наиболее развитый интеллект, в том числе эмоциональный, их понятийное мышление более развито и лабильно по сравнению с теми подростками, которые предпочитают более пассивную форму досуга (Белов и др., 2010). Последние характеризуются большей склонностью к тревожности, пессимизму, они более закрыты, нерешительны и испытывают проблемы в межличностном общении.

Помимо мотивирующих факторов, отдельно выделяются факторы, которые ограничивают человека в выборе вида досуга (Esendemir, 2015). Обычно к ним относят социально-демографические факторы, например, нехватка денег, отсутствие соответствующих навыков, недостаток свободного времени и физические показатели. Однако к личностным ограничивающим факторам можно отнести некоторые психологические характеристики личности, чувство дискомфорта (Esendemir, 2015), отсутствие интереса, чувство скуки (Chiu, Kayat, 2010), фатализм и негативные автостереотипы (Воробьева, Акбарова, 2019).

По результатам теоретического анализа в качестве основных факторов досуговых предпочтений можно выделить мотивацию, чувство удовлетворения, психологические характеристики личности, чувство личного комфорта или дискомфорта. Вышеперечисленные факторы могут иметь ограничивающий характер.

Тема досуговой активности представляет для отечественной психологической науки обширное поле исследований. Необходимо продолжить изучения личностных факторов досуговой активности, в частности, попытаться определить детерминанты досуговой деятельности мужчин и женщин, сравнить их и выяснить, существуют ли различия между ними в отношении факторов досуговых предпочтений. Представляют интерес и психологические факторы различных форм досуговой активности, например, индивидуальной и групповой.

Литература

- Белов В. Г., Тищенко П. Е., Парфенов Ю. А.* Психологические особенности подростков с различной направленностью досуговой деятельности // Ученые записки ун-та им. П. Ф. Лесгафта. 2010. № 10 (68).
- Воробьева А. Е., Акбарова А. А.* Личностные факторы досуговой активности молодежи // Вестник Московск. гос. областного ун-та. Сер. «Психологические науки». 2020. № 1. С. 55–64.
- Ионова О. В.* Ценности досуговой сферы студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2 (38). С. 153–159.
- Chiu L. K., Kayat K.* Psychological determinants of leisure time physical activity participation among public university students in Malaysia // Asian Journal of Teaching & Learning in Higher Education. 2010. V. 2. P. 33–45.
- Esendemir S.* Understanding and Evaluating of Leisure Activities: The Cases of Istanbul and Denton // International Journal of Development Research. 2015. V. 5. № 12. P. 6398–6400.
- Lu L., Argyle M.* Leisure satisfaction and happiness as a function of leisure activity // Kaohsiung Journal of Medical Sciences. 1994. № 10. P. 89–96.

К вопросу о связи когнитивных стилей со свойствами личности

Е. В. Елизарова (Москва)

В данной статье изложены результаты обзорно-аналитического исследования литературы о понимании когнитивного стиля в связи с личностными характеристиками. Целью исследования являлось обозначение проблематики когнитивного стиля как квадрупольного измерения для дальнейшего изучения свойств личности. Предполагается, что, опираясь на концепцию когнитивных стилей, можно ответить на вопрос о природе индивидуальных различий, а также в некоторой степени объяснить психологические механизмы взаимодействия индивида со средой.

Тема «человек» является основополагающей для психологии. Личность в общей психологии – некое ядро, интегрирующее начало, связывающее воедино различные процессы и придающее поведению индивида необходимую последовательность и устойчивость. Когнитивные стили относятся к числу базовых характеристик индивидуальности. Значение феномена когнитивных стилей (и феномена познавательных стилей в целом) следует видеть не только в фак-

те существования индивидуального своеобразия познавательной активности. Познавательные стили — это инструменты, с помощью которых строится «картина мира» человека. Они выступают в качестве своего рода посредника между «ментальным миром» субъекта и «миром реальности».

Психология когнитивных стилей сформировалась на стыке психологии познания и психологии личности, стилевые исследования изначально были связаны с установкой объяснить личность и предсказать ее поведение посредством изучения индивидуально-свообразных способов организации познавательной деятельности. Поэтому каждый когнитивный стиль изначально рассматривался в качестве психологической черты высшего порядка, «снимающей» в себе не только когнитивные, но и мотивационные и другие личностные характеристики.

Один из самых удивительных результатов в области исследований когнитивных стилей заключается именно в факте существования многочисленных и разнообразных связей стилевых параметров с личностными свойствами. На операциональном уровне для измерения различных когнитивных стилей используются достаточно простые процедуры, ориентированные на выявление частных индивидуальных различий в познавательной деятельности (скорости нахождения простой фигуры в сложной, величины интерференции словесно-речевых и сенсорно-перцептивных функций, опоры на узкие либо широкие категории, точности перцептивного сканирования и т. д.). Однако эти частные различия в познавательной деятельности оказываются связанными с широким спектром самых разных психологических характеристик индивидуальности, начиная с сенсомоторики и заканчивая механизмами психологических защит (Холодная, 2002).

Д. Уордел и Дж. Ройс попытались использовать феноменологию когнитивных стилей как основу теории индивидуальности. Когнитивные стили, по их мнению, выступают как высокоорганизованные черты, именно они определяют способ, которым в индивидуальном поведении связываются познавательные способности и эмоциональные свойства личности. Были предложены три «общих стиля»: рациональный, эмпирический и метафорический, каждый из которых включает в свой состав определенные когнитивные стили. Согласно этой теории, стилевая система выступает в качестве интегратора когнитивной и аффективной сфер, оказывая тем самым влияние на такие свойства индивидуальности, как Образ мира, Образ Я и стиль жизни (Wardell, Royce, 1978).

Таким образом, когнитивные стили как метакогнитивные способности характеризуют, во-первых, способность к построению объективированных ментальных репрезентаций происходящего и, во-вторых, способность к саморегуляции собственных аффективных состояний. Соответственно, мера выраженности стилевых характеристик определяет потенциал объективации в оценках, суждениях, позициях и поступках человека, именно поэтому когнитивные стили оказываются связанными со столь широким спектром личностных черт и особенностей социального поведения (Холодная, 2002).

Ряд авторов (Кулс и Райнер, Ридинг, Стенберг и Григоренко) указывают, что когнитивные стили могут выступить основой построения единой теории взаимодействия познания и личности, что они имеют большое прикладное значение в областях обучения и образования, менеджмента, психотерапии, принятия решений и пр. (Волкова, Гусев, 2016).

Первоначально когнитивные стили рассматривались в качестве набора биполярных конструктов/полюсов (полезависимость—полнезависимость, импульсивность—рефлексивность, гибкий—ригидный познавательный контроль, узкий—широкий диапазон эквивалентности и т. д.). Постепенно появились теоретические и эмпирические данные, которые позволили предположить, что каждый полюс неоднороден и маскирует две разных группы испытуемых. Следовательно, в каждом когнитивном стиле выявляются не две, а четыре субгруппы. Таким образом, когнитивный стиль является квадриполярным измерением.

Феномен «расщепления» полюсов когнитивных стилей позволил решить ряд важных вопросов. Во-первых, квадриполярная природа стилевых параметров позволяет объяснить причины противоречий при изучении связей между разными когнитивными стилями. Во-вторых, при учете феномена «расщепления» можно получить субгруппы, отличающиеся сформированностью механизмов непроизвольного интеллектуального контроля — это избирательная регуляция процесса переработки информации на подсознательном уровне, обусловленная особенностями состава и строения индивидуального ментального опыта (Холодная, 2000).

В. Москвина и М. Кожевников считают «расщепление» одним из основных направлений в изучении стилей, поскольку оно определяет углубленное изучение выполнения некоторой задачи внутри группы испытуемых, представляющей полюс определенного когнитивного стиля (Moskvina, Kozhevnikov, 2011).

В работах Е. Будриной проведен анализ стилевых свойств интеллекта в подростковом возрасте с учетом феномена «расщепления» полюсов когнитивных стилей и выделением стилевых субгрупп, благодаря чему удалось показать своеобразие стилевой организации интеллекта и ее динамики у подростков в условиях разных моделей обучения (Будрина, 2010, 2016).

Анализ литературы показал, что когнитивные стили понимаются как инструменты, с помощью которых строится индивидуальная «картина мира» каждого человека. Изначально в исследованиях применялся подход «познавательные стили как биполярное измерение», но было доказано, что существует феномен «расщепления» и что когнитивный стиль представляет собой квадриполярное измерение. Каждый полюс когнитивного стиля имеет две субгруппы, отличающиеся сформированностью произвольного интеллектуального контроля, одна из которых продуктивная, а другая непродуктивная.

Отсюда возникает ряд вопросов: какими личностными чертами характеризуется каждая субгруппа? похожи или отличаются продуктивные и непродуктивные субгруппы? если рассматривать разные когнитивные стили, то будут ли сходными личностные черты продуктивных и непродуктивных групп? отличаются ли личностные черты субгрупп в разных возрастах?

Литература

- Будрина Е. Г.* Динамика интеллектуальных способностей в подростковом возрасте: ресурсный подход // Итоговая научная конференция Института психологии РАН. Материалы конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 148–164.
- Будрина Е. Г.* Когнитивный стиль узкий/широкий диапазон эквивалентности в младшем школьном возрасте: возможности диагностики // Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования. Материалы Третьего международного симпозиума (Москва, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. М. А. Холодная, Г. В. Ожиганова. М.: «Институт психологии РАН», 2016. С. 126–131.
- Волкова Н. Н., Гусев А. Н.* Когнитивные стили: дискуссионные вопросы и проблемы изучения // Национальный психологический журнал. 2016. № 2 (22). С. 28–37.
- Холодная М. А.* Когнитивный стиль как квадриполярное измерение // Психологический журнал. 2000. № 4. С. 46–56.
- Холодная М. А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. М.: Когито-Центр, 2002.

Moskvina V., Kozhevnikov M. Determining cognitive style: Historical perspective and directions for future research. Style differences in cognition, learning and management: Theory, research and practice. N.Y.: Taylor & Francis Group, 2011. P. 19–31.

Wardell D. M., Royce J. R. Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect // Journal of Personality. 1978. V. 46. № 3. P. 474–505.

Анализ связи образа мышления с депрессией, тревожностью и стрессом у студентов из Армении и России*

В. Г. Ерофеева (Москва), А. К. Серобян, А. К. Григорян (Ереван)

Многие студенты страдают от психологической нестабильности из-за академических требований. Цель исследования – проанализировать, может ли образ мышления, направленный на рост, защищать студентов от эмоциональной дисгармонии. В опросе приняли участие 283 респондента из Армении и России. Согласно нашей гипотезе, между образом мышления, ориентированным на развитие, и депрессией, тревожностью и стрессом существует отрицательная корреляция. Мы также поставили несколько исследовательских вопросов, проверяющих культурные и гендерные различия в выраженности проверяемых параметров. Полученная гипотеза частично подтвердилась. Культурные различия в образе мышления, ориентированном на рост, не обнаружены. Культурные различия в паттернах дистресса являются значимыми для депрессии и тревожности.

В мире с информационной экономикой возросла ценность высшего образования. Молодые люди, окончившие вуз, являются более конкурентоспособными. Однако в период обучения возникают трудные жизненные ситуации, которые негативно влияют на психологическое состояние студентов. ВОЗ отметила, что все больше молодых людей страдают от депрессии, мании, генерализованного тревожного расстройства, панического расстройства, злоупотребления алкоголем и психоактивными веществами (Auerbach et al., 2018).

Одним из факторов, помогающих студентам справляться с напряжением, является образ мышления, направленный на рост (Dweck et al., 2019). Студенты с таким образом мышления ставят цели, свя-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-513-05014.

занные с достижением мастерства, и воспринимают ошибки как возможность развить свои способности. Такие люди проявляют гибкость при столкновении с трудностями: они легче адаптируются к изменениям и имеют меньше эмоциональных проблем (Dweck et al., 2019). Напротив, люди с фиксированным образом мышления считают, что их способности задаются генетически и не меняются в ходе упорной работы. При столкновении с трудностями они чувствуют себя беспомощными (Dweck et al., 2019). Интервенции, направленные на развитие продуктивного образа мышления, показали свою эффективность в образовательных организациях (Yeager et al., 2019).

Мы рассматриваем депрессию, тревожность и стресс как факторы, ухудшающие психологическое функционирование. Люди, страдающие от депрессии, имеют негативный образ себя, других, мира и будущего, испытывают состояния дисфории, безнадежности, апатии и ангедонии. Люди, переживающие тревожные состояния, чувствуют беспокойство, которое телесно выражается в виде мышечного напряжения. Люди, находящиеся под воздействием стресса, испытывают возбуждение и раздражительность и не могут расслабиться (Золотарева, 2020).

Цель исследования состоит в том, чтобы оценить роль образа мышления, направленного на рост, как защитного фактора студентов от депрессии, тревожности и стресса. Мы выдвинули следующую гипотезу: между образом мышления на развитие и депрессией, тревожностью и стрессом существует отрицательная корреляция у представителей обеих культур. Также мы сформулировали следующие исследовательские вопросы:

- Отличаются ли средние значения по образу мышления у студентов из Армении и России?
- Какие эмоциональные проблемы в большей степени выражены в каждой культуре?
- Есть ли различия по паттернам дистресса у представителей разных культур и пола?

В исследовании приняли участие 283 студента из Армении ($M = 100$, $M = 43$) и России ($M = 103$, $M = 37$) в возрасте от 18 до 27 лет ($M = 21,4$, $SD = 2,44$). По формальным критериям выборки являются сопоставимыми: в обеих странах молодые люди имеют равное право на получение высшего образования, используется Болонская система, а требования университетов являются высокими. Респонденты отвечали на вопросы опросника образа мышления и шкалы депрессии, тревожности и стресса С. и П. Ловибондов (русская адаптация: Зо-

лотарёва, 2020). Респондентов разделили на 4 группы в зависимости от страны проживания и пола. Вычислялся коэффициент корреляции, группы сравнивались с помощью методов дескриптивной статистики и one-way ANOVA.

Поставленная гипотеза частично подтвердилась: образ мышления, направленный на рост, у армянских студентов негативно связан со всеми показателями DASS: депрессией ($r = -0,295^{**}$, $p < 0,0001$), тревожностью ($r = -0,224^{**}$, $p = 0,007$) и стрессом ($r = -0,215^{**}$, $p = 0,01$), а у российских – с депрессией ($r = -0,28^{**}$, $p = 0,001$) и тревожностью ($r = -0,187^*$, $p = 0,027$).

Мы предполагали, что выраженность образа мышления, направленного на рост, у армянских студентов будет выше: Армения – страна с коллективистской культурой, в которой воспитывают терпимость, бережливость и настойчивость, необходимые для гибкого мышления. Россия имеет черты и коллективистского, и индивидуалистического типов культуры. Однако различий между группами нет: $M = 37,6$, $SD = 4,8$ у армянских студентов и $M = 37,2$, $SD = 5,0$ у российских студентов.

Мы также сравнили средние значения по каждому паттерну дистресса у представителей двух культур. Оказалось, что и армянские, и российские студенты больше подвержены влиянию стресса ($M_p = 21,4$, $SD_p = 10,78$; $M_a = 16,2$, $SD_a = 9,21$), причем российские – в большей степени. Показатели по депрессии также выше у российских студентов ($M_p = 16,4$, $SD_p = 10,98$; $M_a = 11,8$, $SD_a = 9,29$), а показатели по тревожности примерно одинаковые у представителей обеих культур ($M_p = 12,9$, $SD_p = 10,22$; $M_a = 12,5$, $SD_a = 9,57$).

При сравнении по полу выяснилось, что русские студентки имеют самые высокие показатели по всем трем параметрам – депрессии ($M_{рд} = 17,5$, $SD_{рд} = 11,38$; $M_{ад} = 12,4$, $SD_{ад} = 9,96$), тревожности ($M_{рд} = 14,3$, $SD_{рд} = 10,46$; $M_{ад} = 13,2$, $SD_{ад} = 9,97$) и стрессу ($M_{рд} = 23$, $SD_{рд} = 10,84$; $M_{ад} = 16,5$, $SD_{ад} = 9,31$). У русских студентов выше показатели по субшкалам депрессии и стресса, а у армянских студентов – по тревожности ($M_{рм} = 8,9$, $SD_{рм} = 8,42$; $M_{ам} = 11,2$, $SD_{ам} = 9,21$).

Дисперсионный анализ показал значимые различия между представителями двух культур по субшкалам депрессии, тревожности и стресса ($F_1(3,279) = 6,739$, $p_1 < 0,001$; $F_2(3,279) = 3,235$, $p_2 = 0,023$; $F_3(3,279) = 10,096$, $p_3 < 0,001$); $F_3(3,279) = 3,235$, $p_2 = 0,023$; $F_3(3,279) = 10,096$, $p_3 < 0,001$). С помощью множественного сравнения по критерию Бонферрони установлено, что фактор культуры оказался значимым для депрессии и стресса у армянских и российских студенток ($p_1 = 0,003$, $p_2 < 0,001$), а между армянскими и российскими

студентами значимые различия не выявлены. Гендерные различия выявлены только на выборке российских студентов – у девушек выше показатели тревожности и стресса ($p_1 = 0,025$, $p_2 = 0,01$).

Итак, поставленная гипотеза частично подтвердилась: у армянских студентов обнаружена отрицательная связь образа мышления, направленного на рост, с депрессией, тревожностью и стрессом, у российских – с депрессией и тревожностью. Мы также учитываем, что, кроме обучения как стрессового события, следует рассматривать и другие факторы, повышающие риск развития психологической нестабильности (например, послевоенное время в Армении, пандемию).

Анализ межгрупповых различий показал, что выраженность образа мышления, ориентированного на рост, не отличается у представителей разных культур. Армянские и российские студенты больше страдают от стресса. Российские студентки оказались самой уязвимой группой, потому что имеют самые высокие средние значения по всем паттернам эмоциональной нестабильности. Культурные различия являются значимым фактором для депрессии и стресса у девушек (в России выше), но не имеют значения для юношей. Эти выводы требуют дальнейшей проверки ввиду неэквивалентности групп.

Таким образом, службы вузов могут использовать существующие интервенции по развитию образа мышления, направленного на рост, чтобы помочь студентам адаптироваться к академическим требованиям.

Литература

- Золотарева А. А.* Систематический обзор психометрических свойств шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2020. № 2. С. 26–37.
- Auerbach R. P., Mortier P., Bruffaerts R., Alonso J., Benjet C., Cuijpers P., Demeytenaere K., Ebert D. D., Green J. G., Hasking P., Murray E., Nock M. K., Pinder-Amaker S., Sampson N. A., Stein D. J., Vilagut G., Zaslavsky A. M., Kessler R. C., WHOWMH-ICS Collaborators.* WHO World Mental Health Surveys International College Student Project: Prevalence and distribution of mental disorders // Journal of Abnormal Psychology. 2018. V. 127. № 7. P. 623–638.
- Dweck C. S., Yeager D. S.* Mindsets: a view from two eras // Perspectives on psychological science. 2019. V. 14. № 3. P. 481–496.
- Yeager D. S., Hanselman P., Walton G. M., Murray J. S., Crosnoe R., Muller C., Tipton E., Schneider B., Hulleman C. S., Hinojosa C. P., Paunesku D., Romero C.,*

Flint K., Roberts A., Trott J., Iachan R., Buontempo J., Yang S. M., Carvalho C. M., Hahn P. R., Gopalan M., Mhatre P., Ferguson R., Duckworth A. L., Dweck C. S. A national experiment reveals where a growth mindset improves achievement // Nature. 2019. V. 573. № 7774. P. 364–369.

Проявления посттравматического стресса у детей, находящихся на лечении в медицинском учреждении

И. А. Жарук (Санкт-Петербург)

Цель данной работы – скрининговое исследование проявлений посттравматического стресса у группы детей и подростков, находящихся на лечении в медицинском учреждении, Гипотеза: проявления посттравматического стресса будут достаточно сильно выраженными. Выборка: 130 детей и подростков от 8 до 17 лет, находившихся на стационарном лечении. Материалы и методы: «Полуструктурированное интервью для оценки травматических переживаний у детей» Н. В. Тарабриной. Выводы: выявлено наличие проявлений посттравматического стресса у каждого второго респондента.

Разработка и изучение понятия посттравматический стресс (ПТС) в методологическом поле связано с диагностическим понятием посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). По сути, ПТС во всем своем многообразии являлся картиной ПТСР. Таким образом, крайней выраженностью ПТС является ПТСР. В начале 2000-х годов понятие ПТС стало рассматриваться как обособленное проявление дезадаптации, которое необязательно должно быть связано с ПТСР, но не исключает его наличия при достаточно выраженной интенсивности симптоматики. Одним из ключевых показателей, указывающих на возможное наличие ПТСР, является непосредственная угроза жизни. Благодаря работам Н. В. Тарабриной с соавт., стало раскрываться новое поле исследований, поскольку значимые проявления ПТС стали обнаруживаться у людей, которые не оказывались в ситуациях непосредственной угрозы жизни, определяемых МКБ-10 как обязательной характеристики возможного наличия ПТСР (в зонах боевых действий и других ситуациях явной и непосредственной угрозы жизни). Проявления ПТС оказывались связаны с субъективными переживаниями угрозы и могли проявляться даже при отсутствии объективных угроз. «Полученные результаты позволяют выделить проблему соотношения реальной и субъективно переживаемой угрозы. В ситуациях, когда реальной угрозы нет,

она мнимая, т. е. человек просто воспринимает информацию, она отражается и передается по различным каналам (СМИ, межличностное общение и т. д.), интенсивность данного переживания определяется субъективно-личностной переработкой такой информации, и у части лиц она может быть достаточно высокой» (Быховец, Тарабрина, 2013, с. 143).

Переосмысление понятия ПТС, не всегда включающего наличие ПТСР из-за недостаточной интенсивности симптоматики и отсутствия ключевого диагностического критерия, привело к формированию обособленного корпуса научных исследований, сохраняющих понимание наличия психотравмирующих переживаний у респондентов исследований. На тему выраженности посттравматического стресса и его соотносимости с показателями тревожности, депрессивности, самооценки и других проявлений психики было множество научных публикаций, а также кандидатских и докторских диссертаций. Изучением данной темы занимались многие авторы, среди них М. А. Падун, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова (Падун, 2003; Тарабрина, 2008; Харламенкова, 2015).

Цель исследования

Целью исследования является скрининговое исследование проявлений посттравматического стресса как психодиагностической категории (F43.2) среди группы детей и подростков, находящихся на лечении в медицинском учреждении.

Гипотеза исследования

Гипотезой исследования явилось предположение, что в группе детей и подростков, находящихся на лечении в медицинском учреждении, проявления посттравматического стресса будут достаточно сильно выражены.

Характеристики выборки

В рамках рассматриваемой гипотезы было предпринято скрининговое исследование детей и подростков, находящихся на лечении в ФГБУ «НМИЦ детской травматологии и ортопедии им. Г. И. Турнера» Минздрава России. Выборку составили 130 детей и подростков от 8 до 17 лет, находившихся на стационарном лечении в 6 различных отделениях центра – 74 девочки (56,9%) и 56 мальчиков (43,1%). Исключениями оказались пациенты с нарушениями интеллектуального развития. Наиболее распространенными диагнозами среди респондентов, согласно МКБ-10, являлись: Q65 «Врожденные де-

формации бедра»; М95 «Другие приобретенные деформации костно-мышечной системы и соединительной ткани»; М41 «Сколиоз» и др.

Материалы и методы

Для определения степени выраженности посттравматического стресса среди респондентов раздавался тест «Полуструктурированное интервью для оценки травматических переживаний у детей» (ПИВППСД) Н. В. Тарабриной (2001).

Результаты и обсуждение

В результате проведенного скринингового исследования было выявлено, что из 130 респондентов – 67 (51,5%) показали результаты в тесте выше нормативных границ О. И., а у 63 (48,4%) респондентов О. И. оказался в рамках нормативных показателей контрольной группы.

Соотношение высоких и низких показателей теста на выявление признаков посттравматического стресса не меняется в зависимости от отделения, ортопедической области повреждения и диагноза. Не выявлено значимых различий между результатами мальчиков и девочек (39 из 74 – 52,7% – девочек и 25 из 56 – 44,6% – мальчиков имеют выраженный ПТС). Отсутствуют серьезные различия и в связи с врожденными и приобретенными заболеваниями. Самыми распространенными причинами негативных переживаний, оказавших наиболее сильное воздействие на психику, стали: смерть близких (15), хирургическая операция (13) и длительная или повторная госпитализации (4). Также многие респонденты имели затруднения с тем, чтобы выбрать одну наиболее негативно повлиявшую ситуацию, указывая целый перечень ситуаций, оказавших на них отрицательное воздействие.

Среди пациентов с повышенными показателями ПТС наиболее часто выраженными оказались критерии В и С. Симптомы повторного переживания травмы и эмоциональная отстраненность, бесчувственность. Преобладание выраженности данных критериев предположительно может свидетельствовать о стремлении к активному избеганию негативных тем и наличию затруднений в связи с повторяющимися состояниями (повторяющиеся сновидения, ситуации, поведение). Предположительно можно говорить о низком уровне осведомленности респондентов о том, что из себя представляет посттравматический стресс, а также отсутствие возможности получить своевременную информацию о нем или обсудить переживаемые события с кем-то из окружения или специалистов. Поскольку посттравматический стресс может охватывать целый комплекс эмоцио-

нальных реакций: ухудшать настроение, окрашивая относительно нейтральные события в негативные тона; повышать раздражительность; ухудшать аппетит, нарушать ночной сон из-за повышенной возбудимости, возможного гипертонуса мышц и навязчивых мыслей — все эти проявления в совокупности могут не распознаваться респондентом и его окружением как обобщенные симптомы одного расстройства без достаточной осведомленности о нем.

Обращает на себя внимание и то, что респонденты, не имеющие выраженных показателей посттравматического стресса, оказывались в схожих ситуациях и даже переживали их как негативные для себя, но в дальнейшем это не отразилось на их психоэмоциональном состоянии, исходя из результатов исследования. Данный результат, возможно, указывает на определенную предрасположенность к повышенной стрессоустойчивости. Однако этот результат требует дальнейшего, более тщательного изучения.

Выводы

В результате скринингового исследования посттравматического стресса среди группы детей и подростков, находящихся на лечении в медицинском учреждении, было выявлено наличие проявлений посттравматического стресса у каждого второго респондента, что частично подтвердило гипотезу о наличии достаточно выраженного ПТС среди респондентов.

Ввиду участвовавших за последние несколько лет случаев самоповреждений среди детей и подростков разных возрастов, а также нанесения вреда сверстникам в учебных учреждениях можно обозначить, что тема распространенности выраженного посттравматического стресса у детей разных возрастов заслуживает особого внимания. Всестороннее изучение и обсуждение темы ПТС родителями, детьми и специалистами, работающими с детьми, может позволить повысить уровень осведомленности, а также подготовить специальные индивидуальные программы сопровождения и психокоррекции в рамках учебных заведений и клиник.

Литература

Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Понятие угрозы: объективная и субъективная опасность // Вестник Костромск. гос. ун-та. Сер. «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2013. Т. 19. № 4. С. 139–144.

Падун М. А. Особенности базисных убеждений у лиц, переживших травматический стресс: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.

- Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
- Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса интегративный подход: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2008.
- Харламенкова Н. Е. Психологическая безопасность и суверенность личности при выраженном посттравматическом стрессе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 90–97.

Исследование отношений привязанности матерей и детей дошкольного возраста

Ю. А. Задорова (Кострома)

Целью настоящей работы является изучение качества привязанности в диаде мать—ребенок. В исследовании приняли участие 30 диад матери—дети старшего дошкольного возраста. Оценка привязанности ребенка к матери проводилась с использованием «Опросника оценки типов привязанности к матери» (Е. В. Пупырева, Г. В. Бурменская). По результатам проведенного исследования было установлено, что большинство выборки обследованных дошкольников составили дети с надежной привязанностью к матери, чуть более трети детей имели ненадежный тип привязанности. Показатели привязанности нашли свое отражение в эмоциональной близости с матерью, в восприятии матери как источника поддержки и помощи, в потребности в ее присутствии и др. Была выявлена разница в группах с учетом половой принадлежности.

Актуальность представленного исследования обусловлена достаточно широким привлечением внимания к проблеме привязанности как в зарубежной, так и отечественной психологии (Боулби, 2007). Концепция привязанности имеет хорошо разработанную методологию и экспериментально-психологический аппарат. Феномен привязанности представляет собой глубокую эмоциональную связь, возникающую между ребенком и взрослым в результате общения и тесного взаимодействия. Типы привязанности: надежный, избегающий, амбивалентный и дезорганизованный (Ainsworth, 1991). Ненадежные типы привязанности чаще сопряжены с психическими нарушениями детей. Дезорганизованная привязанность более остальных требует клинического вмешательства. Исследователями отмечается, что при достижении детьми дошкольного возраста

та дезорганизованность трансформируется в контролирующее/репрессивное либо в заботливое, опекающее поведение по отношению к родителям, однако в группах высокого риска дезорганизованное поведение у детей остается очевидным.

Цель исследования – изучение качества привязанности мать–ребенок.

Исследование проходило с участием детей старшего дошкольного возраста, посещающих дошкольное образовательное учреждение г. Костромы. В исследовании приняли участие 30 диад – матери и дети дошкольного возраста. Возраст детей 6–7 лет (Задорова, 2017; Куфтяк, 2015).

С помощью «Опросника оценки типов привязанности к матери» (Пупырева, Бурменская, 2007) проводилась оценка привязанности ребенка к матери, определялся тип привязанности, а также проводилась оценка 7 показателей, отражающих значимые сферы проявления привязанности в старшем дошкольном возрасте: эмоциональная близость с матерью; взаимодействие с матерью в социальном контексте; восприятие матери как источника помощи и поддержки; принятие матерью и т. д. (Пупырева, 2007).

Большую часть выборки обследованных дошкольников составили дети с надежной и умеренно надежной привязанностью к матери (67%), более трети детей (33%) имели ненадежный тип привязанности. Среди детей, у которых привязанность определяется как ненадежная, тревожно-амбивалентная привязанность у 19% остальные 14% относятся к избегающему типу. Нами были изучены различия между группой детей с надежным и ненадежным типом привязанности, с помощью критерия Манна–Уитни мы обнаружили, что у детей с ненадежным типом привязанности по сравнению с детьми надежно привязанными слабая эмоциональная близость с матерью, что проявляется в отсутствии доверительных и теплых отношений с матерью, они не стремятся к близкому контакту с ней (Mean 12,2 и 9,3; $U = 76$ при $p < 0,05$).

Дети с ненадежным типом привязанности не всегда стремятся поделиться с матерью новыми впечатлениями, секретами, важными событиями, характерным является ощущение ребенком того, что его не всегда понимают. Дети с ненадежным типом привязанности испытывают определенные затруднения в социальном контакте (Mean 10,2 и 9, $U = 129$ при $p < 0,05$): ребенок отвергает помощь или присутствие матери, ее присутствие не вселяет в него уверенность, он не любит обращаться за помощью к своей матери, часто рассчитывает на собственные силы. Напротив, ребенку с надеж-

ной стратегией поведения присутствие матери помогло, например, освоиться в новой обстановке или совершить какое-либо действие, если ребенок принимает ее помощь. Дети с надежной привязанностью воспринимают мать мощным источником помощи и поддержки, предпочитая обратиться к ней за помощью (Mean 10,7 и 7,1, $U = 51$ при $p < 0,05$), в то время, как дети с ненадежным типом привязанности в некоторых случаях предпочитают даже обратиться за помощью к отцу. Больше половины детей с ненадежным типом привязанности не испытывают потребности, чтобы мать была рядом с ними, даже когда они находятся дома, в отличие от детей с надежной привязанностью (Mean 3,7 и 2,7, $U = 98$ при $p < 0,05$). По оценке детей, надежно привязанных, эмоциональная чуткость их собственных матерей выше в сравнении с матерями детей с ненадежной привязанностью: дети оценивают своих матерей говоря о том, что их мама всегда найдет время, чтобы пообщаться с ними, уделить им внимание, поинтересоваться делами и переживаниями (Mean 10 и 7,9, $U = 98$ при $p < 0,05$). Не столь значительные различия отмечены в совместной деятельности детей с надежным и ненадежным типами привязанности (Mean 3,7 и 3,5, $U = 203$ при $p < 0,05$) с их матерями. Наблюдается удовлетворительная гармоничность во взаимодействии между матерью и ребенком, при этом и мать, и ребенок получают от него удовольствие.

Была установлена разница в группах с учетом половой идентификации.

Различия в показателях привязанности ребенка к матери выявлены в группах надежно привязанных девочек и мальчиков, у которых доминирует эмоциональная близость с матерью. Обусловленная взаимопониманием и доверием матери и ребенка в отличие от группы ненадежно привязанных ($p < 0,000$, $p < 0,05$). В надежно привязанных мальчиков и девочек присутствие матери вселяет уверенность в малознакомой обстановке, способствуя легкой адаптации к условиям, в отличие от группы ненадежно-привязанных ($p < 0,000$, $p < 0,003$). В обеих группах с учетом половой принадлежности надежно привязанные дети прибегают к помощи матери, при этом в ответ они получают одобрение и поддержку ($p < 0,03$, $p < 0,003$). Эмоциональная чуткость и личный отклик матери в группе надежно привязанных мальчиков и девочек более выражен в сравнении с ненадежно привязанными ($p < 0,000$, $p < 0,02$). В группе мальчиков с надежной привязанностью через их личное восприятие мать становится более «привлекательной» и открытой для сына ($p < 0,01$). Также в группе надежно привязанных мальчиков потребность в присутствии мате-

ри выше в сравнении с ненадежно привязанными, где подобная потребность сведена к минимуму ($p < 0,02$).

Результаты исследования расширяют представления об отношениях привязанности ребенка к матери. С практической точки зрения они могут быть использованы в семейном и индивидуальном консультировании для решения межличностных проблем, позволяющих корректировать детско-родительские отношения, типы привязанности, а также являются основой для разработки профилактических психологических и психокоррекционных программ.

Литература

Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.

Задорова Ю. А. Исследование привязанности матери и ребенка дошкольного возраста // Вестник Костромск. гос. ун-та. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2017. № 4. С. 64–68.

Курфяк Е. В. Привязанность ребенка к матери и отношения привязанности близких взрослых // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2015. № 1 (86). С. 78–83.

Пунырева Е. В. Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: Дис. ... канд. психол. наук: М., 2007.

Ainsworth M. D. An ethological approach to personality development // American Psychol. 1991. V. 46. № 4. P. 331–341.

Взаимосвязь аспектов самореализации лиц с ограниченными возможностями здоровья*

С. Н. Зеленцова (Кострома)

Представленная работа посвящена специфике самореализации, самоактуализации и самоэффективности лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Цель исследования заключается в рассмотрении специфики взаимосвязи самореализации, самоактуализации и самоэффективности лиц с ограниченными возможностями здоровья посредством Многомерного опросника самореализации личности (С. И. Кудинов); Методики экспресс-диагностики ситуативной самоактуализации личности (Т. Н. Дубовицкая); Шкалы общей самоэффек-

* Исследование выполнено по гранту Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-6263.2021.2.

тивности (Р. Шварц, М. Ерусалем, в адаптации В. Г. Ромека); корреляционного анализа результатов по Коэффициенту ранговой корреляции Спирмена. В исследовании было задействовано 11 человек: 5 человек с атипичным развитием, 6 – с типичным развитием. Нами выдвигается гипотеза: существует специфика во взаимосвязи феноменов самореализации, самоактуализации и самоэффективности. Установлена специфика взаимосвязи показателей самореализации, самоактуализации и самоэффективности лиц с ОВЗ и лиц с типичным развитием.

Для успешного развития человека, его возможностей необходимо понимать, какие аспекты влияют на уровень самореализации личности.

В результате обзора теоретических исследований сферы самореализации и связанных с ней понятий мы выяснили, что самореализация особо тесно связана с самоактуализацией личности, и разграничиваем данные понятия.

Термин «самореализация» трактуется как реализация собственных усилий человека, возможностей развития Я, существующего внутреннего потенциала (Oxford, 1998). Самоактуализация представляет собой собственно раскрытие личностного потенциала, рост и развитие личности человека в контексте предназначения, которое он для себя определил (Роджерс, 2015). На такие явления, как самореализация и самоактуализация, влияет внутреннее состояние человека, его убеждение относительно его способностей, возможностей управлять происходящим, тем, что воздействует на его жизнь, т. е. самоэффективность личности (Bandura, 1977).

Цель исследования заключается в рассмотрении специфики взаимосвязи самореализации, самоактуализации и самоэффективности лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Нами выдвигается следующая гипотеза: существует специфика во взаимосвязи феноменов самореализации, самоактуализации и самоэффективности.

Эмпирическая база состоит из 11 человек в возрасте от 19 до 57 лет: 5 человек с атипичным развитием, четверо из них – лица с нарушением ОДА, 1 – с нарушением зрения; 6 человек с типичным развитием.

В исследовании применяются следующие методы: Многомерный опросник самореализации личности (С. И. Кудинов); Методика экспресс-диагностики ситуативной самоактуализации личности (Т. Н. Дубовицкая); Шкала общей самоэффективности (Р. Шварц,

М. Ерусалем, в адаптации В. Г. Ромека); корреляционный анализ результатов по коэффициенту ранговой корреляции Спирмена.

В результате корреляционного анализа результатов по коэффициенту ранговой корреляции Спирмена установлены прямые корреляционные связи между показателями самореализации, самоактуализации и самооффективности у лиц с ОВЗ и лиц с типичным развитием.

Связь между переменной самореализации «Социально-корпоративные установки» и переменной самоактуализации «Человеческое родство» ($R=0,704$, $p<0,016$) свидетельствует о том, что при увеличении первой переменной увеличивается значение второй. Результат закономерен, так как обе характеристики отражают стремление принести пользу коллективу, принести пользу близким людям.

Установлена прямая связь между шкалой *Экстернальность* и *Сопротивление культурным нормам/собственная система ценностей* ($R=0,670$, $p<0,024$). Так как высокое значение экстернальности указывает на низкий уровень самоорганизации, можем предположить недостаточную сформированность системы ценностей, проявление этого значения может подразумевать протест против установленных правил и норм, не соответствующих видению картины мира исследуемых.

Связь между переменными *Эгоцентрическая мотивация* и *Центрированность на проблеме* ($R=0,912$, $p<0$) мы склонны объяснять важностью обеих характеристик для исследуемых. Чем выше уровень личностного продвижения, финансовой независимости, тем больше возможностей и желания помогать близким людям, поддерживать их.

Связь *Личностных барьеров* и *Центрированности на проблеме* ($R=0,605$, $p<0,048$) свидетельствует о том, что высокий уровень имеющихся препятствий, отрицательно влияющих на полноценную самореализацию субъекта, выступает побудительным стимулом для решения проблем близких людей, в окружении которых он чувствует себя свободнее и увереннее.

Представим результаты корреляционного анализа шкал самореализации, самоактуализации, самооффективности лиц с ОВЗ. Все связи прямые.

Связь между шкалой самореализации *Оптимистичность* и *Самоактуализацией* ($R=0,975$, $p<0,005$) свидетельствует о том, что чем выше оптимистические установки, тем выше установки самоактуализации личности.

Связь между *Самоактуализацией* и шкалой самореализации *Интернальность* ($R=0,975$, $p<0,005$) свидетельствует о высоком прояв-

лении самоактуализации и с высоким самоконтролем и самоорганизацией индивида при самовыражении.

Связь между *Самоактуализацией* и шкалой *Креативность* ($R=0,975$, $p<0,005$) свидетельствует о том, что чем выше стремление к самоактуализации, тем выше уровень креативности. Для того чтобы раскрыть потенциал и получить полное личностное удовлетворение, необходимы способности к применению различных неординарных способов и приемов личностного самовыражения.

Связь между шкалой *Самоэффективности* и шкалой самореализации *Экстернальность* ($R=0,894$, $p<0,04$) предположительно объясняется тем, что высокий уровень уверенности в собственных способностях человека не дает ему поверить в собственный неуспех либо является отрицанием собственной неудачи.

Говоря о связи значений самоактуализации и самореализации у лиц с типичным развитием, выявляем обратную связь между *Самоактуализацией* и шкалой самореализации *Активность* ($R=-0,838$, $p<0,037$). Данная корреляция является нелогичной, так как высокие показатели самоактуализации предполагают также высокую активность. Результаты могут быть объяснены личностными особенностями респондентов.

Как у лиц с ограниченными возможностями здоровья, так и у лиц с типичным развитием выявлены значимые связи между стремлением к формированию отличной от других системы ценностей и уровнем самоорганизации; стремлением принести пользу близким людям и обществу; между желанием и возможностями помогать близким людям, решать глобальные проблемы в результате личностного продвижения; решимостью помогать близким и личностными барьерами на пути к самореализации.

Между результатами переменных группы лиц с ОВЗ обозначили следующие связи. Связь оптимистичных установок и самоактуализацией; самоактуализацией и способностью к самоконтролю; проявлений самоактуализации и способностью применять новые, неординарные способы для продвижения потенциала; а также установлена связь между самоэффективностью и перекладыванием ответственности или отрицание мыслей о собственной неправоте. Данные результаты могут зависеть от личностных установок исследуемых с ограниченными возможностями и их стремлением добиться успеха в обществе. У группы лиц с типичным развитием выявлена обратная связь между самоактуализацией и активностью (нелогичная). Данные результаты подтверждают специфику самореализации, самоактуализации и самоэффективности лиц с ОВЗ, так

как связей между самоактуализацией, самоэффективностью и самоактуализацией у данной группы намного больше, чем у группы лиц с типичным развитием.

Литература

- Роджерс К.* Несколько важных открытий // Гуманистическая и персональная психология: хрестоматия / Сост. К. В. Сельченко. Мн.: Хорвест; М.: АСТ, 2015. С. 6–18.
- Bandura A.* Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change // *Psychological Review*. 1977. V. 84. P. 191–215.
- The Oxford dictionary of current English: New “Spell-it-right” guide highlights top problem words / Ed. by D. Thompson. New Rev. Ed. Oxford University Press, 1998. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000887826>.

Психологическое благополучие пожилых людей: характеристики и особенности

Е. С. Иванова (Москва)

В статье представлены и проанализированы результаты исследования факторов, связанных с психологическим благополучием и самооценкой пожилых людей. Рассматриваются гипотезы о взаимосвязи самооценки и психологического благополучия пожилых людей с возрастом, здоровьем, семейным и экономическим статусом.

На протяжении веков философская мысль определяла счастье как основной мотивирующий фактор жизнедеятельности человека. В современной экономической и социальной ситуации развития общества качество жизни человека приобретает особое значение. Психологическое благополучие человека является одним из самых значимых и актуальных предметов для изучения. Исследования этого феномена носят междисциплинарный характер, поскольку необходимость его комплексного анализа требует рассмотрения самых разных условий существования личности. Следует отметить, что психологическое благополучие пожилых людей имеет ряд особенностей, связанных с возрастом, физическими возможностями и экономическим благосостоянием человека, и это особенно заметно в нашей стране. Можно сказать, что благополучие пожилых людей отражает социальную и экономическую ситуацию в стране (Кашапова, Гармаева, 2014). В пожилом возрасте происходит перестройка системы социальных отношений индивида, мотиваци-

онно-потребностной и эмоциональной сфер личности (Нерушай, 2021).

Целью данной работы является выявление характеристик, связанных с психологическим благополучием пожилых людей. В ходе проведения исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

- 1) психологическое благополучие и самооценка связаны между собой;
- 2) самооценка и психологическое благополучие связаны с возрастом, семейным и экономическим статусом респондентов, а также с их уровнем здоровья;
- 3) психологическое благополучие положительно связано с уровнем осознанности респондентов.

В исследовании приняли участие 34 респондента, из них 12 мужчин и 22 женщины. Средний возраст респондентов – 63,09 лет, самому младшему респонденту 51 год, самому старшему 90 лет. Для решения поставленных задач использовались следующие методики: опросник психологического благополучия Кэрол Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко), методика Дембо–Рубинштейн (в модификации А. М. Прихожан), шкала оценки осознанности и внимательности (адаптация Н. В. Гришиной, Н. М. Юмартовой), опросник по здоровью EQ-5D.

Согласно данным проведенного исследования, по всей выборке можно наблюдать отрицательную корреляцию между возрастом и такими шкалами психологического благополучия, как личностный рост ($\rho = -0,462$, $p = 0,006$) и цели в жизни ($\rho = -0,375$, $p = 0,029$). Чем старше становится человек, тем меньше новых целей перед собой он ставит, тем меньше он акцентирует внимание на личностном росте. Однако при дифференцированном рассмотрении результатов женщин и мужчин мы видим, что отрицательная корреляция между возрастом и параметром «цель в жизни» более выражена в мужской группе ($\rho = -0,717$, $p = 0,009$), в женской группе данная корреляция не просматривается. У респондентов мужского пола также наблюдается отрицательная корреляция между возрастом и параметрами управления окружением ($\rho = -0,746$, $p = 0,005$). Значимых связей между возрастом и шкалами самооценки не выявлено.

В то же время полученные данные подтвердили, что параметр здоровья (по EQ-5D) имеет значимую связь с возрастом. По этим характеристикам в выборке также выявлена отрицательная корреляция ($\rho = -0,380$, $p = 0,027$). Чем старше становится человек, тем меньше он воспринимает себя как здорового и полного сил. В то же время пока-

затель здоровья имеет положительную связь с автономией ($\rho = 0,342$, $p = 0,047$), управлением средой ($\rho = 0,436$, $p = 0,01$) и личностным ростом ($\rho = 0,415$, $p = 0,015$), а именно, чем выше уровень здоровья, тем более независим и самостоятелен человек, тем лучше он организует пространство вокруг себя, тем более он стремится к личностному росту и развитию. Согласно полученным данным, здоровье отрицательно связано с самооценкой беспомощности ($\rho = -0,377$, $p = 0,028$) и положительно – с оценкой своей внешности ($\rho = 0,577$, $p = 0$) и независимостью ($\rho = 0,348$, $p = 0,044$). Показатель здоровья также положительно коррелирует с общим баллом по методике К. Рифф ($\rho = 0,396$, $p = 0,021$).

С уровнем психологического благополучия и самооценкой у женщин связан семейный статус и отношения с другими. В исследовании в группе женщин была выявлена положительная корреляция между семейным статусом и уверенностью в себе ($\rho = 0,636$, $p = 0,001$), между показателем отношений с другими и управлением окружением ($\rho = 0,577$, $p = 0,005$), а также между показателем отношений с другими и самопринятием ($\rho = 0,631$, $p = 0,002$).

С уровнем благополучия у женщин положительно связаны такие параметры, как самооценка привлекательности ($\rho = 0,502$, $p = 0,017$), независимость ($\rho = 0,541$, $p = 0,009$), уверенность в себе ($\rho = 0,558$, $p = 0,007$) и управление окружением ($\rho = 0,746$, $p = 0$). Можно сказать, что семейный статус и отношения с другими людьми для женщин старшего возраста являются значимым ресурсом. Для мужчин такой взаимосвязи не выявлено. Не обнаружено у них и связей между шкалами психологического благополучия и самооценки.

В то же время для мужской группы был получен любопытный результат: выявлена значимая положительная связь между экономическим статусом и шкалой неудовлетворенности внешностью ($\rho = 0,621$, $p = 0,031$). Это может быть интерпретировано следующим образом: при достаточно низком экономическом статусе более актуальной проблемой является поиск средств на продукты и лечение. Второй вариант: в большей степени не удовлетворены своей внешностью, но имеют более высокий уровень дохода более молодые мужчины, для которых внешность важна. Однако эти предположения должны быть дополнительно проверены. В женской группе не просматривается корреляций между экономическим статусом, благополучием и самооценкой.

Осознанность положительно связана с психологическим благополучием в целом и большинством его шкал, за исключением позитивных отношений с другими. Значимых корреляций осознанности с самооценкой не обнаружено.

Выводы

По итогам исследования можно сказать, что гипотеза о взаимосвязи самооценки и психологического благополучия пожилых людей со здоровьем подтвердилась. С возрастом фактор здоровья становится более значимым, ведь здоровье дает возможность индивиду жить полноценно. Гипотеза о взаимосвязи благополучия и семейного статуса подтвердилась для женской части опрошенных, выяснилось, что семейный статус и отношения с другими являются для женщин ресурсом. Взаимосвязь самооценки и экономического статуса прослеживается для мужской части опрошенных. Данных о том, что с возрастом благополучие в целом и самооценка снижаются, получено не было, эта гипотеза не подтверждается.

Литература

- Кашипова Э. Р., Гармаева А. А.* Благополучие пожилых людей // Общество и непрерывное благополучие человека: Сб. научных трудов Международного научного симпозиума «Общество и непрерывное благополучие человека» / Под ред. Г. А. Барышевой, Л. М. Борисовой. Национальный исследовательский Томский политехнический ун-т, 2014. С. 55–60.
- Нерушай А. И.* Психологическое благополучие людей пожилого возраста // Вестник РГГУ. Сер. «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 1. С. 128–141.

Анализ психофизиологических программ исследования развития преждевременно рожденных детей

О. А. Иванова (Воронеж)

В статье представлен краткий обзор существующих программ исследования развития преждевременно рожденных детей за рубежом и в России. Обозначена актуальность разработки научно обоснованной психофизиологической программы исследования развития преждевременно рожденных детей. Целью психофизиологической программы является выявление когнитивных, эмоциональных, поведенческих особенностей развития преждевременно рожденных детей. Задачи программы: поиск сопоставимых методов оценки развития детей, родившихся раньше срока, сразу после рождения и в течение первого года жизни при медицинском наблюдении в стационаре и в поликлинике;

анализ данных о социально-экономических характеристиках родителей преждевременно рожденных детей (уровень образования матери и возраст отца).

Проблема исследования развития преждевременно рожденных детей является одной из наиболее актуальной в современной науке и практике. Это связано с тем, что высокотехнологичная медицинская помощь позволяет выхаживать детей, родившихся на достаточно ранних сроках гестации. Есть сведения, что каждый год около 15 миллионов детей рождаются недоношенными (<37 недель беременности), а 15% или 2,25 миллиона из них – очень недоношенными (<32 недель беременности) (Wolke et al., 2019).

Анализ зарубежной литературы показал, что психофизиологические программы исследования развития преждевременно рожденных детей включают обязательный скрининг детей с помощью следующих методов: физиологические – магнитно-резонансная спектроскопия (МРС), оценка взаимосвязи частоты сердечных сокращений, тонуса блуждающего нерва и кортизола в анализе слюны; методы визуализации – магнитно-резонансная томография (МРТ); качественные методы – оценка нейроразвития (общих интеллектуальных способностей, языкового развития и исполнительных функций), шкала Бейли. Так, с помощью метода МРС установлено, что существует асинхрония созревания белого и серого вещества у недоношенных детей. Это может способствовать повышению риска долгосрочных неврологических проблем у недоношенных детей вследствие более высокой вероятности повреждения белого вещества (Blüml et al., 2014). С помощью МРТ были изучены нарушения функций памяти у недоношенных детей; установлено, что существуют так называют временные окна, в которых происходит наиболее интенсивно развитие рабочей памяти (Nosarti, 2015). Была исследована роль физиологической регуляции (частота сердечных сокращений, тонус блуждающего нерва и кортизол слюны) в кратковременной памяти у недоношенных и доношенных 6-месячных детей. Авторы обнаружили, что существует связь между изменениями вегетативной активности и воспоминаниями в младенчестве (Haley et al., 2010). С помощью Шкалы Бейли был проведен скрининг развития в клиниках, оказывающих как первичную помощь недоношенным недоношенным детям, так и в учреждениях последующего наблюдения за ними. Авторы пришли к выводу, что скрининговые прямые оценки навыков являются эффективным методом выявления детей с нарушениями развития или высоким риском его возникновения (Dempsey et al., 2016).

Содержание программ исследования развития недоношенных детей в регионах России различается. В некоторых регионах существует практика изучения особенностей психического развития преждевременно родившихся детей первого года жизни с психолого-педагогической точки зрения. Так, О. Р. Ворошникова определяет критерии оценки особенностей психического развития недоношенных детей, опираясь на количественно-качественные показатели О. В. Баженовой (1983). Автор проводит исследование как на базе отделения недоношенных детей, так и на участках поликлиники детской городской клинической больницы № 13 г. Перми. Е. В. Орлова и О. Ю. Синевиц также рассматривают особенности психолого-педагогического сопровождения недоношенных младенцев на разных этапах выхаживания (родильный дом, специализированное отделение выхаживания, поликлиника). Однако чаще в российских регионах представлена программа медицинского наблюдения недоношенных детей с целью профилактики возможных рисков их развития. Е. С. Сахаровой с соавт. описана система наблюдения недоношенных детей, принятая в Центре коррекции развития недоношенных детей на базе Научно-исследовательского клинического института ФГБУ МНИИ педиатрии и детской хирургии Минздрава России. В предложенной программе отмечается обязательная оценка мышечно-постурального тонуса младенцев неврологом или педиатром, нейросонография, биохимический анализ крови. Авторы подчеркивают важность проведения только тех обследований, которые нужны конкретному ребенку с учетом различных факторов. На наш взгляд, данная программа является подробно разработанной схемой наблюдения за ребенком, но не программой исследования, так как она сосредоточена на состоянии ребенка в момент общения.

Самым распространенным вариантом наблюдения и исследования недоношенных детей в нашей стране являются кабинеты или отделения катамнеза. В них проводится оценка показателей здоровья недоношенных детей на первом году жизни в зависимости от срока гестации. Так, А. И. Сафина и др. описали результаты наблюдения за детьми с момента выписки из стационара до 3 лет (ежемесячные визиты к педиатру, окулисту, неврологу для оценки антропометрии, физического и психомоторного развития). В программу наблюдения за детьми входит методика «CAT/CLAMS» (A. J. Capute, перевод Е. С. Кешишян), которую применяют также в Центре коррекции развития детей раннего возраста ФГБУ МНИИ педиатрии и детской хирургии Минздрава России (Е. С. Сахарова и др.).

В Воронежской области наблюдение за развитием недоношенных детей осуществляется также в кабинете катамнезна на базе Областной детской клинической больницы № 1. В то же время существует опыт преемственности в исследовании детей между стационарными и амбулаторными медицинскими учреждениями. Это послужило основанием для разработки научно обоснованной психофизиологической программы исследования развития преждевременно рожденных детей. Объектом исследования выступили дети, рожденные на разных сроках гестации. Предмет исследования – преждевременно рожденные дети, находившиеся в стационаре и состоящие на учете в детской поликлинике. Базой исследования выступили Перинатальный центр БУЗ ВО ВОКБ 1 и Детская поликлиника 11 – БУЗ ВО «ВГКП № 4». Цель психофизиологической программы – выявление когнитивных, эмоциональных, поведенческих особенностей развития преждевременно рожденных детей. Одна из центральных задач программы – поиск сопоставимых методов оценки развития детей, родившихся раньше срока, сразу после рождения и в течение первого года жизни при медицинском наблюдении в стационаре и в поликлинике. На этапе выхаживания и выписки из Перинатального центра к подобным методам исследования недоношенных детей относятся нейросонография и рентгенография позвоночника, а на этапе амбулаторного наблюдения в детской поликлинике – нейросонография в возрасте 1 месяца, осмотр невролога в возрасте 1 месяца и 1 год ребенка. Эти обследования являются обязательными для всех недоношенных детей. Дополнительные исследования (кровоток брахио-цефальных артерий, анализ микрофлоры кишечника, дополнительное УЗИ головного мозга, повторная нейросонография и наблюдения у невролога и др.) назначаются, исходя из индивидуальных особенностей ребенка. В связи с этим еще одной задачей предлагаемой программы выступает анализ данных о социально-экономических характеристиках родителей преждевременно рожденных детей (уровень образования матери и возраст отца), которые, на наш взгляд, определяют прогноз их развития и характеристики взаимодействия в детско-родительских отношениях. Уровень образования матери и возраст отца связаны с качеством заботы о ребенке. Мужчины, ставшие отцами после 30 лет, обладают более устойчивым материальным положением, способны оплачивать дополнительные обследования и процедуры ребенка. Матери же с высшим образованием обладают более широким взглядом на поиск методов помощи своему ребенку.

На данный момент предложенная программа исследования развития преждевременно рожденных детей находится на стадии апробации и экспериментальной проверки.

Литература

- Dempsey A. G., Abrahamson C. W., Keller-Margulis M. A.* Developmental Screening Among Children Born Preterm in a High-Risk Follow-Up Clinic // *Journal of Pediatric Psychology*. 2016. V. 41. № 5. P. 573–581. doi: 10.1093/jpepsy/jsv101.
- Bliuml S., Wisnowski J. L., Nelson M. D., Paquette L., Panigrahy A.* Metabolic Maturation of White Matter Is Altered in Preterm Infants // *PLoS One*. 2014. V. 9. № 1. doi: 10.1371/journal.pone.0085829.
- Haley D., Grunau R., Weinberg J., Keidar A., Oberlander T.* Physiological correlates of memory recall in infancy: Vagal tone, cortisol and imitation in preterm and full-term infants at 6 months // *Infant Behavior and Development*. 2010. V. 33. № 2. P. 219–234. doi: 10.1016/j.infbeh.2009.10.007.
- Nosarti C.* Alterations in development of hippocampal and cortical memory-mechanisms following very preterm birth // *Developmental Medicine and Child Neurology*. 2015. V. 58. № 4. P. 35–45. doi: 10.1111/dmcn.13042.
- Wolke D., Johnson S., Mendonça M.* The life course consequences of very preterm birth // *The Annual Review of Developmental Psychology*. 2019. V. 1. P. 69–92. doi: 10.1146/annurev-devpsych-121318-084804.

Актуальные методы исследования исполнительных функций в младшем школьном возрасте

Н. А. Игнатьева (Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются актуальные методы исследования исполнительных функций в младшем школьном возрасте и анализа результатов простой и сложной сенсомоторной реакций и объема рабочей памяти в младшем школьном возрасте. Гипотеза исследования состоит в том, что изменение простой и сложной сенсомоторной реакций и объема рабочей памяти связаны с уровнем созревания префронтальной коры головного мозга и гендерными различиями в младшем школьном возрасте. Выборка состояла из обучающихся средней школы № 246 Приморского района г. Санкт-Петербурга в количестве 27 человек (13 девочек, 14 мальчиков) 3-го класса. Сенсомоторные реакции замерялись при помощи компьютерной программы ReBOS Е. Г. Вергунова. Объем рабочей памяти оценивался при помощи ком-

пьютерной методики О. М. Разумниковой и М. А. Савиных. В результате исследования были получены результаты, на основании которых можно предположить, что объем рабочей памяти и развитие сенсомоторной интеграции зависят от процессов созревания головного мозга.

Исполнительные функции (executive function) влияют на развитие когнитивных процессов высокого уровня, обусловленных функционированием префронтальных отделов головного мозга. Исследование этих процессов является востребованным направлением нейронауки на фоне изменяющихся аналитических подходов и методов исследования функций лобных долей головного мозга (Николаева, Сутормина, 2019).

Исполнительные функции являются результатом развития таких когнитивных способностей, как когнитивная гибкость (способность приспосабливаться через поведение и мышление к изменяющимся ситуациям), ингибция (способность управлять импульсивными и автоматическими реакциями), мониторинг (способность делать акцент на определенной модели поведения), планирование (способность предвидеть события в будущем), рабочая память (способность временного хранения и обработки информации), принятие решений (способность делать выбор) и решение проблем, как способность осуществлять логический вывод (Buttelmann, Karbach, 2017). Их количество и точные функции до сих пор являются предметом дискуссий. Приоритет отдается тем функциям, которые хорошо определяются эмпирически и теоретически.

Особенности изменений, происходящих в процессе развития произвольного контроля поведения, являются актуальными для младших школьников, так как выполняют важную функцию в освоении учебной и спортивной деятельности, в рациональном познании мира через взаимодействие с ним и формировании личности. Основываясь на теории системной локализации высших мозговых функций А. Р. Лурии, можно рассуждать об отсутствии локальной связи высших мозговых функций с конкретными структурами мозга.

В настоящее время существуют различные методы нейропсихологического тестирования. Можно распределить используемые тесты и методики по нескольким категориям, которые направлены на анализ сенсомоторных реакций и рабочую память с применением компьютерных методик; функционального состояния центральной нервной системы, прогнозирования работоспособности по показателям простой зрительно-моторной реакции; скоростных характе-

ристик переработки информации или нейродинамических особенностях индивида.

Компьютерные тесты, предназначенные для оценки параметров времени простой и сложной сенсомоторной реакции, позволяют определить быстроту и стабильность моторно-сенсорного реагирования. В качестве стимулов применяют световые и звуковые сигналы различной интенсивности. Преимуществом этих методик является их объективность, поскольку они основаны на использовании современной аппаратуры.

Задачи исследования

Задачей данного исследования стала оценка уровня сенсомоторной интеграции в младшем школьном возрасте. Под сенсомоторной интеграцией понимается психофизиологический механизм интеллектуальной деятельности (Николаева, Вергунов, 2017). Интеллектуальная деятельность младших подростков зависит от физиологических и психофизиологических процессов. Большое значение придается скорости и качеству сенсомоторной интеграции. На сегодняшний день имеются исследования, подтверждающие связь времени реакции с интеллектуальными показателями (Каменская, 2005). Уровень развития сенсомоторной интеграции проявляется в скорости и точности сенсомоторной реакции (Николаева, Сутормина, 2019).

В нашем исследовании замерялись результаты простой и сложной сенсомоторной реакции, а также изменения объема рабочей памяти в контрольной группе младших школьников.

Методы и проведение исследования

Контрольная группа состояла из учеников 3-го класса средней школы № 246 Приморского района г. Санкт-Петербурга в количестве 27 человек (13 девочек, 14 мальчиков).

В ходе исследования оценивались сенсомоторная реакция и параметры рабочей памяти. Для этого применялась компьютерная методика РеБОС (модификация Е. Г. Вергунова, Е. И. Николаевой). Испытуемому необходимо было нажимать на клавишу «пробел» при каждом появлении предъявляемого стимула. На экране появлялись круги различных цветов в определенной последовательности. Далее задание усложнялось и требовалось не нажимать на клавишу «пробел» при появлении кругов красного цвета. На этом этапе происходило измерение сложной сенсомоторной реакции и эффективность тормозных процессов в центральной нервной системе. Учитывалось время реакции в мс и число пропусков. В сложной сен-

сомоторной реакции учитывалось число ошибок. Для уяснения испытуемым инструкции требовалось пройти тренировочную серию.

Для оценивания объема рабочей памяти была применена компьютерная методика Things О. М. Разумниковой и М. А. Савиных. На экране несколько раз предъявлялись разные объекты, отличающиеся по размеру, цвету и ориентации в пространстве. Испытуемому было необходимо отмечать каждый раз тот объект, который не был отмечен ранее. Задание повторялось три раза.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе исследования простой сенсомоторной реакции в контрольной группе испытуемых были получены следующие результаты: время реакции составило $297,4 \pm 107,1$ мс; число пропусков – 8,0; число ошибок не зафиксировано.

При измерении сложной сенсомоторной реакции время реакции составило $437,3 \pm 39,4$ мс; число пропусков – 6,9; число ошибок – 9,1.

Из полученных данных следует, что у школьников контрольной группы при выполнении задания реакции нестабильны, о чем свидетельствует большое стандартное отклонение, подтверждающее разную скорость. При выполнении сложной сенсомоторной реакции увеличивается время выполнения задания, которое является более сложным и требующим усилий со стороны испытуемых. На данном этапе наблюдаются определенные тенденции в изменении характеристиках реагирования: при сложной сенсомоторной реакции увеличивается время реагирования на стимул, однако при этом реакции становятся более стабильными (это отражает снижение разброса результатов по сравнению с простой сенсомоторной реакцией); уменьшается число пропусков стимулов при их предъявлении, но появляются ошибки. По-видимому, это можно объяснить большей концентрацией внимания испытуемых при сложном сенсомоторном реагировании.

Изменение объема рабочей памяти оценивалось по трем попыткам. В первой попытке мальчики запомни $14,8 \pm 7,8$ объектов за заданный период времени, а девочки $11,6 \pm 9,0$. Во второй попытке получены данные: $7,6 \pm 4,5$ у мальчиков и $8,4 \pm 7,0$ у девочек. Результаты третьей попытки: $10,0 \pm 6,4$ у мальчиков и $6,3 \pm 4,4$ у девочек.

Результаты исследования показали высокое стандартное отклонение, что свидетельствует об отсутствии стабильности корковых реакций испытуемых и определенное снижение объема воспроизводимого стимульного материала от первой попытки. Подобные тенденции были получены другими авторами ранее (Николаева, Су-

тормина, 2019). Однако наблюдаемые различия характеризуются гендерными особенностями: если проявление максимального воспроизведения предъявленных элементов в первой попытке и снижение объема воспроизводимого материала к третьей у девочек постепенно, то у мальчиков проявляется тенденция к некоторому увеличению объема воспроизводимого материала в третьей попытке относительно второй. Такие различия могут быть связаны с разной скоростью реагирования у мальчиков и девочек, которые являются гендерной особенностью.

Заключение

Можно предположить, что объем рабочей памяти и развитие сенсомоторной интеграции зависят от процессов созревания головного мозга. У младших школьников эти процессы находятся еще в стадии формирования и определяются уровнем созревания префронтальных отделов мозга.

Литература

- Каменская В. Г.* Сенсомоторная интеграция как маркер интеллектуального развития // Природные факторы и социальные условия успешности обучения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Сага, 2005.
- Николаева Е. И., Вергунов Е. Г.* Что такое «executive functions» и их развитие в онтогенезе // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 62–81.
- Николаева Е. И., Сутормина Н. В.* Связь параметров сенсомоторной интеграции с объемом и интерференцией в рабочей памяти у детей 5–6 лет // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 4. С. 52–59.
- Buttelmann F., Karbach J.* Development and plasticity of cognitive flexibility in early and middle childhood // Front. Psychol. 2017. V. 20 (8). P. 1040.

Выраженность компонентов Темной триады у шахматистов разного уровня

В. И. Игнатюк, Н. П. Ячменева (Москва)

Исследование посвящено проблеме описания личностных особенностей шахматистов в контексте модели Темной триады. Основная цель работы – выявить особенности компонентов Темной триады у шахматистов с разным уровнем профессионального мастерства. Гипоте-

за: у игроков с более высокими профессиональными достижениями в шахматах выраженность компонентов Темной триады будет выше, чем у игроков с более низкими профессиональными достижениями. В исследовании приняло участие 138 шахматистов всех уровней (разрядов). В качестве методика использовался сокращенная версия опросника «Темная дюжина». По итогам работы сделаны следующие выводы: темная триада не выступает условием успешности шахматистов, однако обнаружены содержательные основания для дополнительной проверки гипотезы.

Игра в шахматы является одним из видов деятельности, в том числе профессиональной, однако в настоящее время психологические особенности этого вида деятельности и его представителей изучены фрагментарно. В основном они изучались только в рамках модели Большой пятерки (Bilalic, McLeod, Gobet, 2007). Однако целый ряд исследований показывает, что карьерному успеху могут способствовать, в частности, отрицательные черты личности в рамках модели Темной триады (Hogan, 2007).

Так, согласно результатам исследования личностных профилей юных шахматистов, респонденты, набравшие более высокие баллы по шкале доброжелательности Большой пятерки, которая отрицательно корректирует с чертами Темной триады, менее склонны увлекаться шахматами. Игроки высшего уровня, соответственно, набирали наименьшее количество баллов по шкале доброжелательности из всех категорий (Bilalic, McLeod, Gobet, 2007). Именно отрицательная связь доброжелательности и Темной триады является «ядром» объединения макиавеллизма, психопатии и нарциссизма в одну психологическую категорию. Исследование характеристик взрослых шахматистов (Avni, Kipper, Fox, 1987) показало, что высокоуровневым шахматистам в большей степени свойственны высокая конкурентность, подозрительность, агрессивность и нестандартное мышление, т. е. черты, которые можно отнести к компонентам Темной триады. Именно эти компоненты позволяют шахматисту одерживать победу раз за разом и достигать высот в данном виде деятельности. Как считают авторы, именно данные компоненты отличают высококонкурентного игрока от любителя. Однако на сегодняшний день роль Темной триады и ее компонентов в успешности профессионального уровня шахматистов не представлена в научно-исследовательском поле напрямую. Именно этот аспект и составляет проблему данного исследования.

Цель исследования – выявить особенности компонентов Темной триады у шахматистов с разным уровнем профессионального мас-

терства (без разряда, с 1–4 разрядами, кандидатов в мастера спорта, мастеров спорта и гроссмейстеров). Нами было выдвинуто предположение о том, что у игроков с более высокими профессиональными достижениями в шахматах выраженность компонентов Темной триады будет выше, чем у игроков с более низкими профессиональными достижениями в шахматах.

В эмпирическом исследовании приняло участие 138 шахматистов (112 мужчин и 26 женщин), средний возраст – 22 года ($SD=7$ лет). 32 респондента не обладали шахматным разрядом, однако умели играть в шахматы, 8 респондентов имели 4-й разряд, 16 респондентов – 3-й разряд, 12 респондентов – 2-й разряд, 36 респондентов – 1-й разряд, кандидатов в мастера – 32, а мастеров спорта или гроссмейстеров – 6.

Для статистической проверки гипотезы исследования на первом этапе обработки полученные данные проверялись на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова – Смирнова. Так как распределение по большей части шкал не соответствовало нормальному распределению, в дальнейшей обработке использовались непараметрические методы сравнения.

Для начала мы сравнили между собой все 7 выделенных групп по критерию Краскела–Уоллиса. Значимых различий по шкалам Темной триады в выделенных нами группах не было обнаружено ($p>0,05$). При попарных сравнениях эквивалентных групп (1-й разряд и без разряда; 4-й разряд и мастера спорта/гроссмейстеры; кандидаты в мастера и 1-й разряд) с помощью критерия Манна–Уитни различий по шкалам Темной триады также обнаружено не было. Таким образом, гипотеза исследования не подтвердилась.

Полученные результаты частично согласуются с результатами немецкого исследования, проведенного на выборке, состоящей из высокоуровневых шахматистов, в 2010 г. (Vollstädt-Klein et al., 2010). Однако подтверждение контргипотезы могло быть вызвано влиянием побочных переменных в виде неоднородности выборки по возрастному составу и численной неэквивалентности групп респондентов, так как при качественном анализе было обнаружено, что для всех респондентов группы «мастер спорта или гроссмейстер» характерны очень высокие результаты по шкалам Макиавеллизм (средний показатель – 18 баллов из 20 по первичным баллам) и Нарциссизм (средний показатель – 20 баллов из 20 по первичным баллам).

Данный качественный анализ позволяет полагать, что выраженность компонентов Темной триады может способствовать тому, что шахматист преодолевает все препятствия на пути к высшим званиям – мастер спорта и гроссмейстер. Данное предположение мо-

жет послужить основанием для проведения лонгитюдного исследования на выборке из начинающих шахматистов.

Литература

- Avni A., Kipper D. A., Fox S.* Personality and leisure activities: An illustration with chess players // Personality and Individual Differences. 1987. V. 8. № 5. P. 715–719.
- Bilalić M., McLeod P., Gobet F.* Personality profiles of young chess players // Personality and Individual Differences. 2007. V. 42. № 6. P. 901–910.
- Hogan R.* Personality and the fate of organizations. 2007.
- Vollstädt-Klein S., Grimm O., Kirsch P., Bilalic M.* Personality of elite male and female chess players and its relation to chess skill // Learning and Individual Differences. 2010. V. 20. № 5. P. 517–521.

Феномен контрзависимости как характерная черта межличностных отношений современности

Н. И. Кадырова (Казань)

В данной статье феномен контрзависимого поведения рассматривается в контексте функционирования межличностных отношений в условиях современного мира: анализируются тенденции и факторы, определяющие особенности протекания такого рода отношений.

Цель: проанализировать данные, отражающие текущие тенденции в возникновении и протекании контрзависимого поведения индивидов, включенных в ситуации межличностных отношений.

Гипотеза: феномен контрзависимости является одной из характерных черт межличностных отношений современности в результате детерминации рядом факторов.

Методы теоретического исследования: анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция.

Межличностные отношения – сложный конструкт, многокомпонентная система, каждая из частей которой должна быть качественно проанализирована для глубинного понимания явления в целом. Феномены межличностных отношений – это стратегии, паттерны функционирования, развертывающиеся между людьми. В общем виде в современной психологической науке принято выделять такие феномены межличностных отношений, как взаимозависимость, созависимость и контрзависимость (Weinhold, Weinhold, 1989, 2004).

Проблему межличностных отношений следует рассматривать как одну из наиболее глубоких и значимых в плоскости человеческого существования. Особенности протекания привязанности и отношений, из нее вытекающих, влияют на жизнь людей в различных ее аспектах и проявлениях. Стремление к удовлетворению потребности в близости как одно из наиболее сильных влечений в случае фрустрации негативно влияет и на отдельного индивида, и на общественную, семейную, культурную систему. Феномен, рассматриваемый в этой статье, имеет кольцевой характер: контрзависимость как одна из разновидностей проявления ненадежной и деструктивной привязанности является и продуктом, и следствием, и предпосылкой его дальнейшего проявления.

Контрзависимость трактуется исследователями как поведение, направленное на избегание близости с партнером, которое основывается на ненадежном избегающем типе привязанности и выражается в действиях, направленных на то, чтобы сделать центром внимания субъекта другой объект (увлечение, хобби, друзей, поиск второго партнера) и продемонстрировать собственную независимость от партнера (Кадырова, 2021). Контрзависимость проявляется в тенденции к независимому, самоуверенному, эгоцентричному и неуязвимому поведению, в своей основе и этиологии имеет травму привязанности, подкрепленную *культурально*.

Анализируя феномен контрзависимости в контексте отношений современности, важно сделать акцент на тех факторах, которые залегают вне плоскости воспитания и опыта травматической привязанности. Являясь ключевыми в этиологическом смысле, они, тем не менее, не будут характерны исключительно для особенностей культурального слоя современности. Ко второму же следует отнести ряд факторов, которые будут последовательно рассмотрены ниже.

1. Фактор, содержащий условия проживания в реалиях современности, связан с изменением образа жизни в населенных пунктах различного уровня. Урбанизация, индивидуализация и глобализация изменили образ жизни современных людей в сторону большей изолированности и индивидуалистичности.
2. Изменение ролей семьи, друзей, социума и партнера – фактор, становление которого осуществлялось в течение столетий. В соответствии с постепенным изменением образа жизни изменения претерпели роли людей, окружающих индивида. Постепенно те роли, которые были распределены среди членов семьи, коллег, друзей и знакомых, стали ролями, которые индивид хочет уви-

деть в общении с партнером. Такое делегирование повышает уровень ожиданий и времени, проводимого вместе, что с большой вероятностью может привести к фрустрации. Негативный опыт и завышенные ожидания в то же время будут приводить индивида к тенденции отдаления, что мы и можем назвать контрзависимостью.

3. Утрированное стремление к независимости, основывающееся на общественных установках, является таким фактором возникновения контрзависимых тенденций, которые продуцируются с помощью средств массовой информации и культуры. Особенности протекания жизни в современности и те популярные тенденции, которые продвигают массмедиа, популяризируют независимость и самостоятельность в разных проявлениях. Инфантилизм и созависимость порицается и стигматизируется.
4. Измененное понимание концепции свободы возникает, исходя из предыдущего пункта, как результат закрепления деструктивных убеждений в сознании людей. Созависимость и даже партнерство представляются отношениями несвободы, контроля и подчинения, а контрзависимость становится чертой отношений успешных и независимых людей. При этом свобода будет пониматься незрело как отсутствие внешнего контроля.
5. Избыточность информационного пространства, характерная для медиа, культурной и социальной среды современности, вызывает желание отгородиться и изолироваться во избежание перегрузки.

В результате мы выделяем две группы факторов, обуславливающих поведение, ведущее индивида к вектору взаимозависимости:

- стремление к удовлетворению потребности в безопасности и близости;
- поиск опоры и поддержки в небезопасном изменяющемся мире.

И факторы контрзависимости:

- особенности условий проживания и коммуникации в условиях индивидуализации и глобализации;
- изменение ролей семьи, друзей, социума и партнера;
- утрированное стремление к независимости, основывающееся на общественных установках;
- измененное понимание концепции свободы;
- избыточность информационного поля, вызывающая потребность в изоляции.

Таким образом, создание межличностных отношений в условиях современности заключает в себе проблему: факторы, описанные в данном исследовании, изменяют вектор установления межличностных отношений на контрзависимый. При этом естественное и конструктивное влечение человека к установлению надежной близости фрустрируется, что продуцируют возникновение проблем на совершенно разных уровнях: личностном, межличностном, системном. Предотвращение возникновения данного феномена требует обширной работы на различном уровне: как с конкретным индивидом — единицей межличностных отношений, так и на уровне воздействия на человеческие системы, культуру и медиа.

Вывод

Феномен контрзависимости, как показывает анализ, является одной из характерных черт современных межличностных отношений. Воздействуя на индивида, ряд факторов вызывают контрзависимые тенденции в его поведении. Они закрепляют деструктивные паттерны, что делает характер феномена кольцевым и затрудняет возврат к конструктивным моделям поведения.

Литература

- Кадырова Н. И.* Взаимозависимость, созависимость, контрзависимость: обзор феноменов межличностных отношений: Сборник статей конференции: Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского федерального ун-та. 2021.
- Weinhold J. B., Weinhold B. K.* Breaking Free of the Co-Dependency Trap. New World Library, 1989.
- Weinhold J. B., Weinhold B. K.* Counter-Dependency: The Flight from Intimacy. Create Space Independent Publishing Platform, 2004.

Депрессивность как психологическая характеристика учащихся, вовлеченных в деструктивные интернет-сообщества

М. Р. Камалова (Казань)

В статье рассматриваются феномен включенности учащихся в деструктивные интернет-сообщества и психологические особенности, способствующие этому, на примере такой психологической характеристики учащихся, как депрессивность.

Современное общество невозможно представить без погружения в интернет-пространство. В век высоких технологий меняется характер взаимодействия с ним детей и молодежи (Давыдовский, 2019). В России проникновение в жизнь Интернета в этой возрастной группе достигает 96%. По результатам исследования Google, четверть молодых людей от 13 до 24 лет проверяют свой телефон каждые 30 минут или чаще. 27% респондентов проводят в гаджетах и социальных сетях больше 5 часов в день. Мы можем сделать вывод о том, что данная тема все актуальнее встает перед родителями, учителями и психологами.

В настоящее время растет также и количество учащихся, объединяющихся в интернет-сообщества, которые порой пропагандируют асоциальный образ жизни. Данное поведение молодых людей является одной из самых актуальных проблем современного общества, так как имеет широкий спектр проявлений, а четких рекомендаций по его предотвращению и профилактике нет.

Благодаря взаимодействию в сети Интернет, становится все легче найти людей со схожими интересами и мировоззрением, это можно считать весомым достоинством цифровой реальности. Но у этой медали есть и обратная сторона. Традиционное общение уходит на второй план, все больше молодых людей объединяются в деструктивные онлайн-сообщества. Современные тренды способствуют образованию и формированию опасных психологических черт, взглядов и убеждений (Рубан, 2020).

Подростки чаще всего сами присоединяются к таким сообществам добровольно или по рекомендации друзей. Их влечет иллюзия защищенности, понимания, поддержки и включенности в сложившееся сообщество. После попадания в подобное сообщество молодые люди оказываются в группе риска, так как единомышленники, контент и модераторы будут способствовать скорейшему привлечению подростков в их идеологии, что может способствовать усугублению имеющихся психологических особенностей, таких как депрессивность.

Рассмотрим депрессивность как психологическую характеристику учащихся, вовлеченных в деструктивные интернет-сообщества.

Острейшая проблема современного общества – суицид – напрямую связана с усугублением депрессивных черт личности, которое может произойти вследствие включения учащегося в деструктивные интернет-сообщества. Являясь уязвимой категорией, учащиеся имеют ряд особенностей, предопределяющих их интерес к таким сообществам.

Рубан указывает на связь между увеличением количества самоубийств и расширением влияния «групп смерти». Такие сообщества пропагандируют культ смерти, романтизируют увечья, нанесенные себе, оправдывают суицидальные попытки, представляют их как единственный выход из непростой жизненной ситуации (Рубан, 2020).

Повышенный риск суицида наблюдается у подростков, которые лишены адекватной поддержки, связи с семьей, сверстниками и окружающей средой.

В статье «Феномен гиперконтента как деструктивная стратегия копинга состояния тревоги у подростков» показан механизм ухода подростком в гаджеты с целью снятия напряжения и нормализации психического состояния. Копинг состояния тревоги, связанный с потреблением контента, является одним из вариантов копинг-стратегий эскапизма. Контент-пространство в этом случае является средой, наполненной информацией настолько, чтобы прочая информация, находящаяся в поле сознания подростка — навязчивые переживания, негативные мысли и тревоги, — была вытеснена из фокуса внимания и забыта индивидом до прекращения скроллинга ленты или мониторинга обновлений.

Обобщая результаты исследования отечественных психологов, были выделены основные особенности личности интернет-зависимых подростков. Для них характерны: нарушения социальной адаптации, низкая коммуникативность, неуверенность в себе, склонность к депрессии.

Исследования доказывают, что депрессивные черты ярче выражены у интернет-зависимых. У сверстников, которые меньше вовлечены в интернет-сообщества, уровень депрессии меньше.

Каковы проявления депрессивного состояния? Замкнутость; отказ от общения; погруженность в себя; уход из реального мира в мир фантазий. Следствием этого выступают проблемы в общении с семьей и друзьями, в учебной деятельности.

Депрессивная симптоматика (сниженное настроение, депрессивные мысли, нарушения сна и аппетита) возникает до увеличения использованием Интернетом и наблюдается у подростков, включенных в деструктивные интернет-сообщества. А депрессия также может выступать фактором, обуславливающим возникновение интернет-зависимости.

Определение индивидуально-психологических маркеров (включенность в деструктивные сообщества) делает возможным своевременное выявление учащихся групп риска и является подспорьем

в профилактике развития депрессий и увеличения количества суицидов в молодежной среде.

Так как вопрос погружения подростков в деструктивные сообщества является смежным с вопросом интернет-аддикции, говоря о профилактике возникновения этих феноменов, мы можем выделить три направления оказания помощи:

Индивидуальное – система медицинских и социально-психологических мер, направленных на подростка из зоны риска. Эффективной считается когнитивно-поведенческая терапия.

Межличностное – способы воздействия направлены на окружение, как правило, с помощью системной семейной психотерапии.

Общественное – способы воздействия, проводимые государственными институтами и общественными организациями с целью информирования населения о возможных рисках. Это направление включает социальные, воспитательные и законодательные мероприятия.

Существует перспективное движение – киберволонтерство, в которое включены психологи для оказания быстрой помощи молодым людям через Интернет. Но это движение необходимо развивать и расширять.

Для борьбы с включенностью учащихся в деструктивные сообщества необходимо помочь создать им собственные жизненные смыслы, перевести внимание на позитивную, плодотворную деятельность. Необходимым является формирование внутреннего убеждения в том, что поставленные перед ними задачи и цели являются их собственными. А их достижение отвечает будущим ценностям (Голубых, 2020).

Нужного эффекта можно добиться только с помощью комплексного подхода, слаженной работы государства, родителей, педагогов и психологов по формированию мировоззренческих, нравственных и патриотических целей.

У подростка с такой психологической особенностью, как депрессивность, существует потребность во включенности в группу сверстников, где его «поймут», где не будет возникать сложностей в общении. Наша задача – создавать такие группы положительной направленности. Также важным дополнением к мерам профилактики является внедрение и развитие телефонов доверия, в которых подросток, столкнувшийся со сложной жизненной ситуацией, может получить квалифицированную консультативно-психологическую помощь в круглосуточном режиме.

Литература

- Голубых Н. В., Потанин К. В. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в деятельность деструктивных интернет-сообществ экстремистской направленности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4 (28). С. 121–124.
- Давыдовский А. Г., Пищова А. В. Анализ и моделирование динамики деструктивных интернет-сообществ как проблема медиабезопасности современного образования // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества. 2019. С. 241–246.
- Рубан Ф. М. Проблемы развития современных интернет-субкультур // Кластеризация цифровой экономики: глобальные вызовы. 2020. С. 411–416.

Особенности совладающего поведения в условиях пандемии COVID-19: возрастной аспект

К. А. Камеристая (Москва)

Распространение коронавирусной инфекции по всему миру в 2020 г. привело к тому, что государства всего мира были вынуждены принять жесткие ограничительные меры для защиты здоровья граждан, и одним из ограничений была вынужденная самоизоляция. Коронавирусная угроза и ограничительные меры воспринимаются как мощный стрессовый фактор, влияющий на психологическое здоровье и благополучие людей. Настоящее исследование посвящено изучению способов совладания со стрессом в условиях пандемии COVID-19 с учетом возраста. Была выдвинута гипотеза о том, что существуют возрастные различия в выборе способов совладания в условиях пандемии COVID-19. Выборку исследования составили 736 человек из России в возрасте от 17 до 90 лет: 547 юношей и девушек (ранняя зрелость, 74,3% от выборки) и 189 взрослых людей (зрелая зрелость, 25,7%). Данные собирались в период с ноября по декабрь 2020 г. Диагностический инструментарий составили методики: «Шкала воспринимаемого стресса – 10», «Опросник проактивного копинга», «Опросник способов копинга». В результате проведенного исследования было установлено, что существуют значимые возрастные различия в использовании стратегий совладания в период пандемии COVID-19. Выявлено, что в ситуации пандемии

взрослые люди ориентированы на выбор стратегий проактивного копинга, молодые – реактивного копинга.

Совладание со стрессом предполагает привлечение новых ресурсов человека к адаптации и овладению стрессовой ситуацией. Совладающее поведение – это усилия человека, которые он направляет на управление ситуацией. Совладающее поведение рассматривается как целенаправленный и осознанный способ реагирования на негативную ситуацию, зависящий от факторов воспитания и жизненного опыта (Т.Л. Крюкова). Различают два вида совладающего поведения: проактивное и реактивное. Проактивное совладание направлено на ожидаемые стрессовые события, которые еще не произошли. Реактивное направлено на компенсацию вреда уже после случившихся событий, управление риском, на его оценку и снижение.

Пандемия является стрессогенной ситуацией, которая влияет на качество жизни людей, что требует проявления совладания с ней. Ситуацию усугубляют ограничительные меры, обязательность соблюдения которых определенно лишает людей полной свободы действий. Более того, самоизоляция, в которой находились люди, негативно сказалась на их психическом и физическом здоровье. По данным исследователей, в самом начале самоизоляции состояние людей характеризовалось страхом за свое здоровье и здоровье близких, а также страхом неопределенности новой ситуации. Люди часто пользовались стратегиями отвлечения, отрицания, поиска эмоциональной поддержки (Крюкова и др., 2020). Было установлено, что в ситуации самоизоляции студенты пользуются стратегией страдания, однако у некоторых были выявлены эффективные ресурсы адаптации (Баранова, Дубровская, Савина, 2021). Женщины чаще склонны к эмоциональной неустойчивости и использованию стратегий избегания (Воробьева, Сафронов, 2020).

Рабочей гипотезой этого исследования являлось предположение о существовании возрастных различий в выборе способов совладания в условиях пандемии COVID-19.

Данное исследование было проведено в дистанционном формате с помощью Google-forms. В исследовании приняли участие 736 человек из России в возрасте от 17 до 90 лет: 547 юношей и девушек (ранняя зрелость, 74,3% от выборки) и 189 взрослых людей (зрелая зрелость, 25,7%). Данные собирались в период с ноября по декабрь 2020 г.

Все ответы респондентов были обработаны в компьютерной программе Excel, согласно ключам заполняемых опросников. Для по-

следующей обработки результатов была использована статистическая программа IBM SPSS Statistics v. 17.0.

Распределение ответов по шкалам оказалось ненормальным, поэтому для выявления различий в совладании со стрессом у студентов и взрослых был использован статистический непараметрический критерий Манна–Уитни.

Анализ результатов проведенного исследования показал, что общий уровень стресса у молодых людей более выражен, чем у взрослых. Молодежь воспринимает нынешнюю ситуацию пандемии как более напряженную, а также тратит больше усилий для ее преодоления.

Взрослые чаще, чем молодежь, прибегают к использованию активных копинг-стратегий: рефлексивного и превентивного совладания, а также планирования. Так, у взрослых преобладает ориентированность на будущее, прогнозирование дальнейшей ситуации и планирование действий на основе имеющихся ресурсов. Молодые люди, наоборот, хотя справятся со стрессом «здесь и сейчас», стараются использовать социальную поддержку. Поиск инструментальной и эмоциональной поддержки помогает им регулировать свое эмоциональное состояние и найти нужное решение в трудной ситуации.

Обнаружено, что молодые люди чаще прибегают к стратегиям поиска поддержки, позитивной переоценки, противостояния, самообвинения, фантазирования, дистанцирования и избегания. Наибольшие различия между группами обнаружены в выборе стратегий самообвинения и избегания. Таким образом, молодые активнее взрослых стараются управлять уже сложившейся стрессовой ситуацией, а также компенсировать или снизить ее вредное влияние на свое психологическое состояние.

Корреляционный анализ позволил выявить, что с увеличением уровня общего стресса у респондентов увеличивается частота поиска инструментальной поддержки ($r=0,112$). Так, высокий уровень стресса отрицательно коррелирует с проактивным ($r=-0,226$), рефлексивным ($r=-0,125$) и превентивным копингом ($r=-0,139$). Стратегии реактивного копинга, такие как самообвинение ($r=0,283$), фантазирование ($r=0,276$) и избегание ($r=0,192$), используются тем чаще, чем выше уровень стресса. Слабая отрицательная корреляция также наблюдается в использовании стратегий планомерного решения проблемы ($r=-0,138$) и позитивной переоценки ($r=-0,159$).

Выявлена слабая отрицательная корреляция между субъективно воспринимаемым уровнем напряженности ситуации (перенапряжением) и стратегиями проактивного совладания ($r=-0,12$), а также слабая положительная корреляция между перенапряжением и по-

иском инструментальной ($r=0,147$) и эмоциональной поддержки ($r=0,087$). В то же время было обнаружено, что чем выше воспринимаемый уровень напряженности ситуации, тем чаще респондентами используются стратегии реактивного копинга: поиск поддержки ($r=0,1$), противостояние ($r=0,088$), самообвинение ($r=0,295$), фантазирование ($r=0,285$), дистанцирование ($r=0,078$) и избегание ($r=0,21$).

Выявлена отрицательная взаимосвязь между уровнем прилагаемых усилий для преодоления ситуации (противодействием) и проактивными копинг-стратегиями: стратегическим планированием ($r=-0,356$), проактивным ($r=-0,189$), рефлексивным ($r=-0,163$) и превентивным совладанием ($r=-0,252$). Так, частое использование данных копинг-стратегий связано с низким уровнем прилагаемых усилий для решения ситуации, и наоборот. Значимые корреляционные связи обнаружены между противодействием и самообвинением ($r=0,18$), а также фантазированием ($r=0,194$), дистанцированием ($r=0,084$) и избеганием ($r=0,12$). Слабая отрицательная связь была установлена между противодействием и планомерным решением ($r=-0,295$), поиском поддержки ($r=-0,081$), позитивной переоценкой ($r=-0,305$).

Таким образом, выдвинутая гипотеза о существовании возрастных различий в выборе копинг-стратегий в условиях пандемии COVID-19 подтвердилась. Молодые люди чаще склонны выбирать стратегии реактивного копинга. Стратегии, которые использует молодежь, помогают им снизить уже существующее напряжение и решать проблемы в настоящем. Взрослые ориентированы на будущее, они оценивают свои ресурсы и планируют свои будущие действия, иногда опираясь на предыдущий опыт. Высокие уровни стресса и перенапряжения у людей связаны с более частым использованием стратегий реактивного копинга. Однако чем ниже уровень прилагаемых ими усилий для преодоления ситуации, тем чаще они пользуются стратегиями проактивного копинга.

Литература

- Баранова В. А., Дубовская Е. М., Савина О. О.* Опыт жизнедеятельности и ресурсы преодоления трудностей социальной изоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 10–25.
- Воробьева К. А., Сафронов В. В.* Исследование копинг-стратегий различных категорий населения в ситуации, связанной с пандемией // Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь

в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований. 2020. С. 47–51.

Крюкова Т. Л., Екимчик О. А., Опекина Т. П., Шипова Н. С. Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 120–134.

Импульсивность в контексте перехода от суицидальных мыслей к суицидальному поведению

Р. В. Кашавкин (Томск)

Цель исследования – изучить и определить влияние импульсивности в переходе от суицидальных мыслей к суицидальному поведению. Предполагается, что любой такой переход включает процесс разжигания (kindling hypothesis) и может протекать стремительно под влиянием эмоционального импульса, вызванного мощным негативным триггером. Для подтверждения данной гипотезы будет разрабатываться опросник для определения наличия импульсивности в контексте суицидального поведения и адаптироваться опросник Рори О’Коннора для опроса людей, намеренно подвергших себя высокому риску для жизни (возможно, в состоянии мощного эмоционального аффекта) и/или переживших суицидальную попытку.

Современные зарубежные психологи сходятся во мнении, что боль и безнадежность являются ключевыми факторами перехода от суицидальных мыслей к суицидальному поведению; фактор способности, который включают в свои концепции Т. Джойнер и Д. Клонски, кажется более неоднозначным, так как он противоречит возможности совершения суицида под действием эмоционального импульса или в так называемом остром состоянии аффекта, в котором человек с минимальными суицидальными мыслями начинает проявлять суицидальное поведение в течение короткого промежутка времени (Сыроковашина, 2017).

Фактор способности требует времени для полной готовности человека совершить самоубийство и поэтому отрицает потенциальное наличие импульсивности в процессе перехода от суицидальных мыслей к суицидальным действиям, с чем трудно согласиться в связи с существованием множества случаев, когда человек, который никогда серьезно не планировал суицид, приходит к попытке его совершения под действием сильного негативного импульса, возникшего совсем недавно.

В связи с этим видна необходимость рассмотреть фактор импульсивности в перспективе перехода от суицидальных мыслей к суицидальному поведению, ведь людям, которые совершают суицид под влиянием негативного эмоционального импульса, сложнее всего помочь в связи с быстрым переходом от мыслей к действиям. Причем суициду под влиянием такого импульса может быть подвержен любой человек, никогда не задумывавшийся об этом или даже негативно относящийся к нему. Став жертвой сильного негативного эмоционального импульса, он перестает владеть собой на все сто процентов. Он не способен мыслить рационально и стремиться выбраться из ужасного душевного состояния, дающего ему лишь страдания, впоследствии не находя другого выхода, кроме суицида.

Для внедрения в проблему и доказательства гипотезы были детально рассмотрены понятия импульсивности и процесса разжигания (*kindling hypothesis*), которому отдает важную роль в своих работах шотландский психолог Рори О'Коннор, когда объясняет то, что приводит человека к ощущению себя в ловушке. Важность этого процесса стала ясна в ходе исследования, ведь с его помощью можно описать ситуацию, в которой переход от суицидальных мыслей к действиям происходит быстро.

Во время исследования понятия импульсивности и эмоционального импульса был сделан вывод, что импульсивное суицидальное поведение ничем не отличается от аффективного суицидального поведения по основным признакам обоих понятий. Удалось определить импульсивное суицидальное поведение как то, которое совершается на пике эмоций, на фоне острого психотравмирующего события, которое может служить «последней каплей». Суицидальные действия при этом реализуются реактивно, по типу «короткого замыкания» (Бибчук, 2019).

Что касается процесса разжигания, в самых первоначальных исследованиях он предлагался как аналогия повышения стрессочувствительности, которую можно наблюдать в ситуациях расстройств настроения у человека. Поэтому изучение процесса разжигания было совмещено с исследованием повышения стрессочувствительности вследствие прошлых травматических событий у солдат-новобранцев, организованным американским социологом Р. Кесслером. Однако, несмотря на прямую связь между данным исследованием и процессом разжигания позже выяснилось, что основная разница между повышением стрессочувствительности вследствие травматического опыта и процессом разжигания заключается в том, что в перспективе данного процесса рассматриваются не только крупные, трав-

мирующие человека события прошлого, но и незначительные негативные ситуации и триггеры, такие как колкая шутка близкого человека (Монгое, 2005).

В связи с тем, что частота подобных триггеров жизненного опыта гораздо больше в ситуациях, когда человек находится в психологически нестабильном и уязвимом состоянии, когда из-за большого объема негативных эмоций и внутренней боли он уже истощен, даже незначительный стрессор, пополняющий чашу всех накопленных триггеров, способен вызвать у него депрессивное состояние и впоследствии суицидальное поведение (Vandoli et al., 2017).

Вовлеченность факторов импульсивности и разжигания в переходе от суицидальных мыслей к суицидальному поведению можно наблюдать на примерах из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». В основном рассматривалась седьмая часть романа и тридцать первая ее глава.

В последние часы жизни Анны сильнейший негативный триггер, вызванный письмом Вронского, ломает ее, растворяя в сознании все, что происходит вокруг и оставляя только боль. Анна думает об этом письме как о единственной вещи, способной дать ей надежду и тем самым спасти ее от внутренних страданий, ведь в нем должен быть ответ возлюбленного на ее крик о помощи. Она писала ему: *«Я виновата. Вернись домой, надо объясниться. Ради Бога, приезжай, мне страшно»*, но в ответ получает два сухих, бесчувственных предложения, написанных небрежным почерком: *«Очень жалею, что записка не застала меня. Я буду в десять часов»*.

Данная ситуация является спусковым крючком для Анны и делает ее беспомощной по отношению к действию вызванного ситуацией сильнейшего эмоционального импульса. Он поражает Анну, приводя ее в движение, и отправляет на поиски возможности лишиться бесконечной боли, освободить ее от жизни. Она видит поезд и в миг понимает, что ей нужно, не думая ни о чем другом, кроме возможности остановить страдания.

Помимо этого, был предложен вариант модели перехода от суицидальных мыслей к суицидальному поведению, в которой демонстративно задействуются эмоциональный импульс и процесс разжигания. Модель представляет собой стакан с водой, который содержит в себе несколько компонентов: различные негативные воспоминания, кнопку, находящуюся на дне стакана, способную активировать процесс эмоционального накручивания, и черту, которая отмечает грань, ниже которой вода в модели не должна опуститься, чтобы человек не совершил суицид. Помимо этого, модель стакана

в определенный момент начинает включать факторы боли и чувства безнадежности, вызванные негативными жизненными ситуациями, с которыми сталкивается человек.

Для подтверждения гипотезы было решено адаптировать опросник Рори О'Коннора и вместе с этим будет разрабатываться опросник на наличие импульсивности в контексте суицидального поведения. Опрашиваться будут люди любого возраста, намеренно подвергшие себя высокому риску для жизни (возможно в состоянии мощного эмоционального аффекта), и/или пережившие суицидальную попытку с целью высчитать суицидальный риск человека по шкале ощущения в ловушке (entrapment scale). Необходимо выяснить роль импульсивности, по мнению опрашиваемого, в его опыте перехода от суицидальных мыслей к суицидальному поведению. Таким образом, данные опросники будут измерять как суицидальный риск человека в данный момент, так и потенциальную импульсивность в действиях человека, основываясь на ее проявлениях.

Литература

- Бибчук М. А., Басова А. Я., Безменов П. В., Рытик Э. Г., Северина Ю. В., Залманова С. Л.* Особенности суицидального поведения подростков: в помощь работнику образовательной организации. М.: Департамент здравоохранения города Москвы, 2019. С. 7–12.
- Сыроквашина К. В.* Современные психологические модели суицидального поведения в подростковом возрасте // Консультативная психология и психотерапия. 2017. С. 65–68.
- Bandoli G., Campbell-Sills L., Kessler R. C. et al.* Childhood adversity, adult stress and the risk of major depression or generalized anxiety disorder in US soldiers: a test of the stress sensitization hypothesis // *Psychol. Med.* 2017. V. 47(13). P. 2379–2392. doi: 10.1017/S0033291717001064.
- Monroe S. M., Harkness K. L.* Life Stress, the “Kindling” Hypothesis and the Recurrence of Depression: Considerations From a Life Stress Perspective. Oregon: American Psychological Association, 2005. P. 418–421.

Психологические механизмы скоротчения

Л. В. Козлова (Москва)

В статье приводится теоретический анализ некоторых исследований психологических особенностей скоротчения как особого вида чтения. В связи с возросшим интересом к данному навыку как ин-

струменту успешного овладения большим количеством информации за сжатые сроки автор ставит целью данной работы теоретический анализ, подробное изучение существующих источников литературы, касающихся психофизиологических особенностей скорочтения и сравнения их с обычным чтением. В статье рассмотрены и обобщены результаты последних зарубежных исследований по данной теме, на основе которых планируется в дальнейшем исследование данного вопроса.

Скорость стала бессменным спутником современного ритма жизни: скоростной транспорт, скоростные технологические процессы, высокоскоростная передача информации с помощью Интернета и телевидения. Современный человек стремится охватить все массивы информации, главное — быстрее и больше. Потребность скоростного восприятия информации затронула разные сферы, в том числе и чтение. На протяжении долгого времени лишь некоторые известные личности обладали способностью к высокой скорости чтения: Оноре де Бальзак, Наполеон Бонапарт, А. С. Пушкин, Н. Г. Чернышевский, В. И. Ленин, Дж. Кеннеди, М. Горький, по разным биографическим источникам, относились к таким людям. Сегодня скоростное чтение, или скорочтение, называют «навыком XXI века», его преподают в различных школах взрослым и детям (Носкова, Батракова, 2019). Учитывая востребованность техники скорочтения и принимая во внимание все ее видимые на первый взгляд плюсы, невозможно не усомниться в ее безупречности и универсальности. Как изменяется процент понимания текста при высокой скорости чтения? Изменяются ли способы обработки информации при разных видах чтения? Насколько прочно усваивается информация таким способом? Чтобы ответить на данные вопросы необходимо рассмотреть процесс скорочтения с психологической точки зрения, обозначить некоторые его когнитивные стороны. На сегодняшний день скорочтение носит более практико-ориентированную направленность, существует много литературы и педагогических руководств по практическому применению техник скорочтения. Однако, на наш взгляд, механизмы понимания при использовании данной техники нуждаются в более подробном изучении с психологической стороны. Целью данной работы стало рассмотрение современных исследований по вопросу скорочтения и постановка проблемы для будущего исследования. Используемый метод — теоретический анализ литературных источников.

Скорочтение — это способ быстрого восприятия текстовой информации, развивающий все психофизиологические процессы, в ос-

нове которого лежат законы функционирования головного мозга (Носкова, Батракова, 2019). В отечественной литературе выделяют такие техники быстрого чтения, как выборочное чтение, сканирование, панорамное быстрое чтение. В зарубежных источниках альтернативой термину «скорочтение» выступают техники «skim reading» (беглое чтение), «scanning reading» (сканирование).

Рассмотрим особенности навыка скорочтения, а также обозначим различия обычного чтения и скоростного. Процесс обычного чтения можно охарактеризовать единством восприятия и понимания текста, при котором важную роль играет создание и закрепление смысловых и звуко-буквенных связей. Базовыми когнитивными аспектами скорочтения можно назвать восприятие и понимание текста, которые также несколько отличаются при сравнении с обычным чтением (Бруева, 2019). В процессе скорочтения происходит конструирование новых моделей текста, обусловленных контекстуально и включающих в себя смысловое содержание, личные ассоциации, выводы, модели, активированные предыдущим опытом, а также некоторые проявления эмоциональной сферы, создающие целостную картину прочитанного. Благодаря последнему может происходить варьирование скорости обработки текста, так как мотивацией к этому являются эмоциональные триггеры.

Методики скорочтения часто подвергаются критике, основанной на физиологических возможностях зрительного анализатора человека. Процесс скорочтения задействует парафовеальную обработку информации, возможности которой до сих пор изучаются. В зарубежных научных школах прослеживается тенденция к комплексному изучению процесса скорочтения как с физиологической, так и с психологической стороны, ведь данная техника активно задействует когнитивные процессы. Кроме того, при рассмотрении этой техники чтения учитывается взаимосвязь уровня понимания в зависимости от целей и мотивации читателя. Рассмотрим некоторые из подобных исследований.

С. Уайт с соавт. в двух экспериментах оценивали, как беглое и обычное чтение модулируют парафовеальную обработку (White et al., 2019). В обоих экспериментах наблюдалась взаимосвязь между целью чтения и размером окна восприятия для измерения показаний на первом этапе прохождения. Результаты показывают, что преимущество парафовеального предварительного просмотра для опорных, наиболее значимых слов в тексте будет ограничено во время скорочтения, поскольку более длинные саккады приводят к более эксцентричным (визуально ухудшенным) предварительным прос-

мотрам. Важно отметить, что в первой части эксперимента с использованием простых предложений в качестве стимулов наблюдалась взаимосвязь между целью чтения и размером окна для скорости чтения. Это выражалось в том, что точные парафовеальные предварительные просмотры были особенно важны для поддержания скорости чтения при скорочтении. Таким образом, авторы говорят о различных последствиях использования механизмов управления движением глаз, которые могут быть модулированы целями чтения. На основании данного исследования, можно предположить, что одним из таких последствий может стать и сниженный уровень понимания текста при чтении на высокой скорости.

В исследовании К. Уоррингтон с соавт. были представлены результаты трех экспериментов, в которых исследовалась разница обработки слов и предложений в зависимости от цели чтения — скоростного (беглого) или углубленного (Warrington et al., 2019). Первый и второй эксперименты были направлены на изучение влияния эффекта частотности встречаемости слов (word frequency effect). В первом эксперименте наблюдалось, что при первом прохождении теста размер данного эффекта был меньше во время беглого просмотра по сравнению с простым чтением. Этот вывод также подтверждается предыдущими работами (Fitzsimmons, Weal, Drieghe, 2014), посвященными изучению влияния целей чтения на лексическую обработку, и указывает на то, что цель чтения может модулировать лексическую обработку опорных или фиксированных слов во время первого прочтения. Второй эксперимент был направлен на выявление временного хода влияния целей чтения на лексическую обработку фиксированных слов. Поэтому, по мнению авторов, цели чтения могут модулировать использование парафовеальной лексической информации при определении того, какие слова являются фиксированными. В третьем эксперименте был изучен эффект правдоподобия. Испытуемым были представлены предложения, включающие контрольное слово, которое было либо правдоподобным, либо аномальным, учитывая предыдущий контекст. Результаты показали, что при одинаковой продолжительности взгляда размер эффекта был больше для обычного чтения по сравнению с беглым при более поздних измерениях. Этот вывод согласуется с предположением о том, что стандарты согласованности могут быть более поверхностными во время скорочтения, поэтому интеграция слов в контекст предложения будет более ограничена. Таким образом, можно говорить о существующих различиях в уровне понимания при различных видах чтения.

На основе изложенных выше исследований можно предположить, что различные последствия парафовеальной обработки информации при скорочтении в зависимости от целей чтения могут служить причиной сниженного уровня понимания при беглом чтении. Также немаловажно отметить взаимосвязь качества лексической обработки и уровня понимания прочитанного текста. Полученные результаты могут служить предпосылкой к более глубокому изучению механизмов скорочтения с целью повышения эффективности использования данной техники. Стоит также отметить, что в представленных работах не были рассмотрены механизмы внимания и памяти, которые играют немаловажную роль в технике скорочтения и последующей обработке текста. В дальнейших исследованиях необходимо учесть данный фактор.

Литература

- Бруева Е. Ф.* Когнитивно-языковые механизмы скорочтения // Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук: Сборник статей XI Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. М.: Российский университет дружбы народов, 2019. С. 498–513. doi: 10.22363/09321-2019-498-513.
- Носкова К. В., Батракова С. И.* Скорочтение – навык XXI века // Вопросы педагогики. 2019. № 5 (2). С. 245–248.
- Fitzsimmons G., Weal M., Drieghe D.* Skim reading: an adaptive strategy for reading on the web // WebSci'14: Proceedings of the 2014 ACM conference on Web science. New York, 2014. P. 211–219. doi: 10.1145/2615569.2615682.
- Warrington K. et al.* Reading for comprehension and skim reading: effects of word frequency and plausibility // 20th European Conference on Eye Movements. Alicante, 2019. P. 139.
- White S. J. et al.* Effects of reading goals on parafoveal processing during reading // 20th European Conference on Eye Movements. Alicante, 2019. P. 128.

Взаимосвязь жизненной успешности и удовлетворенности жизнью в период взрослости

Б. Н. Коршиков (Кострома)

В статье предпринята попытка исследования взаимосвязи жизненной успешности и удовлетворенности жизнью с целью ее дальнейшей структуризации и формирования единого концептуального поля. Осуществлен сравнительный анализ понятий «жизненная успешность»

и «удовлетворенность жизнью», а также представлены результаты корреляционного анализа. Исследование показало наличие значимых взаимосвязей, что позволило рассматривать данные феномены в рамках единого эмпирического конструкта.

В современной психологии наблюдается большое количество дефиниций, соотносимых с жизненной успешностью человека и удовлетворенностью жизнью. Изучение проблематики данных явлений отражает чрезмерное многообразие категорий, косвенно связанных с выделенными конструктами. Вместе с тем, отсутствие единой методологической основы для определения данных терминов обуславливает некоторую полипарадигмальность данных явлений. В чем заключается жизненная успешность человека? Есть ли взаимосвязь успешности с удовлетворенностью жизнью? Как они соотносятся между собой? Ответ на эти вопросы ищут многие исследователи. Они актуальны и сегодня. Началом для поиска ответа на данные вопросы являются различные теоретические и концептуальные подходы. В данной работе предпринята попытка внести вклад в осмысление обозначенной проблематики. Цель данного исследования состоит в представлении результатов исследований, освещающих взаимосвязь жизненной успешности человека и его удовлетворенности жизнью.

Для определения вектора научной работы была сформулирована гипотеза о наличии взаимосвязей между показателями субъективной оценки жизненной успешности и удовлетворенности жизнью. Исследование особенностей данных взаимосвязей может послужить стимулом, с одной стороны, для разработки системы диагностики потенциальной жизненной успешности, с другой стороны, для формирования эффективных подходов к повышению позитивного функционирования субъекта.

Успешность в качестве социально-психологической характеристики личности, включает направленность на успех, на удовлетворение процессом и на итоги своей жизни (Толочек, 2007). Обращаясь к результатам исследований отечественных коллег, можно отметить, что жизненная успешность включает совокупность успехов в различных, субъективно значимых для личности сферах деятельности и является интегративным психологическим образованием, которое включает три уровня оценки: объективный (совокупность реальных достижений за определенный период времени), объективно-субъективный (совокупность реальных достижений за определенный период времени, значимость которых выделяет сам субъект) и субъективный (оценка успешности жизни субъекта без выделения конкретных

событий и их оценки с точки зрения социальных стандартов успешности, соизмеримая только с субъективными представлениями человека об успешности жизни) (Батурина, Черняева, 2018). Также некоторые исследователи обращают внимание на то, что жизненная успешность может являться отражением субъективного переживания достижения успеха и связывается с результативностью собственной деятельности (Дементий, Лейфрид, 2012).

Рассмотрим подробнее позиции отечественных исследователей по феномену удовлетворенность жизнью. Анализируя работы Н. В. Андреевской, можно сделать вывод о том, что «удовлетворенность жизнью» включает когнитивную сторону качества жизни, которую дополняет эмоционально ориентированная сторона — положительные и отрицательные эмоции (Андреевская, 2010). В исследованиях Л. В. Куликова понятие «удовлетворенность жизнью» (как интегративный показатель, в котором отражено отношение личности к своей жизни) соотносится с принятием состояния субъективного благополучия, комфорта (Куликов, 2000).

Большинство исследователей рассматривают удовлетворенность жизнью как часть субъективного благополучия и качества жизни. Вместе с тем отличительной чертой удовлетворенности жизнью является то, что она отражает благополучие отдельных субъектов. Проведя анализ исследований, мы видим, прежде всего, неоднозначную трактовку данных феноменов, отсутствие четкой иерархии понятий, а также отмечаем, что в обоих обозначенных феноменах присутствует оценочный компонент.

На наш взгляд, феномен «успешности» следует рассматривать в русле единого жизненного пути человека и комплекса внутриличностных механизмов, обуславливающих процесс удовлетворения его потребностей, достижение субъективно значимых целей и т. д.

В настоящей работе, мы использовали количественные методы. Для изучения уровня оценки жизненной успешности применялись авторские 100-балльные шкалы самооценки, на которых респондентам предлагалось выбрать позицию, соответствующую их внутренним ощущениям. Уровень удовлетворенности жизнью исследовался с помощью методики «Тест индекс жизненной удовлетворенности» (ИЖУ) (адаптация Н. В. Паниной, 1993 г.). Для анализа наличия взаимосвязей использовался коэффициент ранговой корреляции R Спирмена.

Количественное исследование проводилось в 2020–2021 гг. Выборку составили 203 респондента ($M_{age} = 33$ года). Группы были уравнены по гендерному составу.

По итогам эмпирической части исследования следует обратить внимание на выявленные корреляционные взаимосвязи между показателями жизненной успешности и удовлетворенности жизнью. Все выделенные показатели жизненной успешности коррелируют с индексом удовлетворенности жизнью.

«Успешность» ($r=0,02$, $p<0,05$) как общий интегративный показатель оценки собственной успешности, «Оценка успешности другими» ($r=0,2$, $p<0,05$) как показатель субъективного восприятия оценки субъекта другими, «Абсолютный максимум успешности» ($r=0,18$, $p<0,05$) как показатель возможного максимума успешности при наличии всех необходимых ресурсов для ее реализации, «Успешность через 5 лет» ($r=0,31$, $p<0,05$) как показатель планирования динамики успешности, «Желаемая успешность сейчас» ($r=0,19$, $p<0,05$) как показатель желаемого уровня успешности в настоящем времени.

Наличие данных взаимосвязей можно трактовать следующим образом: субъекты, оценивающие себя как жизненно успешные, в большей степени будут проявлять низкий уровень эмоциональной напряженности, стабильную эмоциональную устойчивость, психологический комфорт, высокий уровень удовлетворенности ситуацией и своей ролью в ней.

Подводя итог, можно утверждать, что проведенный в работе анализ таких феноменов, как «жизненная успешность» и «удовлетворенность жизнью», позволил выявить их взаимосвязь. Следует выделить в данном случае феномен «жизненная успешность», которую можно представить в виде переменной, обобщающей комплекс достижений субъективно значимых успехов за большой временной промежуток. Удовлетворенность жизнью, в свою очередь, отвечает за эмоциональную составляющую оценки, которая выступает как интегративный показатель субъективного отношения к жизненной успешности.

Данные, полученные в результате настоящего исследования, подтверждают обозначенную гипотезу и дают возможность утверждать, что выделенные показатели жизненной успешности могут быть включены в единую концептуальную структуру с удовлетворенностью жизнью, что дает широкую перспективу для дальнейшей постановки и решения теоретических, практических и научно-исследовательских задач по изучению феномена жизненной успешности и определению его места в системе позитивного функционирования личности.

Литература

Андреевкова Н. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99). С. 189–215.

- Батурина Н. В., Черняева Ю. Е.* Соотношение успеха, жизненной успешности и личностного благополучия // Теоретическая и экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 4.
- Дементий Л. И., Лейфрид Н. В.* Ответственность как детерминанта социальных представлений об успехе и условиях его достижения // Вестник Омского ун-та. 2012. № 3 (65).
- Куликов Л. В.* Детерминанты удовлетворенности жизнью // Общество и политика. 2000. С. 476–510.
- Толочек В. А.* Профессиональная успешность субъекта: психологические и социальные аспекты // Методы исследования психологических структур и их динамики. Вып. 4. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Связь стратегий совладания со стрессом и показателей Темной триады у военнослужащих

В. И. Косицина (Москва)

В данной работе предпринята попытка с позиции диспозиционного подхода изучить связь показателей Темной триады со стратегиями совладания. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что существует связь между непродуктивными стратегиями совладания со стрессом и показателями Темной триады. Был использован Короткий опросник Темной триады, Brief-COPE. Выборку составили 50 военнослужащих (26 мужчин, 24 женщины) в возрасте от 23 до 45 лет и 50 лиц гражданского персонала (23 женщины, 27 мужчин) в возрасте от 22 до 49 лет. Участники исследования проходят службу в Западном военном округе. В ходе исследования было обнаружено, что существует значимая связь между непродуктивными стратегиями совладающего поведения со стрессом и показателями Темной триады.

Профессиональная деятельность военнослужащего сопряжена с большим количеством стресс-факторов, связанных как с экстремальными ситуациями, возникающими в процессе выполнения работы, так и с психологическими особенностями службы: соблюдение устава, напряженное эмоциональное состояние, алкоголизм (как профессиональное заболевание) и т. д.

В рядах военнослужащих встречаются абсолютно разные люди, с различными личностными особенностями, которые могут иметь дезадаптивный характер в стрессовых ситуациях. От этого зависит реакция, возникающая при столкновении с стресс-факторами. Та-

кими особенностями личности могут быть показатели Темной триады. Впервые этот термин был употреблен Д. Полхус и К. Уильямс в 2002 г. Темная триада рассматривается как сочетание трех психологических черт (психопатия, неклинический макиавеллизм, неклинический нарциссизм), которые формируют в личности социально неодобряемые особенности (Егорова, Ситникова, 2014). Эти черты могут быть выражены у любой личности, влияя на поведение человека, но не превращая его в патологическое. Они предстают как определенные характеристики личности, которые могут быть центральными диспозициями и негативно воздействовать на благополучие и деятельность военнослужащих.

Совладающее поведение рассматривается как один из видов социального поведения, которое интегрирует как положительные аспекты поведения, направленные на достижение успеха и аффилиации, так и негативные формы социального поведения (Анцыферова, 1996). С позиции диспозиционного подхода диспозиционные черты личности оказывают непосредственное влияние на выбор продуктивной или непродуктивной копинг-стратегии (Крюкова, 2008). Темная триада имеет экстернальную направленность, так как из-за этих качеств у личности может быть искаженное восприятие окружающего мира и людей в целом (Косицина, 2021).

В связи с этим была выдвинута *гипотеза* о том, что будет присутствовать связь между непродуктивными стратегиями совладания со стрессом и показателями Темной триады. На основании данного предположения было проведено исследование.

Выборку составили 50 военнослужащих и 50 лиц гражданского персонала.

Были подобраны следующие *методики*: Короткий опросник Темной триады (SD3) в адаптации М. С. Егоровой, М. А. Ситниковой, О. В. Паршиковой (2015); методика Brief-COPE (2012) в адаптации Е. В. Куфтяк, В. И. Косициной. На этапе обработки данных использовались: одновыборочный критерий Комогорова—Смирнова, непараметрический биномиальный критерий, непараметрический критерий корреляции Спирмена для парных выборок.

В ходе проведенного исследования были получены следующие различия. Средние показатели макиавеллизма незначительно отличаются в двух группах, но заметны отличия в показателях неклинического нарциссизма и неклинической психопатии. В группе гражданского персонала данные показатели выше.

Стоит отметить, что в исследуемых группах выражены показатели среднего уровня по неклиническому нарциссизму и макиавел-

лизму, а также показатели низкого уровня по психопатии, что может свидетельствовать о том, что в структуре присутствуют определенные черты Темной триады, которые в процессе медико-психологического отбора сложно выявить при помощи стандартной батареи методик.

Нами обнаружено, что показатели выбора избегающего копинга (непродуктивного) и продуктивного совладания у военнослужащих и гражданского персонала совпадают. Так, продуктивные стратегии явно доминируют над непродуктивными.

У военнослужащих в продуктивных стратегиях совладания доминируют: активный копинг, планирование, позитивное перефразирование и юмор. У гражданского персонала доминируют: активный копинг, принятие, планирование и использование инструментальной поддержки. Гражданскому персоналу проще обратиться за помощью и поддержкой к любому человеку, чем военнослужащим. Военная служба накладывает определенный отпечаток на поведение из-за специфики иерархической служебной системы.

Рассмотрим обнаруженные корреляционные связи. Значимых корреляционных связей в группе военнослужащих обнаружено немного, и все они умеренной силы. Так, нарциссизм умеренно связан с юмором, а макиавеллизм и психопатия связаны с употреблением наркотических веществ. Так, анализ данных указывает на связь показателей Темной триады (показатели нарциссизма и психопатии) связаны с непродуктивными стратегиями совладания. На основании этого мы можем предположить, что у таких военнослужащих может проявляться склонность к аддиктивному поведению, что может негативным образом сказаться на выполнении их должностных обязанностей.

В группе гражданского персонала количество корреляционных связей больше, чем в группе военнослужащих. Установлено, что макиавеллизм имеет связь с интегральным показателем избегающего копинга, что не наблюдается в группе военнослужащих, а также обнаружены умеренные связи макиавеллизма с самоотвлечением, картисом, употреблением наркотических веществ, поведенческим абстрагированием и самобичеванием, а также слабо связан с отрицанием. В группе гражданских лиц обнаружено, что нарциссизм связан с продуктивными стратегиями, в частности, выявлена умеренная связь со стратегией использование эмоциональной поддержки и обратно связан со стратегией принятие. Показатель психопатии имеет умеренную корреляционную связь со стратегией самобичевания, которая рассматривается как непродуктивная стратегия совладания. В данном случае мы видим разнообразие связей с показате-

лями Темной триады, что говорит нам о различных видах поведения в различных ситуациях.

Таким образом, гипотеза о том, что показатели Темной триады связаны с непродуктивными стратегиями совладания со стрессом частично подтвердилась. Полагаем, что результаты данного исследования могут быть полезны специалистам, работающим с военнослужащими.

Литература

- Анциферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование жизненных ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1996. № 1. С. 3–18.
- Егорова М. С., Ситникова М. А.* Темная триада // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.07.2021).
- Косицина В. И.* О взаимосвязи Темной триады и копинг-стратегий // Жизненные траектории личности в современном мире: социальный и индивидуальный контекст: Сборник статей I Международной научно-практической конференции (Кострома, 22–23 апреля 2021 г.) / Сост. Т. Е. Коровкина; отв. ред. Т. Н. Адеева, С. А. Хазова. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2021. С. 478–482.
- Крюкова Т. Л.* Человек как субъект совладающего поведения // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 55–67.

Проблемы психологии в коллективном философском труде «Проблемы идеализма»*

А. А. Костригин (Москва)

В статье рассматриваются психологические вопросы, обсуждавшиеся Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком и С. А. Аскольдовым в сборнике «Проблемы идеализма» (1902). Анализируются проблемы этики, нравственности, личности, жизненных стремлений, изложенные мыслителями с позиций идеалистической философии. Эти идеи соответствуют распространённым в тот период направлениям религиозно-философской и умозрительной психологии. Обосновывается, что источником пси-

* Статья подготовлена по Госзаданию № 0138-2021-0001.

хологических идей могут выступать коллективные сборники статей по проблемам философии, религии и социологии.

В истории философской, религиозной и общественной мысли в начале XX в. большее значение имели коллективные дискуссии по текущим теоретическим и прикладным проблемам. Примером такого обсуждения является издание сборника «Проблемы идеализма» (1902) под редакцией правоведа, философа и историка П. И. Новгородцева. В этой работе опубликованы статьи отечественных мыслителей по вопросам философии науки, философии истории, философии жизни, философии творчества, социологии, этики и др. Именно в контексте этой проблематики данный сборник и анализируется в современной литературе (Колеров, 2019; Межуев, 2002; Подоль, 2009).

Кроме указанных вопросов, авторы «Проблем идеализма» касались и других тем, в частности, относящихся к психологии. На рубеже XIX–XX вв. психологические вопросы изучали не только собственно психологи (количество которых в тот период было ограниченным), но и философы, педагоги, физиологи, психиатры и другие специалисты. Существовала и обратная сторона взаимоотношений психологии с другими науками: психологические знания использовались для решения гуманитарных, философских, религиозных и социологических проблем. Именно поэтому сборник «Проблемы идеализма» необходимо рассматривать в более широком плане, в частности, как источник психологических идей в эпоху становления психологии.

Изначальным замыслом «Проблем идеализма» было обсуждение взаимоотношений между идеалистической и позитивной философией, а конкретнее – критика позитивизма с позиций идеализма и разработка «нового» идеалистического движения. Направления этой критики включали анализ исторического процесса, научного познания, этических и нравственных проблем, творчества со стороны философского идеализма в противовес распространенному в то время позитивистскому толкованию этих вопросов. Психологические задачи в «Проблемах идеализма» явно не заявлялись, однако их можно реконструировать по положениям П. И. Новгородцева в предисловии о важности «отстоять необходимое разнообразие запросов и задач человеческого духа» (Проблемы идеализма, 1902, с. VII), рассмотреть «сложные вопросы жизни, глубокие потребности нравственного сознания» (там же, с. VIII) и обозначить «целый ряд других проблем, глубоких и важных, теснейшим образом связанных с деятельной жизнью духа» (там же). Эти вопросы действительно являлись ключевым для идеалистической философии, од-

новременно с этим они относились к религиозно-философской и умозрительной психологии.

Целью данной работы является рассмотрение некоторых психологических идей, изложенных авторами сборника «Проблемы идеализма», как входящих в проблемное поле все еще распространенного в начале XX в. направления религиозно-философской психологии и выражающих актуальные на тот период подходы к анализу этических убеждений, нравственных чувств, направленности личности, жизненных стремлений человека.

Н. А. Бердяев в своей работе «Этическая проблема в свете философского идеализма» анализирует гносеологические, онтологические и психологические основания этики и нравственности. Он критикует подходы гедонизма, утилитаризма и эволюционизма к этическим проблемам и предлагает идеалистическую точку зрения. По мнению Н. А. Бердяева, психологической предпосылкой этики является положение о том, что «нравственность — есть самостоятельное *качество* человеческой души» (Бердяев, 1902, с. 100), а «нравственный закон — есть автономное законодательство нашего сознания» (там же, с. 104), «есть непосредственное откровение абсолютного, — это голос Божий внутри человека» (там же).

Основная для этики — идея личности как носителя нравственного закона. Нравственность в человеке связана с развитием личности, предпосылкой чего является нравственная проблема (как проблема отношения между эмпирическим Я и идеальным Я), внутреннее отношение человека к самому себе, осуществление своего духовного Я. Нравственное содержание личности заключается в постановке и исполнении нравственных целей и ценностей, а уровень нравственного развития личности измеряется степенью наполненности человеческой жизни универсальными (общечеловеческими) интересами. Таким образом, истоком этики и нравственности является идея Я и идея личности, а осуществление нравственности заключается в утверждении и самоосуществлении Я.

С. Л. Франк в работе «Фр. Ницше и этика „любви к дальнему“», опираясь на учение Ф. Ницше, сравнивает две этические системы — любовь к ближнему и любовь к дальнему. Важны психологические аспекты этих двух направленностей личности: любовь к ближнему основана на так называемом «инстинкте сострадания», состоит из совокупности «симпатических чувств, переживаемых по отношению к непосредственно окружающим нас, ближайшим к нам людям („ближним“)» (Франк, 1902, с. 139); любовь к дальнему заключается в симпатии к отдаленным благам окружающих нас людей, к «даль-

ним» для нас людям (сограждане, потомки, все человечество), а также к абстрактным явлениям — истине, добру, справедливости и другим идеалам (там же, с. 140). В поведении личности эти установки выражаются либо в конкретной деятельности (любовь к ближнему — это деятельная любовь), либо в стремлении создать новое благо (любовь к дальнему — это творческая любовь). Творческая любовь (и сопутствующее этическое поведение) часто выражается в виде борьбы с существующим порядком вещей (с «ближним»). С. Л. Франк обозначает личностные качества, свойственные этим видам этического поведения: любовь к ближнему выражается в мягкости, миролюбии, уступчивости, любовь к дальнему — в твердости, настойчивости, мужественности.

С. А. Аскольдов в работе «Философия и жизнь» ставит вопрос о связи философских концепций и жизненных стремлений человека, использования (теоретической) философии в (практической) жизни. В гносеологии и нравственной философии постулируется, что человек избирает некоторую цель, придерживается определенного долга и сообразно этому поступает. Однако, как полагает С. А. Аскольдов, жизненный выбор человека зачастую опирается не только на рациональные суждения. «Самое же избрание той, а не иной цели должно быть совершено не разумом, а всею совокупностью духовных сил человека, или единством личности, в состав которой входят и чувства, и стремления, и другие иррациональные начала» (Аскольдов, 1902, с. 202). Однако «эмпирическое», ситуативное поведение человека может быть соотнесено с философскими идеями, чтобы сделать предпочитаемые человеком жизненные принципы более устойчивыми и прочными. Наконец понимание связи философии и жизненных стремлений человек может осуществляться через анализ феномена личности, ее роста и развития.

Анализ психологических идей Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и С. А. Аскольдова позволяет обозначить направление историко-психологических исследований — анализ коллективных изданий в области философии, религии и социологии. Мыслители использовали психологические знания и применяли психологические концепции для решения междисциплинарных вопросов и в новом контексте предлагали новое видение ключевых психологических проблем и феноменов. В данном сборнике «Проблемы идеализма» авторы обсуждали темы этики, нравственности, личности, принятия жизненных решений и поведения в различных жизненных ситуациях, активно разрабатывая области общей психологии, психологии чувств, психологии воли и психологии личности.

Литература

- Аскольдов С. А.* Философия и жизнь // Проблемы идеализма / Под ред. П. И. Новгородцева. М.: Московское психологическое общество, 1902. С. 196–215.
- Бердяев Н. А.* Этическая проблема в свете философии идеализма // Проблемы идеализма / Под ред. П. И. Новгородцева. М.: Московское психологическое общество, 1902. С. 91–136.
- Колеров М. А.* Русские «идейные сборники» как традиция: к вопросу о жанрах общественно-политической мысли в России XIX–XX веков // Ученые записки Новгородского гос. ун-та. 2019. № 1 (19). С. 20.
- Межуев Б. В.* Затерянный след. «Проблемы идеализма» в новом историческом контексте // Полис. Политические исследования. 2002. № 6. С. 167–171.
- Подоль Р. Я.* Теория исторического процесса в русской историософии начала XX века (сравнительно-исторический анализ сборника «Проблемы идеализма») // Преподаватель XXI век. 2009. № 3 (2). С. 303–311.
- Проблемы идеализма / Под ред. П. И. Новгородцева. М.: Московское психологическое общество, 1902.
- Франк С. Л.* Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // Проблемы идеализма / Под ред. П. И. Новгородцева. М.: Московское психологическое общество, 1902. С. 137–195.

Формирование эмоциональной децентрации детей дошкольного возраста в сюжетно-ролевой игре

С. Г. Кукава (Красноярск)

В данной статье представлены результаты исследования, целью которого являлось выявление взаимосвязи между формированием эмоциональной децентрации у дошкольников и становлением сюжетно-ролевой игры. Мы предположили, что если созданы условия для сюжетно-ролевой игры и происходит ее динамика, то она обеспечивает формирование эмоциональной децентрации у дошкольников. В исследовании приняли участие 52 дошкольника в возрасте от четырех до шести лет, которые были разделены на контрольную и экспериментальную группы. Результаты исследования показывают, что специально созданные условия для сюжетно-ролевой игры способствуют внутренней и внешней динамике игры, а это, в свою очередь, влияет на прогресс в формировании эмоциональной децентрации у детей дошкольного возраста.

Эмоциональная децентрация предшествует интеллектуальной децентрации и является одним из важных механизмов, необходимых для успешного вхождения ребенка в социум. Однако вопрос об условиях ее формирования является открытым.

В дошкольном возрасте у ребенка происходит отделение своих эмоциональных переживаний от эмоциональных переживаний партнера, что позволяет ребенку отстраниться от своих переживаний и переключиться на восприятие и понимание эмоций других людей. Г. М. Бреслав определяет данное новообразование дошкольного возраста как способность к идентификации эмоций и сопереживанию другому. Изучая проблемы эмоциональной регуляции у дошкольников, Г. М. Бреслав отмечает взаимосвязь сюжетно-ролевой игры и эмоциональной децентрации (Бреслав, 2016). Однако вопрос о том, как по мере освоения игровой деятельности происходит формирование эмоциональной децентрации, остается на сегодняшний день не исследованным.

Доказано, что игровая деятельность дошкольника имеет решающее значение для эмоционального развития ребенка (Бреслав, 2016; Выготский, 1966; Эльконин, 1999). Игра как ведущий вид деятельности является своеобразным, свойственным данному возрасту способом усвоения общественного опыта. Включаясь в игру и проигрывая разные роли, ребенок проживает эмоции, обусловленные ролевым поведением. Так, например, девочка с куклой «по-настоящему» любит свою «дочку». Иногда такие эмоции еще недоступны в жизни.

Исходя из этого, *гипотезой* исследования являлось предположение о том, что если созданы условия для сюжетно-ролевой игры и происходит ее внутренняя и внешняя динамика, то это оказывает существенное влияние на формирование эмоциональной децентрации у дошкольников.

При решении вопроса о динамике сюжетно-ролевой игры обращается внимание на следующие внешние (динамика игры) и внутренние критерии (динамика в игре). Динамика игры определяется ответами исследователя на вопросы: как складывается сюжет? есть ли продолжение игры за пределами детского сада? как и когда происходит разделение пространства? Для отслеживания динамики «в игре» мы обращаем внимание на то, как выбирает ребенок роль, на появление фокусировок в игровом пространстве, на «столкновения» между локациями.

Цель исследования: определение связи между становлением сюжетно-ролевой игры и формированием эмоциональной децентрации.

Для проверки нашей гипотезы было проведено исследование, состоящее из трех этапов. В исследовании приняли участие 52 дошкольника в возрасте от четырех до шести лет.

На первом этапе с целью определения у дошкольников способности к эмоциональной децентрации были использованы: проективное интервью Й. Шванцара в модификации Г. М. Бреслава и игровой эксперимент «Желания сказочного персонажа». В проективном интервью детям предлагались три ситуации: исполнить три желания для себя; превратиться в любого взрослого и исполнить три его желания; исполнить три желания для ребят из группы.

Опираясь на исследования Г. М. Бреслава, мы выделили следующие критерии для определения проявления эмоциональной децентрации у детей дошкольного возраста: принятие роли волшебника; удержание роли; отделение себя от других.

По результатам проведения проективного интервью было выделено 3 уровня эмоциональной децентрации у детей-дошкольников:

3-й уровень – высокий: представлены все три критерия принятие роли, ее удержание и отделение своих желаний от желаний партнера;

2-й уровень – средний: соблюдение двух критериев;

1-й уровень – низкий: соблюдение одного или несоблюдение вышеперечисленных критериев.

На основе полученных результатов по проективному интервью были выделены две группы детей со средним и низким уровнями эмоциональной децентрации: контрольная, в которую вошел 21 человек, и экспериментальная, в которую вошли 20 человек. Остальным 11 дошкольникам не удалось присутствовать на всех этапах исследования.

Второй этап заключался в проведении формирующего эксперимента. Дети контрольной и экспериментальной групп посещали детские сады, находились в одних и тех же образовательных условиях. А именно: у детей был одинаковый режим дня и формы занятий. С детьми из экспериментальной группы был проведен формирующий эксперимент, состоящий из серии сюжетно-ролевых игр. Игра проводилась с детьми из экспериментальной группы один раз в неделю, на протяжении 2,5 месяцев.

Условия сюжетно-ролевой игры следующие:

1. Дошкольникам были предоставлены возможности для создания и преобразования игрового пространства с помощью неоформленного предметного материала.

2. Взрослый как партнер по игре действовал в соответствии с ролью и выступал фасилитатором игровых действий детей, помогая им удерживать роль и развивать сюжет, не являясь организатором детской игры.

Проведя наблюдение за ходом серии игр, опираясь на внешние и внутренние критерии динамики игры, мы заметили изменения. Динамика игры (внешние критерии): дети разыгрывают разные сюжеты; происходит связь между разными сюжетными линиями; происходит продолжение игры за пределами детского сада. Динамика в игре (внутренние критерии): уменьшается время для изготовления атрибутов; все дети показывают вовлеченность в игровой процесс и на протяжении игры удерживают свою роль; обращаются друг к другу из разных локаций.

После завершения серии сюжетно-ролевых игр на третьем этапе нами был проведен посттест с целью определения уровня сформированности эмоциональной децентрации у детей из двух групп.

В контрольной группе уровень сформированности эмоциональной децентрации повысился только у 4 человек, что составило 19,1%. В экспериментальной группе уровень эмоциональной децентрации повысился у 16 человек (80%), из них со среднего уровня на высокий перешло 7 чел., с низкого на средний — 7 чел., а двое детей сразу перешли с низкого на высокий уровень эмоциональной децентрации. Только у 4 человек из экспериментальной группы уровень эмоциональной децентрации остался без изменений, в то время как в контрольной группе таких детей оказалось 17 (81%).

Значимость различий контрольной и экспериментальной групп была подтверждена с помощью статистического t-критерия Стьюдента. Уровень значимости составляет $p=0,05$.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что такие условия для сюжетно-ролевой игры, как предоставление дошкольникам возможности для создания и преобразования игрового пространства с помощью неоформленного предметного материала, принятие взрослым позиции как партнера по игре, способствуют внутренней и внешней динамике игры. Это, в свою очередь, влияет на прогресс в формировании эмоциональной децентрации у детей дошкольного возраста, что подтверждает нашу гипотезу.

Литература

Бреслав Г. М. Эмоциональные особенности формирования личности в детстве: монография. М.: Педагогика, 2016.

Выготский Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 62–68.

Эльконин Д. Б. Психология игры. М.: Владос, 1999.

Несемантический Stroop: разработка задания-зонда для загрузки функции торможения*

Н. Ю. Лазарева, С. В. Анфалова, А. В. Чистопольская (Ярославль)

В работе предпринята попытка разработки задания-зонда для реализации метода когнитивного мониторинга при загрузке управляющей функции торможения. Как правило, для загрузки данной функции используют классический тест Струпа, однако для дальнейших исследований необходим несемантический его аналог, на разработку которого направлена данная работа. Основная гипотеза исследования: разработанные задания-зонды будут загружать функцию торможения. В исследовании приняло участие 37 человек. Согласно полученным результатам, мы можем сделать вывод о том, что нам удалось разработать несемантический аналог теста Струпа. Разработанные задания положительно коррелируют по времени решения и по количеству ошибок с заданием Струпа, загружающим функцию торможения, и не коррелируют с заданием n-back, загружающим функцию обновления.

На данный момент одной из актуальных проблем когнитивной психологии является изучение роли управляющих функций в мышлении, в частности в процессе решения задач. На наш взгляд, перспективным методом для изучения данной проблематики является метод когнитивного мониторинга, разработанный И. Ю. Владимировым, С. Ю. Коровкиным, А. В. Чистопольской и А. Д. Савиновой (Владимиров и др., 2013). Данный метод заключается в оценке динамики основной задачи, а также вклада в решение основной задачи тех или иных когнитивных подсистем с опорой на динамику выполнения вторичного задания-зонда, который загружает данные подсистемы и тем самым конкурирует за ресурс с основной задачей.

В нашей работе базовой для управляющих функций является модель А. Миякэ с соавт. Они выделили три управляющие функции: переключение, обновление или мониторинг информации, торможение (Miyake et al., 2000).

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00801-А.

Актуальной методической задачей является разработка заданий-зондов, которые будут загружать те или иные управляющие функции. В данной работе предпринята попытка разработать неспецифические, несвязанные с семантической обработкой задания-зонды, загружающие функцию торможения. Классической задачей, которую загружает функцию торможения, является тест Stroop, именно опираясь на корреляцию с данным типом задач, мы планируем разработать несемантические задания, загружающие функцию торможения. Таким образом, основной *целью* исследования является разработка несемантического задания-зонда для загрузки функции торможения во время решения мыслительных задач.

Метод

Общая гипотеза: разработанные задания-зонды будут загружать функцию торможения.

Частные гипотезы:

- 1) разработанный простой зонд со стрелками, загружающий функцию торможения, будет коррелировать с зондом Stroop, загружающим функцию торможения;
- 2) разработанный сложный зонд со стрелками, загружающий функцию торможения, будет коррелировать с зондом Stroop, загружающим функцию торможения;
- 3) разработанный простой зонд со стрелками, загружающий функцию торможения, не будет коррелировать с зондом n-back, загружающим функцию обновления;
- 4) разработанный сложный зонд со стрелками, загружающий функцию торможения, не будет коррелировать с зондом n-back, загружающим функцию обновления.

Выборка. В исследовании приняло участие 34 человека ($M = 21,5$; $Med = 20$; $\sigma = 4,7$), 12 мужчин и 22 женщины.

Процедура. Мы предположили, что разработанные задания со стрелками будут являться модифицированным вариантом задачи Stroop.

Нами было разработано 2 задания-зонда, загружающих функцию ингибирования, различающихся по степени сложности, которая задается количеством признаков, которые нужно учитывать в процессе категоризации стимулов-зондов:

1. Простой зонд. Признаком для категоризации является направление стрелочки и игнорирование положения стрелки в про-

странстве. Задача испытуемого нажимать на клавишу, соответствующую направлению появившейся на экране стрелочки, независимо от ее местоположения на экране. Например, если стрелочка показывает влево, то необходимо нажимать клавишу влево, даже если стрелочка находится в правой или центральной части экрана.

2. Сложный зонд. Признаком для категоризации является направление стрелки, которая появляется на экране. Задача испытуемого нажимать на клавишу, противоположную направлению стрелки. Например, если стрелочка на экране показывает влево, то необходимо нажимать клавишу вправо; если стрелочка на экране показывает вправо, то необходимо нажимать клавишу влево.

При повышении уровня сложности задания стрелки в случайном порядке будут появляться в левой, правой или центральной части экрана. На наш взгляд, данная модификация также будет загружать функцию ингибирования и препятствовать научению при выполнении данного задания-зонда.

Модификация Stroop, загружающей функцию ингибирования, в зондовом формате была разработана А. Д. Савиной и И. Н. Макаровым и заключалась в следующем: на экране появлялись окрашенные в разные цвета слова, необходимо было определять цвет, которым окрашено слово. Если слово было окрашено в красный или желтый цвет, необходимо было нажать стрелочку вправо, если в зеленый или синий – влево.

Модификация n-back, загружающей функцию обновления, в зондовом формате была разработана А. Д. Савиной и И. Н. Макаровым и заключалась в следующем: на экране появлялись различные фигуры, необходимо было сравнивать каждую появившуюся фигуру с предыдущей, если фигуры одинаковые, необходимо было нажать стрелочку вправо, если разные – влево.

Результаты

Простое задание-зонд со стрелками, загружающее функцию торможения:

- среднее время выполнения задания составило 0,51 с, $\sigma=0,1$;
- корреляции по времени решения с заданием Stroop, загружающим функцию торможения: r Пирсона = 0,564 ($p<0,05$), r Спирмена = 0,477 ($p<0,05$);
- корреляции по количеству ошибок (по показателю количества ошибок/общее число проб) с заданием Stroop, загружающим

функцию торможения: r Пирсона незначимо, r Спирмена = 0,583 ($p < 0,01$);

- корреляция по времени решения с заданием n-back, загружающим функцию обновления: r Пирсона незначимо, r Спирмена незначимо;
- корреляция по количеству ошибок (по показателю количества ошибок/общее число проб) с заданием n-back, загружающим функцию обновления: r Пирсона незначимо, r Спирмена незначимо.

Сложное задание-зонд со стрелками, загружающее функцию торможения:

- среднее время выполнения задания составило 0,71 с, $\sigma = 0,2$;
- корреляции по времени решения с заданием Stroop, загружающим функцию торможения: r Пирсона = 0,518 ($p < 0,05$), r Спирмена = 0,612 ($p < 0,01$);
- корреляции по количеству ошибок (по показателю количества ошибок/общее число проб) с заданием Stroop, загружающим функцию торможения: r Пирсона незначимо, r Спирмена незначимо;
- корреляция по времени решения с заданием n-back, загружающим функцию обновления: r Пирсона незначимо, r Спирмена незначимо;
- корреляция по количеству ошибок (по показателю количества ошибок/общее число проб) с заданием n-back, загружающим функцию обновления: r Пирсона незначимо, r Спирмена незначимо.

Задание-зонд Stroop, загружающее функцию торможения:

- среднее время выполнения задания составило 0,76 с, $\sigma = 0,2$.

Задание n-back, загружающее функцию обновления:

- среднее время выполнения задания составило 1,14 с, $\sigma = 0,2$;
- корреляция по времени решения с заданием Stroop, загружающим функцию торможения: r Пирсона незначимо, r Спирмена незначимо;
- корреляция по количеству ошибок (по показателю количества ошибок/общее число проб) с заданием Stroop, загружающим функцию торможения: r Пирсона незначимо, r Спирмена незначимо.

Выводы

Нам удалось разработать несемантические аналоги теста Stroop, которые, по всей видимости, также загружают функцию торможения. Разработанные задания положительно коррелируют по времени решения и по количеству ошибок с заданием Stroop, загружающим функцию торможения, и не коррелируют с заданием n-back, загружающим функцию обновления.

Стоит отметить, что из двух разработанных заданий со стрелками в дальнейших исследованиях мы будем использовать вариант «Сложный зонд», поскольку по времени решения он в наибольшей степени соотносится с заданием Stroop.

Литература

- Владимиров И. Ю., Коровкин С. Ю., Чистопольская А. В., Савинова А. Д.* Мониторинг загрузки исполнительского контроля как метод фиксации микродинамики мыслительного процесса // Психология когнитивных процессов. Смоленск: Универсум, 2013. С. 18–22.
- Miyake A. et al.* The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis // *Cognitive psychology*. 2000. V. 41. № 1. P. 49–100.

От испытуемого экспериментатору: сбор феноменологии инсайтного решения с помощью метода репертуарных решеток Дж. Келли*

*Н. Ю. Лазарева, А. В. Чистопольская,
А. Д. Савинова (Ярославль)*

В статье представлено исследование, основными целями которого являются экспликация критериев инсайтного решения и создание собрания инсайтного решения и инсайтных задач в наиболее экологических понятиях и терминах для испытуемых. Испытуемым необходимо было самостоятельно формулировать шкалы, по которым они оценивали задачи до и после решения, с помощью адаптированного метода репертуарных решеток Дж. Келли. В результате было показано, что: 1) испытуемые в целом демонстрируют одинаковую согласованность в оценках задач как до, так и после решения; 2) до решения задачи в выделяемых шкалах преобладали оценки, связанные с анализом сюже-

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 20-78-00048.

та и формального содержания; 3) после решения задачи в выделяемых шкалах преобладают оценки источников трудности, процесса решения; 4) после решения испытуемые выделяют группы инсайтных и неинсайтных задач, используя при этом определенную житейскую терминологию.

Когда исследователь решает изучить инсайтное решение, то первой проблемой, с которой он сталкивается, неизменно является вопрос о том, что же взять в качестве объекта исследования. На основе существующих работ, направленных на систематизацию критериев инсайта (Морошкина et al., 2020; Webb et al., 2018), можно условно выделить два исследовательских направления, которые предлагают совершенно разные ответы на обозначенный вопрос: 1) изучение инсайтного решения на материале формально инсайтных задач (например, «9 точек», «8 монет», задачи со спичками и мн. др.); 2) изучение после фактического решения задач с выделением в них отдельных компонентов инсайта (ага-переживание, изменение репрезентации, тупик и др.). Во втором случае часто используются самоотчетные методы, призванные оценить субъективные переживания испытуемых. На сегодняшний день выделено множество параметров инсайтного решения, поэтому вопрос о том, какие параметры необходимо отражать в самоотчетных методах, является довольно дискуссионным. Более того, отсутствует инструментарий, наиболее экологично отражающий представления решателей об инсайтных и неинсайтных задачах. Целью данного исследования является выявление представлений решателей об инсайте, а также их сопоставление с научно принятыми представлениями о процессе инсайтного решения. Перспективным для достижения поставленной цели нам кажется адаптация метода репертуарных решеток Дж. Келли (Kelly, 1955).

Метод

Общая гипотеза: у решателей существуют субъективные критерии инсайтности, позволяющие дифференцировать инсайтное и неинсайтное решение.

Частные гипотезы: 1) критерии инсайтности, выделяемые испытуемыми до и после решения задач, будут различны; 2) критерии инсайтности, выделяемые испытуемыми, будут содержать концептуальный аппарат, отличный от используемого в самоотчетных методах.

Выборка: 19 испытуемых от 18 до 36 лет ($M = 23,4$; $Med = 20$; $SD = 5,3$), 17 женщин и 2 мужчин.

Процедура

1. Испытуемым было предложено прочитать текст 3 неинсайтных и 5 инсайтных задач. Все задачи были уравнены по уровню сложности, измеряемому по времени решения и количеству необходимых изменений репрезентации для поиска ответа.
2. Далее были предложены триады задач в случайном порядке, необходимо было сформулировать свойство, по которому два текста задач из тройки сходны между собой и отличаются от третьего в соответствии с методом триадных сравнений Дж. Келли. Данная процедура необходима для проверки того, могут ли испытуемые только по тексту задачи дифференцировать инсайтное и неинсайтное решения; оценить, какие признаки они выбирают при первичном знакомстве с условием задачи; будут ли испытуемые делать предсказания о процессе, методе решения, источниках трудности или подобные данные доступны только после попытки решения.
3. Испытуемым снова был представлен ряд из 3 алгоритмизированных и 5 инсайтных задач (последовательность была рандомизирована), задача испытуемого состояла в том, чтобы решать задачи за отведенное время (180 с).
4. Вновь были предложены триады задач (последовательность представления триад совпадала с п. 2), необходимо было сформулировать свойство, по которому два процесса решения задач сходны между собой и отличаются от третьего. Мы хотели проверить, будут ли доступны для вербализации процесс решения задач источники трудности и метод решения, а также оценить степень устойчивости критериев для различения задач. В частности, будет ли испытуемый возвращаться к свойствам, перечисленным в п. 2.
5. Далее испытуемым было необходимо поделить задачи на несколько групп, дать группам названия и объяснить выбранное основание. Это было необходимо для того, чтобы соотнести классификацию задач, традиционно используемую экспериментаторами (инсайтные/неинсайтные), с классификацией испытуемых.

Результаты

Количественный анализ выделяемых шкал Сходство и Отличие до и после решения задач. Для проверки того, что задачи будут по-разному оцениваться как сходные или различные до и после решения, мы решили установить степень согласованности оценок при делении за-

дач внутри триады. Согласно критерию Вилкоксона для связанных выборок, мы не обнаружили значимых различий между оценками до ($M = 10,89$, $SD = 5,16$) и после ($M = 11,89$, $SD = 5,71$), $Z(18) = -0,74$, $p = 0,46$.

Качественный анализ выделяемых шкал Сходство и Отличие до и после решения задач. Предварительный анализ шкал Сходство и Отличие позволил нам выделить семь контент-единиц, на основе которых будет строиться дальнейшая работа экспертов: 1) сюжетность или содержательная оценка задачи («Есть несколько действующих героев, которые в какой-то степени соперничают между собой»); 2) формальная оценка условий задачи («Требуют вычислить»); 3) оценка трудности задачи («Понятная задача», «Субъективно более легкая»); 4) оценка процесса решения («Задание было связано со счетом, т. е. с математикой, логическое мышление не подошло бы для решение этой задачи»); 5) выделение типов задач («Математическая задача», «Задача на логику»); 6) оценка источников трудности задачи («Задачи-загадки, где нужно посмотреть на задание внимательно и под новым углом, чтобы разгадать»); 7) указание на эмоции при взаимодействии с задачей («Задача странная», «Чувствовала себя глупой»). Данные контент-единицы были выделены на основе частоты встречаемости подобных высказываний как до, так и после решения задач. Причем предварительные результаты свидетельствуют о том, что до решения испытуемые чаще выделяют шкалы оценивания, связанные с сюжетностью и формальной оценкой условий, а после решения — с процессом решения и источниками трудности.

Качественный анализ выделяемых групп задач после решения. После решения задач при выполнении п. 7 (см. процедуру) испытуемые делят задачи на две группы (инсайтные и неинсайтные), которые в целом совпадают с представлениями экспериментаторов. Однако используются такие определения, как 1) «задачи с математическими расчетами» (с вычислениями, цифрами, известна последовательность шагов или схема решения), относящиеся к неинсайтным задачам; 2) «задачи на логику» (ответ логически вытекает из условий) или «задачи с подвохом» (на сообразительность, похожи на загадку, надо рассматривать условия под новым углом), относящиеся к инсайтным задачам. Математические задачи оценивались как задачи, которые нужно было решать, выполнять внимательно арифметические действия и не искать в них подвоха, а логические задачи как задачи, в которых нужно обращать внимания на слова и фразы, искать многозначности, перебирать различные варианты, пробовать нестандартные подходы.

Выводы

В работе мы стремились выявить представления решателей о процессе решения инсайтных задач с помощью метода триадных сравнений Дж. Келли. На основе анализа выделяемых шкал можно сделать вывод о том, что испытуемые имеют согласованные оценки задач как до, так и после решения, что проявляется в отсутствии количественной разницы между оценками задач в триадах. При этом если до решения задачи в выделяемых шкалах преобладали оценки, связанные с анализом сюжета, а также формального содержания, то после решения в выделяемых шкалах преобладали оценки, связанные с оценкой процесса решения и источников трудности. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что критерии инсайтности, выделяемые испытуемыми до и после решения задач, различны. Испытуемые после решения преимущественно выделяют шкалы, опираясь на конструкты «математическая задача», «задача на расчеты» для неинсайтных задач; «логическая задача», «задача на смекалку» для инсайтных задач. Тот факт, что выделяемые типы задач совпадают с ожиданиями экспериментаторов, свидетельствует о наличии в них определенной специфики, которая может быть считана как до, так и после решения.

Литература

- Морошкина Н. В., Аммалайнен А. В., Савина А. И.* В погоне за инсайтом: современные подходы и методы измерения инсайта в когнитивной психологии // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 74. С. 5.
- Kelly G. A.* The psychology of personal constructs. V. 1: A theory of personality. WW Norton and Company, 1955.
- Webb M. E., Little D. R., Cropper S. J.* Once more with feeling: Normative data for the aha experience in insight and noninsight problems // Behavior research methods. 2018. V. 50. № 5. P. 2035–2056.

Влияние практики осознанного наблюдения на выраженность эффекта негативного прайминга*

Н. М. Лаптева (Москва)

Как показывают многочисленные исследования, практика осознанности («mindfulness»), представляющая собой сознательное безоценочное наблюдение за текущим опытом, способствует увеличению

* Статья подготовлена по Госзаданию № 0138-2021-0009.

креативности. При этом пока остается неясным, за счет каких когнитивных механизмов достигается эффект, в настоящей работе была предпринята попытка эмпирически исследовать этот вопрос. С помощью модифицированного теста Струпа на выборке, состоящей из 37 человек, было показано, что тренировка осознанности уменьшает выраженность эффекта негативного прайминга. Результаты интерпретируются с позиции теории Г. Айзенка и его представлений о паттерне когнитивного растормаживания мышления у креативных испытуемых.

Стремительное развитие новых технологий в современном обществе приводит к возрастанию роли умственных способностей, в частности творческих. Это ставит перед наукой задачу выявления факторов, способствующих увеличению креативности. Одним из таких факторов является «осознанность» или «внимательность» («mindfulness»). Это одна из форм переживания происходящего, при которой собственные ощущения, эмоции и мысли отслеживаются непосредственно, не подвергаясь анализу и критическим суждениям. Свидетельства положительного влияния практики осознанного наблюдения на творческое мышление можно найти не только в отдельных эмпирических исследованиях (Ostafin, Kassman, 2012), но и в метааналитических работах (Lebuda et al., 2016).

Основателем подхода «mindfulness» является Дж. Кабат-Зинн. В рамках программы, направленной на снижение стресса («Mindfulness-Based Stress Reduction»), им была разработана технология тренировки осознанности (Kabat-Zinn, 1990). Общие принципы ее выполнения заключаются в следующем: необходимо 1) сознательно наблюдать за текущим положением вещей без какой-либо оценки, 2) переключать внимание от мыслей о прошлом и будущем на процессы, происходящие в настоящий момент.

Несмотря на большое число работ, в которых было показано положительное влияние тренировки осознанности на креативность, их авторы не дают эмпирически подтвержденных объяснений того, за счет каких когнитивных механизмов оно достигается. В настоящем исследовании была предпринята попытка прояснить эти механизмы. Одним из них, по нашему предположению, может быть механизм когнитивного растормаживания мышления, под которым исследователи понимают недостаток торможения в протекании когнитивных процессов. Механизм когнитивного растормаживания можно зафиксировать в экспериментах с негативным праймингом. Негативный прайминг-эффект – феномен, связанный с замедлением реакции или увеличением количества ошибок в ответах на недав-

но проигнорированную стимуляцию. Г. Айзенк и К. Мартиндейл поддерживали идею когнитивного растормаживания как паттерна, присущего креативным людям.

Цель исследования – изучить механизмы, за счет которых тренировка осознанности влияет на креативность.

Задача: проверить, будет ли тренировка осознанности приводить к состоянию когнитивного растормаживания мышления.

Гипотеза. Тренировка осознанности будет приводить к ускорению реакции на основной стимул в условиях действия тормозных стимулов. Следовательно, выраженность эффекта негативного прайминга в экспериментальной группе будет меньше, чем в контрольной.

Методика

Испытуемые. В исследовании приняли участие 37 человек (24 женщины, средний возраст – 37,9 лет; стандартное отклонение – 10,7).

Стимульный материал. Практика осознанного наблюдения проводилась без предъявления каких-либо стимулов. Степень когнитивного растормаживания мышления измерялась с помощью модифицированного теста Струпа, в который была включена серия с негативным праймингом. Стимулы могли быть четырех различных цветов – красный, синий, зеленый, желтый. В первой тренировочной серии стимулами были квадраты, во второй и третьей стимулами были англоязычные слова, обозначающие цвета – «red», «green», «blue», «yellow». Сложно сказать, является ли недостатком тот факт, что использована англоязычная методика, поскольку ее чувствительность, вероятнее всего, будет выше русскоязычной. Предъявление английских слов, обозначающих цвета, должно вызывать меньшие задержки при опознании цвета у носителей русского языка, чем предъявление слов родного языка.

Процедура

Испытуемые были разделены на 2 группы – экспериментальную и контрольную. В экспериментальной группе проводилась практика осознанного наблюдения, которая занимала 20 минут, а затем проводился тест Струпа с негативным праймингом (около 2 минут в зависимости от скорости выполнения задач). Контрольная группа решала тест Струпа без предварительной практики.

Практика осознанного наблюдения. Для тренировки осознанности использовалась практика «Сканирование тела», которая является основополагающей, с нее начинается обучение по стандартам программы MBSR (Kabat-Zinn, 1990). Она состояла в следующем. Ис-

пытуемый лежал на диване с закрытыми глазами в комнате без каких-либо источников шума и света. При ярком дневном свете глаза накрывались темной тканью. В комнате находился только экспериментатор, перед началом практики он давал инструкцию по общим принципам выполнения практики. Задача испытуемого – максимально расслабиться и наблюдать за физическими ощущениями, а в случае появления посторонних мыслей, не контролируя их, переводить фокус внимания обратно к телесным ощущениям (например, на процесс дыхания, ощущения в отдельных частях тела или во всем теле, чувство опоры и др.). Экспериментатор поочередно касался предплечий и голени испытуемого. Телесный контакт не прерывался в течение всей процедуры. Он был необходим, во-первых, для того, чтобы испытуемый не уснул, а во-вторых, для того, чтобы испытуемому легче было переключить внимание с мыслей на прямой непосредственный физический опыт.

Тест Струпа с негативным праймингом. Данная методика состояла из 3 серий. Задача испытуемого в каждой из них состояла в том, чтобы опознать цвет стимула, нажав на кнопку, соответствующую первой букве названия каждого цвета («R» – красный стимул, «B» – синий, «Y» – желтый и «G» – зеленый). Стимулы предъявлялись поочередно в центре экрана, длительность их предъявления составляла 2 секунды. В 1-й тренировочной серии стимулами были 20 квадратов, а во 2-й и 3-й серии 12 слов, обозначающих цвета, при этом цвет и значение стимула никогда не совпадали. Задача испытуемого – опознать цвет стимула, нажав на соответствующую кнопку. Третья серия отличалась от второй тем, что в ней был создан негативный прайминг, т. е. каждый предыдущий стимул обозначал цвет последующего. Например, красному слову «blue» предшествовало зеленое слово «red».

Математические методы, применяющиеся при анализе данных. Сравнение среднего времени опознания цветов стимулов в двух группах производилось с помощью критерия Манна–Уитни.

Результаты

При обработке полученных данных у каждого испытуемого были вычислены следующие показатели: 1) среднее время опознания цвета стимулов в каждой из трех серий; 2) разница между средним временем опознания стимулов во второй и в первой серии, в третьей и в первой серии, а также в третьей и во второй сериях.

Основные результаты были следующие: 1) в экспериментальной группе время опознания цвета в третьей серии с негативным праймингом меньше, чем в контрольной ($p < 0,05$). В 1-й и во 2-й сериях

значимых различий между группами не выявлено; 2) в экспериментальной группе среднее различие между временем опознания цвета слов в 3-й серии и квадратов в 1-й серии значимо меньше, чем в контрольной ($p < 0,01$); среднее различие между 2-й и 1-й сериями, а также между 3-й и 2-й не отличалось в двух группах.

Интерпретация результатов

В экспериментальной группе наблюдалось значимое уменьшение задержек при опознании стимулов теста Струпа с негативным праймингом по сравнению с контрольной группой. Также в экспериментальной группе уменьшалось различие между временем опознания цвета в 3-й и 1-й сериях. Эта переменная отражает величину задержки, возникающей из-за несоответствия цвета слова и его значения, а также вследствие негативного прайминга. Полученные результаты свидетельствуют о том, что после практики осознанного наблюдения негативный прайминг меньше влиял на испытуемых.

Вероятно, тренировка осознанности приводила к ослаблению процессов торможения, поскольку в экспериментальной группе тормозные стимулы в меньшей степени затрудняли опознание цвета основных стимулов по сравнению с контрольной группой. Г. Айзенк, отталкиваясь от идеи редукации когнитивного торможения, полагал, что высокая креативность связана со способностью пропускать через расширенный фокус внимания как релевантную информацию, так и нерелевантную. При этом между ними ослаблена интерференция, т. е. креативные испытуемые способны не отвлекаться на тормозящие стимулы, а значит, скорость обработки информации в ситуации негативного прайминга у них возрастает (Дорфман, 2006).

Выводы

Практика осознанного наблюдения за собственным внутренним состоянием уменьшает выраженность эффекта негативного прайминга. Следовательно, положительное влияние практики осознанности на креативность, выявленное во многих исследованиях, может достигаться за счет ослабления процессов торможения.

Литература

- Дорфман Л. Я.* Креативность и внимание: исследования и проблемы // Вестник Пермского гос. ин-та искусства и культуры. 2006. № 1. С. 4–19.
- Kabat-Zinn J.* Full catastrophe living: A practical guide to mindfulness, meditation and healing. N. Y.: Delacorte Press, 1990.

- Lebuda I., Zabelina D., Karwowski M. Mind full of ideas: A meta-analysis of the mindfulness–creativity // Personality and Individual Differences. 2016. V. 93. P. 22–26. doi: 10.1016/j.paid.2015.09.040.
- Ostafin B. D., Kassman K. T. Stepping out of history: Mindfulness improves insight problem solving // Consciousness and Cognition. 2012. V. 21 (3). P. 1031–1036. doi: 10.1016/j.concog.2012.02.014.

Особенности результативности совместной деятельности современных молодежных групп в различных социальных условиях

М. И. Логвинова (Курск)

Целью исследования стало изучение особенностей результативности совместной деятельности современных молодежных групп в различных социальных условиях. В исследовании приняло участие 19 молодежных групп (130 респондентов в возрасте от 13 до 22 лет). Гипотеза исследования: результативность совместной деятельности современных молодежных групп зависит от социальных условий ее осуществления и социально-психологических особенностей молодежной группы. Исследование проводилось с использованием аппаратурных методик психологической диагностики группы (прибор-модель «Арка»). В ходе исследования были установлены существенные различия в продуктивности совместной деятельности молодежных групп в обособованных условиях.

Выдвижение совместной деятельности в центр социально-психологического исследования в 1960-е годы было обусловлено рядом объективных причин. Так, бурное развитие космонавтики и авиации ставило перед социальными психологами задачи успешного комплектования летных и космических экипажей (малых групп), которым предстояло работать в условиях неопределенности, во многих случаях сочетающихся с риском для жизни. Вторым направлением стало изучение психологических характеристик совместной деятельности в первичных и вторичных производственных коллективах. Это направление разрабатывалось в русле ленинградской социально-психологической школы А. А. Русалиновой, Н. Н. Обозовым, Н. В. Голубевой под непосредственным руководством Б. Г. Ананьева, Е. С. Кузьмина (Журавлев, 2005).

Третье направление социально-психологического исследования совместной деятельности сложилось в рамках подготовки молодеж-

ных лидеров (как школьных, так и студенческих) для учебных, производственных и иных коллективов. Практика показала, что наиболее эффективно социальное обучение молодежи проходит посредством ее включения в специальный образом организованную совместную деятельность. Это направление с 1960-х годов активно развивается представителями курской социально-психологической школы, в частности, Л. И. Уманским, А. С. Чернышевым и др.

Курскими психологами были разработаны аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности («Арка», «Групповой сенсомоторный интегратор»), которые позволяют оценить такие групповые показатели, как лидерство, организованность, психологический настрой и др. (Чернышев и др., 2005).

Новое время создает новые вызовы, один из них – сосуществование в молодежной среде сообществ различной направленности (Логвинова, Богачева, 2018): добровольческие клубы соседствуют с молодежными объединениями протестного толка, все большее распространение приобретают группы, чья совместная деятельность осуществляется преимущественно в условиях виртуального взаимодействия. При этом все так же подростки и юноши могут быть включены как в неформальные, так и в формальные группы (например, учебные). Мы считаем важным сравнить результативность современных формальных (учебных) и неформальных молодежных групп (молодежных субкультур) в совместной деятельности, что определило постановку цели исследования: изучение особенностей результативности совместной деятельности современных молодежных групп в различных социальных условиях.

Объект исследования – совместная деятельность молодежных групп.

Предметом исследования стали особенности результативности совместной деятельности современных молодежных групп в различных социальных условиях.

Гипотеза исследования: результативность совместной деятельности современных молодежных групп зависит от социальных условий ее осуществления и социально-психологических особенностей молодежной группы.

Методический блок исследования включил аппаратурную методику «Арка» (процедуры: сборка «Арки» в обычных условиях, с объявлением затраченного времени, при фиксации ведущей руки у всех членов группы и «на рекорд»), а также математико-статистические методы (методы описательной статистики, Н-критерий Краскела–Уоллиса).

В выборку исследования вошли молодежные субкультуры просоциальной направленности (7 групп, члены волонтерских отрядов ФГБОУ ВО Курский государственный университет, клубов курской региональной общественной организации «Объединенный центр „Монолит“», объединений курской региональной общественной молодежной организации «Магистр»), учебные группы (6 групп, с целью выравнивания исследуемых групп по возрасту в выборку вошли студенты первого курса ФГБОУ ВО Курский государственный университет, исследование проводилось в конце первого года обучения), молодежная субкультура киберспортсменов (6 команд в дисциплинах Counter-Strike и Dota 2).

Результативность совместной деятельности оценивалась нами по следующим эмпирическим референтам: продуктивность совместной деятельности (скорость сборки «Арки»), разброс значений продуктивности, безотказность (процент задач, решенных группой, от общего числа поставленных перед группой задач).

В ходе исследования нами было установлено следующее:

1. Представители молодежной субкультуры киберспортсменов наиболее высокую продуктивность демонстрируют в стандартных условиях совместной деятельности, повышение продуктивности в напряженных условиях выявлено лишь в 17% случаев. В особомотивированных условиях группы, как правило, показывают результаты выше, чем в напряженных условиях, но ниже, чем в стандартных. Для них характерен средний (50%) и близкий к высокому (33%) уровни организованности, сплоченности и психологического настроения группы.

Разброс значений продуктивности достаточно узкий (0,067–0,097), при этом наблюдается полная безотказность в решении групповой задачи (100%), что может свидетельствовать о достаточно высокой мотивации совместной деятельности.

Полученные результаты мы объясняем тем, что киберспортсмены привыкли выполнять совместную деятельность опосредованно, в виртуальном пространстве. Имея достаточно богатый опыт взаимодействия, работы в команде, они не могли применить его в полной мере и были вынуждены перестраиваться в новой для них ситуации, что создавало дополнительное напряжение.

2. Представители молодежных субкультур просоциальной направленности могут показывать наибольшую продуктивность совместной деятельности как в стандартных условиях (29% исследуемых групп), так и в напряженных (14%), но преимущественно – в особомотивированных (57%). Для них характерен близ-

кий к высокому (86%) и средний (14%) уровни организованности, сплоченности и психологического настроя группы.

В соответствии с вышесказанным, в данных группах установлен более широкий разброс значений продуктивности (0,059–0,124), который достигает своего максимума в напряженных условиях совместной деятельности и в существенной мере нивелируется в особо мотивированных условиях. Как и киберспортсмены, представители молодежных субкультур просоциальной направленности характеризуются безотказностью при решении групповой задачи.

3. В учебных группах наибольшая продуктивность совместной деятельности достигается в особо мотивированных условиях (50%) и в напряженных условиях (33%), значительно реже – в стандартных условиях (17%). Для данных групп характерен наибольший разброс значений продуктивности (0,043–0,126), который достигает максимума в особо мотивированных условиях, что делает наиболее непредсказуемой результативность совместной деятельности именно в этих условиях. В учебных группах преобладает средний уровень организованности, сплоченности и психологического настроя (67%), в 33% случаев выявлен средний уровень. Отметим, что в учебных группах нами также не были выявлены отказы от решения групповой задачи в ходе совместной деятельности.
4. В ходе математико-статистического анализа выявлено, что между продуктивностью совместной деятельности представителей молодежных субкультур просоциальной направленности, киберспортсменов и членов учебных групп в особомотивированных условиях существуют статистически достоверные различия ($p < 0,05$), но они не являются значимыми в стандартных и напряженных условиях. Таким образом, выдвинутая нами гипотеза в ходе исследования частично подтверждена.

Литература

- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Логвинова М. И., Богачева Т. И.* Молодежные субкультуры как пространство психологического манипулирования духовно-нравственной сферой личности // Социальное здоровье подростков и молодежи: основа нравственного благополучия современного общества. Сб. научных статей Международной научно-практической конференции / Отв. ред. С. И. Беленцов. Курск, 2018. С. 134–136.

Чернышев А. С., Лунев Ю. А., Сарычев С. В. Аппаратурные методики диагностики группы в совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Цветотип поведения и сексуальные установки у студентов

К. Н. Макеенок (Новополоцк)

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи цветотипа поведения и сексуальных установок у студентов в возрасте от 18 до 24 лет. Цель исследования – выявить характер взаимосвязи цветотипа и сексуальных установок у девушек и юношей в период юности. Гипотеза исследования: цветотип поведения и сексуальные установки у студентов взаимосвязаны. Эмпирический метод исследования – опрос; применялись следующие методики: тест Г. Э. Бреслава на определение цветотипа и «Опросник установок к сексу» Г. Ю. Айзенка. Для обработки данных использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Выявлено, что сексуальные установки у студентов обусловлены их цветотипом поведения. Так, для испытуемых с «желтым» цветотипом поведения характерны слабовыраженные сексуальная застенчивость и целомудрие, для респондентов с «красным» цветотипом – сексуальная реализованность и удовлетворенность. Представители «синего» цветотипа отличаются сексуальной застенчивостью и невротичностью, а также склонностью к физическому сексу. Специфичных для «зеленого» цветотипа поведения сексуальных установок не выявлено.

Теме цветотипа и сексуальных установок посвящено незначительное количество теоретических и экспериментальных исследований. Идея изучения цветотипа поведения человека принадлежит Г. Э. Бреславу, а влияние цвета на человека одним из первых изучил М. Люшер.

Цветотип – это тип личности, который управляет его поведением, целями деятельности, характером и защитным поведением. Один из типов личности может быть наиболее выраженным, но бывает и так, что типы личности выражены гармонично.

М. Люшер выделяет четыре основных типа цветотипа поведения, соответствующие четырем основным цветам спектра: синему, зеленому, красному и желтому (Бреслав, 2000). Ниже рассмотрим психологические и поведенческие характеристики каждого цветотипа.

Цветовое поведение «синего» типа. Основная цель этого типа — стремление получить удовлетворение иметь рядом добрую душу и защиту, избежать одиночества и беспокойства. Основные черты характера при таком поведении — повышенная чувствительность и впечатлительность. Люди этого типа больше других боятся оказаться брошенными и ненужными, ибо защитные механизмы от одиночества у них слабые (там же).

Цветовое поведение «зеленого» типа. Основная цель для людей этого типа — стремление к собственной значимости. Основной страх — боязнь оказаться принужденным к чему-либо или зависимым от чего-то или кого-то. Часто чертами характера таких людей бывают упрямство, напористость, педантичность, строгое выполнение правил и предписаний (там же).

Цветовое поведение «красного» типа. Основная цель поведения этого типа — получение возбуждения и раздражения, а основной страх — страх перед избытком такого возбуждения. Нормально такой человек себя чувствует в тот период, когда он может проявлять активность. Основное желание — действовать и добиться успеха. Красный добивается успеха для себя, мнение окружающих его трогает мало (там же).

Цветовое поведение «желтого» типа. Основная цель людей этого типа — стремление к свободе и независимости, основной страх — потеря этой свободы, зависимость от других. В норме человек с «желтым» поведением постоянно чувствует себя в состоянии расцвета и непрерывного обновления. Стремление к свободе выглядит у него как естественная жажда нового и требования перемен (Бреслав, 2000).

Поведение индивида отражается в его сексуальных установках. Сексуальные установки — это предрасположенность, отношение и поведение по отношению к сексу, сексуальным действиям, сексуальности. Они тесно связаны с понятием социальных установок, являющихся одним из механизмов регуляции поведения человека (Методика на определение..., 2000).

Известно, что отношение человека к сексу зависит от множества факторов, которые связаны как с формированием, так и с выражением индивидуальных представлений. У людей наблюдается ряд сходных черт в сексуальных установках, что позволяет подразделить общество на три основные категории в зависимости от понимания роли, которую играет секс в жизни человека (Кон, 1988).

К «традиционной», или «рекреационной», категории относятся те люди, которые полагают, что целью сексуальной активности является размножение. Индивиды, принадлежащие к данной катего-

рии, единодушно не одобряют секс вне брака, равно как и сексуальные действия между людьми одного пола (Кон, 1988).

К «реляционной» категории принадлежат те люди, которые рассматривают сексуальную активность как естественный элемент близких отношений и любви. Большинство индивидов, принадлежащих к этой категории, положительно воспринимают секс в контексте любых доверительных отношений, покоящихся на любви, однако при этом крайне отрицательно воспринимают супружескую измену и обман сексуального партнера (там же).

К «рекреационной» категории относятся те, кто полагает, что основная цель секса – удовольствие. Подобные люди считают, что любые сексуальные отношения между согласными на них взрослыми людьми следует безоговорочно приветствовать, но они не всегда разделяют взгляды на такие вопросы, как аборт и секс между людьми одного пола (Кон, 1988).

Цель исследования – выявить характер взаимосвязи цветотипа и сексуальных установок у девушек и юношей в период юности.

Мы предполагаем, что сексуальные установки могут быть взаимосвязаны с типом цветового поведения индивида.

На *первом этапе* исследования определена представленность цветотипов в выборке исследования. На выборке в целом установлено, что 42% опрошенных относятся к «зеленому» цветотипу поведения, 24% – к «желтому», 19% – к «красному» и 15% – к «синему», при этом «зеленый» цветотип был преобладающим у студентов независимо от их пола.

На *втором этапе* исследования были определены доминирующие на выборке установки, среди них на выборке в целом наиболее выражены «дозволенность» и «реализованность». У девушек преобладают такие сексуальные установки, как «дозволенность» и «реализованность», а наименее выраженными сексуальными установками у девушек являются «сексуальная застенчивость», «обезличенный секс» и «агрессивный секс». У юношей преобладающими являются такие сексуальные установки, как «дозволенность» и «реализованность», а наименее выражены «сексуальная застенчивость», «агрессивный секс» и «целомудрие». Иными словами, как девушки, так и юноши чувствуют себя спокойно в отношениях с противоположным полом, ценят в своем партнере прежде всего личность, которая имеет индивидуальные особенности характера и темперамента. У них нормальное отношение к проявлению сексуальной страсти, к размышлениям о сексе и сексуальным отношениям. Кроме того, они не испытывают враждебности к сек-

суальному партнеру, у них нет желания подавить партнера и уни- зить его.

На *третьем этапе* исследования с помощью коэффициента ран- говой корреляции Спирмена определен характер взаимосвязи меж- ду переменными цветотипа и переменными сексуальных установок.

Выявлены следующие значимые корреляции между выражен- ностью цветотипа поведения и сексуальными установками:

- отрицательные: между переменной «желтый цветотип» и пе- ренными «сексуальная застенчивость» ($r_s = -0,36, p = 0,03$) и «целомудрие» ($r_s = -0,30, p = 0,01$);
- положительные: между переменной «красный цветотип» и пе- ренными «реализованность» ($r_s = 0,33, p = 0,01$) и «сексуальная удовлетворенность» ($r_s = 0,36, p = 0,00$), а также между переменной «синий цветотип» и переменными «сексуальная застенчивость» ($r_s = 0,32, p = 0,00$), «сексуальная невротичность» ($r_s = 0,28, p = 0,03$) и «физический секс» ($r_s = 0,32, p = 0,03$).

Не выявлено значимых корреляций «зеленого» цветотипа поведения с показателями сексуальных установок ($p > 0,05$).

Обнаруженные взаимосвязи во многом соответствуют нашим ожиданиям, так как цветотип поведения является основой для фор- мирования определенных сексуальных установок. Это означает, что в зависимости от цветотипа поведения человек склонен придержи- ваться тех или иных сексуальных установок.

Таким образом, наше предположение о том, что существует вза- имосвязь между цветотипом поведения и сексуальными установка- ми у студентов, подтвердилось частично. Практическая значимость исследования заключается в том, что на основе полученных резуль- татов практические психологи могут разработать программы пси- хологической коррекции сексуальных установок клиентов с учетом их цветотипа поведения.

Литература

- Бреслав Г. Э. Цветопсихология и цветолечение для всех. СПб.: Б. & К., 2000.
- Кон И. С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1988.
- Методика на определение сексуальных установок Г. Ю. Айзенка. 2000. URL: <https://psylib.info> (дата обращения: 18.01.2021).

Исследование стилей родительского воспитания и копинг-стратегий подростков с разным уровнем эмоционального интеллекта

А. А. Макрыгина, А. С. Кривобоков (Ярославль)

Работа посвящена поиску взаимосвязи между субъективным восприятием стиля родительского воспитания и копинг-поведением. В исследовании приняли участие 8 юношей и 30 девушек в возрасте от 15 до 18 лет. В результате проведенного исследования можно предположить, что общий эмоциональный интеллект как интегральный показатель, характеризующий подростков в качестве способных дифференцировать и осознавать свои и чужие эмоции, а также управлять ими, взаимосвязан со способностью к планированию своих действий, направленных на борьбу с возникшими трудностями, к сосредоточению на возможных вариантах решения проблемы, а также взаимосвязан со способностью к переосмыслению ситуации.

Цель исследования заключается в получении дополнительных данных о стилях родительского воспитания в субъективном восприятии их детей и копинг-поведении подростков с разным уровнем эмоционального интеллекта.

Гипотеза: у подростков с разным уровнем эмоционального интеллекта существует взаимосвязь между субъективным восприятием стиля родительского воспитания и копинг-поведением.

Выборка: 38 человек в возрасте от 15 до 18 лет, 8 мужчин и 30 женщин, проживающие вместе с родителями.

Материалы и методы. Решение поставленной задачи в данной работе осуществлялось на основе обработки статистических данных, полученных с использованием тестов ADOR-m, HSI, ЭмИн Д. В. Люсина, статистических методов анализа.

Результаты и их обсуждения

Проведенное исследование показало, что существуют различия в группах подростков с разным уровнем эмоционального интеллекта по таким признакам, как «Автономность» в оценке отца и «Самоконтроль» в выборе копинг-стратегий. Различия между группами по признаку «Автономность» при оценке воспитательного стиля отца может свидетельствовать о том, что у подростков с более развитым эмоциональным интеллектом установки отца в воспитании направлены на снижение контроля, при этом ребенку дается возможность определить для себя наиболее интересные увлечения, самому составлять свой распорядок дня, а также выбирать себе компанию.

Отметим, что выбор копинг-стратегии «Самоконтроль» был наиболее частым в группе подростков с высоким эмоциональным интеллектом. Это может объясняться тем, что самоконтроль является одним из компонентов эмоционального интеллекта, он направлен на сдерживание импульсивных поступков, необдуманных действий, а также чувств и эмоций, поэтому подростки с наиболее высоким общим уровнем эмоционального интеллекта стремятся справляться со стрессом посредством сдерживания своих деструктивных импульсов.

Стили воспитания родителей взаимосвязаны между собой, например: позитивное принятие, автономность, директивность. Выбор копинг-стратегий у подростков с разным уровнем эмоционального интеллекта взаимосвязан со стилем воспитания матери, безусловное позитивное принятие матери коррелирует с поиском поддержки в затруднительной ситуации, чем более позитивна мать по отношению к личности ребенка, его решениям или поведению, тем большее стремление к поиску поддержки выражает подросток. При этом в случае позитивного восприятия ребенком отца подросток стремится дистанцироваться от проблемы, преуменьшить ее, недооценить или увидеть в ней положительные аспекты, которые могут послужить в дальнейшем полезным опытом. Подростки как с высоким, так и с низким уровнем эмоционального интеллекта наиболее часто выбирали копинг-стратегию «Позитивная переоценка» в том случае, если их родители использовали такие стили воспитания, как «Автономность», «Позитивный интерес».

Проведенное нами исследование позволило определить, что выбор копинг-стратегии у подростков, имеющих разный уровень эмоционального интеллекта, взаимосвязан с типом воспитания матери. Отмечается, что наибольшее количество корреляций существует между различными стилями воспитания матерью и выбором копинг-стратегии «Положительная переоценка». Взаимосвязь между данным копингом и позитивным интересом матери свидетельствует о том, что дети, воспитывающиеся в семье с эмоционально-теплой матерью, проявляющей интерес к потребностям и нуждам ребенка, а также полностью принимающей свое дитя, стремятся к переоценке стрессовой ситуации, нахождению в ней позитивного.

Отметим наличие и отрицательных корреляций между стилями воспитания со стороны матери и отца в субъективном восприятии подростка. Шкала «Автономность» при оценке отца взаимосвязана со шкалой «Враждебность» при оценке матери, это можно интерпретировать так: «Чем больше свободы выбора предоставляет подростку

отец, тем менее агрессивной является мать в восприятии ребенка». Шкала «Враждебность» при оценке отца отрицательно коррелирует с «Позитивный интерес» при оценке матери, это может свидетельствовать о том, что чем более близкие, теплые и доверительные отношения у подростка с матерью, тем менее агрессивным, враждебным или конформным для общества кажется ему отец, а также наоборот: чем позитивнее отец относится к ребенку, тем менее агрессивно или враждебно по отношению к нему мать.

Наибольшее количество взаимосвязей обнаружено между такой стратегией, как «Дистанцирование», и стилями воспитания, используемыми отцом. Положительными являются корреляции с шкалами «Позитивный интерес» и «Автономность» — это можно трактовать как стремление подростка к преуменьшению серьезности проблемной ситуации в том случае, когда отец поддерживает ребенка в любом его решении или же дает ему полную свободу действий, не контролирует каждое его решение или действие, позволяет делать ошибки.

Наше исследование позволяет предположить, что общий эмоциональный интеллект как интегральный показатель, характеризующий подростков в качестве способных дифференцировать и осознавать свои и чужие эмоции, а также управлять ими, взаимосвязан со способностью к планированию своих действий, направленных на борьбу с возникшими трудностями, к сосредоточению на возможных вариантах решения проблемы, а также взаимосвязан со способностью к переосмыслению ситуации.

Проведенное нами исследование подтвердило нашу гипотезу о существовании взаимосвязи эмоционального интеллекта подростков с субъективным восприятием стилей родительского воспитания, а также выбором копинг-стратегий.

Литература

Люсин Д. В., Марютина О. О., Степанова А. С. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ / Под ред. Д. В. Люсина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

Созависимость и эмоциональный интеллект у лиц с нарушением пищевого поведения*

С. А. Малкина, Н. Г. Артемцева (Москва)

В статье представлены данные исследования женщин, направленных на курс психотерапии с диагнозами «булимия» и «компульсивное переедание». Целью исследования стало определение взаимосвязи между состоянием созависимости и наличием нарушений пищевого поведения (НПП), а также между НПП и уровнем эмоционального интеллекта (ЭИ). Были выдвинуты гипотезы: 1) существует взаимосвязь между состоянием созависимости и наличием нарушений пищевого поведения (НПП); 2) существует взаимосвязь между наличием НПП и уровнем эмоционального интеллекта. В исследовании использовались методы статистического анализа с применением коэффициента корреляции Спирмена. Результаты исследования показали высокую степень актуализированной созависимости у женщин с НПП, а также взаимосвязь уровня эмоционального интеллекта со степенью озабоченности питанием и лишним весом.

Созависимость сегодня — достаточно актуальная тема. С конца прошлого века она является объектом пристального изучения большого числа исследователей. Многие люди страдают различными формами созависимости. Мы предположили, что лица с нарушением пищевого поведения (НПП) должны быть актуализированными созависимыми. А также предположили наличие взаимосвязи НПП с уровнем эмоционального интеллекта. Во многих развитых странах мира наблюдается тенденция роста числа больных НПП (Каменецкая, 2014). Россия не является исключением. По данным Минздрава России, за последние 20 лет стабильно растут показатели по заболеваемости населения расстройствами питания. За 2019 г. количество заново заболевших превысило показатель предыдущего года на 10%, а по сравнению с 2000 г. — выросло на 72%.

Под пищевым поведением (ПП) понимается стереотип питания, отношение к пище в целом и к отдельным продуктам или категориям пищи, связь питания с образом своего тела, попытка формировать этот образ через питание. А также поведение, привычки и эмоции, касающиеся еды (Каменецкая, 2014). Многие отечественные и зарубежные авторы рассматривают ПП как психологическую реакцию на различные внутренние и внешние факторы и отмечают, что через пищевое поведение выражаются различные аффекты,

* Статья подготовлена по Госзаданию № 0159-2021-0009.

такие как протест, ярость, стыд, любовь, а также межличностные и внутриличностные конфликты. Нарушения пищевого поведения – это самоограничения в питании, переедание, очищение организма от пищи, отказ от некоторых видов продуктов, диеты, патологический голод и др.

Цель настоящего исследования: установить взаимосвязь между НПП и созависимостью, НПП и уровнем эмоционального интеллекта.

Объект исследования: феномен созависимости.

Предмет исследования: эмоциональный интеллект у созависимых женщин, имеющих проблемы с питанием.

Гипотезы исследования: 1) существует взаимосвязь между состоянием созависимости и наличием нарушений пищевого поведения (НПП); 2) существует взаимосвязь между НПП и уровнем эмоционального интеллекта.

Методики. «Профиль созависимости» Н. Г. Артемцевой; «ЭМИн» Д. В. Люсина; «Мысли и паттерны поведения» в адаптации А. В. Аныкиной (Аныкина, Ребеко, 2009; Артемцева, 2017; Люсина, 2006).

Участники исследования: 34 женщины в возрасте 33–52 года, обратившиеся в медицинский центр с проблемой питания, имеющие диагноз «булимия» (10 человек) и диагноз «компульсивное переедание» (24 человека).

Женщины в нашей выборке по результатам собеседования показали разную степень озабоченности своим весом и питанием. Для учета этого фактора мы использовали опросник «Мысли и паттерны поведения». Опросник состоит из двух частей – «Мысли» и «Паттерны поведения». В результате анализа показателей шкал опросника *Диета*, *Переедание* и *Поведение, связанное с пищей* респонденты нашей выборки были разделены на две группы: 1) «Слабые проявления НПП» – женщины с низкой озабоченностью своим весом и проблемами питания, с относительным принятием своего тела; 2) «Диета» – женщины, сильно озабоченные проблемами питания, колебаниями веса, выбором диеты и не принимающие свое тело. В группу «Слабые проявления НПП» вошли 12 женщин, все с диагнозом компульсивное переедание (КП). Группа «Диета» включала 24 человека, в нее вошли все женщины с диагнозом «булимия» и часть женщин с диагнозом «компульсивное переедание». В связи с разделением по диагнозам, мы решили оставить в группе «Диета» две подгруппы: «булимия» и «КП».

Обработка результатов. Все респонденты нашей выборки показали высокие баллы по опроснику «Профиль созависимости», что позволяет отнести их к субъектам с актуализированной созави-

симостью. Общий балл по опроснику у пациенток с булимией оказался выше, чем у остальных. Это позволяет предположить, что пациентки с булимией проявляют больше паттернов созависимости, чем пациентки с КП.

Были получены взаимосвязи между отдельными утверждениями опросника «Профиль созависимости» и шкалами опросника «ЭМИн». Высказывание «Я чувствую себя хорошо, если помогаю другим людям» показало высокие значения корреляции с общим уровнем ЭИ ($r=0,68$), с Межличностным ЭИ ($r=0,66$) и с Внутрличностным ЭИ ($r=0,63$), при $p=0,05$.

Утверждение «Я не думаю о себе как о человеке, которого все любят» показало значения корреляции $r=-0,78$ с общим уровнем ЭИ.

В двух выделенных группах («Слабые проявления НПП» и «Диета») обнаружилась существенная разница в уровне эмоционального интеллекта. В группе «Слабые проявления НПП» среднее значение ЭИ оказалось на уровне высокого, в группе «Диета», подгруппа «булимия» — на уровне очень низкого, а в подгруппе «КП» — на уровне низкого (в соответствии с нормой, обозначенной авторами опросника).

В группе «Диета» самые низкие показатели опросника «ЭМИн» пришлись на шкалу *Внутрличностный ЭИ* — очень низкий уровень. По остальным шкалам опросника «ЭМИн» показатели группы соответствуют низкому уровню.

В группе «Слабые проявления НПП» показатели эмоционального интеллекта по аналогичным шкалам оказались значительно выше. Баллы по шкалам: *Межличностный ЭИ*, *Понимание эмоций* и *Управление эмоциями* соответствуют высокому уровню ЭИ. Группа «Слабые проявления НПП» показала средний уровень по шкале *Внутрличностный ЭИ*.

При использовании коэффициента корреляции Спирмена были выявлены статистически значимые взаимосвязи уровня эмоционального интеллекта и степени озабоченности весом и питанием. Самая высокая степень корреляции была получена по шкале *Внутрличностный ЭИ* со значением коэффициента $-0,79$. Шкала общего уровня ЭИ показала коэффициент равный $-0,77$. Шкалы (*Межличностный ЭИ* и *Понимание эмоций*) также выявили сильную отрицательную связь со значениями $-0,72$ и $-0,75$, соответственно. По шкале *Управление эмоциями* значение коэффициента корреляции составило $-0,62$.

Обсуждение результатов

Вероятно, озабоченность женщин лишним весом и, как следствие, правильным питанием вызвана важностью внешней оцен-

ки, зависимостью от мнения окружающих, неверием в то, что они могут быть интересны другим. Чем ниже уровень ЭИ, тем больше времени и сил уделяется темам веса и питания. Из результатов исследования видно, что женщины, уделяющие большое внимание своему питанию и коррекции веса, имеют очень низкий внутриличностный эмоциональный интеллект. А значит, у них слабый контакт с собой, со своими чувствами, низкая способность понимать их и управлять ими. И, как следствие, пища и внешний вид являются внешними способами удовлетворения внутренних потребностей.

Женщины, имеющие относительное принятие своего тела и не занимающиеся постоянно вопросами похудения и коррекции фигуры, значительно лучше понимают свои эмоции, могут ими управлять и находятся в большем контакте с чувствами других людей.

Лица, имеющие низкий эмоциональный интеллект, а значит, слабый контакт со своим внутренним миром, не осознающие свои и чужие эмоции, используют пищевое поведение для совладания с внутренним дискомфортом.

Выводы

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Лица, имеющие нарушения пищевого поведения, являются актуализированными созависимыми.
2. Уровень эмоционального интеллекта связан с отношением к питанию и принятием своего тела.

Результаты данного исследования могут лечь в основу программы по коррекции нарушений пищевого поведения. Основными задачами такой программы будут: развитие у лиц с НПП эмоционального (а особенно внутриличностного) интеллекта, помощь в установлении связи со своим внутренним миром, эмоциями, чувствами, состояниями; обучение видеть триггеры, которые запускают то или иное чувство; расширение спектра возможных реакций на внешние и внутренние раздражители.

Литература

- Аныкина А. В., Ребеко Т. А.* Адаптация русскоязычной версии опросника «Мысли и паттерны поведения» для лиц, страдающих ожирением // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 106–118.
- Артемова Н. Г.* Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Каменецкая Е. В., Ребеко Т. А. Телесный образ Я у лиц с нарушением пищевого поведения // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. С. 58–64.

Люсин Д. В. Новая методика измерения эмоционального интеллекта: опросник «ЭМИн» // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.

Сравнительное исследование импульсивности, склонности к риску и смелости у крыс*

Е. В. Матвеева (Воронеж), И. Г. Скотникова (Москва)

Мы изучаем принятие решения человеком и животными в когнитивных задачах с неопределенностью (прежде всего, в сенсорно-перцептивных), а также его значимые индивидуально-психологические детерминанты. Целью нашего исследования является дифференциация и выяснение соотношений между понятиями импульсивности, склонности к риску и смелости у животных (на примере крыс), для достижения чего предложена программа их экспериментального изучения с учетом ориентировочно-исследовательского, пассивно- и активно-оборонительного поведения. Гипотеза: импульсивность, склонность к риску и смелость крыс взаимосвязаны, но проявляются в разных поведенческих реакциях. В ходе исследования предполагается использование крыс одного возраста и пола. Планируются методики: delay discounting Зайченко и методика с Т-лабиринтом Скотниковой и Желанкина для изучения импульсивности, адаптированная методика Чилингарян для изучения склонности к риску и модифицированная методика Павловой, Рысаковой по регистрации реакций на новизну для изучения смелости.

В наших работах изучается принятие решения человеком и животными в когнитивных задачах с неопределенностью (прежде всего, сенсорно-перцептивных), а также его значимые индивидуально-психологические детерминанты: импульсивность и склонность к риску (Скотникова, 2008, 2021). Но в литературе, особенно по поведению животных, эти свойства индивидуальности зачастую смешиваются между собой, а также со смелостью. Изучение индивидуальных особенностей животных актуально для сравнительной психологии, поскольку способствует раскрытию биологических механизмов индивидуального поведения животных и человека. Однако одни и те же

* Статья подготовлена по Госзаданию № 0138-2021-0006.

поведенческие акты, регистрируемые в разных исследованиях, нередко различным образом интерпретируются, что ведет к невозможности сопоставления результатов этих работ и к сложностям в интерпретации изучаемых феноменов. Именно к таким феноменам, характеризующим индивидуальные особенности, и относятся импульсивность, склонность к риску и смелость.

При поверхностном рассмотрении этих понятий их дифференциация не вызывает затруднений. Даже на бытовом уровне они употребляются не как синонимы. Вместе с тем в научной литературе и в используемых методиках импульсивность, смелость и склонность к риску нередко сходным образом описываются и изучаются. Относительно узкий спектр поведенческих реакций животных приводит к тому, что в экспериментах одни явления принимаются за другие. Например, для изучения склонности к риску применяется методика побуждения к принятию решения в ситуации опасности. Однако эта методика более адекватно используется для изучения смелости, а специфичным для изучения склонности к риску обоснованно принято считать вероятностный выбор наудачу. Поэтому актуально выяснение вопроса о том, одни и те же или разные индивидуальные особенности животных описываются понятиями импульсивности, склонности к риску и смелости. Кроме того, если в литературе рассматривалось соотношение обсуждаемых феноменов у человека, между которыми отчасти обнаружены положительные корреляционные взаимосвязи (Скотникова, 2008; Шендяпин, Скотникова, 2015), то эта проблема практически не изучалась у животных.

Целью нашего исследования является выяснение соотношения между понятиями импульсивности, склонности к риску и смелости у животных, для достижения чего необходимо их экспериментальное сопоставление. Мы разработали программу такого исследования у крыс (одного возраста и пола).

Гипотеза: импульсивность, склонность к риску и смелость крыс взаимосвязаны, но проявляются в разных поведенческих реакциях.

Планируется применение следующих методик для изучения импульсивности: методики Зайченко, Мержановой и Скотниковой, Желанкина.

1. Методика delay discounting (Зайченко, Мержанова, 2010). Используется прямоугольная камера, оснащенная кормушкой с прозрачной шторкой, закрывающей вход, двумя педалями рядом с ней и сигнальными лампочками. В ходе эксперимента после зажигания лампочки в камере с кормушкой ожидается реакция

крысы в течение 10 секунд. При отсутствии реакции установка приводится в исходное состояние. При наличии реакции (отодвигании шторки кормушки носом крысы) выдвигаются педали, после чего возможны два сценария: нажатие крысой педали с временной задержкой и получение за это ценного подкрепления либо нажатие педали без задержки и получение малоценного подкрепления. Импульсивными считаются крысы, выбирающие малоценное подкрепление, но без задержки.

2. Методика с Т-лабиринтом, разработанная для рептилий (Желанкин и др., 2021) и адаптированная нами для крыс. Стимулами служат два круга разных размеров над входами в кабинки на двух полюсах Т-лабиринта. Крысы исходно обучаются выбирать один из кругов (целевой условный стимул) над кабинкой с пищевым подкреплением. В серии проб регистрируются правильность выбора, его время и число поворотов головы/тела перед выбором. По этим показателям выделяются 4 группы животных: импульсивные, медленные—точные, быстрые—точные, медленные—неточные.
3. Для изучения склонности крыс к риску адаптированная нами методика, исходно разработанная для собак по типичной схеме выбора наудачу более ценного подкрепления с меньшей вероятностью успеха (Чилингарян и др., 2010; Yapple et al., 2019). Крысе предлагается условный стимул, на который она может дать две реакции: нажать на белую педаль и получить 1 единицу подкрепления с вероятностью 100% или нажать на черную педаль и получить 4 единицы подкрепления с вероятностью 30%. Склонными к риску считаются крысы, выбирающие большее подкрепление, но с меньшей вероятностью.
4. Для изучения смелости: модифицированная нами методика реакций на новизну (Павлова, Рысакова, 2015). Чтобы развести отражение смелости и ориентировочно-исследовательского поведения, запланированы две пробы. В первой крысе предъядвляется новый нейтральный объект, а во второй новый объект, сопровождаемый пугающим стимулом: громким резким звуком. По нашему предположению, смелым будет животное, проявляющее активные действия в отношении нового объекта в обоих случаях.

Можно думать, что планируемое экспериментальное исследование прояснит соотношение между импульсивностью, склонностью к риску и смелостью у крыс.

Литература

- Желанкин Р. В., Скотникова И. Г., Селиванова Л. А., Дмитриева А. С.* Индивидуальные особенности различения геометрических фигур у трех видов рептилий в экспериментальных условиях // Национальный психологический журнал. 2020. № 4. С. 148–160.
- Зайченко М. И., Мержанова Г. Х.* Исследование проявлений импульсивности у крыс в ситуации выбора пищевого подкрепления разной ценности // Журнал высшей нервной деятельности. 2010. Т. 60. № 1. С. 56–64.
- Павлова И. В., Рысакова М. П.* Проявление тревожности крыс Вистар при выработке условнорефлекторного страха // Журнал высшей нервной деятельности. 2015. Т. 65. № 6. С. 720–734.
- Скотникова И. Г.* Проблемы субъектной психофизики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Скотникова И. Г.* Принятие решения – ключевое звено психической деятельности / Разработка понятий в современной психологии». Т. 3 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021 (в печати).
- Чилингарян Л. И., Преображенская Л. А., Мержанова Г. Х.* Индивидуально-типологические особенности прогнозирования у собак во время выбора между вероятностью и ценностью подкрепления // Журнал высшей нервной деятельности. 2010. Т. 60. № 4. С. 438–445.
- Шендяпин В. М., Скотникова И. Г.* Моделирование принятия решения и уверенности в сенсорных задачах. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Yaple Z. A., Martinezsaito M., Panidi K. A., Shestakova A. N., Klucharev V. A.* Depletion of executive control during risk decision making reveals a correspondence between the reflection effect and trial-by-trial strategy formation // Журнал высшей нервной деятельности. 2019. Т. 69. № 4. С. 456–454.

Индивидуально-психологические особенности личности, обуславливающие реализацию религиозной аддикции

Е. Г. Матюхина (Москва)

Целью было провести теоретическое и эмпирическое исследование индивидуально-психологических особенностей, обуславливающих реализацию религиозной аддикции. Гипотезой исследования послужило предположение о существовании взаимосвязи между выраженностью склонности к религиозной аддикции и наличием определенных индиви-

дуально-психологических особенностей, уровне организации личности и типом ее функционирования, а также несколько частных положений для выявления потенциальных групп риска. Исследование проходило на свободной выборке 64 мужчин и женщин в возрасте от 21 до 50 лет, давших добровольное согласие на участие в исследовании. У 100% респондентов с выраженной склонностью к религиозной аддикции определен пограничный уровень организации личности, так же как у 30% респондентов со средней склонностью. Личности респондентов функционируют как нарциссические в группе выраженной и средней склонности к религиозной аддикции в 40% и 20% случаев соответственно. Преобладающий тип функционирования личности в группе средней склонности, гистрионический – 70%.

Деструктивность религиозной аддикции обусловлена массивным внутрикультовым влиянием на психическую деятельность личности, вовлеченной в религиозную организацию нетрадиционного типа, с применением особых техник, направленных на контролирование и трансформацию психических процессов (Бондарев, 2006). Ключевым моментом, от которого зависит психосоматическая и социальная деструкция субъекта, подвергшегося вербовке или уже вовлеченного в нетрадиционный культ, является наличие ряда индивидуально-психологических особенностей, совокупность которых и делает личность уязвимой к специфическим внутрикультовым воздействиям.

Гипотезой исследования послужило предположение о существовании взаимосвязи между выраженностью склонности к религиозной аддикции и наличием определенных индивидуально-психологических особенностей, уровне организации личности и типом ее функционирования. А также положения о существовании различия в частоте реализации религиозной аддикции в популяции в зависимости от пола и возраста респондентов и в выраженности склонности к религиозной аддикции и структурой индивидуальной религиозности.

Были использованы эмпирические методы анализа данных и следующие методики исследования:

- Методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей, автор – Г. В. Лозовая;
- Анкета «Степень религиозной аддикции», автор – Н. Н. Телепова (2010);
- Тест для определения структуры индивидуальной религиозности, автор – Ю. В. Щербатых;

- Клиническая беседа с использованием элементов структурного интервью О. Кернберга (2014) и психоаналитической диагностики Н. Мак-Вильямс.

Расчеты проводились с помощью программы Microsoft Excel и онлайн-программы автоматического расчета U-критерия Манна–Уитни, χ^2 -критерия Пирсона и коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Выявлено, что у мужчин и женщин минимальная, средняя и выраженная склонность к религиозной аддикции встречается одинаково часто, а выявленные различия случайны. У более молодых респондентов (21–23 лет) минимальная и средняя степень склонности регистрируется достоверно чаще, чем у участников исследования более старшего возраста (26–55 лет), тогда как выраженная степень не зависит от возраста.

Средняя склонность к религиозной аддикции коррелирует с такими типами зависимостей, как зависимость от здорового образа жизни и лекарственная. В случае выраженной склонности, выявлена только корреляция с зависимостью от здорового образа жизни, при этом коэффициент ранговой корреляции отрицателен, что свидетельствует о следующем: при усилении выраженности склонности к религиозной аддикции условная фабула идеи спасения сдвигается от спасения посредством «ипохондрии здоровья» к спасению, которое возможно получить при культовой индоктринации. Следовательно, можно предположить, что чем более выражена религиозная аддиктивная реализация, тем менее будет проявлено obsessивное стремление укрепления физического здоровья.

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,8 ($r_s = 0,8$), что подтверждает статистически значимую связь между склонностью к религиозной аддикции и степенью выраженности религиозной аддикции. Таким образом, у респондентов с ранее выявленной выраженной предрасположенностью регистрируется высокая степень религиозной аддикции.

Обращает на себя внимание тот факт, что на фоне веры в высшие силы, потребности в поддержке со стороны религии и тенденции к религиозной атрибутивности, религиозное самосознание респондентов выражено не столь выражено. Эти данные могут свидетельствовать о том, что внутренняя, ассоциируемая с духовностью потребность в религиозном веровании аддиктов уступает в выраженности потребности соблюдать ритуалы, персонализировать Творца и полу-

чать аддиктивное удовлетворение от этих актов (Мягков, Щербатых, 1996). Формулируя проблему в рамках психоаналитического дискурса, можно отметить, что у респондентов гипертрофирован контроль Супер-Эго, подавляющий асертивность и поддерживающий выраженный дисбаланс между реальным и идеальным Я. На наш взгляд, эти особенности служат своеобразным «анестезирующим» компонентом в процессе внутрикультурной «обработки» сознания и последующего контроля психики адептов.

Недооценка религии как моральных норм поведения, вероятно, коррелирует со склонностью адептов персонифицировать бога в лице лидера культа и выполнять его приказы, даже если они подразумевают причинение вреда членам внекультурного социума, нарушая тем самым высшие гуманистические принципы.

Нейтральное и незаинтересованное отношение к магии у респондентов соответствует их потребности в поддержке со стороны религии, поиску отцовской фигуры в персоне лидера культа, пассивному принятию помощи, в то время как магия подразумевает активное отношение субъекта к окружающему миру, особое взаимодействие с ним посредством сложных ритуалов и принятие на себя ответственности за содеянное.

Жалобы преимущественно аффективного спектра предъявили 100% респондентов с выраженной склонностью к религиозной аддикции, 30% участников исследования со средней склонностью предъявляли жалобы на зудящие дерматозы и респираторные аллергические заболевания.

При исследовании интеграции идентичности (по оценке параметров целостность Я-концепции, интегрированность объект-репрезентаций) выявлено, что 30% участников со средней и 100-процентной с выраженностью склонности к религиозной аддикции обнаруживают диффузную идентичность.

100% участников исследования вне зависимости от степени выраженности склонности к религиозной аддикции проявили сопротивление, вторым по групповой частоте отмечено отрицание. Более разнообразен рисунок защитных механизмов у респондентов с выраженной склонностью, в нем преобладают примитивные идеализация и обесценивание, проективная идентификация и др.

Уверенность в себе и доверие к людям нарушены у 100% респондентов с выраженной склонностью к религиозной аддикции, а ощущение небезопасности окружающего мира и тенденция к гедонизму характерны вне зависимости от степени выраженности склонности к религиозной аддикции.

У 100% респондентов с выраженной и у 30% респондентов со средней склонностью к религиозной аддикции определен пограничный уровень организации личности. У 70% опрошенных этой группы выявлен невротический уровень организации личности.

Личности респондентов функционируют как нарциссические в группе выраженной и средней склонности к религиозной аддикции в 40% и 20% случаев, соответственно. Преобладающий тип функционирования личности в группе средней склонности – гистрионический – 70%.

В связи с отсутствием гарантированного выздоровления религиозных аддиктов необходимо уделять внимание психопрофилактической работе с лицами, у которых диагностируется склонность к религиозной аддикции, раннее выявление которой позволит своевременно начать психотерапевтическую работу с учетом согласия и желания таких клиентов, которые значительно проще получить до начала аддиктивной реализации. Возможная превенция состоит в создании и внедрении скрининговых программ и решения вопроса о терапевтическом вмешательстве по результатам тестирования.

Литература

- Бондарев Н. В.* Психические расстройства у адептов современных религиозных культов («сект»), использующих дезадаптивные методы воздействия на личность: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Кернберг О.* Тяжелые личностные расстройства: стратегии психотерапии. М.: Класс, 2014.
- Мягков И. Ф., Щербатых Ю. В., Кравцова М. С.* Психологический анализ уровня индивидуальной религиозности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 119–122.
- Телепова Н. Н.* Религиозная аддикция: психологические условия профилактики и исцеления // Вестник ун-та (Государственный университет управления). 2010. № 17. С. 118–122.

Стиль привязанности и модель психического у женщин с желудочно-кишечными расстройствами

А. И. Мелехин (Москва)

Показано влияние желудочно-кишечных расстройств (НЯК, СРК, болезнь Крона) на способности к пониманию как собственных психических состояний, так и состояний других людей (модель психического),

что позволяет по-новому взглянуть на взаимосвязь между данными соматическими дисфункциями, дефицитом модели психического и стилем привязанности. Дефицит в модели психического может играть центральную роль в развитии межличностных проблем и эмоциональных проблем при функциональных желудочно-кишечных расстройствах. Представленные зарубежные исследования открывают новые перспективы для клинической психологии и гастроэнтерологии в том числе и для применения психодинамического подхода к психологической коррекции эмоциональных расстройств при НЯК, СРК, основанных на теориях привязанности и ментализации П. Фонаги.

За последние два года в зарубежной клинической психологии имеются убедительные доказательства того, что воспалительные и функциональные расстройства ЖКТ (например, синдром раздраженного кишечника, СРК) во многом связаны со *стрессовой дисрегуляцией* пациента в результате взаимодействия между генетическими, соматическими, иммунными, гормональными факторами, факторами окружающей среды и кишечным микробиомом, что приводит к состоянию аллостатической нагрузки (Farmer, Wood, Ruffle, 2020). Цепочка индивидуальных «внутренних» и «внешних» стрессовых факторов у пациентов приводит к сбою в функционировании гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси и связанной с ней иммунной (повышенный риск инфекций, кишечного дисбиоза и постинфекционных функциональных расстройств) и обезболивающей (спектр «болевого поведения» — Orock et al., 2020) системами.

С психологической точки зрения мы рассматриваем синдром раздраженного кишечника как наличие у человека сбоя в *когнитивной обработке эмоциональных и висцеральных стимулов* со склонностью воспринимать желудочно-кишечные сенсации (в целом телесные сенсации) как свидетельство симптомов угрожающего заболевания и обращаться за повторной, часто ненужной медицинской помощью (Мелехин, Кучерявый, 2021).

В клинической практике мы наблюдаем, что у пациентов с СРК присутствует цепочка когнитивно-эмоциональных симптомов (Luuten, Boudewijn van, 2012): 1) трудности понимания как собственных психических состояний, так и других (по выражению лица, позе); 2) наличие негативного смещения при восприятии эмоций по лицу; 3) повышенная висцеральная чувствительность, тонус брюшной стенки как индикатор мобилизации, готовности к опасности, решению проблем; 4) катастрофизирующий стиль мышления («а вдруг, а если»); 5) гипербдительность с преобладанием сканирующего по-

ведения как по отношению к ощущениям в теле, так и внешним событиям; б) парадоксальный ответ на болеутоляющие препараты. Эта цепочка у пациента приводит к негативному переносу на лечащего врача, трудностям построения эффективного лечения.

Показано, что качество коммуникации пациент–врач влияет на приверженность к лечению у данной группы пациентов. Для пациентов с ЖКТ расстройствами такая коммуникация носит характер предвзятости, негативного когнитивного смещения при восприятии информации, что определяет количество разногласий с врачом относительно состояния, тактики лечения, что влияет на процесс лечения. Наиболее искаженная коммуникация наблюдается у пациентов с рефрактерным течением СРК, высоким воспринимаемым стрессом, небезопасным стилем привязанности, изменениями в способности понимать как собственные психические состояния, так и состояния других людей (модель собственного психического состояния и Другого, «модель психического», или ментализация, Theory of mind, mentalization) независимо от состояния настроения, что приводит к частым конфликтам с врачами, снижению приверженности пациента к лечению, тем самым вызывая ухудшение течения заболевания (Agostini, Scaioni, Belluzzi, 2019).

У пациентов с СРК расстройствами по большей части наблюдаются изменения в *аффективном (эмоциональном) компоненте модели психического*, который обеспечивает понимание эмоциональных состояний людей по лицу, голосу, позе. Этот компонент организует эмоциональную компетентность, которая включает эмоциональное понимание другого человека, регуляцию эмоциональных состояний, способность к эмпатии, просоциальному поведению. Дефицит этого компонента может привести к неявным проявлениям эмоционального возбуждения, характеризующимся физиологическими и поведенческими компонентами. Кроме того, это может усугубить межличностные трудности, которые обычно встречаются у пациентов с СРК. Межличностные трудности, в свою очередь, могут способствовать сохранению *соматического дистресса*.

В последние два года в зарубежной нейрогастроэнтерологии и клинической психологии активно начались исследования взаимосвязи функциональных (СРК) и воспалительных (болезнь Крона, БК; язвенный колит, НЯК) желудочно-кишечных расстройств со стилем привязанности, особенностей способности к построению модели психических состояний Других (понимание эмоций по лицу) у пациента для построения более эффективного терапевтического комплаенса и тактики лечения. Показано, что пациенты с болезнью

Крона допускали больше ошибок при распознавании психических состояний по глазам, чем здоровая группа. Изменения в распознавании эмоций по глазам носили следующий характер: длительное время при распознавании эмоций; увеличение частоты ошибок; лучше распознаются эмоции своего пола (женщины лучше распознают женские эмоции); трудности при определении распознавании отрицательных эмоций и стремление приписать собственные эмоции; трудности распознавания эмоции при ее низкой экспрессивной интенсивности; трудности в распознавании мужских и женских лиц других этнических групп. В контрольной группе у женщин были значительно более высокие оценки по сравнению с мужчинами. Эти типичное половое различие в распознавании не было обнаружено у пациентов с болезнью Крона. По сравнению с контрольной группой у пациентов с болезнью Крона наблюдается выраженная тревожная привязанность, что согласуется с рядом исследований, свидетельствующих о преобладании небезопасной привязанности у данных пациентов (Agostini, Scaioi, Belluzzi, 2019). Наблюдается отрицательная связь между пониманием психических состояний по глазам, активностью болезни и отсутствием разницы в поле, это свидетельствует о том, что наличие болезни Крона влияет на модель психического. На основе полученных данных А. Агостини с соавт. предложили модель, согласно которой небезопасная привязанность и нарушения в модели психического приводят к поведению, которое может усугубить проблемы в межличностных отношениях, приверженности к лечению (там же). При дефиците модели психического (трудности понимания эмоций по лицу), сталкиваясь с желудочно-кишечными симптомами и тревогой, пациенты начинают справляться с дискомфортом, используя различные защитные стратегии. Например, гиперактивируя или деактивируя систему привязанности. Те пациенты, которые гиперактивируют систему привязанности, показывают усиление поиска понимания/близости с помощью требовательных, цепляющихся форм поведения. И наоборот, деактивация, приводит к избегающему поведению, помогая справляться с дискомфортом самостоятельности, когда присутствует когнитивное дистанцирование от эмоций и отрицание дистресса. Чрезмерное использование обеих защитных стратегий пациентом приводит к поведению, которое еще больше поддерживает желудочно-кишечную специфическую тревогу и межличностные проблемы. В долгосрочной перспективе это может приводить к тому, что пациенты не в состоянии найти желаемую социальную поддержку или достигают понимания через сверхтребования к другому человеку, различные формы

избегающего, перестраховочного поведения. Такое поведение пациента часто воспринимается другими людьми как чрезмерное, вызывающее, полное обиды и разочарования состояние. Это усиливает убеждение пациентов, что их отвергнут, неправильно поймут. В результате пациенты испытывают отсутствие безопасности, что увеличивает гипермобилизацию, желудочно-кишечную специфическую тревогу и усугубляет нарушения в модели психического (Luyten, Van Houdenhove, 2013).

Описанные нами данные открывают большую перспективу для отечественной клинической психологии, нейрогастроэнтерологии, для проведения исследований по специфике модели психического, эмоциональной осведомленности у людей с рефрактерным течением функциональных желудочно-кишечных расстройств и апробации на них когнитивно-поведенческой психотерапии, направленной на усиление способности понимать как собственные психические состояния, так и состояния других людей (mentalization-based approach).

Литература

- Мелехин А. И., Кучерявый Ю. А.* Роль дефицита модели психического (theory of mind) в развитии и поддержании желудочно-кишечных расстройств // Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры. М.: Когито-Центр, 2021. С. 89–116.
- Agostini A., Scaiola E., Belluzzi A.* Attachment and Mentalizing Abilities in Patients with Inflammatory Bowel Disease // Gastroenterology Research and Practice. 2019. V. 8. P. 11–25.
- Farmer A. D., Wood E., Ruffle J. K.* An approach to the care of patients with irritable bowel syndrome // CMAJ. 2020. V. 192. № 11. P.275–282.
- Luyten P., van Houdenhove B.* A mentalization-based approach to the understanding and treatment of functional somatic disorders // Psychoanalytic Psychotherapy. 2012. V. 26. № 2. P. 21–140.
- Orock A., Louwies T., Yuan T., Greenwood-Van Meerveld B.* Environmental enrichment prevents chronic stress-induced brain–gut axis dysfunction through a GR-mediated mechanism in the central nucleus of the amygdala // Neurogastroenterol Motil. 2020. V. 32. P. 1–19.

Возрастная динамика формирования ответственности (результаты лонгитюдного исследования испытуемых в период с младшего школьного возраста до ранней взрослости)

Л. А. Михеева (Омск)

Целью данного исследования является определение динамики формирования ответственности в период с младшего школьного возраста до ранней взрослости. Ключевой гипотезой нашего исследования выступает предположение о том, что формирование ответственности в ходе онтогенеза отличается индивидуальной динамикой. Данное исследование является лонгитюдным и содержит в себе три диагностических среза – 2003, 2010 и 2021 гг. Выборочную совокупность составили 31 респондент в возрасте 24–25 лет, в числе которых 16 юношей и 15 девушек. К основным методам исследования относятся: метод продольных срезов, тестирование, анкетирование. При статистической обработке полученных эмпирических данных нами были использованы программы вычисления MS Excel, IBM SPSS, а также следующие методы: контент-анализ, угловой критерий преобразования Ф Фицера. При анализе полученных результатов по диагностике ответственности и сопоставления возрастных этапов были выделены пять типов динамики формирования ответственности.

Ответственность выступает субъектным свойством, показателем того, насколько человек является субъектом своей жизни. С.Л. Рубинштейн отмечает, что сам жизненный путь – это целостное и непрерывное явление. И каждый человек становится личностью, субъектом именно потому, что имеет свою особенную жизненную историю, состоящую из различных событий. События жизни определяются С.Л. Рубинштейном как узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется дальнейший жизненный путь человека (Рубинштейн, 1997). Сочетание определенных событий жизни и того, каким образом человек принимает решение, определяет его дальнейшее развитие и его дальнейший жизненный путь.

В рамках данного исследования мы опираемся на идеи Л. И. Дементий, которая рассматривает ответственность как ресурс и определяет ее как свойство личности, тем самым развивая идеи субъектного подхода С.Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской и др.

Приверженцы субъектно-деятельностного подхода относят ответственность «не просто к личностным свойствам или чертам характера, но к особым формам существования человека, которые становятся стержневыми в жизнедеятельности человека» (Дементий, 2005, с. 11).

Результаты исследования и их интерпретация

Основным изучаемым конструктом в нашей работе выступает ответственность личности. Мы анализируем то, как изменялся уровень ответственности в процессе жизненного пути от младшего школьного возраста до ранней зрелости. Ответственность в младшем школьном и подростковом возрасте изучалась с помощью авторских опросников для родителей и подростков. В младшем школьном возрасте ответственность испытуемых оценивали их родители. В подростковом возрасте оценка ответственности производилась как со стороны родителей, так и со стороны самих испытуемых-подростков. В период ранней зрелости для диагностики данного конструкта использовался опросник Л. И. Дементий «Ответственное поведение».

При анализе полученных результатов по диагностике ответственности и сопоставлении возрастных этапов были выделены различные типы динамики формирования ответственности или различные «жизненные линии». К сожалению, мы не можем использовать кластерный анализ для составления типологии формирования ответственности в связи с незначительным объемом выборки, но, обращаясь к частным случаям и отслеживая различные динамики, мы можем прогнозировать возможную вариативность принятия ответственности в онтогенезе.

Нами были выделены пять типов возрастной динамики формирования ответственности:

1. Стабильная динамика (16,1%) — ответственность в период с младшего школьного возраста до ранней зрелости имеет практически неизменные значения и остается на том же уровне.
2. Положительная динамика (12,9%) — показатели ответственности в период с младшего школьного возраста до ранней зрелости равномерно возрастают.
3. Отрицательная динамика (22,6%) — показатели ответственности в период с младшего школьного возраста до ранней зрелости уменьшаются.
4. Нестабильная возрастающе-убывающая динамика (16,1%) — в данном случае показатели ответственности с младшего школь-

ного возраста до подросткового возраста возрастают, затем до ранней взрослости либо возвращаются к показателям младших школьников, либо значительно убывают.

5. Нестабильная убывающе-возрастающая динамика (32,3%) – наибольший процент испытуемых относится именно к данной динамике, когда ответственность с младшего школьного и до подросткового возраста имеет убывающую тенденцию развития, а затем до периода ранней взрослости снова возрастает либо возвращается к показателям младшего школьника.

Обратимся к анализу значимых жизненных событий для испытуемых. Мы использовали классификацию событий жизни по 3 типам С.Л. Рубинштейна и Н.А. Логиновой:

- События среды – существенные перемены в обстоятельствах развития, происходящие не по воле и не по инициативе субъекта (война, болезни, смерть, землетрясение и др.).
- События поведения, т.е. поступки, инициатором которых является человек, он принимает решение и реализует его (брак, поступление в вуз, смена работы и др.).
- События внутренней жизни – духовная работа по переосмыслению ценностей жизни, изменение отношения к чему-либо («осознание судьбы»).

Испытуемым предлагалось вспомнить 10–15 наиболее значимых событий в их жизни и соотнести каждое из них с предложенной классификацией.

Наибольший процент значимых событий составляют события поведения – 57,1%, далее идут события внутренней жизни – 32,5% и события среды – 10,4%. События поведения – это поступки, в которых человек проявляет свою активность, совершает какой-либо выбор и принимает решения. В таких событиях человек чувствует свою ответственность за их разрешение и именно поэтому принимает активную позицию. Мы можем предположить, что именно в таких событиях осознание подлинной ответственности, понимание того, что человек действительно хочет быть ответственным за исход жизненной ситуации, играет важную роль.

Теперь рассмотрим соотношение типов значимых событий в различных возрастных динамиках формирования ответственности. Для жизненного пути испытуемых со стабильной динамикой формирования ответственности менее характерны значимые события, подразумевающие совершение какого-либо поступка, осуществление

выбора по сравнению с испытуемыми с положительной, возрастающе-убывающей и убывающе-возрастающей динамиками. У респондентов со стабильной динамикой в целом развитие идет по равномерной линии, следовательно, можно предположить, что в их жизни было меньшее количество событий, которые могли выступать кризисными или поворотными. В их жизни редко встречались события, которые могли стимулировать внезапные скачки развития.

Для положительной, возрастающе-убывающей и убывающе-возрастающей динамик, в свою очередь, более характерны события поведения. Их линии формирования ответственности имеют внезапные скачки развития.

Отрицательная возрастная динамика формирования ответственности имеет наибольшее количество различий в сравнении с другими динамиками. Так, для жизненного пути испытуемых с отрицательной динамикой более характерны значимые события внутренней жизни по сравнению с положительной, возрастающе-убывающей и убывающе-возрастающей динамиками. События внутренней жизни, как мы уже упоминали ранее, предполагают переосмысление ценностей, глубокую внутреннюю работу над своими мыслями, отношением к чему-либо. Испытуемые с отрицательной динамикой переходят в процессе жизненного пути от гиперответственности к оптимальному уровню ответственности. Следовательно, по нашему мнению, сознательный уход от гиперответственности сопровождается именно внутренними переживаниями, переосмыслением. Испытуемые в событиях внутренней жизни отмечали первую влюбленность, депрессию, одиночество, такие жизненные ситуации вносят значительные изменения в структуру личности. Возможно, характеристики данных событий, например личная значимость, спровоцировали переосмысление собственной ответственности за их происхождение и исход. Таким образом, мы предполагаем, что у испытуемых сформировалось чувство меры проявления ответственности.

Основным результатом данной работы стало выделение возрастных динамик формирования ответственности. Такой подход показывает, насколько вариативным может быть путь развития личности. Нами были выделены пять абсолютно самостоятельных динамик, в которых встречаются ситуации перехода от гиперответственности к оптимальной ответственности, от безответственности к осознанному ответственному поведению. Это подтверждает идею о том, что личность необходимо изучать в процессе, анализируя все этапы ее формирования.

Литература

- Дементий Л. И. Ответственность как ресурс личности: монография. М.: Информ-Знание, 2005.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

Программа исследования русской таксономии черт личности*

А. М. Мишкевич, С. А. Шебетенко, А. Ю. Калугин (Москва)

В статье представлена программа изучения русской таксономии черт личности на основе психолексического подхода. Исследование будет включать в себя два блока. Первый блок предполагает отбор слов русского языка, описывающих личность. Второй блок будет направлен на сбор самоописаний по отобранным словам для определения структуры индивидуальных различий. Предполагается участие 20 экспертов на первом этапе и не менее 500 респондентов на втором. Для анализа полученных результатов могут быть использованы следующие методы: описательная статистика, корреляционный анализ, множественная регрессия, анализ главных компонент, моделирование структурными уравнениями, интеллектуальный анализ текстовой информации, анализ графов и др.

Большая Пятерка на протяжении последних десятилетий остается наиболее используемой моделью черт личности. За период с 2015 по 2019 г. опубликовано более 4000 работ с упоминанием этой модели (по базе данных PsycINFO). За этот же период было всего около 1000 публикаций с совокупным упоминанием моделей Г. Айзенка или Р. Кеттелла (John, 2021). Большая Пятерка является продуктом лексического анализа английского языка и, несмотря на широкое признание во всем мире, ее кросс-культурная валидность не всегда однозначно подтверждается на других языках (см. подробнее: De Raad et al., 2010). В частности, на фоне широкого использования в России вопросников, основанных на Большой Пятерке, нет достоверных данных о валидности этой таксономии в русскоязычных культурах и русском языке. Одно из немногих исследований русской таксономии было проведено 30 лет назад под руководством А. Г. Шмелева (Digman, Shmelyov, 1996; Shmelyov, Pokhil'ko, 1993). В рамках данного проекта была получена структура, похожая на Большую Пятерку. Но, как отмечают авторы, процедура данного исследования отлича-

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 21-18-00127.

лась от принятой в рамках психолексического подхода, что осложняет использование его результатов при проведении кросс-культурных сравнений (Shmelyov, Pokhil'ko, 1993).

Нами запланировано психолексическое исследование, в рамках которого предполагается получить словарь слов русского языка, описывающих личность; структуру индивидуальных различий на русском языке; осуществить анализ разных частей речи и сопоставить полученную структуру с другими моделями (Большая Пятёрка, HEXACO и др.). Ниже представлена программа исследования русской таксономии черт личности.

Программа исследования

Исследование включает два основных блока: 1) составление списка русских слов, описывающих личность (так называемых «дескрипторов»); 2) сбор самоописаний испытуемых по словам из составленного списка.

Целью является определение структуры индивидуальных различий на российской популяции. Рассмотрим подробнее каждый блок исследования.

1. В качестве источника для составления списка планируется использовать базы данных русских слов (например: «Открытый корпус», The Google Books Ngram Viewer, Национальный корпус русского языка и т. п.). Преимуществом использования корпуса слов в сравнении со словарями является большая гибкость первого, включение в него более современного варианта русского языка.
 - A. Первым этапом отбора слов является их подготовка, приведение к единому формату: единый падеж, число, род; удаление из списка фамилий, имен, отчеств, аббревиатур, географических топонимов, названий торговых марок и организаций; удаление вульгарных и устаревших слов и т. д. Предполагается, что итоговый список слов будет содержать более 100000 единиц разных частей речи (прилагательные, существительные, наречия и глаголы).
 - B. Отбор слов, описывающих личность, будет производиться путем экспертной оценки; на каждое слово планируется не менее двух экспертов. Оценка будет осуществляться посредством так называемой «немецкой» методологии отбора дескрипторов (Angleitner et al., 1990):
 - Отбор из списка слов, описывающих человека, либо слов, с помощью которых можно отличить поведение одного человека

от поведения другого человека. В дальнейшем планируется использовать все слова, которые хотя бы один эксперт оценил как подходящие.

- Классификация отобранных на предыдущем шаге слов по следующим категориям: 1) связанные с политическим, философским или литературным контентом и связанные с искусством или религиозным контентом; 2) описывающие национальный статус, географическое происхождение или профессию; 3) определяемые как разговорные или вульгарные; 4) архаичные слова; 5) другие слова, с помощью которых можно описать человека, либо другие слова, с помощью которых можно отличить поведение одного человека от поведения другого человека.
 - Для дальнейшего анализа будут отобраны слова, отнесенные хотя бы одним экспертом в пятую категорию, поскольку первые четыре категории определяют несоответствующие личности слова.
 - Классификация оставшихся слов по 5 категориям, включающим в себя 13 подкатегорий (Angleitner et al., 1990): 1) диспозиции: 1а) темперамент и характер; 1б) способности и таланты; 2) временные состояния: 2а) состояния (настроения, эмоции и когниции); 2б) физические и телесные состояния; 2в) наблюдаемая активность; 3) социальные и репутационные аспекты: 3а) роли и взаимоотношения; 3б) социальные эффекты; 3в) чистые оценки; 3г) установки и мировоззрения; 4) наружные характеристики и внешний вид: 4а) анатомия и телосложение; 4б) внешний вид и образ, манеры; 5) термины ограниченной полезности: 5а) термины, зависящие от конкретного контекста или технические термины; 5б) метафорические, расплывчатые, устаревшие слова.
 - Слова можно будет классифицировать сразу в несколько категорий. Для дальнейшего анализа будут использованы дескрипторы, отнесенные большинством экспертов в первую категорию.
 - Сокращение списка слов до приемлемого размера. Из полученного списка будут исключены синонимы, однокоренные слова при одинаковом или схожем смысле. После этого будут удалены редко используемые и малоинформативные для описания личности слова.
2. На втором этапе исследования респондентам (носителям языка) будет предъявлен полученный список слов с инструкцией оценить себя или сверстника по пятибалльной шкале Ликерта. Одновременно с этим испытуемые будут заполнять опросники Большой Пятерки и HEXACO.

Участники и методы исследования

На каждый шаг отбора слов планируется участие от 6 до 10 экспертов. Экспертами будут люди с законченным психологическим или филологическим высшим образованием либо студенты старших курсов данных направлений. В этапе сбора самооценок по полученному списку слов примут участие не менее 500 человек.

Планируется использовать метод экспертной оценки, методы сбора эмпирических данных. Для статистического анализа данных будут использованы: описательная статистика, корреляционный анализ, множественная регрессия, анализ главных компонент, моделирование структурными уравнениями, интеллектуальный анализ текстовой информации (text mining), анализ графов и др.

Данное исследование будет направлено на получение структуры личности на российской выборке. Полученная структура будет сопоставлена с известными моделями (например, с Большой Пятеркой и НЕХАСО), а также со структурой, полученной Шмелевым с соавт. Кроме этого, будет проанализирована роль различных частей речи в формировании структуры личности.

Литература

- Angleitner A., Ostendorf F., John O. P.* Towards a taxonomy of personality descriptors in German: A psycho-lexical study // *European Journal of Personality*. 1990. V. 4. № 2. P. 89–118. doi: 10.1002/per. 2410040204.
- De Raad B., Barelds D. P. H., Levert E., Ostendorf F., Mlačić B., Di Blas L., Hřebíčková M., Szirmák Z., Szarota P., Perugini M., Church A. T., Katigbak M. C.* Only three factors of personality description are fully replicable across languages: A comparison of 14 trait taxonomies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. V. 98. № 1. P. 160–173. doi: 10.1037/a0017184.
- Digman J. M., Shmelyov A. G.* The structure of temperament and personality in Russian children // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. V. 71. № 2. P. 341–351.
- John O. P.* History, measurement, and conceptual elaboration of the Big-Five trait taxonomy: The paradigm matures // *Handbook of Personality: Theory and Research* / O. P. John, R. W. Robins (Eds). N. Y.: Guilford Press, 2021. P. 35–82.
- Shmelyov A. G., Pokhil'ko V. I.* A taxonomy-oriented study of Russian personality-trait names // *European Journal of Personality*. 1993. V. 7. № 1. P. 1–17. doi: 10.1002/per.2410070102.

Особенности психологического благополучия, субъективного благополучия и самореализации лиц с ограниченными возможностями здоровья*

М. Н. Несмелова (Кострома)

Целью данного исследования является изучение особенностей психологического и субъективного благополучия, а также самореализации лиц с ограниченными возможностями здоровья. Мы предполагаем, что самореализация лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) связана с уровнем их психологического и субъективного благополучия. В исследовании приняли участие 25 человек, из которых 12 люди с типичным развитием и 13 человек с различными нозологиями (нарушения опорно-двигательного аппарата, нарушения речи). Из них 9 мужчин и 16 женщин. Для сбора эмпирических данных использовались следующие методики: Шкала субъективного благополучия Г. Перуэ-Баду (адаптация М. В. Соколовой), опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко), авторская анкета Н. С. Шиповой. По результатам исследования было выявлено, что у лиц с атипичным развитием уровень психологического благополучия ниже нормативных показателей. Показатели значимости социального окружения у лиц данной категории значительно выше, чем у лиц с нормативным развитием. В результате статистического анализа было выявлено большое количество корреляционных связей, как прямых, так и обратных, между показателями психологического благополучия и самореализации.

Психологическое благополучие определяется исследователями (К. Рифф, П. П. Фесенко и Т. Д. Шевеленкова, С. А. Водяха, Н. А. Батуринов и др.) по-разному, но можно выделить некоторые общие позиции. Психологическое благополучие связано с эмоциональным равновесием и преобладанием положительно окрашенных эмоций, настроения, которые, в конечном итоге, складываются в переживание общей удовлетворенности жизнью. Психологическое благополучие затрагивает отношение человека к себе и включает чувство собственного достоинства, чувство непрекращающегося развития и самореализации.

Наиболее близким понятием к психологическому благополучию является субъективное благополучие. В исследованиях субъек-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-6263.2021.2.

активного благополучия личности уделяется большое внимание соотнесению актуальных потребностей субъективным возможностям человека по их удовлетворению (Осин, Леонтьев, 2020). Можно предположить, что при высоких потребностях, но низком уровне оцениваемой возможности удовлетворения потребности наступает субъективное неблагополучие, обратное соотношение, вероятно, ведет к благополучию. Таким образом, устанавливается связь между актуализацией потребностей и осознанием их реализации (Diener, 1984). Мы предполагаем, что субъективное благополучие — это психологический компонент, характеризующий позитивное функционирование человека, выражающееся в субъективной удовлетворенности жизнью, полноте самореализации, связанной с базовыми человеческими ценностями и потребностями.

Проблемы самореализации лиц с ОВЗ имеют особое значение. В психолого-педагогических исследованиях основное внимание уделяется вопросам социальной реабилитации и адаптации. Безусловно, формирование полезных умений и навыков очень важно, но практика показывает, что без стремления самой личности к самореализации все эти усилия оказываются малоэффективными. Реализуя себя, личность изменяет свое отношение к окружающим и отношение их к себе. Внутрличностные изменения вызывают перемены в поведении, что приводит к достижению тех или иных вершин и изменению социального статуса человека в референтной группе и обществе в целом. Данные положения составили основу разработки модели самореализации личности с ограниченными возможностями.

Цель исследования — изучение особенностей психологического и субъективного благополучия, а также самореализации лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Гипотеза: самореализация лиц с ОВЗ связана с уровнем их психологического и субъективного благополучия.

Участники и методы исследования

В исследовании принимали участие 25 человек. Из которых 12 — люди с типичным развитием и 13 человек с различными нозологиями (нарушения опорно-двигательного аппарата, нарушения речи). Из них 9 мужчин и 16 женщин. Возраст респондентов от 15 до 35 лет. Средний возраст респондентов, составивших данную выборку, — 23,6 лет. Нами использовались следующие методики: Шкала субъективного благополучия Г. Перуэ-Баду (адаптация М. В. Соколовой), опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко), авторская анкета Н. С. Шиповой.

Результаты исследования

На основании анализа результатов методики «Психологическое благополучие» К. Рифф нами было выявлено, что у группы лиц с атипичным развитием показатели по шкалам *Позитивные отношения* ($M = 51,69$, $SD = 12,28$), *Личностный рост* ($M = 52,23$, $SD = 11,85$), *Цели в жизни* ($M = 51,92$, $SD = 12,65$) и *Самопринятие* ($M = 46,85$, $SD = 10,7$) значительно ниже нормативных значений и соответствующих показателей лиц с нормативным развитием. На наш взгляд, разница в данных по шкале «Позитивные отношения со средой» связана с тем, что лица с ограниченными возможностями здоровья чаще всего имеют малое количество близких людей, которым они могут доверять. Из-за недостатка возможности реализовать свой потенциал у них наблюдается низкий интерес к жизни, отсутствие чувства направленности, перспектив и жизненных целей. Низкий уровень самопринятия у лиц с атипичным развитием, на наш взгляд, обусловлен негативным отношением к личностным особенностям, наличием неудач в прошлом. Напротив, у лиц с нормативным развитием наблюдается позитивное отношение к себе. Зачатую имеют цель и чувство направленности жизни, что помогает им стремиться к реализации своего потенциала. Если рассматривать общий уровень психологического благополучия, то можно сделать вывод, что у лиц с атипичным развитием показатели значительно ниже ($M = 311,38$, $SD = 58,46$), чем у нормативно развивающихся лиц ($M = 356$, $SD = 58,93$). Это может быть обусловлено ограничениями жизнедеятельности, сложностями в социальной сфере, отсутствием возможности в полной мере реализовать свой потенциал. На основании результатов авторской анкеты Н. С. Шиповой можно сказать, что у лиц с нарушенным развитием в большей степени выражены показатели деструктивности ($M = 7,62$, $SD = 1,89$), самые низкие показатели по шкале экстернальности ($M = 2,85$, $SD = 1,14$). Это свидетельствует о том, что у лиц с ОВЗ все усилия в работе над собой не достигают нужного результата.

По методике «Шкала субъективного благополучия» с помощью критерия Манна–Уитни были выявлены различия по шкале *Значимость социального окружения* ($U = 41,5$, $p = 0,04$). По статистическим результатам анкеты были выявлены различия по шкалам *Активность* ($U = 30$, $p = 0,007$), *Собственная ценность* ($U = 39$, $p = 0,03$), где значимые показатели выше у группы с нормативным развитием.

Нами также был проведен корреляционный анализ между составляющими самореализации и компонентами психологического

благополучия. Положительная корреляционная связь также выявлена между шкалами *Оптимистичность* и *Позитивные отношения* ($p < 0,001$), *Управление средой* ($p < 0,001$), *Личностный рост* ($p < 0,001$), *Цели в жизни* ($p < 0,001$), т. е. чем сильнее проявляется у личности уровень оптимистичности, тем более выражены у нее позитивные отношения, личностный рост, целенаправленность. Между шкалами *Креативность* и *Цели в жизни* ($p < 0,001$), *Психологическое благополучие* ($p < 0,001$) также наблюдается прямая корреляционная связь, что свидетельствует о том, что чем выше уровень креативности выражен у личности, тем выше показатели целенаправленности и психологического благополучия. Положительная корреляционная связь также выявлена между шкалами *Конструктивность* и *Управление средой* ($p < 0,001$), *Цели в жизни* ($p < 0,001$), *Психологическое благополучие* ($p < 0,001$), т. е. чем сильнее проявляется у личности уровень конструктивности, тем более выражен у нее уровень психологического благополучия, целенаправленность и тем лучше она адаптируется в среде.

Отрицательная корреляционная связь была выявлена между шкалами *Собственная ценность* и *Самооценка здоровья* ($p < 0,01$), *Степень удовлетворенности повседневной деятельностью* ($p < 0,01$) т. е. чем более сильно проявляется у личности уровень собственной ценности, тем менее выражены у нее самооценка здоровья, удовлетворенность повседневной деятельностью.

Выводы

Уровень психологического благополучия у лиц с ОВЗ ниже, чем у лиц с нормативным развитием.

У лиц с нарушениями в развитии показатели позитивного отношения к другим, личностного роста и самопринятия значительно ниже нормативных значений и соответствующих показателей лиц с нормативным развитием.

Литература

- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142.
- Diener E.* Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. V. 95. № 3, P. 542–575.

Стремление к автономии в разном возрасте у людей, переживающих ситуацию угрожающего жизни заболевания*

Д. А. Никитина (Москва)

Целью настоящего исследования стало изучение стремления к автономии людей среднего и старшего возраста, переживающих ситуацию угрожающего жизни заболевания. Гипотеза исследования: при низких значениях стремления к автономии не наблюдается различий в эмоциональной саморегуляции, самоуважении, мотивации достижения, обусловленных возрастом человека, а по мере увеличения потребности в автономии возрастные различия по этим показателям становятся значимыми. Методики: EPPS, FPI, WAS. Выборка: пациенты с диагнозом «доброкачественная менингиома» (n = 61). Результаты: при низком уровне стремления к автономии у пациентов среднего и старшего возраста профили личностных черт, базисных убеждений, мотивации являются схожими. При умеренной потребности в автономии пациенты среднего возраста характеризуются более выраженным стремлением к достижению целей по сравнению с респондентами старшего возраста. При высоком уровне стремления к автономии пациенты среднего возраста в отличие от пациентов старшего возраста менее убеждены в доброжелательности окружающего мира, не склонны к соблюдению норм и правил, более раздражительны.

Исследование мотивации у людей, переживающих ситуацию угрожающего жизни заболевания, является важным для понимания процессуальных аспектов механизмов совладания. Мотивация позволяет личности реализовать внутренний потенциал, проявить активность, преодолеть последствия психотравмирующего опыта. В ситуации тяжелой болезни для пациентов старшего возраста типично стремление к выходу из положения тотальной зависимости; значимым является сохранение суверенности личностных границ, важным становится поддержание самостоятельности и самоуважения, веры в себя и собственные ресурсы (Корнилова, 2019). При переживании тяжелой болезни человеком среднего возраста потребность в автономии позволяет поддерживать субъекту активную включенность в систему социальных отношений, чувствовать собственную конкурентоспособность, ощущать соответствие индивидуально-го ритма жизни ритму жизни общества (Миронова, Кункурдоно-

* Статья подготовлена по Госзаданию №0138-2021-0005.

ва, 2012). Наряду с особенностями, обусловленными возрастными различиями, при исследовании мотивации актуально учитывать уровень ее выраженности. Учет показателей уровня мотивационной направленности личности позволяет предметно охарактеризовать ее конструктивность – деструктивность, исходя из контекстуального поля жизненных событий, помогает понять ее особенности, вариативность которых наиболее явно обнаруживается с ростом потребности.

Целью исследования стало изучение стремления к автономии у людей среднего и старшего возраста, переживающих ситуацию угрожающего жизни заболевания.

Гипотеза исследования: при низких значениях стремления к автономии не наблюдается различий в эмоциональной саморегуляции, самоуважении, мотивации достижения, обусловленных возрастом человека, а по мере увеличения потребности в автономии возрастные различия по этим показателям становятся значимыми.

Участники и методы исследования

Участники исследования – пациенты с диагнозом «доброкачественная менингиома» при отсутствии когнитивного дефицита в возрасте от 30 до 70 лет, подписавшие информированное согласие.

База исследования: НМИЦ нейрохирургии имени академика Н. Н. Бурденко.

Методики: «Список личностных предпочтений А. Эдвардса» (EPPS) (Корнилова, 1997); «Фрайбургский многофакторный личностный опросник» (FPI) (Крылов, Куликов, 1995); «Шкала базисных убеждений» (WAS) (Падун, Котельникова, 2012). Использовалась программа Statistica v. 10, с расчетом U критерия Манна–Уитни; вычислялись медианы (Me), верхний (UQ) и нижний (LQ) квартиль.

Исследуемая выборка (n = 61) была разделена на две возрастные группы. В первую группу вошли пациенты в возрасте до 55 лет (возрастной диапазон от 30 до 54 лет; n = 35), во вторую группу – пациенты в возрасте после 55 лет (возрастной диапазон от 55 до 70 лет; n = 26). Далее каждая из возвратных групп была разделена на три подгруппы по уровню выраженности показателей шкалы *Автономия* методики EPPS. Критерием деления стали значения верхнего (UQ) и нижнего (LQ) квартилей данной шкалы для каждой из возрастных групп: до 55 лет – UQ = 9 и LQ = 5, после 55 лет – UQ = 7 и LQ = 4. Всего было получено шесть подгрупп сравнения. В подгруппы 1 и 4 были включены респонденты с низкими значениями по шкале *Автономия* методики EPPS: 1 – до 55 лет, n = 11 (от 3 до 5 баллов); 4 – после

55 лет, $n=8$ (от 3 до 4 баллов). В подгруппы 2 и 5 вошли респонденты со средними значениями по шкале: 2 – до 55 лет, $n=9$ (от 6 до 8 баллов); 5 – после 55 лет, $n=10$ (от 5 до 6 баллов); а в подгруппы 3 и 6 – с высокими баллами: 3 – до 55 лет, $n=15$ (от 9 до 12 баллов); 6 – после 55 лет, $n=8$ (от 7 до 11 баллов).

Результаты исследования

Сопоставление подгрупп с низкой потребностью в автономии (сравниваются первая и четвертая подгруппы) не показало значимых различий по исследуемым переменным – показателям шкал методик EPPS, WAS и FPI ($p>0,05$). По всей видимости, низкий уровень стремления к автономии вне зависимости от возраста пациента имеет схожие особенности проявления и, скорее всего, свидетельствует о наличии дефицитарности ресурсов совладания с психологическими последствиями постановки тяжелого диагноза. Человек с низкой потребностью в автономии чувствует беспомощность, уязвимость, он в большей степени рассчитывает на внешнюю поддержку, демонстрируя невысокую избирательность к предлагаемым вариантам помощи.

Респонденты со средними показателями стремления к автономии в зависимости от их возраста имеют разный уровень мотивации достижения целей (*Мотивация достижения*, EPPS: вторая подгруппа, $Me=8$, и пятая подгруппа, $Me=5$, $U=23$, $p=0,03$). Мотивация достижения целей при умеренной потребности в автономии наиболее явно проявляется у людей среднего возраста в силу специфики ценностных особенностей, характерных для данного жизненного периода, которые не утрачивают своей актуальности даже в ситуации переживания тяжелой болезни. Человек среднего возраста, по сравнению с пожилыми людьми, более ориентирован на то, чтобы быть успешным, конкурентоспособным, что выражается в его целеустремленности. При умеренной потребности в автономии для людей среднего возраста поддержание мотивации в достижении поставленных целей становится возможным благодаря доступности для них внешних и внутренних ресурсов.

Наибольшее количество различий было получено при сопоставлении респондентов разного возраста с высокими показателями стремления к автономии. Результаты свидетельствуют о том, что респонденты среднего возраста менее убеждены в доброжелательности окружающего мира (*Доброжелательность окружающего мира*, WAS: третья подгруппа, $Me=3$, и шестая подгруппа, $Me=4$, $U=14$, $p=0,02$), они более раздражительны (*Раздражительность*, FPI: тре-

тья подгруппа, $Me = 6$, и шестая подгруппа, $Me = 3$, $U = 17$, $p = 0,03$), а также менее склонны к соблюдению норм и правил (*Любовь к порядку*, EPPS: третья подгруппа, $Me = 7$, и шестая подгруппа, $Me = 8$, $U = 17$, $p = 0,04$) по сравнению с респондентами старшего возраста. В среднем возрасте стремление полагаться только на себя, отрицание социальной поддержки, сопутствуют появлению проблем с саморегуляцией, что сопровождается трудностями при построении взаимоотношений с внешним миром. В старшем возрасте выраженная потребность в автономии сопряжена со стремлением к соблюдению норм и правил. С одной стороны, это может быть связано со сверхнастороженностью, характерной для пожилого человека в ситуации тяжелой болезни. С другой стороны, высокая потребность в автономии в сочетании с мотивацией к соблюдению норм и правил в этом возрасте косвенно указывает на стремление личности к проявлению внутреннего ресурса, на потребность в независимости и самоуважении.

Подводя итоги, отметим, что возрастные различия наиболее явно проявляются с ростом показателей стремления к автономии. Обнаруженные особенности базисных убеждений, мотивации, личностных черт при высокой потребности субъекта в автономии позволяют установить, что для людей среднего возраста представленный уровень показателей мотивационной тенденции скорее является антиресурсом в отличие от людей старшего возраста, для которых высокая потребность в автономии может быть охарактеризована с положительной точки зрения.

Литература

- Корнилова Т. В.* Диагностика мотивации и готовности к риску. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Корнилова М. В.* Одинокая старость: причины и ресурсы адаптации // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2019. № 4. С. 66–80.
- Крылов А. А., Куликов Л. В.* Опыт применения Фрайбургского личностного опросника в диагностике психических состояний // Теоретические и прикладные вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
- Миронова Т. Л., Кункурдонова Н. Б.* Взаимосвязь личностных свойств и особенностей эмоциональной сферы у больных туберкулезом // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2012. № 5. С. 51–58.
- Падун М. А., Котельникова А. В.* Психическая травма и картина мира: теория, эмпирия, практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 206.

Взаимосвязь специфических характеристик самореализации взрослых мужчин и женщин и их субъективного благополучия*

Т. П. Опекина (Кострома)

Целью исследования было установить связь специфических характеристик самореализации взрослых мужчин и женщин и их субъективного благополучия, а также оценки субъективного счастья. Сделано предположение о том, что существует взаимосвязь между спецификой самореализации взрослых мужчин и женщин и их оценками субъективного счастья и субъективного благополучия. Выборка: 126 человек (21 мужчина и 125 женщин 19–72 лет, $M=36,89$, $SD=16,81$). Методики: многомерный опросник самореализации личности С. И. Кудинова; шкала субъективного счастья С. Любомирски (ШСС) в адаптации Д. А. Леонтьева; шкала субъективного благополучия (Perrudent-Badox, Mendelsohn, Chiche) в адаптации М. В. Соколовой. Математические методы: дескриптивный анализ, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена), анализ различий с помощью U-критерия Манна–Уитни (Statistica v. 10). Результаты показали взаимосвязь негативных характеристик самореализации взрослых мужчин и женщин с их субъективным неблагополучием.

Проблема самореализации личности продолжает оставаться достаточно актуальной в психологической науке. Во многом это связано как с отсутствием достаточно стройной единой концепции данного феномена (Леонтьев, 2000), так и с социально-экономическими и культурными факторами, с высокой значимостью способности личности к самосовершенствованию и саморазвитию (Кудинов, Крупнов, 2008).

В настоящее время под самореализацией понимается механизм развития личности, сопряженный с процессом раскрытия и приложения личностью своих потенциальных возможностей (Харламенкова, 2007); опредмечивание личностью своей сущности, в основе чего лежит внутренняя мотивация к продолжению себя в каком-то деле, проекте или других людях, к «помещению» своей индивидуальности в создаваемые произведения (Леонтьев, 2000); интегральный показатель жизненной активности личности, ее гармоничного и сбалансированного развития (Коростылева, 2005).

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-6263.2021.2.

Отечественный психолог С. И. Кудинов, создатель системной модели самореализации личности, выделяет такие формы самореализации, как внешняя, направленная на самовыражение личности в различных областях: учебе, профессиональной деятельности, творчестве, спорте и др., и внутренняя, обеспечивающая самосовершенствование индивида в нравственном, духовном, физическом, интеллектуальном, эстетическом аспектах. Выделяются деятельностный, социальный и личностный виды самореализации личности, а также специфические ее характеристики, такие как активность/инертность, пессимистичность/оптимистичность, интернальность/экстернальность, креативность/консервативность, конструктивность/деструктивность и др. (Кудинов, Крупнов, 2008).

Мы предположили, что специфика самореализации личности может быть связана с показателями ее субъективного благополучия и ощущения счастья. С одной стороны, в популярной психологии и житейских представлениях распространена идея о том, что самореализованный человек — это непременно счастливый человек и, напротив, процесс самореализации происходит эффективнее, если достигнуто внутреннее, субъективное благополучие. С другой стороны, никто не в состоянии со стороны оценить субъективное благополучие другого, представляющее собой генерализованную оценку самим субъектом того, насколько его жизнь в целом похожа на желаемое состояние, несмотря ни на какие объективные блага и достоинства, имеющиеся у человека (Осин, Леонтьев, 2020).

Ставится вопрос: какие специфические характеристики самореализации мужчин и женщин могут быть связаны с переживанием субъективного счастья и благополучия?

Цель исследования: установить связь специфических характеристик самореализации взрослых мужчин и женщин и их субъективного благополучия, а также оценки субъективного счастья. *Основная гипотеза:* существует взаимосвязь между спецификой самореализации взрослых мужчин и женщин и их оценками субъективного счастья и субъективного благополучия.

Участники и методы исследования. 126 человек (21 мужчина и 125 женщин в возрасте от 19 до 72 лет, средний возраст — 36,89, SD = 16,81). Все испытуемые имеют среднее специальное/высшее образование либо являются студентами вузов. Методики: многомерный опросник самореализации личности С. И. Кудинова; шкала субъективного счастья С. Любомирски (ШСС) в адаптации Д. А. Леонтьева; шкала субъективного благополучия (Perrudent-Badox, Mendelsohn, Chiche) в адаптации М. В. Соколовой. Математические методы: де-

скриптивный анализ, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена), анализ различий с помощью U-критерия Манна–Уитни (Statistica v. 10).

Результаты исследования

Обнаружено, что средние значения уровня самореализации в группе испытуемых находятся на нижней границе адаптивного уровня ($M = 51,6$, $SD = 66,2$), что свидетельствует о не высокой в целом самореализованности участников, умеренной заинтересованности в самореализации.

Результатов о взаимосвязи специфики самореализации и субъективной оценки счастья у испытуемых получено не было. Однако мы обнаружили такую взаимосвязь: чем выше испытуемые оценивают субъективное счастье, тем более недостоверны их результаты, полученные с помощью методики «Многомерный опросник самореализации личности» ($R = 0,242$, $p < 0,006$), т. е. чем в более эмоционально позитивном настроении находится индивид, тем больше он склонен приукрашивать выраженность той или иной характеристики самореализации. Это косвенно подтверждает выводы Д. А. Леонтьева, который, ссылаясь на работы М. Селигмана, отмечал, что оценка счастья во многом предсказывается сиюминутным настроением и определяет удовлетворенность другими сферами жизни (Леонтьев, 2020). Всего количество недостоверных результатов было 5% от всей выборки, в дальнейшей статистической обработке они не участвовали.

Половые различия в уровне и специфике самореализации свидетельствуют о том, что у мужчин значимо выше выражены: субъективно-личностные установки самореализации ($U = 787$, $p < 0,007$). Мужчины в нашей выборке более склонны к позиционированию своей персоны, желанию максимально реализовать свой потенциал, зачастую игнорируя окружающих или вопреки их комфорту. В то же время они более склонны к экстернатальности в самореализации ($U = 876$, $p < 0,031$), т. е. обладают более слабой самоорганизацией, чаще склонны перекладывать ответственность на других, склонны винить весь мир в своих неудачах. Им также чаще свойственна эгоцентрическая мотивация самореализации ($U = 870$, $p < 0,027$), а именно опора на узколичностные мотивы, личную заинтересованность, обеспечивающие продвижение по службе, финансовую независимость, авторитет, власть без учета мнения других людей.

Анализ взаимосвязи самореализации и субъективного благополучия взрослых мужчин и женщин показал, что чем в большей степени им свойственна неудовлетворенность повседневной деятель-

ностью, тем больше у них выражена социоцентрическая мотивация самореализации, т. е. доминирование социально одобряемых мотивов самореализации личности, желание изменить мир вокруг себя в лучшую сторону, в том числе путем принесения себя в жертву общему делу; и, напротив, чем больше в их самореализации доминируют альтруистические, социально одобряемые мотивы, тем больше они неудовлетворены собственной повседневной деятельностью ($R=0,181$, $p<0,042$).

Также низкая удовлетворенность повседневной жизнедеятельностью испытуемых оказалась связана с такой характеристикой самореализации, как деструктивность, т. е. непродуктивность, несовершенство, ограниченность личностного развития. Вероятно, неудовлетворенность собственной жизнью в целом затрудняет реализацию своего потенциала и, напротив, собственная непродуктивность, ограниченность возможностей и способностей самовыражения может приводить к тому, что повседневная деятельность воспринимается как скучная, безрадостная, тягостная ($R=0,195$, $p<0,028$).

Некоторые негативные характеристики самореализации, такие как социоцентрическая мотивация самореализации, деструктивность, оказались положительно связаны с субъективным неблагополучием субъектов, а именно с неудовлетворенностью субъектами своей повседневной деятельностью. Однако мы не получили результатов о взаимосвязи между позитивными характеристиками самореализации и показателями счастья и субъективного благополучия у взрослых мужчин и женщин.

Литература

- Коростылева Л. А.* Психология самореализации личности. СПб.: Речь, 2005.
- Кудинов С. И., Крупнов А. И.* Системная модель самореализации личности // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2008. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnaya-model-samorealizatsii-lichnosti> (дата обращения: 19.09.2021).
- Леонтьев Д. А.* Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37.
- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142.
- Харламенкова Н. Е.* Самоутверждение подростка. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Партнерство в зарегистрированном и незарегистрированном браке*

Ю. М. Панфилова (Москва)

Целью нашего исследования является определение особенностей партнерства в зарегистрированном и незарегистрированном браке. Гипотеза исследования заключается в том, что особенности партнерства в зарегистрированном и незарегистрированном браках имеют как сходство, так и различия. Выборка исследования включает 120 человек, состоящих в зарегистрированном браке и 144 человека, состоящих в незарегистрированном браке. Для проведения исследования был разработан авторский опросник. Выявлены как сходства, так и различия между партнерством в зарегистрированном и незарегистрированном браке.

В настоящее время партнерство как принцип взаимодействия становится характерным для различных сфер жизнедеятельности молодых людей, в том числе в семейно-брачной сфере. Наряду с зарегистрированным браком как формой организации отношений между мужчиной и женщиной становится социально приемлемой такая форма отношений, как незарегистрированный брак.

Кооперация, решение вопросов и распределение зон ответственности в союзе мужчины и женщины на основе договоренностей являются отличительными особенностями такого принципа взаимодействия, как партнерство.

Подобная форма взаимодействия между мужчиной и женщиной возникла в связи с ростом социальной, экономической свободы женщин. Данная тенденция зародилась в середине XX в. и сохраняется в настоящее время. Подобная свобода стала возможна благодаря индустриализации, предоставлению различных социальных и экономических прав женщинам наравне с мужчинами.

Т. С. Вавакина определяет партнерство как горизонтальное социальное взаимодействие самостоятельных, инициативных субъектов, реализующих в данном взаимодействии определенные стратегические цели и/или решающих текущие задачи (Вавакина, 2020).

Т. С. Вавакина в 2019 г. провела исследование, по результатам которого было выявлено, что у людей чаще складываются партнерские отношения именно в сфере личной жизни и семейной сфере, чем в деловой сфере (Вавакина, 2019). Это свидетельствует о том, что исследования в области партнерства особенно актуальны для сферы за-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-013-00735.

регистрированного и незарегистрированного брака. Особенный интерес представляет то, как понимается партнерство молодыми людьми брачного возраста (18–35 лет), который психологи относят к периоду брачности.

Мы уже исследовали особенности партнерства в незарегистрированном браке, однако сравнение особенностей партнерства в незарегистрированном и зарегистрированном браке осуществлено не было (Панфилова, 2020).

В обществе можно встретить понимание партнерства в эмоционально-близких отношениях как социального обмена, который включает в себя обмен материальными ресурсными и социальным одобрением, престижем (Хоманс, 1984), в то же время для партнерства в равной степени характерен обмен мнениями, учет интересов партнеров. Отталкиваясь от двух данных сторон партнерского взаимодействия, которые в самом общем виде можно сформулировать как экономическое равенство и равенство интересов, мы провели исследование, в котором молодые люди, состоящие в зарегистрированном и незарегистрированном браке оценивали по шкале от 1 до 10 значимость двух показателей партнерства: «насколько важно учитывать интересы обоих партнеров в равной степени», «насколько важны равные экономические возможности партнеров».

Цель исследования – определить особенности партнерства в незарегистрированном и зарегистрированном браке.

Описание объекта исследования

Выборка нашего исследования включает 264 человек, из них 144 человека состояли в незарегистрированном браке, а также 120 человек находились в отношениях зарегистрированного брака. Возраст партнеров – 18–35 лет (возраст выбора брачного партнера и создания семьи), партнеры проживают в Москве или Московской области. В выборке представлено одинаковое количество мужчин и женщин.

Предметом исследования являются особенности партнерства в зарегистрированном и незарегистрированном браке.

Основной гипотезой исследования является предположение о том, что представления о партнерстве в добрачных отношениях и отношениях зарегистрированного брака имеют как сходство, так и различия.

Результаты исследования

Для поиска особенностей партнерства в зарегистрированном и незарегистрированном браке был проведен анализ статистически значимых различий с использованием непараметрического крите-

рия Манна—Уитни (в связи с нестандартизированностью данных по исследуемым шкалам). Выявлено, что различия в особенностях партнерства между зарегистрированным и незарегистрированным браком по всей выборке респондентов заключаются в том, что для партнеров в зарегистрированном браке является более важным показателем партнерства — «насколько важны равные экономические возможности партнеров» (значимость статистических различий на уровне $p < 0,05$, зарегистрированный брак $Me = 8$, незарегистрированный брак $Me = 6$). Это показывает, что для партнеров в зарегистрированном браке экономическое равенство является более важным показателем партнерства, чем равенство в учете интересов партнеров, в то время как в незарегистрированном браке показатель, связанный с экономическим равенством, менее важен, чем в зарегистрированном браке.

Различия по признаку пола между партнерством в зарегистрированном и незарегистрированном браке выявлены между женщинами в двух данных типах отношений: в зарегистрированном браке женщины придают большее значение показателю «насколько важны равные экономические возможности партнеров», чем в незарегистрированном браке (уровень статистически значимых различий $p < 0,1$, женщины в зарегистрированном браке $Me = 8$, женщины в незарегистрированном браке $Me = 6$). Это подтверждает тенденцию, выявленную по итогам сравнительного анализа на общей выборке респондентов.

Таким образом, можно сказать, что в зарегистрированном браке партнерство предусматривает экономическое равенство в большей степени, чем в незарегистрированном браке, где значимость экономического равенства менее важна. При этом различий в выраженности показателя «насколько важно учитывать интересы обоих партнеров в равной степени» не выявлено, что свидетельствует об одинаковой выраженности данного показателя для партнерства как в зарегистрированном, так и в незарегистрированном браке.

Требуется дальнейшее изучение феномена партнерства в сфере личной жизни и семейных отношений как на теоретическом, так и на практическом уровне, в том числе с исследованием представлений молодых людей о своих партнерских отношениях.

Литература

Вавакина Т. С. Сравнение групп респондентов с разным опытом партнерских взаимоотношений в сфере личной жизни // Человеческий фактор: социальный психолог. 2019. Т. 1. № 37. С. 219–225.

- Вавакина Т. С. Субъективная оценка опыта партнерства и ценность партнерских взаимоотношений // Человеческий фактор: социальный психолог. 2020. Т. 1. № 39. С. 153–159.
- Панфилова Ю. М. Представления о партнерстве в незарегистрированном браке // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2020. № 18. С. 56–62.
- Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. С. 82–91.

Групповое взаимодействие и профессиональная эффективность

О. А. Первачева (Москва)

Исследование посвящено изучению особенностей профессионального взаимодействия главных специалистов экстренной службы реагирования г. Москвы «Система 112». Целью исследования было изучение связи особенностей взаимодействия специалистов дежурных смен экстренной службы реагирования и профессиональной эффективности. В исследовании приняли участие 25 главных специалистов (5 смен), осуществляющих контроль за качеством приема и обработки экстренных вызовов (средний возраст – $M = 46,79$ лет). Для достижения поставленной цели использовался аппаратно-методический комплекс «Арка» (Чернышев, Сарычев, 1998). Выдвинутая гипотеза исследования о том, что особенности взаимодействия специалистов с разной направленностью на цели деятельности влияют на степень профессиональной эффективности в исследовании, получила подтверждение.

В теоретических исследованиях А. И. Донцова, Е. М. Дубовской и И. М. Улановской показано, что категории *взаимодействие, кооперация, сотрудничество, совместная деятельность* и др., трактуются как различные формы групповых процессов и состояний.

Анализ исследований групповых процессов и особенностей взаимодействия в группе, содержащийся в работах А. С. Чернышева, С. В. Сарычева С. В., Л. И. Уманского, Л. Г. Почебут, Т. Ю. Базарова, позволил выделить ряд критериев, отражающих специфику профессиональной деятельности специалистов службы экстренного реагирования. Критериями оценки были следующие характеристики группового взаимодействия: сплоченность, самоуправление, на-

правленность на себя членов группы, единство действий, стрессоустойчивость и креативность.

Под сплоченностью понимается направленность на другого и сохранение интереса к данному виду деятельности (Чернышев и др., 1998). Самоуправление группы проявляется в самостоятельности участников группового процесса, направленного на взаимодействие при решении задач. Направленность на себя рассматривается как способность членов группы к саморефлексии своей роли в группе и «вкладе» в достижение конечного результата. Стрессоустойчивость — это способность группы к мобилизации, направленность на противостояние внешним воздействиям (Почебут, Чикер, 2002). Единство действий определяется как оценка направленности членов группы на цель деятельности, т. е. «целеориентированность» (Чернышев и др., 1998). Креативность группы трактуется как направленность на совместно-творческий тип деятельности, каждый участник которой может выступать создателем нового (Базаров, 2002).

Целью исследования было изучение связи особенностей взаимодействия специалистов дежурных смен экстренной службы реагирования и профессиональной эффективности. Объект исследования — дежурные смены службы экстренного реагирования. Предмет — особенности группового взаимодействия. Выдвигается *гипотеза* о том, что особенности взаимодействия специалистов с разной направленностью на цели деятельности влияют на профессиональную эффективность.

В работе использовались следующие *методы исследования*: 1) аппаратно-методический комплекс «Арка», который позволяет в ходе исследования оценить сущностные особенности социально-психологических процессов группового взаимодействия и включает следующие процедуры: «сборка в обычных условиях», «сборка при фиксации ведущей руки у всех членов группы», «сборка в особо мотивированных условиях „на рекорд“», «сборка с объявлением затраченного времени через каждые 5 минут», «безымянная арка» (Сарычев, 2008); 2) экспертная оценка групповых процессов (сплоченность, самоуправление, направленность на себя членов группы, единство действий, стрессоустойчивость, креативность группы (в баллах); 3) критерий профессиональной эффективности дежурных смен, который отражал объем выполненной работы — количество обращений граждан за помощью в течение определенного периода работы. В карте отражаются тема запроса, какие действия операторами были выполнены для решения проблемы и каким образом была оказана экстренная помощь. Показателем профессиональ-

ной эффективности выступило количество заполненных сменами карточек.

В исследовании приняли участие 25 главных специалистов службы (5 смен по 5 специалистов, средний возраст выборки $M = 46,79$ лет), осуществляющих контроль за качеством приема и обработки вызовов. Результаты были получены с помощью критерия χ^2 Спирмена, U -критерия Манна–Уитни, статистического пакета SPSS v. 22.0 и программы Excel.

Результаты исследования

На основании средних значений показателей профессиональной эффективности смены ($Me = 1520,5$) были выделены две группы. В первую группу вошли 3-я и 5-я смены с показателями эффективности обработки карточек за период выше средних значений – 1730 и 2078, соответственно. Вторая группа объединила 1-ю, 2-ю, 4-ю смены, показатели которых были ниже медианы: 1222,8 карточек, 1371,5 и 1445,5 карточек, соответственно.

Анализ экспертных оценок позволил выделить основные характеристики групповых процессов, присущие деятельности каждой смены в процессе сборки «Арки». Так, первую смену эксперты охарактеризовали как сплоченную, стрессоустойчивую и ориентированную на творчество в принятии решения (креативную); вторую – как ориентированную на самоуправление и стрессоустойчивость; четвертую – как характеризующуюся групповой сплоченностью. Данные смены были объединены по показателям профессиональной эффективности во вторую группу. Первую группу составили третья и пятая смены. Эксперты отмечают, что третьей смене характерны – направленность на себя и сплоченность, т. е. они склонны рефлексировать относительно своей причастности к групповой деятельности. Пятая смена в оценках экспертов проявила единство действий. Сравнительный анализ выделенных групп показал значимые различия по следующим критериям: «самоуправляемость» группы ($p < 0,001$) и «творческий подход» ($p < 0,033$).

В группе с высокой профессиональной эффективностью корреляционный анализ выявил то, что системообразующим фактором является показатель «единство действий», который взаимосвязан с такой психологической переменной, как «направленность на себя» ($r = 0,922$, $p < 0,001$). Оба показателя значимо коррелируют с результатами, полученными в следующих процедурах «Арки»: «сборка в обычных условиях» ($r = 0,712$, $p < 0,0021$; $r = 0,876$, $p < 0,001$), «сборка в особо мотивированных условиях „на рекорд“» ($r = 0,712$, $p < 0,0021$; $r = 0,876$, $p < 0,001$).

Единство действий также связано с другими критериями группового взаимодействия, а именно «сплоченность» ($r = 0,889$, $p < 0,001$) и «креативность» ($r = 0,716$, $p < 0,020$). Единство действий и направленность на себя позволяют каждому участнику вносить свой вклад в результативность по сборке «Арки» не только в обычных условиях, но и в заданных, мотивирующих группу на успех. В моделируемых условиях аппаратно-методического комплекса «Арка» подтверждается эффективность группы, которая проявляется не только в профессиональной деятельности, но и в условиях сборки. Целеориентированная направленность деятельности предполагает консолидацию, согласование целей, норм, средств и способов достижения цели. Полученные результаты позволили определить первую группу как ориентированную на профессиональное взаимодействие.

В группе с низкой профессиональной эффективностью корреляционный анализ выявил две независимые корреляционные связи: первая – «единство действий», связанное с «направленностью на себя» ($r = 0,587$, $p < 0,027$) и процедурой «Арки» «сборка в обычных условиях» ($r = 0,683$, $p < 0,0007$); вторая – связь между критериями «самоуправление» и «креативность» ($r = 0,724$, $p < 0,003$). Установленные связи показывают, что члены группы взаимодействуют, консолидируются на цель только в условиях рутинной деятельности. Самоуправление группы проявляется в самостоятельности участников группового процесса, направленного на взаимодействие и творческий подход при решении задач, однако в ситуации напряжения результативность представителей второй группы падает, что соотносится с показателями профессиональной эффективности. Отсутствие ориентированности группы на достижение высокой результативности в деятельности, согласно взглядам К. Левина, направлена на удовлетворение потребности в эмоционально насыщенных межличностных связях. В целом полученный результат позволяет предположить, что данная группа ориентирована на групповое взаимодействие.

Выводы

Группа с более высокой профессиональной эффективностью показывает высокую результативность деятельности по сборке «Арки» в обычных условиях и особо мотивированных условиях «на рекорд», при этом результативность сборки связана с такими групповыми процессами, как «направленность на себя» и «единство действий». Полученные результаты позволили определить эту группу как ориентированную на профессиональное взаимодействие.

Для группы с низкой профессиональной эффективностью, с ориентацией на рутинную деятельность важным является творческий подход к решению проблем, что, несомненно, затягивает время оказания экстренной профессиональной помощи. Важным для данной группы является единение группы как фактор противостояния напряженности в деятельности.

Полученные результаты позволяют определить данную группу, как ориентированную на групповые процессы.

Литература

Базаров Т. Ю., Еремин Б. Л., Аксенова Е. А., Малиновская Н. М., Малиновский П. В. Управление персоналом. Юнити, 2002.

Почебут Л. Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология: Учебное пособие. СПб.: Речь, 2002.

Чернышев А. С., Сарычев С. В., Лунев Ю. А., Гайдар К. М. Аппаратурная методика для изучения социально-психологических свойств группы в условиях совместной деятельности // Журнал практического психолога. 1998. № 5. С. 23–31

Разработка парадигмы экспериментального исследования эффективности семантического научения в условиях виртуальной реальности*

Е. И. Перикова, Е. А. Андриященко, Е. Н. Блинова (Санкт-Петербург)

В статье описан процесс разработки парадигмы экспериментального исследования эффективности семантического научения в условиях виртуальной реальности (ВР), реализованный в несколько этапов: 1) разработка вербальных стимулов; 2) разработка визуальных стимулов; 3) создание стимульных предложений для семантического научения; 4) адаптация экспериментальной парадигмы к двум обучающим средам – ВР и классической. Все компоненты стимульного материала исследования прошли апробацию на независимых выборках респондентов (общий объем $N = 390$ человек). Результатом работы стала исследовательская процедура, обеспечивающая возможность сопоставления эффективности научения в разных обучающих средах (ВР и классичес-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых, проект № МК-2021.2021.2.

кой), характеризующаяся строгой унификацией стимулов и минимизацией рисков влияния вмешивающихся факторов.

Технологии виртуальной реальности (VR) приобретают все большую популярность среди исследователей, что связано с их эффективностью в решении широкого спектра задач: от повышения качества терапевтических вмешательств до создания инновационных образовательных инструментов. Особого внимания при этом заслуживает использование VR в языковом обучении, так как виртуальная среда способна стимулировать актуализацию психологических механизмов, опосредующих процесс усвоения новых слов в естественных условиях. К числу таких механизмов можно отнести вовлечение компонентов моторного опыта, входящего в состав формирующегося понятия (Xie et al., 2019); создание условий социального взаимодействия (Sinatra et al., 2021); а также повышение мотивации обучающихся за счет переживания чувства «присутствия» в образовательной ситуации (Legault et al., 2019). Однако, несмотря на наличие отдельных эмпирических свидетельств повышения качества языкового обучения в VR среде, на сегодняшний день существует крайне ограниченное количество систематических исследований данной проблемы, различия и ограничения методологии которых не позволяют делать однозначных выводов о природе обнаруживаемых эффектов.

Нашей целью стало восполнение данного пробела путем экспериментального исследования эффективности семантического обучения в условиях виртуальной реальности.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что существуют значимые различия в эффективности семантического обучения в условиях VR и при классическом обучении (с использованием монитора компьютера).

Для проверки данной гипотезы нам было необходимо *разработать экспериментальную парадигму*, обеспечивающую возможность изучения механизмов семантического обучения в разных средах при минимизации влияния вмешивающихся факторов. Далее будет подробно представлен процесс решения этой задачи, реализованный в несколько этапов: 1) разработка вербальных стимулов; 2) разработка визуальных стимулов; 3) создание стимульных предложений для семантического обучения; 4) адаптация экспериментальной парадигмы к двум обучающим средам — VR и классической.

Различные характеристики стимульного материала исследования были оценены с привлечением независимых групп *респондентов*

в общем объеме 390 человек. Для *статистического анализа данных* были использованы t-критерий Стьюдента, критерий Манна–Уитни, критерий Н Краскела–Уоллиса.

На первом этапе нами были разработаны вербальные стимулы – псевдослова для научения участников в ходе эксперимента. Основой для набора псевдослов выступили 16 трехбуквенных существительных русского языка (например, «меч»), отобранных с учетом требования к равной частотности. Средняя частность леммы равна 72,987 ipm, согласно «Новому частотному словарю русской лексики» (Ляшевская, Шаров, 2009). Далее нами были составлены 48 псевдослов (16 для усвоения участниками в ходе обучающей серии эксперимента, 32 – для использования в роли нецелевых элементов, т. е. филлеров, при проведении проверочных тестов после обучения), имеющих аналогичную фонетическую структуру (например, «няч»). Субъективная новизна составленных псевдослов была проконтролирована с помощью опроса независимой выборки респондентов (N = 22; 7 – муж., M = 30,68 ± 6,81 лет), которым предлагалось оценить, насколько: 1) предъявленные слова им знакомы; 2) предъявленные слова ассоциируются с действиями, которые можно совершить с обозначаемым ими объектом. Второй вопрос адресован компонентам моторного опыта, актуализация которого, как было отмечено ранее, может выступать в качестве объяснительного механизма эффективности ВР технологий в языковом научении. По результатам статистического анализа были выявлены значимые различия между псевдословами и реальными словами по обоим шкалам (t = 68,6, p < 0,001 и t = 37,5, p < 0,001, соответственно). Полученные значения указывают на то, что разработанные нами псевдослова не идентифицируются носителями русского языка как ранее известные и/или ассоциированные с выполнением каких-либо действий, что позволяет использовать их в качестве материала для дальнейшего семантического научения.

На втором этапе были подготовлены визуальные стимулы, – изображения объектов, служащих референтами для используемых в эксперименте стимульных слов. Нами были подобраны по 5 иллюстраций реально существующих слов, а также наборы из 5 изображений 16 объектов, ранее не знакомых респондентам (например, искусственной пиявки) для каждого из псевдослов. Отобранные визуальные стимулы прошли процедуру графической унификации (устранен графический шум, объекты отцентрованы и приведены к размеру 400 × 400 pix, произведено усреднение стимулов по шкале свечения), после чего были апробированы на выборке носителей

русского языка ($N = 352$; 169 – мужчин, $M = 31,10 \pm 7,55$ лет). Участникам опроса предлагалось оценить, насколько предъявленные на изображениях объекты: 1) им знакомы; 2) связаны с какими-либо действиями, которые может выполнить участник. Было установлено, что иллюстрации реальных слов превосходят изображения незнакомых участникам объектов по обоим параметрам ($Z = -4,788$, $p < 0,001$ и $Z = -4,829$, $p < 0,001$, соответственно). Это позволило заключить, что отобранные для семантического обучения объекты не знакомы представителям русскоязычного культурного пространства, следовательно, могут быть использованы в качестве референтов для стимульных псевдослов.

На третьем этапе нами были сконструированы наборы из 5 предложений для реализации процедуры семантического научения. Так, каждое псевдослово в ходе эксперимента связывалось для конкретного участника с набором изображений ранее неизвестного ему объекта путем симультанного предъявления в контексте вопросительного предложения, указывающего на какую-либо визуальную характеристику данного объекта (например, «Металлический ли няч?»). Соответствие псевдослов наборам стимульных изображений назначалось с помощью процедуры псевдорандомизации. Стимульные предложения были записаны в виде звуковых дорожек для предъявления в аудиоформате. Для записи был использован инструмент «Яндекс. SpeechKit», выявивший более высокие показатели оценки дружелюбия, вероятности принадлежности человеку, привлекательности и степени доверия в сравнении с голосами четырех реальных дикторов по результатам предварительного опроса ($N = 16$; 6 – мужчин, $H\text{-test} = 10,83$, $p = 0,028$)

Завершающим этапом разработки экспериментальной парадигмы стала ее адаптация для предъявления в двух средах – классической, на экране монитора и в условиях VR. Для решения данной задачи были использованы программные среды Presentation (Neurobehavioral Systems Inc.) и Unity (Unity Technologies). В общем виде экспериментальная парадигма включает стадию обучения, в ходе которой участники усваивают смысл новых для них слов, и стадию проверочного тестирования, на которой полученные ими знания оцениваются с помощью тестов свободного воспроизведения, узнавания и семантического соответствия. Участники последовательно проходят обучение на мониторе компьютера и в среде VR или в обратном порядке (для каждой из сред используется половина элементов стимульного набора).

Выводы

Разработанная парадигма экспериментального исследования эффективности семантического научения в условиях виртуальной реальности прошла процедуры всестороннего контроля, что делает ее надежным инструментом, обеспечивающим возможность систематического анализа влияния обучающей среды на усвоение человеком семантики новых слов. В настоящий момент представленная парадигма апробируется на выборке пилотажного этапа исследования.

Литература

- Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
- Legault J., Zhao J., Chi Y.-A., Chen W., Klippel A., Li P.* Immersive virtual reality as an effective tool for second language vocabulary learning // *Languages*. 2019. V. 4. № 1. P. 13.
- Sinatra A. M., Pollard K. A., Files B. T., Oiknine A. H., Ericson M., Khooshabeh P.* Social fidelity in virtual agents: Impacts on presence and learning // *Computers in Human Behavior*. 2021. № 114. P. 106.
- Xie Y., Chen Y., Ryder L. H.* Effects of using mobile-based virtual reality on Chinese L2 students' oral proficiency // *Computer Assisted Language Learning*. 2019. V. 34. № 1. P. 1–21.

Связь самооценочных суждений с уровнем освоения математических предметов: поисковое исследование в рамках изучения факторов успешности в математических олимпиадах*

*И. А. Подшиваленко (Москва), А. В. Смирницкая (Ярославль),
И. Ю. Владимиров (Ярославль, Москва)*

Предполагается, что математические способности — очень неоднородная и сложная структура, предикторами успешности которой являются когнитивная и эмоционально-мотивационная сферы. Фактор самооценки собственных знаний и навыков может оказывать влияние на освоение метаматематических предметов. Целью данного исследова-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-29-14189-мк ЯргУ им. П. Г. Демидова.

дования является изучение взаимосвязи субъективных факторов неуспеваемости студентов математических факультетов, результаты позволят выявить наиболее весомые субъективные факторы, которые приводят к успеху или неудачам при освоении математических предметов. В исследовании приняли участие 114 студентов второго курса. Для разработки опроса было проведено интервью со студентами разной успеваемости и разным опытом (математические кружки, олимпиады, профильные и непрофильные классы). На основании интервью разработан опрос с самооценочными шкалами. При помощи методов корреляционного анализа (Спирмен) были получены результаты, позволяющие сделать вывод о том, что одним из факторов неуспеваемости по математическим предметам является несформированность навыков обучения.

Предполагается, что математические способности – очень неоднородная и сложная структура, предикторами успешности которой являются когнитивная и эмоционально-мотивационная сферы. Существует множество исследований, посвященных математическим способностям и методам обучения математике (Богоявленская, Низовцова, 2017). Однако остается недостаточно исследованной связь субъективных самооценочных факторов с освоением математических предметов в целом, хотя в отношении математической тревожности такие связи наблюдаются (Devine et al., 2018).

Целью исследования является изучение взаимосвязи субъективных факторов неуспеваемости студентов математических факультетов.

Основная гипотеза: самооценочные суждения студентов позволяют выявить факторы неуспеваемости по математическим предметам.

Выборка: 114 студентов второго курса математического факультета и факультета информатики и вычислительной техники ЯрГУ.

Процедура и методы. Для разработки шкал опроса были проведены интервью, выявившие основные затруднения, с которыми сталкиваются студенты математического факультета и факультета информатики и вычислительной техники в ходе обучения в вузе. Далее студенты заполняли краткий самооценочный опрос, в котором надо было оценить степень согласия по 10-балльной шкале. Были проанализированы баллы ЕГЭ, а также успеваемость за последних и предпоследние семестры обучения.

Результаты исследования

Связь между ответами на вопросы «Как вы считаете, хватает ли вам времени на успешное освоение учебной программы?» и «Как вы считаете, хватает ли вам базовых знаний для освоения программы?»

($r=0,386$, $p=0,029$) можно объяснить тем, что студентам может не хватать времени на освоение программы из-за постоянного восполнения базовых знаний. Это может быть обусловлено недостаточной школьной подготовкой. Связь ответов на вопросы «Как вы считаете, хватает ли вам времени на успешное освоение учебной программы?» и «Как вы считаете, хватает ли вам навыка распределения собственного времени для освоения образовательной программы?» ($r=0,417$, $p=0,18$) может быть объяснена развитостью у студента навыков тайм-менеджмента: если студент умеет распределять свое время, то он сможет выделять столько времени на подготовку к учебе, сколько необходимо, что может ему обеспечить лучшую успеваемость. Вопросы «Как вы считаете, хватает ли вам коммуникативных навыков для успешного обучения в вузе?» и «Как вы считаете, хватает ли вам навыка распределения собственного времени для освоения образовательной программы?» также имеют связь ($r=0,352$, $p=0,048$). Для того, чтобы преуспевать в учебной деятельности, студенту необходимо не только развивать навыки тайм-менеджмента, но и коммуникативные навыки, что может обеспечивать взаимосвязь этих навыков. Утверждения «Приходится подтягивать свои знания, чтобы справляться с учебной программой» и «Не понимаю, как учить предметы (школьные методы подготовки плохо работают)» также имеют обратную связь ($r=-0,397$, $p=0,001$). При недостатке школьной подготовки студенту необходимо постоянно восполнять недостающие знания, а отсутствие понимания того, как учить предметы в университете, лишь подкрепляет данную необходимость. Связь утверждений «Приходится подтягивать свои знания, чтобы справляться с учебной программой» и «Мне часто бывает лень» ($r=-0,486$, $p=0,005$) может быть объяснена тем, что студент, который уделяет недостаточно внимания учебе, будет вынужден восполнять свои пробелы в освоении программы. Между вариантами «Мне не хватает мотивации» и «Приходится подтягивать свои знания, чтобы справляться с учебной программой» была обнаружена обратная взаимосвязь ($r=-0,492$, $p=0,004$). Это можно интерпретировать следующим образом: незамотивированный студент будет тратить меньше времени и ресурсов в ходе обучения и в период контрольных мероприятий, чтобы не получить слишком плохие оценки, ему приходится «наверстывать» пропущенный материал.

Варианты утверждений «Не понимаю, как учить предметы (школьные методы подготовки плохо работают)» и «Некоторые преподаватели меня недолюбливают» также имеют взаимосвязь между собой ($r=0,399$, $p=0,024$). Студенты, которые считают, что они

не нравятся преподавателю, будут меньше усилий тратить на предметы этих преподавателей, но отрицательный результат будут интерпретировать как плохую подготовку в школе и желание преподавателя как-либо навредить.

Была обнаружена взаимосвязь баллов, полученных на Едином государственном экзамене, и вопроса «Как вы считаете, хватает ли вам базовых знаний для освоения программы?» ($r=0,416$, $p=0,018$). Человек, хорошо подготовившийся к ЕГЭ и сдавший их на хороший балл, будет иметь больший набор базовых знаний, чем тот, кто готовился к ЕГЭ менее усердно и получил меньший балл.

Анализ успеваемости студентов также имел ряд значимых результатов. Средняя оценка за предпоследнюю и последнюю сессии имеют связь ($r=0,428$, $p=0,016$ и $r=0,396$, $p=0,25$, соответственно) с вопросом «Как вы считаете, хватает ли вам базовых знаний для освоения программы?». Полученные результаты могут свидетельствовать о сформированности у студентов адекватной самооценки собственных знаний. Они в состоянии определить, смогли ли они освоить программу в нужной степени. Это может также иметь связь с осознанностью обучения студентов и их рефлексивностью.

Вариант утверждения «Не понимаю, как учить предметы (школьные методы подготовки плохо работают)» имеет обратную связь со средними оценками по математическим предметам ($r=-0,356$, $p=0,045$). Как упоминалось ранее, несформированность навыков обучения может негативно сказываться на дальнейшем обучении. В такой сложной области науки, как математика, это весьма заметно.

Ответ на вопрос «Как вы считаете, хватает ли вам коммуникативных навыков для успешного обучения в вузе?» и средняя оценка по общим предметам также имеют связь между собой ($r=0,470$, $p=0,009$). В рамках общих предметов у студентов обычно имеется большая школьная база знаний, чем в рамках профессиональных предметов. В таком случае обучающиеся вместо того, чтобы усиленно изучать предмет, могут обратиться к уже имеющимся знаниям, но для того, чтобы показать данные знания в должной мере, необходимы навыки коммуникации. Таким образом, вполне логично предположить, что те, у кого в большей степени развиты коммуникативные навыки, будут иметь лучшую успеваемость по общим предметам.

Таким образом, в качестве наиболее значимого фактора при обучении математическим предметам в вузе можно выделить навыки обучения как таковые. Иными факторами, оказывающими влияние, могут быть: уровень знаний, навыки распределения времени, мотивация и коммуникативные навыки.

Литература

- Богоявленская Д. Б., Низовцова А. Н. К проблеме соотнесения общих, специальных и творческих способностей (на примере математической одаренности) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14. № 2. С. 277–297.
- Devine A., Hill F., Carey E., Szücs D. Cognitive and emotional math problems largely dissociate: Prevalence of developmental dyscalculia and mathematics anxiety // Journal of Educational Psychology. 2018. V. 110. № 3. P. 431–444.

Взаимосвязь суверенности психологического пространства и коммуникативных свойств личности осужденных

П. А. Подъячева (Омск)

В данной работе рассматривается наличие взаимосвязи суверенности психологического пространства личности осужденных мужчин в возрасте от 20 до 40 лет, отбывающих наказание в ФКУ «Исправительная колония №6 УФСИН России по Омской области», с такими коммуникативными характеристиками, как эмпатия, коммуникативные установки и трудности в общении. Предполагалось, что чем выше суверенность психологического пространства личности осужденных, тем лучше у них развита эмпатия, существует меньше трудностей в общении и имеется больше позитивных коммуникативных установок. Основными методами исследования выступили тестирование и анкетирование. В результате исследования было выявлено наличие прямой взаимосвязи между суверенностью социальных связей и рациональным каналом эмпатии, а также между суверенностью привычек и открытой жестокостью; обратная взаимосвязь наблюдается между суверенностью привычек и условиями общения, суверенностью личных вещей и условиями общения, суверенностью территории и проникающей способностью в эмпатии, а также между суверенностью территории и идентификацией в эмпатии.

В наше время существует проблема недостаточно высокой изученности феномена психологического пространства личности в целом и его особенностей у осужденных людей в частности. Наряду с этим в обществе нередки случаи делинквентного поведения граждан, одной из предпосылок которого служат психологические

особенности личности. Осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, так или иначе взаимодействуют в колонии, а впоследствии часть из них будет проходить повторную социализацию уже за стенами исправительного учреждения, что предполагает взаимодействие с людьми. Для увеличения вероятности построения эффективного общения осужденным необходимо развивать свои коммуникативные навыки: повышать уровень эмпатии, работать с негативными коммуникативными установками и трудностями в общении (см.: Бойко, 1996, 1998; Лабунская, 2001). Именно эти свойства были выбраны для изучения, потому что они, на мой взгляд, могут наиболее эффективно способствовать грамотному, комфортно и эффективному взаимодействию людей. В данном исследовании было решено объединить эти два вопроса, чтобы иметь информацию о наличии или отсутствии влияния состояния такого личностного компонента, как психологическое пространство, на коммуникативные свойства личности осужденных. Затем ставится задача дать определение некоторых исследуемых феноменов.

Под психологическим пространством понимается комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет: собственное тело, территория, личные предметы, социальные связи, ценности и привычки (Нартова-Бочавер, 2003).

Суверенное психологическое пространство – это пространство с целыми границами, чей обладатель может поддерживать личностную автономию (Нартова-Бочавер, 2003).

В результате исследования были отмечены некоторые корреляции: обратная взаимосвязь между суверенностью территории и проникающей способностью в эмпатии ($r = -0,478$ при $p = 0,033$), поскольку эти люди почти не чувствуют нарушения границ своей территории и не понимают, каково это – быть ущемленными в правах на свое место; часто они не считают нужным прикладывать усилия в попытках расположить к себе собеседника.

Обратная связь наблюдается и между суверенностью территории и идентификацией в эмпатии ($r = -0,602$ при $p = 0,005$). Вероятно, это связано с тем, что люди, чувствующие, что имеют свое место, где все принадлежит им, тяжелее идентифицируют себя с другими, так как не имеют опыта посягательства на личное пространство. Важно отметить, что речь здесь скорее ведется о негативных эмоциях, так как именно их испытывают люди при нарушении личных границ.

Между суверенностью личных вещей и трудностями в общении, связанными с условиями общения, наблюдается обратная взаимо-

связь ($r = -0,587$ при $p = 0,007$). Можно предположить, что уверенность человека в безопасности его собственности и в том, что на нее никому не позволено посягать, дает возможность личности меньше беспокоиться о том, с кем именно она взаимодействует в данный момент, какое количество партнеров по общению находится рядом, потому что чувствует, что в любом случае на его вещи не будут посягать.

Прямая взаимосвязь наблюдается между суверенностью привычек и коммуникативной установкой на открытую жестокость ($r = 0,588$ при $p = 0,006$). Можно предположить, что такая зависимость опосредована пребыванием в колонии, и установка могла сформироваться именно там, так как человеку до попадания в заключение не мешали выполнять свои ритуалы, теперь же ситуация изменилась — строгий режим серьезно препятствует распоряжению своим временем и трате его на привычные, почти автоматические действия.

Между суверенностью привычек и трудностями, связанными с условиями общения, была выявлена обратная взаимосвязь ($r = -0,596$ при $p = 0,006$). Такие результаты могут объясняться тем, что в большинстве случаев со сколькими бы людьми одновременно они ни общались, насколько бы длинным ни был разговор, они чувствуют уверенность в том, что имеют возможность прямо сказать о том, что им нужно отвлечься для выполнения каких-то привычных для них действий, некоего рода ритуалов, без выполнения которых они чувствуют дискомфорт.

Последняя выявленная значимая корреляция является прямой и была обнаружена между суверенностью социальных связей и рациональным каналом эмпатии ($r = 0,468$ при $p = 0,037$). В данном случае, можно предположить, что в детстве у осужденных было сравнительно небольшое количество ограничений в общении с людьми, что свидетельствует об их возможности нередко самостоятельно выбирать, с кем именно взаимодействовать, а этот выбор в данный период чаще всего эмоциональный. Возможно, именно общение с приятными людьми вызывало желание у испытуемых лучше понять их, что способствовало развитию рационального канала эмпатии, который позволяет путем направления внимания и мышления лучше понять поведение, состояние и проблемы собеседника.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии взаимосвязи суверенности конкретных измерений психологического пространства личности осужденных с определенными каналами эмпатии, некоторыми видами трудностей в общении и определенными коммуникативными установками.

Литература

- Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М: Информационно-издательский дом «Филинь», 1996.
- Бойко В. В. Методика диагностики коммуникативной установки // Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Самара: ИД «Бахрах», 1998. С. 297–310.
- Лабунская В. А. Психология затрудненного общения: теория. Методы. Диагностика. Коррекция. М.: Академия, 2001.
- Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2003.

Произвольное запоминание и воспроизведение эмоционально окрашенной информации в зависимости от актуального состояния и устойчивых характеристик эмоциональной сферы субъекта

А. И. Полюхова, О. М. Сергеева (Нижний Новгород)

В статье описано исследование, посвященное влиянию актуального состояния и устойчивых характеристик эмоциональной сферы субъекта на успешность произвольного запоминания и воспроизведения эмоционально окрашенных текстов. Для этого в теоретической части работы были раскрыты основные понятия и выделено несколько дополнительных факторов, имеющих постоянное, но неравномерно выраженное влияние на процесс запоминания информации — это стиль мышления человека и его характеристики как субъекта активности. При подготовке к исследованию нами было создано три текста: положительно, отрицательно и нейтрально эмоционально окрашенных. От испытуемых требовалось произвольное запоминание, непосредственное и отсроченное воспроизведение какого-либо из трех текстов (тексты распределялись между испытуемыми случайно). Было получено множество корреляционных взаимосвязей по критерию Спирмена показателей успешности воспроизведения с ситуативными и устойчивыми особенностями человека. При факторном анализе выделен ряд наиболее значимых переменных — стиль мышления, стиль саморегуляции поведения и интернальность — которые неодинаково способствуют запоминанию положительного, отрицательного и нейтрального текста.

Актуальность исследований когнитивных процессов обуславливается изменениями требований среды к познавательным процессам и сложностью выделения единых закономерностей взаимосвязи тех или иных факторов с работой когнитивных процессов. В данной работе внимание сфокусировано на характере взаимосвязи эмоций и памяти.

В ряде исследований ставится вопрос, какая по эмоциональной окраске информация запоминается лучше. Согласно работам П. П. Блонского, запоминаются успешней отрицательные эмоции (Блонский, 2001). Противоположный взгляд – лучше запоминаются положительные эмоции – получил наибольшее развитие в психоанализе. Согласно позиции С. Л. Рубинштейна и П. И. Зинченко, влияние эмоций на протекание процессов памяти непостоянно и зависит от значимости информации (Зинченко, 2002; Рубинштейн, 2002). К факторам, влияющим на запоминание, относится актуальное эмоциональное состояние. В эксперименте Г. Бауэра, С. Гиллигэна и К. Монтейро подтверждена гипотеза о том, что если эмоциональное состояние испытуемого во время запоминания соответствует эмоциональной окраске информации, то запоминание будет эффективнее (Дружинин, 2002). В работах М. Е. Афанасьевой данная гипотеза получила ограниченное подтверждение (Афанасьева, 2015). Иной фактор – устойчивые эмоциональные особенности человека, значимость которых отмечается нечасто. Эмоциональные свойства – это характеристики эмоционального реагирования, преимущественно проявляющиеся у человека (Е. П. Ильин).

Цель – исследование успешности произвольного запоминания и воспроизведения эмоционально окрашенной информации в зависимости от актуального состояния и устойчивых характеристик эмоциональной сферы субъекта.

Гипотеза: успешность запоминания и воспроизведения эмоционально окрашенных стимулов зависит от актуального состояния, устойчивых характеристик эмоциональной сферы, стиля мышления и от субъектных характеристик.

В работе использовались следующие методики: «Исследование тревожности» Ч. Д. Спилбергер (в адаптации Ю. Л. Ханина); «Доминирующее состояние» Куликов Л. В; ШПАНА в адаптации Е. Н. Осина; «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой; «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттер; «Стили мышления» (Р. Брэмсон, А Харрисон, адаптация А. А. Алексеева); «Диагностика эмоционального интеллекта» (Н. Холла).

Для проведения исследования разработаны три текста положительной, отрицательной и нейтральной эмоциональной окраски. Тема текстов – изучение иностранных языков. Эмоциональная окраска подтверждена процедурой экспертной оценки.

В работе приняли участие 75 человек, студенты 1-го и 2-го курса факультета социальных наук (18–21 лет). Испытуемые были разделены на три группы по 25 человек на основании того, с каким из трех текстов они работали.

При непосредственном и отсроченном (спустя 2 недели) воспроизведении положительно и нейтрально окрашенные тексты вспоминаются достоверно успешнее, чем отрицательный (U Манна–Уитни). Причина может заключаться в положительном актуальном состоянии испытуемых – эффекте конгруэнтности. Корреляционный анализ показал большое количество взаимосвязей. Факторный анализ проведен в каждой группе испытуемых отдельно:

Положительно эмоционально окрашенный текст лучше запоминает:

- человек с выраженной интернальностью, для которого значима эмоциональная сторона общения и которого характеризует высокая устойчивая тревожность и неудовлетворенность жизнью;
- человек, которого характеризует выраженность в структуре саморегуляции таких стилей, как программирование и оценка результатов; такой человек имеет желание и способность к продумыванию своей активности и к гибкому изменению сформированного плана, что сочетается со способностью к адекватной оценке результатов данной активности.

Отрицательно эмоционально окрашенный текст лучше запоминает:

- человек, ориентированный на эмоциональную сторону общения и склонный к осуществлению саморегуляции собственного поведения используя следующие стили: программирование и оценка результатов, т. е. такой человек имеет желание и способность к продумыванию своей активности и к гибкому изменению сформированного плана, что сочетается со способностью к адекватной оценке результатов данной активности.

Нейтрально окрашенный текст лучше запоминает:

- человек, который склонен к детальному моделированию ситуации, т. е. к формированию представлений о ее значимых деталях; также такого человека характеризует аналитический

стиль мышления, что означает склонность к систематическому изучению проблемы в ее объективных аспектах.

При сопоставлении факторов в трех группах были выделены часто встречающиеся переменные, которые сильно взаимосвязаны с успешностью запоминания – стиль мышления и субъектные характеристики:

- люди с разным типом мышления лучше проявляют себя в запоминании разных по эмоциональной окраске текстов: когда человек предпочитает опираться на личный опыт или на иные легко доступные сведения с желанием получить быстрый результат, он более успешно запоминает отрицательно окрашенный текст; если человек склонен к системному и всестороннему рассмотрению задачи, опираясь на ее объективные характеристики, то он более успешно запоминает нейтральный текст; если человек стремится создавать что-то новое, проводить мыслительные эксперименты или опирается на личный опыт, то он менее успешно запоминает положительно окрашенный текст;
- люди с разными субъектными характеристиками лучше проявляют себя в запоминании разных по эмоциональной окраске текстов: при выраженной общей интернальности успешно запоминается положительно окрашенный текст; при выраженной потребности и способности к продумыванию способов осуществления действий для достижения поставленных целей лучше запоминаются эмоционально окрашенные тексты; при развитости способности к адекватной оценке себя и результатов своей активности лучше запоминается отрицательно окрашенный текст; при высоком уровне саморегуляции лучше запоминается нейтральный текст.

По результатам корреляционного и факторного анализа положительно эмоционально окрашенный текст лучше запоминается людьми с выраженной интернальностью. Отрицательно эмоционально окрашенный текст лучше запоминается людьми, ориентированными на эмоциональную сторону общения.

Эмоциональный статус и когнитивные особенности субъекта действительно имеют влияние на его работу с эмоционально окрашенной информацией. Гипотеза исследования может считаться подтвержденной.

Литература

Афанасьева М. Е. Влияние эмоций на память человека // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики. 2015. С. 156–159.

- Блонский П. П. Память и мышление. СПб.: Питер, 2001.
- Дружинин В. Н. Когнитивная психология. М.: Пер Сэ, 2002.
- Зинченко Т. П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии. СПб.: Питер, 2002.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.

Специально организованная двигательная активность как фактор развития эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности в период ранней взрослости

П. Г. Портнова (Новополоцк)

В статье представлены результаты эмпирического исследования влияния пола и специально организованной двигательной активности на эмоциональный интеллект и эмоциональную креативность в период ранней взрослости. Цель: охарактеризовать влияние пола респондентов и специально организованной двигательной активности на показатели эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности в период ранней взрослости. Гипотеза: на выраженность компонентов эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности в период ранней взрослости влияют пол респондента и занятия специально организованной двигательной активностью. Выборка – 140 человек в возрасте от 20 до 40 лет. Методы исследования: организационный (сравнительный метод); эмпирический (опрос); методы обработки эмпирических данных (многофакторный дисперсионный анализ); интерпретационный (структурный метод). В результате исследования установлено, что независимо от интенсивности двигательной активности у женщин более выражена составляющая эмоциональной креативности «эффективность», а у мужчин преобладает «аутентичность». У мужчин и женщин, которые занимаются двигательной активностью, более выражены способности к пониманию и управлению собственными эмоциями, преобладает внутриличностный эмоциональный интеллект по сравнению с респондентами, у которых специально организованная двигательная активность отсутствует.

Одной из наиболее актуальных проблем современной психологической науки является исследование эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности.

Эмоциональный интеллект – это способность осознавать собственные и чужие эмоции, умение управлять ими, а также строить

эффективные отношения с людьми. В своей работе мы будем придерживаться модели Д. В. Люсина, который выделяет в структуре эмоционального интеллекта межличностный и внутриличностный компоненты (Люсин, 2004).

Эмоциональная креативность – это способность генерировать новые эмоциональные переживания. Американский ученый Дж. Эйверилл в структуре эмоциональной креативности выделил следующие компоненты: эффективность, новизна, аутентичность и готовность (Averill, 1999).

Выявлено, что с уровнем эмоционального интеллекта связаны регулярные физические упражнения (Гасанпур, 2014). Однако в психологии не изучалась взаимосвязь двигательной активности и эмоциональной креативности. Следует отметить, что под специально организованной двигательной активностью мы понимаем целенаправленные занятия физическими упражнениями и различными видами спорта.

Цель исследования – охарактеризовать влияние пола респондентов и специально организованной двигательной активности на показатели эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности в период ранней взрослости.

Гипотеза исследования – на выраженность компонентов эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности в период ранней взрослости влияют пол респондента и занятия специально организованной двигательной активностью.

Выборка составила 140 человек в возрасте от 20 до 40 лет; среди них – 70 мужчин и 70 женщин. Большинство респондентов не состоят в браке, имеют среднее специальное и незаконченное высшее образование. Половину выборки составляют респонденты, для которых не характерны регулярные занятия физкультурой и спортом, половину – занимающиеся специально организованной двигательной активностью. Женщины отдают предпочтение занятиям хореографией и фитнесом, а мужчины – бегу, фитнесу и баскетболу.

Для диагностики эмоционального интеллекта использовался опросник эмоционального интеллекта Д. В. Люсина. Для диагностики эмоциональной креативности использовался опросник эмоциональной креативности Дж. Эйверилла в адаптации И. Н. Андреевой.

Для количественной обработки использовалась программа Statistica v. 8.0, для обработки данных – многофакторный дисперсионный анализ.

На первом этапе исследования изучалось влияние пола и наличия специально организованной двигательной активности на выра-

женность показателей эмоциональной креативности в период ранней взрослости. Выявлено влияние независимой переменной «пол» на выраженность следующих зависимых переменных, которые являются компонентами эмоциональной креативности ($p < 0,05$):

1. Эффективность ($F(1,13 = 29,90, p = 0,00)$; показатель «эффективность» на достоверном уровне более высокий у женщин, чем у мужчин. Это можно объяснить тем, что эффективность эмоций – это способность к продуцированию эмоций, социально значимых эмоций, а как известно, женщины ориентированы на межличностные отношения.
2. Аутентичность ($F(1,13 = 27,53, p = 0,00)$; показатель «аутентичность» на достоверном уровне более высокий у мужчин, чем у женщин. Это можно объяснить тем, что у мужчин эмоциональная реакция более ориентирована на индивидуальные оценки и мнения, благодаря чему развивается аутентичность, которая отражает самовыражение личности в области эмоций.

На втором этапе исследования изучалось влияние пола и наличия специально организованной двигательной активности на выраженность показателей эмоционального интеллекта в период ранней взрослости. Выявлено влияние независимой переменной «наличие специально организованной двигательной активности» на выраженность следующих зависимых переменных, которые являются компонентами эмоционального интеллекта ($p < 0,05$):

1. Понимание собственных эмоций (ВП) ($F(1,13 = 4,67, p = 0,03)$; показатель «понимание собственных эмоций» более выражен у мужчин, которые участвуют в специально организованной двигательной активности, чем у мужчин, которые в ней не принимают участия. Это можно объяснить тем, что эмоции, которые возникают в процессе занятий специально организованной двигательной активностью, оказывают влияние на результативность данных занятий и внутреннюю мотивацию, поэтому для того, чтобы эффективно использовать данные эмоции, необходимо понимать возникающие эмоции (Уэйнберг, 2005).
2. Управление собственными эмоциями (ВУ) ($F(1,36 = 5,35, p = 0,02)$; показатель «управление собственными эмоциями» более выражен у мужчин, которые занимаются специально организованной двигательной активностью, чем у индивидов, у которых специально организованная двигательная активность отсутствует. Это может быть связано с эмоциональной саморегуляцией людей, за-

нимающихся специально организованной двигательной активностью. Регуляция собственных эмоций, увеличение или снижение их интенсивности способствуют достижению результата при занятиях двигательной активностью (Tamminen, 2013).

3. Внутрилиchnостный эмоциональный интеллект (ВЭИ) ($F(1,13 = 4,01, p = 0,04)$); показатель «внутрилиchnостный эмоциональный интеллект» более выражен у мужчин, которые занимаются двигательной активностью, чем у индивидов, не занимающихся двигательной активностью. Иными словами, мужчины во время занятий двигательной активностью, стараются контролировать свои эмоции и анализируют их, тем самым повышая уровень своего внутрилиchnостного эмоционального интеллекта.
4. Понимание эмоций (ПЭ) ($F(1,13 = 7,48, p = 0,00)$); показатель «понимание эмоций» более выражен у мужчин, которые занимаются специально организованной двигательной активностью, чем у индивидов, которые не занимаются специально организованной двигательной активностью. Это может быть связано с тем, что, занимаясь двигательной активностью, мужчины анализируют свои эмоции и стараются понять эмоции других людей, так как этого требует формирование внутрикoмандных коммуникаций и выстраивание взаимоотношений с тренером (Уэйнберг, 2005).
5. Управление эмоциями (УЭ) ($F(1,13 = 4,71, p = 0,03)$); показатель «управление эмоциями» более выражен у мужчин, которые занимаются двигательной активностью, чем у тех, у кого двигательная активность отсутствует. Это может быть связано с тем, что во время занятиями двигательной активностью необходим контроль эмоции. Кроме того, согласно исследованиям, эмоциональный интеллект способствует повышению уровня достижений человека. Данная особенность связана с постоянным контролем за собственными и чужими эмоциями в критической и нестандартной ситуации. Можно предположить, что во время тренировок человек учится контролировать эмоции, управлять ими, а также использовать эти навыки во всех сферах жизни.

Таким образом, наши предположения частично подтвердились: на эффективность и аутентичность, которые являются показателями эмоциональной креативности оказывает влияние пол. Показатель эффективности более выражен у женщин, чем у мужчин, в то время как аутентичность более выражена у мужчин, чем у женщин.

Наряду с этим на выраженность способностей к пониманию собственных эмоций, управлению собственными эмоциями, на уровень внутриличностного эмоционального интеллекта, а также на интегральные показатели понимания и управления эмоциями оказывает влияние наличие специально организованной двигательной активности. Данные показатели более выражены у мужчин, которые занимаются двигательной активностью, чем у индивидов, которые не занимаются специально организованной двигательной активностью.

Литература

- Гасанпур М. К.* Сравнение эмоционального интеллекта у студентов-спортсменов и неспортсменов с точки зрения его роли в управлении индивидуальными и социальными эмоциями // Вектор науки ТГУ. Сер. «Педагогика, психология». 2014. № 1. С. 46–48.
- Люсин Д. В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Уэйнберг Р. С.* Спортивная психология: учебник для вузов. М.: Физкультура и спорт, 2005.
- Averill J. R.* Individual differences in emotional creativity: structure and correlates // Journal of Personality. 1999. V. 67. № 2. P. 331–371.
- Tamminen K. A., Crocker P. R. E.* “I control my own emotions for the sake of the team”: Emotional self-regulation and interpersonal emotion regulation among female high-performance curlers // Psychology of Sport and Exercise. 2013. V. 14. P. 737–747.

Показатели рабочей памяти и функционального состояния как индикаторы эффективности использования виртуальных образовательных платформ*

*Ю. А. Роголева, С. В. Стрельников, А. И. Ковалев, А. Г. Долгих
(Москва)*

В статье описано исследование влияния виртуальной образовательной среды (ВОС) на изменение показателей рабочей памяти (РП) и функционального состояния (ФС). В выборку вошло 34 человека в возрасте

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-29-22049.

от 17 до 22 лет (10 мужчин и 24 женщины), которым были предложены тесты на определение уровня РП и ФС после погружения в ВОС по химии и по физике. ВОС были предъявлены в шлеме виртуальной реальности HTC Vive. Результаты показали, что после погружения в ВОС с различной организацией учебного процесса происходят различные изменения в параметрах РП и ФС.

Несмотря на широкое распространение электронных образовательных технологий, до сих пор существует большое количество нерешенных вопросов, связанных с использованием различных мультимедийных средств для того, чтобы сделать обучение легче и продуктивнее (Zinchenko et al., 2020). Нынешняя школьная методическая система уже включает в себя ряд информационных новшеств, в том числе использование средств виртуальной реальности (VR), которые активно применяются в качестве инструментов образовательного процесса. Согласно прогнозам, VR и связанные с ней технологии могут охватить 15 миллионов учащихся к 2025 г. (Sachs, 2018). Однако для эффективного применения таких инструментов требуется разработка методологических оснований внедрения VR в образовательный процесс и определения перечня индикаторов, которые можно рассматривать как критерии успешного использования VR в образовании.

Цель нашей работы заключается в изучении влияния ВОС, имеющих различную организацию учебного процесса, на параметры РП и ФС человека.

Гипотезы исследования:

- 1) существуют значимые изменения показателя РП у обучающегося после использования ВОС с различной организацией учебного процесса;
- 2) существуют значимые изменения показателя ФС обучающегося после использования ВОС с различной организацией учебного процесса.

В выборку вошло 34 человека в возрасте от 17 до 22 лет (10 мужчин и 24 женщины). Участники исследования были разделены на две группы: студенты 1-го курса факультета психологии МГУ и школьники 10-го и 11-го классов.

В качестве стимуляции выступал учебный материал по физике и химии, представленный в формате VR. Для оценки уровня изменения знаний участников эксперимента были использованы шесть задач в печатном формате по физике и по химии, отобранные экспертами.

Для предъявления стимуляции в эксперименте использовались: шлем VR HTC Vive с углом обзора: 110° , шлем VR HTC Vive Pro с углом обзора 110° , ноутбук HP Omen 15-en0038ur с монитором 15,6", компьютер со следующими характеристиками: процессор Intel Core i7-9700 3 GHz, 32 GB RAM, видеокарта NVIDIA GeForce RTX 2060, ОС Windows 10 Pro, а также приложения ChemistryLab (образовательная виртуальная среда по химии) и PhysicsOffline (образовательная виртуальная среда по физике).

Дизайн исследования

Первоначально участникам исследования предлагалось заполнить онлайн-опросник с целью сбора биографических данных и данных о наличии/отсутствии опыта взаимодействия с устройствами VR. Далее было предложено выполнить методики в следующем порядке: методика «Шкала состояний» (русскоязычная адаптация А. Б. Леоновой), задача на рабочую память N-back (Kirchner, 1958). Затем одной половине участников эксперимента было предложено три задачи в печатном формате на уровень базовых знаний по правилу правой руки и прохождение ВОС по соответствующей теме, тогда как другой половине – три задачи по теме «Различение солей серосодержащих кислот» и прохождение ВОС по соответствующей теме. После было предложено решить еще три задачи в печатном формате по соответствующим темам, а также еще раз выполнить методики в следующем порядке: методика «Шкала состояний» (русскоязычная адаптация А. Б. Леоновой) и задача на рабочую память N-back (Kirchner, 1958).

Результаты по химии

Были обнаружены значимые различия в показателях уровня ФС у студентов до и после ВОС ($Z = -2,207$, $p = 0,027$). В то время как значимых различий по тому же показателю у школьников до и после ВОС найдено не было ($Z = -0,141$, $p = 0,888$). Значимые различия также были обнаружены в показателях РП у школьников до и после ВОС ($Z = -1,897$, $p = 0,05$). Значимых различий в показателях РП у студентов до и после ВОС найдено не было ($Z = -0,944$, $p = 0,345$).

Результаты по физике

Были обнаружены значимые различия в показателях РП школьников до и после ВОС ($T = -2,721$, $p = 0,026$). У студентов такой значимой тенденции не наблюдается ($T = -0,908$, $p = 0,387$). По T-критерию Стьюдента для независимых выборок, наблюдается значимое различие в приросте РП у студентов и школьников после ВОС ($T = -2,159$,

$p=0,045$). Средняя разность между выборками студентов и школьников по приросту РП составила 29,5. Также посредством корреляционного анализа было выявлено, что есть значимая отрицательная корреляция между приростом правильных ответов в тесте по физике и уровнем ФС ($K = -0,611$, $p = 0,005$).

Обсуждение результатов

Сравнительный анализ прироста знаний по темам «Правило правой руки для соленоида» и «Различение солей серосодержащих кислот» у школьников и учащихся первого курса факультета психологии МГУ показал, что как в исследовании по химии, так и в исследовании по физике наблюдается следующая тенденция: показатель РП возрастает как у студентов, так и у школьников, однако значимые различия между средними значениями до и после ВОС отмечают только у школьников. Предположительно, на данный результат имеет существенное влияние социальная ситуация развития и, соответственно, актуализация процесса операционализации понятий из еще недавно пройденных школьных курсов. Еще одним важным аспектом, который необходимо отметить, является значительное изменение уровня актуального ФС студентов после прохождения курса по химии в среде ВР. Для школьников химия остается актуальным предметом как школьная дисциплина, а для студентов это уже пройденный этап, соответственно, данная образовательная программа носит для них скорее познавательный, а не сугубо академический характер.

Для студентов данная деятельность представляла, в первую очередь, интерес, что свидетельствует о внутренней мотивации. Это и поспособствовало повышению ФС.

Результаты исследования показали значимую отрицательную корреляцию между приростом правильных ответов в тесте по физике и уровнем ФС. Данная корреляция может быть объяснена тем, что наибольший образовательный эффект приложение оказывало на тех, кто находился в состоянии стресса, т.е. та группа респондентов, у которой произошла мобилизация внутренних ресурсов, показала наибольший прирост, тогда как у группы респондентов, у которых уровень стресса снизился после прохождения ВОС, напротив, произошло снижение количества правильных ответов в тексте.

В ходе исследования нами были подтверждены обе гипотезы, что дает возможности для выделения оснований экспертной оценки виртуальных образовательных платформ, к которым относятся: показатель РП, а также показатель актуального ФС человека.

Уже сегодня перед отечественной системой образования стоит задача адекватной подготовки общества к вызовам, возникающим в результате процесса цифровизации.

Литература

- Kirchner W. K.* Age differences in short-term retention of rapidly changing information // Journal of experimental psychology. 1958. V. 55. № 4. P. 352–358.
- Sachs G.* Dreaming With BRICs // Goldman Sachs Basic Materials Conference. 2018.
- Zinchenko Y. P., Khoroshikh P. P., Sergievich A. A., Smirnov A. S., Tumyalis A. V., Kovalev A. I., Gutnikov S. A., Golokhvast K. S.* Virtual reality is more efficient in learning human heart anatomy especially for subjects with low baseline knowledge // New Ideas in Psychology. 2020. V. 59. 100786. doi: 10.1016/j.newideapsych.2020.100786.

Проблема развития эмоциональной сферы у детей с СДВГ

Е. Р. Рудыка, Е. И. Буданова (Обнинск)

Целью данного исследования была коррекция нарушений эмоциональной сферы у дошкольников посредством реализации программы коррекционных занятий. Гипотеза: специально разработанная психолого-педагогическая программа коррекционных занятий может выступать эффективным средством коррекции эмоциональной сферы детей дошкольного возраста с СДВГ. Выборку составили десять детей среднего дошкольного возраста с признаками нарушения неврологически-поведенческого характера, при котором ярко выраженная гиперактивность сочетается с дефицитом внимания. Методы исследования: наблюдение, беседа по дидактическому материалу «Азбука эмоций», психодиагностические методики «Кактус» М.А. Панфиловой, «Обведение контура» Н.И. Гуткиной. В результате исследования было выявлено, что у всех дошкольников прослеживается положительная динамика развития эмоциональной сферы: снижение признаков проявления гиперактивности, вербальной и двигательной расторможенности, демонстративности, появление потребности в защите и открытости, а также установление причинно-следственной связи между ситуацией и эмоциональной нагрузкой в данной ситуации.

Актуальность исследования детей с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ) в последние годы привлекает всё

большой интерес широкого круга специалистов. С одной стороны, это объясняется значительной распространенностью данного заболевания среди дошкольников. С другой, продолжается поиск причин и патогенетических механизмов формирования основных клинических симптомов СДВГ, этиологии возникновения этого состояния, поиск методов лечения и коррекции данного нарушения в развитии детей (Заваденко, 2018).

Разнохарактерность клинических проявлений требует от специалистов такого подхода к лечению и коррекции данной патологии, который смог бы обеспечить индивидуальную направленность устранения основных нарушений болезни. Комплексная терапия включает психотерапевтическое воздействие на пациента, его семью и окружение, психолого-педагогическую коррекцию, неврологическое наблюдение и медикаментозную терапию (Политика, 2008).

Синдром дефицита внимания и гиперактивности характеризует неуместная, несоответствующая ситуации избыточная активность ребенка, дефицит внимания, импульсивность в социальном поведении и интеллектуальной деятельности, проблемы во взаимоотношениях с окружающими, сопутствующие нарушения поведения, агрессия, заниженная самооценка (Чимаров, Левитина, Ноговицкая, 2005). Формы и направления коррекционной работы с детьми, страдающими СДВГ, изучали Т. В. Ахутина, Я. Л. Обухов, Н. Я. Семаго, А. В. Семенович, А. Л. Сиротюк, Н. М. Пылаева.

Целью нашего исследования является коррекция нарушений эмоциональной сферы у дошкольников посредством реализации программы коррекционных занятий.

Объект исследования: эмоциональная сфера детей дошкольного возраста с СДВГ.

Предмет исследования: условия и средства коррекции эмоциональной сферы детей дошкольного возраста с СДВГ.

Задачи исследования: изучив литературу по проблеме СДВГ и факторов, вызывающих и формирующих данное состояние, раскрыть специфику СДВГ у дошкольников и разработать психокоррекционную программу, направленную на коррекцию эмоциональной сферы детей дошкольного возраста с СДВГ.

В ходе реализации экспериментальной работы была выдвинута *гипотеза:* специально разработанная психолого-педагогическая программа эмоциональной сферы может выступать эффективным средством коррекции эмоциональной сферы детей дошкольного возраста с СДВГ.

Методы исследования: наблюдение, беседа по дидактическому материалу «Азбука эмоций», психодиагностические методики «Кактус» М. А. Панфиловой, «Обведение контура» Н. И. Гуткиной.

Исследование было проведено в МБОУ ДО ППМС центр «Шанс», г. Серпухов. В экспериментальном исследовании приняли участие (с согласия родителей) десять детей среднего дошкольного возраста с признаками нарушения неврологически-поведенческого характера, при котором ярко выраженная гиперактивность сочетается с дефицитом внимания.

По результатам наблюдения мы установили, что у всех детей выявлены симптомы СДВГ. Данные, полученные в ходе беседы по дидактическому материалу «Азбука эмоций», показали, что дети обладают низким уровнем развития понимания эмоций. Четыре воспитанника не могут правильно идентифицировать ни одной эмоции, один ребенок смог назвать правильно три эмоции, трое дошкольников только две эмоции и двое детей правильно назвали одну эмоцию из десяти предложенных в исследовании.

По результатам проведения методики «Кактус» М. А. Панфиловой мы диагностировали, что все дошкольники склонны к импульсивности, четверо детей к проявлению вербальной и двигательной расторможенности, трое воспитанников к демонстративности, один ребенок к проявлению лидерства. Также нами установлено в ходе исследования, что все дети не могут устанавливать причинно-следственные связи между ситуацией и эмоциональной нагрузкой в данной ситуации.

Результаты методики «Обведение контура» Н. И. Гуткиной показали, что все дошкольники обладают низким уровнем развития концентрации внимания и низким моторно-двигательным развитием. Низкое значение показателя выявлено у десяти детей, принявших участие в исследовании.

По результатам проведенного исследования было принято решение разработать коррекционную программу «В мире эмоций», направленную на развитие эмоциональной сферы детей дошкольного возраста с СДВГ.

В программу входили: беседа, коррекционные упражнения, арт-терапевтические техники, ролевые игры, психогимнастические упражнения. Она состояла из 20 занятий. Продолжительность одного занятия составляла 45 минут. Занятия проводились 2 раза в неделю. Программа включала три блока. Первый блок – «Ознакомительный», целью данного блока было формирование социального доверия и введение ребенка в сложный мир человеческих эмоций.

Второй блок программы «Познай себя!» с целью гармонизации личности детей дошкольного возраста. Третий блок – «Я среди людей». Цель данного блока – развитие коммуникативных навыков и социальной активности; развитие представлений у детей: «Я и другие», «Цели и действия», «Мы разные», «Я и окружающий мир». В процессе коррекционной работы нами были созданы эмоционально-благополучный климат в группе, ситуация успешности каждому ребенку, уверенности в своих силах, а также поощрялась инициативность и самостоятельность дошкольников.

После реализации программы мы провели повторное обследование детей для оценки эффективности условий и средств коррекции, способствующих развитию эмоциональной сферы детей дошкольного возраста с СДВГ. Для выявления динамики и значимости различий мы применили методы статистической обработки данных: U-критерий Манна–Уитни и критерий Вилкоксона.

По результатам повторного наблюдения мы выявили, что у всех дошкольников прослеживается положительная динамика развития эмоциональной сферы: снижение признаков проявления гиперактивности, вербальной и двигательной расторможенности, демонстративности, появление потребности в защите и открытость, а также установление причинно-следственной связи между ситуацией и эмоциональной нагрузкой в данной ситуации.

U-критерий Манна–Уитни показал значимые различия по всем методикам на уровне $p < 0,05$. С помощью T-критерия Вилкоксона было выявлено, что на индивидуальном уровне имеется снижение гиперактивности и развитие эмоциональной сферы, увеличение правильно идентифицированных эмоций у каждого испытуемого.

Литература

- Заваденко Н. Н.* Гиперактивность и дефицит внимания в детском возрасте: учеб. пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2018.
- Политика О. И.* Дети с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью. СПб.: Речь, 2008.
- Чимаров В. М., Левитина Е. В., Ноговицкая О. Р.* Синдром дефицита внимания с гиперактивностью. Тюмень: Вектор Бук, 2005.

Сравнительный анализ рабочей памяти у детей, переболевших и не переболевших COVID-19

П. Н. Савина (Санкт-Петербург)

Цель пилотного исследования – сравнительный анализ параметров рабочей памяти у детей, перенесших и не перенесших инфекцию COVID-19. Поскольку коронавирусная инфекция оказывает значительное влияние на когнитивные функции, исследование было направлено на выявление изменений у детей 8–15 лет. Объем и время выполнения задания соответствуют рекомендациям методики О. М. Разумниковой. При небольшой выборке значительных изменений в параметрах рабочей памяти выявлено не было, однако целесообразно проведение исследования на детях более старшего возраста.

Одной из особенностей детей, переболевших коронавирусной инфекцией, являются различные изменения когнитивных функций, которые отмечают многие исследователи (Condie, 2020, Serrano-Castro et al., 2020). Очень часто и сами переболевшие жалуются на проблемы с памятью. Однако неизвестно, что происходит с разными видами памяти, прежде всего у детей, обучающихся в школе. Реальные изменения памяти могут повлиять на требования, которые можно предъявлять переболевшим детям.

Особое значение в этом случае имеет рабочая память, отвечающая за сохранение информации на протяжении одной задачи (Николаева, Сиверцева, 2021; Nikolaeva et al., 2021), так как в процессе обучения дети могут быть не способны выполнять те или иные требования, а значит, не способны полноценно учиться.

Все это предопределило цель пилотного исследования: сравнительный анализ параметров рабочей памяти у детей, перенесших и не перенесших инфекцию COVID-19.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие дети от 8 до 15 лет, из которых 38 человек не болели COVID-19 (возраст $12,4 \pm 1,8$ лет) и 6 детей, перенесших данную инфекцию ($11,7 \pm 2,8$ лет).

Объем и время выполнения задания изучали с помощью методики О. М. Разумниковой (2019).

Методика включала три серии, в течение которых предъявлялся один и тот же набор простых объектов (30 единиц), однако порядок предъявления варьировался от серии к серии. Объектами были предметы, знакомые детям всех возрастов (листья, бабочки, ветки, жучки и т. д.).

Испытуемый первоначально видел три объекта, из которых должен был выбрать любой и нажать на него курсором мышки. В дальнейшем постепенно добавлялись новые объекты, и испытуемого просили отмечать курсором мышки тот объект, который не был отмечен ранее. Если испытуемый ошибался и нажимал на объект, который им уже был выбран ранее, то серия заканчивалась и начиналось новое предъявление тех же стимулов с другим порядком их появления. Очередная ошибка приводила к окончанию этой серии и началу новой. Подсчитывалось число правильно воспроизведенных элементов в каждой серии и оценивалось соотношение числа воспроизведенных элементов в разных сериях. Время выбора объекта не регламентировалось. Для статистической обработки данных использовали пакет программ Excel.

Результаты исследования

Был подсчитан объем рабочей памяти в трех попытках у двух групп испытуемых. У детей, не болевших коронавирусной инфекцией, число правильно запомненных объектов в первой серии было $19,0 \pm 7,1$; во второй – $8,7 \pm 4,7$; в третьей – $8,5 \pm 5,4$. Дети, перенесшие заболевание, показали следующие результаты: в первой серии средний показатель объема памяти составлял $19,7 \pm 8,0$; во второй – $9,8 \pm 6,2$; в третьей – $13,7 \pm 5,5$.

Исходя из полученных результатов, видно, что на данной выборке не обнаружено снижения объема рабочей памяти у детей.

Более того, у детей, переболевших коронавирусной инфекцией, в третьей попытке объем памяти даже выше, чем у детей, не перенесших заболевание. Однако уровня значимости это различие не достигает из-за малочисленности выборки. Далее сравнивалось время выполнения задания.

Дети, не болевшие COVID-19, заканчивали 1-ю попытку за $130,7 \pm 63,0$ с, 2-ю попытку – за $49,6 \pm 32,0$, 3-ю – за $50,6 \pm 47,8$. В то же время перенесшие заболевание испытуемые показали следующие результаты: 1-я попытка – $126,9 \pm 73,4$, 2-я попытка – $57,7 \pm 37,4$, 3-я попытка – $91,8 \pm 57,7$. Следовательно, время выполнения задания фактически в группах не отличается. Дети первой группы быстрее заканчивают третью попытку, поскольку больше ошибаются.

Обсуждение результатов

В пилотном исследовании была поставлена задача сравнить объем и время выполнения заданий в рамках рабочей памяти у школьников. Мы не получили различий между группами детей, переболев-

ших коронавирусной инфекцией и не переболевших этим заболеванием.

Можно предположить, что отсутствие отличий определяется, с одной стороны, небольшим размером выборки, с другой – возрастом. Так, чаще о проблемах с памятью заявляют не дети, а взрослые испытуемые (Serrano-Castro et al., 2020). В то же время можно предположить, что страдает при этом заболевании какой-то другой вид памяти. В любом случае необходимы дальнейшие исследования.

Литература

- Николаева Е. И., Сиверцева К. В.* Факторы, предопределяющие эффективность рабочей памяти и тормозного контроля в дошкольном возрасте // Вестник психофизиологии. 2021. № 1. С. 48–54.
- Разумникова О. М., Николаева Е. И.* Тормозные функции мозга и возрастные особенности организации когнитивной деятельности // Успехи физиологических наук. 2019. Т. 50. № 1. С. 75–89.
- Condie L. O.* Neurotropic mechanisms in COVID-19 and their potential influence on neuropsychological outcomes in children // Child Neuropsychology. 2020. V. 26. № 5. P. 577–596.
- Nikolaeva E., Dunaevskaya E., Burkova S., Nikiforova S., Merenkova V., Nikolaeva E., Dunaevskaya E., Burkova S., Nikiforova S., Merenkova V.* Age characteristics of the working memory // E3S Web of Conferences: Ural Environmental Science Forum on Sustainable Development of Industrial Region. 2021. V. 258. Article 07016.
- Serrano-Castro P. J., Estivill-Torrús G., Cabezudo-García P., Reyes-Bueno J. A., Ciano-Petersen N., Aguilar-Castillo M. J.* Impact of SARS-CoV-2 infection on neurodegenerative and neuropsychiatric diseases: A delayed pandemic? // Neurología. 2020. V. 35. P. 245–251.

Содержательные и психологические трудности в решении олимпиадных математических задач*

А. Д. Савинова, И. Ю. Владимиров, С. Ю. Коровкин
(Ярославль, Москва)

Работа посвящена изучению содержательных и психологических трудностей в процессе решения олимпиадных математических задач. На основе структурированного интервью 4 экспертов в области подготовки к олимпиадам мы выделили параметры сложности задач; параметры

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-14189-мк.

условий, вызывающих трудности как при решении задач во время олимпиады, так и при подготовке к ней; психологические характеристики успешных и неуспешных участников математической олимпиады. В ходе анализа интервью была отмечена важность таких характеристик, как объем рабочей памяти и горизонта планирования, отсутствие шаблонности и стереотипности решения, а также важность планирования выполняемой деятельности и затрачиваемого времени.

Размышления о творчестве, в первую очередь, затрагивают художественные профессии — художник, музыкант, артист и т. п. Но творчество может проявляться и в тех областях, которые обычно ассоциируются с рутинностью и выполнением по алгоритму. Согласно С. Олссону, основной компонент творчества — изменение репрезентации, позволяющее представить имеющуюся задачу в новом виде (Ohlsson, 2011). Изменение репрезентации характерно для самых разных типов задач вне зависимости от их содержания. В данной работе мы бы хотели сосредоточить свое внимание на математическом творчестве и тех качествах, что необходимы для успешного решения олимпиадных математических задач.

Математические способности — неоднородная и сложная структура, включающая как познавательные способности, так и мотивационную и эмоциональную сферы (Богоявленская, Низовцова, 2017). Важными аспектами при изучении математики считаются рабочая память и управляющий контроль, скорость переработки информации, чувство числа, невербальный интеллект, математическая тревожность. При этом отмечается, что стратегии до и после обучения математическим навыкам различаются (Шварц, 2019). В частности, у успешных в математике обучающихся сложнее организация когнитивной сферы, в то время как более слабые решатели используют разнообразные компенсаторные механизмы (Тихомирова, Хуснутдинова, Малых, 2019). Необходимость использования компенсаторных механизмов возникает из-за того, что менее успешные решатели задействуют больше когнитивных ресурсов, чем эффективные, но за счет низкого развития навыков получают меньший эффект при решении задач.

Несмотря на большое количество факторов, которые могут влиять на процесс решения математических задач, остается не до конца ясным, какие из них можно рассматривать в качестве предикторов успешного решения, особенно решения по-настоящему сложных задач. Для решения этой проблемы мы применили два метода: структурированное интервью с экспертами в области олимпиадных математических задач и кластеризацию массива данных об участии

на заключительных этапах Всероссийских олимпиад. В данной работе мы сосредоточим свое внимание на структурированном интервью — предварительном поисковом этапе, позволяющем выявить экспертные знания о процессе решения задач, содержательных и психологических трудностях при подготовке и во время олимпиады.

Метод

Выборка оставила 4 человека — экспертов в области решения математических задач и подготовки к олимпиаде. Отбор экспертов осуществлялся по показателям успешности (достижения учеников, количество лет работы, положительные отзывы коллег).

Каждый респондент получал одинаковый набор вопросов. Вопросы были условно поделены на несколько блоков:

- общие вопросы (об опыте работы, целях, задачах и формах работы по подготовке к олимпиадам);
- вопросы о специфических трудностях, с которыми сталкиваются обучающиеся при подготовке к олимпиадам в ходе специализированных занятий, турниров, сборов;
- вопросы, посвященные специфическим трудностям при решении нестандартных задач и трудностям, которые закладываются при составлении данных заданий;
- вопросы, посвященные психологическим особенностям обучающихся, которые могут быть связаны с успехами или неудачами на олимпиадах.

Вопросы интервью были сформулированы таким образом, чтобы объективировать, в частности, плохо осознаваемые компоненты экспертного знания. Интервью проводились на платформе Zoom, с разрешения респондентов велась видео- и аудиофиксация.

Результаты

Полученные результаты были проанализированы с помощью методов качественного анализа. Для удобства анализа составлялась транскрипция каждого интервью. Ответы респондентов объединялись, анализировались такие характеристики, как определение параметров задач, вызывающих наибольшие трудности у учащихся; определение параметров условий, которые вызывают трудности как при решении задач во время олимпиады, так и при подготовке в рамках кружка; выявление психологических характеристик учащихся, которые ведут к успеху или неудаче при участии во Всероссийской олимпиаде по математике.

Подобные параметры были выбраны нами как наиболее релевантные для выявления особенностей процесса решения задач и этапов его реализации. Качественный анализ был проведен тремя независимыми экспертами.

Обсуждение

Мы получили список параметров, описывающих трудности задач, трудности условий и психологические характеристики успешных и неуспешных учащихся. Задачи, вызывающие трудности, характеризуются невозможностью подобрать нужную абстракцию, метод решения к имеющейся абстракции, удержать в рабочей памяти нужное количество шагов или операторов. Кроме того, сложности возникают, если задача содержит несколько трудностей в рамках задачного пространства или ее привычная формулировка изменена. Последнее мешает даже при сохранности метода и абстракции решения.

Условия, вызывающие трудности во время подготовки и участия в олимпиаде, характеризуются негативным сравнением себя и своих результатов с другими, волнением из-за новой обстановки, высокой ответственностью за результат, возрастающим количеством шагов при проверке вычислений, трудностями планирования и мотивации, а также необходимостью концентрировать внимание в течение длительного промежутка времени. Последнее важно, так как финальные этапы олимпиады по математике идут 2 дня по 4–5 часов ежедневно, а занятия подготовительных кружков длятся не менее 2 часов. По оценкам экспертов, проблема концентрации внимания является одной из ведущих для младших обучающихся, которым трудно работать длительное время над одной многоходовой задачей.

Говоря об успешных участниках олимпиады, эксперты выделяют такие характеристики, как стремление обобщить полученные знания, развитая рабочая память, горизонт планирования, концентрация и переключаемость внимания, самостоятельный поиск решения, владение разнообразными математическими методами, умение отказаться от шаблонного представления о задаче, умение получать удовольствие от решения задач, что снижает стресс и негативное сравнение своих результатов с чужими. Характеристики неуспешных учащихся во многом представляют собой обратную картину, но можно выявить некоторые специфические особенности:

- Проблемы с распределением времени и собственных сил. Учащийся может тратить большое количество времени на задачу, с которой он не может справиться, так как для него не очевидно, что задача не соответствует уровню подготовки. Из-за неправиль-

ного выбора учащийся теряет ограниченное время, не используя его на решение более простых и доступных заданий.

- Отсутствие стремления к большему. После успешного решения первой, самой легкой задачи учащийся сдается.
- Осуществление бездумных расчетов, необходимость применения которых он не может аргументировать.
- Неструктурированность большого количества знаний. Причем сами по себе знания и выученные идеи могут быть очень сложными, но из-за отсутствия структуры и понимания внутренних взаимосвязей ученик не может их эффективно применить.

Таким образом, на основе экспертного интервью мы смогли выявить параметры, влияющие на успешность решения олимпиадных математических задач.

Литература

- Богоявленская Д. Б., Низовцова А. Н.* К проблеме соотнесения общих, специальных и творческих способностей (на примере математической одаренности) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14. № 2. С. 277–297. doi: 10.17323/1813-8918-2017-2-277-297.
- Тихомирова Т. Н., Хуснутдинова Э. К., Малых С. Б.* Когнитивные характеристики младших школьников с различным уровнем успеваемости по математике // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 159–175. doi: 10.17223/17267080/73/10.
- Шварц А. Ю.* Взаимодействует ли реальная форма с идеальной? Исследование овладения счетом на числовой прямой с помощью записи движений глаз // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 1. С. 145–163. doi: 10.17323/1813-8918-2019-1-145-163.
- Ohlsson S.* Deep learning: How the mind overrides experience. Cambridge University Press, 2011.

Обновление, переключение и торможение в процессе решения инсайтных задач*

А. Д. Савинова, С. Ю. Коровкин, И. Н. Макаров, Ю. А. Падалка
(Ярославль, Москва)

Данная работа посвящена изучению роли управляющих функций рабочей памяти в решении инсайтных задач. Мы использовали модель, ко-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00801-а.

торая разделяет управляющие функции на три отдельные подфункции: обновление, переключение и торможение. В ходе эксперимента испытуемые решали инсайтные задачи с доступным и ограниченным набором действий, а также выполняли задания-зонды, направленные на загрузку одной из управляющих функций. Работа носила поисковый характер, но мы ожидали получить результаты о специфической связи инсайтного решения и одной из функций управления. Однако в ходе исследования не было получено однозначных свидетельств в пользу данного представления.

Связь рабочей памяти и инсайтных задач часто рассматривается в современных когнитивных исследованиях (Korovkin et al., 2018). Согласно А. Бэддели, рабочая память делится на подчиненные системы – блоки, отвечающие за хранение и переработку зрительной и слуховой информации, а также ее связывание с данными из долговременного хранилища; и центральный исполнитель – управляющая система, ответственная за планирование, прогнозирование и контроль ситуации (Baddeley, 2000). А. Мияке с соавт. считают, что управляющая система включает три функции, которые связаны друг с другом, но не сводимы одна к другой (Miyake et al., 2000):

- *Обновление и мониторинг рабочей памяти.* Осуществляется мониторинг и кодирование входящей информации для актуальной поставленной задачи, чтобы затем заменить уже нерелевантную информацию на новую, более актуальную.
- *Переключение между заданиями.* Позволяет отказываться от неактуальной задачи и активно включаться в актуальную. Эта же функция, вероятно, противостоит негативному праймингу и активной интерференции.
- *Торможение доминантных или преобладающих реакций.* В данной теории ингибция происходит сознательно против доминантных, автоматических реакций.

В данной работе нас интересует влияние управляющей системы на процесс решения инсайтных задач. Мы предполагаем, что взаимодействие задачи и управляющих функций происходит в виде конкуренции за единый ресурс, т. е. если в задаче активно задействована какая-либо управляющая функция, то дополнительная нагрузка на данную функцию приведет к затруднениям, ошибкам и более долгому времени реакции. Основная задача данной работы – понять, какая из управляющих функций оказывает наибольшее влияние на решение инсайтных задач.

Метод

В эксперименте приняли участие 32 человека (14 женщин, 18 мужчин) в возрасте от 17 до 48 лет ($M = 24,3$, $SD = 5,7$). Испытуемые решали инсайтные задачи и одновременно выполняли дополнительные задания. Использовались две модификации инсайтных задач (Ash, Wiley, 2006): а) инсайтные задачи с доступными действиями (ДД) — это задачи с расширенными условиями, которые «подталкивают» испытуемого к дополнительным расчетам, что увеличивает время поиска решения в неверной инициальной репрезентации, оттягивая момент попадания в тупик; б) инсайтные задачи с ограниченными действиями (ОД), устроенные прямо противоположным образом: после полного прочтения задачи решатель практически сразу оказывается в тупике, отказываясь от инициальной репрезентации. Были использованы 24 вербальные задачи, по 12 задач каждого вида. Каждая задача ДД имела свой аналог задачи ОД.

Одновременно с решением задач испытуемые выполняли второстепенное задание в виде зонда. Каждое задание-зонд направлено на загрузку одной из управляющих функций из модели А. Мияке с соавт. (Miyake et al., 2000). Это было сделано, чтобы проверить, какая из функций оказывает наибольшее влияние на процесс решения задач.

В качестве зонда на обновление мы использовали n-back task. Испытуемому в случайном порядке предъявлялись три типа геометрических фигур. Если фигура повторяла предыдущую, то необходимо было нажимать на клавиатуре стрелку вправо, а если фигуры различались, то стрелку влево. Мы использовали глобально-локальную задачу для загрузки функции переключения. Испытуемый получал 4 типа фигур: квадрат, составленный из кругов; квадрат, составленный из квадратов; круг, составленный из кругов; круг, составленный из квадратов. Фигуры были двух цветов — черного или синего. Если фигура была синего цвета, необходимо было обращать внимание на большую фигуру, а не на составляющие ее малые фигуры. При этом если фигурой был квадрат, то нужно нажимать на левую стрелку, а если круг — на правую. Если цвет менялся на черный, то реагировать нужно было на маленькие фигуры. Для загрузки функции торможения мы использовали тест Струпа. Испытуемому предъявлялись слова «красный», «желтый», «зеленый», «синий», написанные одним из упомянутых цветов. Для унификации с другими заданиями испытуемый нажимал стрелку влево, если слова были окрашены в синий или зеленый цвета, и стрелку вправо, если слова были окрашены в красный или желтый цвета.

В начале эксперимента испытуемому предъявлялись тренировочные задания для запоминания выполнения зондов: зонд на обновление, зонд на переключение, зонд на торможение. Порядок предъявления зондов закреплен, каждая тренировка содержала 50 стимулов.

Результаты

Мы сравнили среднее время реакции в тренировочных заданиях, чтобы узнать, были ли предложенные задания идентичными. Оказалось, что задания-зонды отличаются друг от друга, $F(1,3; 38,9) = 80,84$, $p < 0,001$, $\eta_p^2 = 0,723$. Самая сложная тренировка – переключение, отличающаяся по среднему времени реакции от обновления, $t(31) = 8,74$, $p < 0,001$, $r = 0,703$; и торможения, $t(31) = 9,44$, $p < 0,001$, $r = 0,703$. Обновление и торможение не отличаются друг от друга, $t(31) = 0,11$, $p = 0,915$. Время решения задач ОД и ДД значимо отличается: задачи ДД решаются дольше, $F(1; 15) = 7,35$, $p = 0,013$, $\eta_p^2 = 0,346$. Разница во времени решения не зависит от типа задания-зонда, с которым выполнялась основная задача. Среднее время реакции не отличается по типам задач при выполнении различных зондов, $t(31) = 1,28$, $p = 0,209$; но зонды значимо отличаются друг от друга, $F(1,6; 24,4) = 8,95$, $p = 0,002$, $\eta_p^2 = 0,374$. Наиболее сложный зонд – переключение.

Обсуждение

Полученные данные показали, что зонд на переключение сложнее других зондов как во время одиночного выполнения (тренировка), так и в условиях двойной задачи. Разница между зондами может быть обусловлена как минимум двумя причинами: 1) зонды не полностью уравнены между собой, была выбрана не оптимальная сложность зонда для переключения; 2) переключение является более требовательной управляющей функцией, которой необходимо больше ресурсов рабочей памяти. Это может быть обусловлено тем, что переключение содержит в себе не только переход от одного типа реакции к другой, но и оттормаживание предыдущей реакции, постоянное обновление информации из долговременной памяти для восстановления правила реагирования, т. е. переключение может включать в себя торможение и обновление, а не быть независимой функцией, как предполагали А. Мияке с соавт. (Miyake et al., 2000).

Типы инсайтных задач отличались только по времени решения: задачи с доступными действиями решались дольше, чем с ограниченными. Это соотносится с нашими представлениями, так как задачи с доступными действиями имеют более продолжительную стадию поиска в неверной репрезентации. Среднее время реакции по дан-

ным типам задач не отличалось, а различия между зондами были обусловлены только сложностью зонда на переключение. Мы не смогли получить свидетельств о специфическом взаимодействии разных управляющих функций с типами инсайтных задач. Подобный результат может быть связан с различными факторами: а) необходимо использовать более тонкую метрику, а не только измерение среднего времени реакции; б) на процесс решения инсайтных задач большее влияние оказывает не тип управляющей функции, а общая сложность выполняемых одновременно заданий; в) представления о трех связанных, но одновременно отличающихся управляющих функциях неверно, процессы управления осуществляются единой структурой, без разделения на подфункции; г) представления о конкуренции за единый ресурс неверно, взаимодействие задачи и функций управления осуществляются иным образом, для изучения которого необходимо провести дополнительные исследования.

Литература

- Ash I. K., Wiley J.* The nature of restructuring in insight: An individual-differences approach // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2006. V. 13. № 1. P. 66–73.
- Baddeley A.* The episodic buffer: a new component of working memory? // *Trends in Cognitive Sciences*. 2000. V. 4. № 11. P. 417–423.
- Korovkin S., Vladimirov I., Chistopolskaya A., Savinova A.* How working memory provides representational change during insight problem solving // *Frontiers in Psychology*. 2018. V. 9. Article 1864. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01864.
- Miyake A., Friedman N. P., Emerson M. J., Witzki A. H., Howerter A., Wager T. D.* The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis // *Cognitive Psychology*. 2000. V. 41. № 1. P. 49–100.

Особенности когнитивно-стилевого профиля студентов в условиях двухуровневой подготовки специалистов

И. В. Савко (Минск, Белоруссия)

Целью данного исследования было изучение когнитивно-стилевого профиля студентов в условиях двухуровневой системы подготовки специалистов в Белоруссии. В исследовании приняли участие студенты 1–4-го курса и магистранты биологического и филологического факультетов БГУ, всего 190 человек в возрасте от 18 до 23 лет. Было выявлено, что на особенности когнитивно-стилевого профиля студентов

не влияют такие факторы, как курс обучения, возраст, пол, направление специальности. Также когнитивно-стилевые профили бакалавра и магистров не отличаются между собой, что свидетельствует о устойчивости когнитивного стиля. Особенность стилового профиля студентов заключается в том, что на обеих ступенях образования преобладающими являются полюса когнитивных стилей «полезависимость», «адаптер», «адаптер–инноватор».

Актуальным и значимым в психологических исследованиях является изучение когнитивных стилей. Несмотря на большой пласт наработок в данной области начиная с 1920-х годов, ценность и важность изучения когнитивных стилей не снижается, поскольку связана с их влиянием на общение, процессы восприятия, обучения, творчества, принятия решения и др. (Холодная, 2004).

Понятие «когнитивный стиль» имеет множество трактовок. В нашем исследовании мы будем использовать определение М. А. Холодной: «Когнитивные стили – индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего» (там же, с. 38).

Выбор диад когнитивных стилей для исследования проведен на основе параметров изученности и актуальности. Были подобраны две диады: «полезависимость–полнезависимость», «адаптер–инноватор». Мы полагаем, что учет когнитивных стилей в работе со студентами поможет оптимизировать процесс обучения, а также повысить уровень подготовки специалистов.

Система высшего образования в Белоруссии является двухуровневой: бакалавриат и магистратура. Мы предполагаем, что у студентов на разных ступенях получения высшего образования есть различия между полюсами когнитивных стилей, т. е. студенты будут иметь различные когнитивно-стилевые профили.

Целью данного исследования является изучение когнитивно-стилевого профиля студентов в условиях двухуровневой системы подготовки специалистов. В исследовании приняли участие студенты 1–4-го курсов биологического и филологического факультетов БГУ, а также магистранты биологического и филологического факультетов БГУ. Общее число испытуемых составило 190 человек в возрасте от 18 до 23 лет. Все испытуемые были разделены на группы по следующим критериям: пол (женский: $N_1 = 128$, мужской: $N_2 = 52$), возраст (18–20 лет: $N_1 = 102$, 21–23 лет: $N_2 = 88$), направление специальности (гуманитарное: $N_1 = 83$, естественно-научное: $N_2 = 107$), курс (1-й курс: $N_1 = 57$, 2-й курс: $N_2 = 37$, 3-й курс: $N_3 = 20$, 4-й курс: $N_4 = 38$)

и степень получения образования (бакалавры: $N_1 = 152$, магистранты: $N_2 = 38$).

Для проведения исследования использовались следующие методики:

- Методика «АКТ70» (К. У. Эттриха) для выявления когнитивного стиля «полезависимость–полenezависимость». Показатель: «индекс полезависимости–полenezависимости»: балл выше/ниже 2,5, согласно которому у испытуемого диагностируется полюс когнитивного стиля «полезависимость» или «полenezависимость».
- Тест «КАИМА» (М. В. Прохоровой) для выявления когнитивного стиля «адаптер–инноватор». Показатель: сумма баллов по тесту, переведенных в стены (Прохорова, 2013).

Обработка данных производилась с помощью программы SPSS v. 26. Для оценки различий между группами использовался U-критерий Манна–Уитни и H-критерий Краскела–Уоллиса.

Исходя из данных, полученных в ходе расчетов критериев Манна–Уитни и Краскела–Уоллиса, можно сделать вывод о том, что статистически значимых различий по заявленным параметрам (возраст, пол, направление специальности, курс и степень обучения) не выявлено ($p > 0,5$). Следовательно, полученные результаты позволяют нам сделать вывод о том, что на когнитивно-стилевой профиль студентов не влияют такие параметры, как курс обучения, возраст, пол, направление специальности, степень получения высшего образования.

Анализ процентного соотношения полюсов когнитивных стилей позволил нам более детально описать особенности когнитивно-стилевого профиля, дать характеристики определенных полюсов когнитивных стилей по данной выборке. Ввиду отсутствия различий между группами по заявленным ранее параметрам при рассмотрении процентного соотношения полюсов когнитивных стилей мы будем использовать всю выборку в целом.

После обработки методики «АКТ-70» получены следующие результаты: у 17 испытуемых, что составляет 9% от всей выборки, индекс выше 2,5, это свидетельствует о преобладании полюса «полenezависимость». У 173 испытуемых, что составляет 91% от всей выборки, индекс ниже 2,5. Это свидетельствует о преобладании полюса «полезависимость». Для данных испытуемых в большей степени характерна ориентация и развитость межличностных способностей, а эффективность обучения зависит от внешнего подкрепления (Холодная, 2004, с. 54–55).

При анализе данных методики «КАИМА» получены следующие результаты: 82 испытуемых, что составляет 43% от всей выборки, имеют 1–3 стеновых балла, что указывает на преобладание полюса когнитивного стиля «адаптер». У 100 испытуемых, что составляет 52% от всей выборки, результаты соответствуют 4–7 стеновым баллам, это свидетельствует о средних значениях и преобладании полюса «адаптер». У 8 испытуемых, что составляет 5% от всей выборки, по результатам исследования 8 стеновых баллов, это указывает на преобладание полюса когнитивного стиля «инноватор». Следовательно, преобладающими когнитивными стилями по данной выборке являются когнитивный полюс «адаптер», а также «адаптер–инноватор». Для испытуемых в данном случае характерно использование привычных способов деятельности, классический подход при рассмотрении проблемы, склонность к более частому использованию фиксированных форм поведения или ригидности, они в меньшей степени готовы проявить риск ради успеха, однако при необходимости способны проявить креативность, могут принимать разного рода инновационные идеи и способы действия с гарантией их надежности и безопасности.

Количественный и качественный анализ данных, полученных в исследовании, а также отсутствие различий между изучаемыми группами заставляет задуматься о возможной взаимосвязи между полюсами диад когнитивных стилей (Русалов, 2015).

Для решения данной задачи произведен расчет критерия ранговой корреляции Спирмена между полюсами диад когнитивных стилей, который позволил выявить отсутствие корреляционной связи между изучаемыми переменными ($r = 0,004$, $p < 0,05$). Значение коэффициента корреляции опровергает наше предположение о взаимосвязи между полюсами когнитивных стилей и свидетельствует о том, что возможен перекрестный характер связей между полюсами когнитивных стилей. Испытуемым с преобладанием полюса когнитивного стиля «адаптер» могут быть присущи в равной мере характеристики когнитивного стиля как «полезависимость», так и «полезависимость», в то же время испытуемым с преобладанием полюса когнитивного стиля «инноватор» в такой же степени могут быть присущи характеристики любого из полюсов диады когнитивного стиля «полезависимость–полезависимость».

Проводя подробный анализ полученных данных, можно сделать определенные выводы об особенностях когнитивно-стилевого профиля студентов:

На особенности когнитивно-стилевого профиля студентов не влияют такие факторы, как курс обучения, возраст, пол, направление специальности.

Когнитивно-стилевые профили бакалавра и магистров не отличаются между собой. Это свидетельствует о устойчивости когнитивного стиля.

Особенность стилового профиля заключается в том, что на обеих ступенях образования преобладающими являются полюса когнитивных стилей «полезависимость», «адаптер», «адаптер—инноватор». Это помогает нам понять особенности студентов и использовать полученные данные в ходе образовательного процесса.

Изучение когнитивно-стилевого профиля студентов любой специальности и ступени обучения помогает решить массу задач, направленных на повышение уровня подготовки специалистов, на подбор и применение наиболее эффективных средств, форм и методов обучения, на решение организационных вопросов эффективного подбора и формирование микрогрупп студентов, что позволит добиться наибольшей слаженности работы и продуктивности деятельности при решении задач, требующих нестандартного подхода, принятия новых идей и разработки стратегий по их апробации и внедрению.

Литература

- Прохорова М. В.* Бизнес-планирование деятельности психолога. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013.
- Русалов В. М., Волкова Е. В.* Личностно-когнитивные стили и их связь с темпераментом и характером человека в период ранней юности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 32—41.
- Холодная М. А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.

Использование дополнительных тестирований обучающихся по естественно-научным предметам для улучшения воспроизведения учебного материала*

О. Е. Сварник (Москва)

С целью оптимизации процесса обучения школьников и проверки известных закономерностей формирования структуры опыта в условиях реального учебного процесса мы изучали эффекты введения дополнительных тестирующих мероприятий в седьмых классах подмосковной

* Исследование проведено в рамках выполнения работ по договору Института психологии РАН и Фонда новых форм развития образования № РУОМ1019 от 28.10.2019.

школы. Дополнительные тестирующие мероприятия представляли собой ответы на два вопроса (общая длительность ответов не превышала двух минут) на планшетах, раздаваемых непосредственно перед началом уроков биологии или физики. Экспериментальная группа с дополнительными тестами показала более высокие результаты на финальных контрольных работах по сравнению с контрольным классом.

Извлечение знаний из памяти является существенной проблемой образования, потому что все виды заданий, выполняемых учащимися, всегда связаны с использованием памяти. Даже когда учебная цель сформулирована как понимание, она все равно имеет отношение к способности формировать такую структуру памяти, которой можно легко манипулировать во внутреннем мире и извлекать информацию. В настоящее время становится все более очевидным, что наша память не является стабильной структурой. И это понимание важно для организации любого образовательного процесса. Сразу после приобретения нового опыта или знания начинаются процессы консолидации, приводящие к возможности воспроизводить этот опыт или знания спустя какое-то время. Однако также известно, что любое воспроизведение материала из памяти, или реактивация, может приводить к кратковременной дестабилизации памяти, требующей последующей реконсолидации. Собственно, наша память представляет собой непрерывный процесс изменений, причем эти изменения конкретного элемента зависят от времени последней реактивации, или актуализации, именно этого элемента памяти. Наши исследования на нейронном уровне показывают, что за счет совпадения реактиваций элементы ранее сформированных навыков могут связываться с элементами вновь формируемых. Можно ожидать, что чем больше число реактиваций, тем более связанной становится структура опыта или знаний, а значит, и более доступной для воспроизведения.

Данные закономерности могут быть использованы для оптимизации процесса обучения. Так, например, в одном исследовании было показано, что использование регулярных тестирований студентов университета способствовало воспроизведению этой информации из памяти во время финального экзамена по курсу. Причем такое улучшение воспроизведения происходило только при использовании вопросов открытого типа (Greving, Richter, 2018). Известно, что в качестве таких реактивирующих память мероприятий могут быть использованы и дискуссии, как было показано в этом исследовании. Однако организация дискуссий – гораздо более сложный процесс,

чем организация тестирующих мероприятий. Эффект тестирования — это хорошо известное явление улучшения воспроизведения памяти (обнаруживаемое в конечных контрольных мероприятиях), происходящее благодаря многократным реактивациям нейронного субстрата памяти. В экспериментальных ситуациях со студентами было показано, что эффект тестирования наблюдается даже в тех случаях, когда во время теста можно использовать учебник, в то время как сами студенты предполагали, что дополнительное запоминание материала, а не тестирование, окажет большее влияние на их обучение (Agarwal et al., 2008). Также оказалось, что для эффекта тестирования не имеет значения, какое именно — явное (произнесение) или неявное — извлечение памяти происходит во время промежуточного тестирования (Sundqvist et al., 2017). В нашем исследовании мы хотели проверить будут ли способствовать промежуточные краткие тестирования обучающихся в седьмых классах улучшению воспроизведения материала естественно-научных предметов впоследствии. Выбор седьмых классов был обусловлен двумя причинами. Известно, что «эффект тестирования» (влияние введения промежуточных тестирующих мероприятий на последующую успешность воспроизведения усвоенного материала) у детей стабильно обнаруживается, начиная с возраста 10 лет, и именно в 7-х классах средней школы появляются естественно-научные предметы, имеющие межпредметные связи, требующие межпредметной интеграции и занимающие в расписании не менее двух часов в неделю.

В исследовании приняли участие два седьмых класса одной из школ Подмосковья. В каждом из этих классов доля одного пола была не ниже 35 процентов. Возраст обучающихся, участвовавших в исследовании, составлял от 12 до 15 лет (среднее значение — 13,46, медиана — 13). У обоих классов предмет «Физика» преподавался одним и тем же учителем. Никто из обучающихся не имел дополнительных занятий по предметам «Физика» и/или «Биология». И «Физика», и «Биология» стояли в расписании два раза в неделю. В течение трех недель обучающиеся проходили краткие тестирования по предмету «Биология» в начале урока физики и краткие тестирования по предмету «Физика» в начале урока биологии. Всего было четыре теста по биологии и четыре теста по физике. Каждый тест состоял из двух вопросов открытого типа. Например: «В физике допускается при измерении неточность, ее называют...» или «Класс Земноводные включает в себя животных, приспособленных к жизни на ...». Вопросы промежуточных тестирований предъявлялись школьникам на планшетах. Воспроизведение пройденного материала по физике

оценивалось с помощью контрольной работы, которая включала в себя все основные темы седьмого класса. Сопоставление проводилось между классом, который проходил дополнительные тестирования, и параллельным классом, который такие тестирования не проходил.

Оказалось, что процент обучающихся, которые продемонстрировали знания, различался по разным темам предмета «Физика». Процент семиклассников, освоивших тему «Измерения» выше в том случае, если они проходили через дополнительные тестирования, по сравнению с классом, обучающиеся которого такие тестирования не проходили. Причем тема «Измерения» осваивалась одной из первых еще в начале учебного года. Ближайшая к ней по времени освоения тема «Диффузия и плотность» по результатам, продемонстрированным в контрольной работе, выглядит противоположным образом: класс, проходивший дополнительные тестирования, продемонстрировал худшие результаты по сравнению с контрольным классом. В дополнительных тестированиях вопрос по теме «Измерения» встречался, а по теме «Диффузия и плотность» не встречался. Дополнительно мы сопоставляли общую успеваемость обучающихся данных классов: контрольного и экспериментального. Было установлено, что достоверных различий по общей успеваемости не наблюдается. Также успеваемость по предмету «Физика» у данных классов не различалась достоверно. Следовательно, полученные результаты можно объяснить только наличием ряда реактиваций материала в процессе дополнительных тестирований у экспериментального класса. Таким образом, получается, что введение дополнительных реактиваций памяти посредством дополнительных тестирующих мероприятий может приводить к улучшению воспроизведения реактивируемого материала, приобретение которого происходило несколько месяцев назад. При этом подобного эффекта не отмечается для тех тем, освоение которых происходило относительно недавно.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что введение в школах подобного рода промежуточных регулярных тестирований может приводить к улучшению воспроизведения материала в финальных контрольных мероприятиях. При этом сами тесты могут состоять всего из двух вопросов, ответы на которые не занимают более двух минут от урока.

Литература

- Agarwal P. K., Karpicke J. D., Kang S. H. K., Roediger H. L., McDermott K. B.* Examining the testing effect with open- and closed-book tests // *Applied Cognitive Psychology*. 2008. V. 22. P. 861–876.

Greving S., Richter T. Examining the Testing Effect in University Teaching: Retrievability and Question Format Matter // *Frontiers in Psychology*. 2018. V. 9. P. 2412. doi: 10.3389/fpsyg.2018.02412.

Sundqvist M. L., Mäntylä T., Jönsson F. U. Assessing boundary conditions of the testing effect: on the relative efficacy of covert vs overt retrieval // *Frontiers in Psychology*. 2017. V. 8. P. 1018. doi: 10.3389/fpsyg.2017.01018.

Динамика психофизиологических показателей (диаметр зрачка, КГР, ритм сердца) и оценка достоверности сообщаемой информации

Е. И. Селезнева (Нижний Новгород)

В статье рассматриваются актуальные представления по проблеме детектирования лжи методом айтрекинга, а также результаты эмпирического исследования, проведенного с целью изучения особенностей динамики комплекса психофизиологических показателей при сообщении заведомо ложной информации. Предполагалось, что сообщение заведомо ложной информации приводит к значимому увеличению диаметра зрачка, усилению кожно-гальванической реакции, а также уменьшению длительности RR-интервалов. В исследовании приняли участие 30 человек (4 мужчин и 26 женщин) в возрасте от 20 до 59 лет – учащиеся и работники вуза. В основу работы был положен лабораторный эксперимент с имитацией кражи, в ходе которого применялись такие методы регистрации психофизиологических данных, как айтрекинг, измерение кожно-гальванической реакции (КГР), а также событийно-связанная телеметрия ритма сердца для изучения их комплексного потенциала в отражении вегетативного обеспечения процесса сознательного сокрытия информации. Установлено, что значимыми индикаторами лжи можно считать уменьшение длительности RR-интервалов и усиление КГР в релевантном контексте, а также снижение показателей КГР в контексте контрольного типа.

На сегодняшний день нет единого представления об исчерпывающем наборе информативных маркеров лжи, а также о комплексе методов для их диагностики и процедуре тестирования. Так, например, исследователи Университета Юты (Cook et al., 2012) установили в серии экспериментов, что ложь требует больше когнитивных усилий, чем правдивый ответ, вследствие этого скрывающий что-либо человек, вероятнее всего, будет иметь увеличенный диаметр зрачков, а также медленнее читать вопросы и отвечать на них и реже моргать

при чтении инкриминирующих заявлений. Также показана возможность выявления факта сокрытия родного языка с использованием айтрекинга (Demareva et al., 2020).

Принципиальная возможность успешного применения технологии айтрекинга для детекции правды/лжи была доказана методом множественных сравнений зрительных образов (Огнев, Лихачева, 2015). Причастность к группе лжецов обнаруживалась в избирательном внимании (повышенное внимание, или игнорирование) к изображениям предметов манипуляции, в то время как сообщающие правду испытуемые равномерно распределяли время просмотра между всеми визуальными стимулами. Точность выявления причастности испытуемого к одной из групп составила более 90%.

По результатам исследований, проводимых Следственным комитетом России (Жбанкова, Гусев, 2018), было установлено, что сведения, полученные на полиграфе и айтрекере при кадровых обследованиях, совпадают на 80,1% в зависимости от тематики скрываемой информации (злоупотребление алкоголем, употребление наркотиков, совершение уголовно-наказуемых действий и т. д.).

Корейскими исследователями (Lee, Lee, 2018) в серии экспериментов было установлено, что диаметр зрачка значительно расширен и проводимость кожи значительно увеличена при ответах «виновной» группы на вопросы, связанные с «преступлением». Кроме того, интегральный показатель (индекс), представленный в виде ROC-кривой индекса зрачка и данных полиграфа, компенсирует низкий детекционный потенциал дыхания и частоты сердечных сокращений, который упал ниже уровня значимости.

В своем исследовании мы основывались на общей логике корейского исследования. *Целью* нашей работы стало изучение особенностей динамики комплекса психофизиологических показателей при сообщении заведомо ложной информации. *Гипотеза* исследования: сообщение заведомо ложной информации приводит к значимому увеличению диаметра зрачка, усилению кожно-гальванической реакции, а также уменьшению длительности RR-интервалов.

В исследовании приняли участие 30 человек (4 мужчин и 26 женщин) в возрасте от 20 до 59 лет. Испытуемые проживают в разных регионах европейской части России и являются студентами 1–5 курсов (бакалавриата, магистратуры, специалитета и аспирантуры), преподавателями и административными сотрудниками нескольких факультетов Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Национальный исследовательский университет).

В рамках данного исследования, апробирующего корейский эксперимент, выборка испытуемых случайным образом делится на две равные группы – условно «виновных» и «невиновных». «Виновным» участникам необходимо совершить «кражу» 5-тысячной купюры из учебника по физики, после чего не признаваться в содеянном экспериментатору.

Дизайн стимульного материала во многом повторяет схему контрольного тестирования на полиграфе, согласно которой предъявляемые респонденту вопросы подразделяются на нейтральные (*Сейчас 2021 год?*), контрольные (*Вы когда-нибудь лгали с целью избежать проблем?*) и значимые/релевантные (*Вы брали деньги из учебника по физике?*).

Процедура тестирования представляет собой синхронную запись психофизиологических показателей на фоне аудиального трехсерийного предъявления вопросов в строго указанном порядке с шагом в 15 секунд.

Регистрация данных выполнялась тремя технологиями: айтрекингом (SMI Eye Tracking Glasses – ETG), датчиком КГР и событийно-связанной телеметрией ритма сердца.

Обработка и анализ данных осуществлялись в программах Microsoft Excel 2013 и Statistica v. 10 методами Z-Score с целью нивелирования индивидуальных физиологических особенностей испытуемых и приведения данных к сопоставимому виду методом многофакторного дисперсионного анализа для исследования влияния группы факторов на потенциально зависимую переменную, а также методом дискриминантного анализа для обоснованного принятия решения о наборе переменных, разграничивающих (дискриминирующих) с высокой точностью выборку испытуемых.

По результатам лабораторного эксперимента было установлено, что в группе «виновных», вопреки ожиданиям, не наблюдается значимого ($p=0,48$) увеличения диаметра зрачка в релевантном контексте, в то время как в группе «невиновных», как и предполагалось, предъявление вопросов контрольного типа приводит к значимому ($p=0,03$) увеличению данного показателя.

Анализ изменений кожно-гальванической реакции показал, что в группе «виновных» значимое ($p=0,000$) усиление процесса потоотделения наблюдается в релевантном контексте. Аналогичные изменения ($p=0,000$) в группе сообщающих правду регистрируются при сообщении вопросов контрольного типа.

К значимому ($p=0,000$) снижению показателей RR-интервалов в группе «виновных» приводят вопросы, напрямую связанные с фак-

том кражи, а в группе «невиновных» – вопросы, оказывающие моральное давление на респондентов (контрольные вопросы).

Дискриминантный анализ определил лжецов с точностью до 91% по более низким значениям RR-интервалов и более высоким показателям КГР в релевантном контексте, а также более низким значениям КГР в контексте контрольного типа.

Полученные в ходе эмпирического исследования результаты, позволяющие оценивать достоверность сообщаемой информации, объясняются возможной активацией симпатической нервной системы при необходимости сообщать заведомо ложную информацию.

Выводы

На основе лабораторного эксперимента была проведена апробация технологии айтрекинга в сочетании с событийно-связанной телеметрией ритма сердца и регистрацией кожно-гальванической реакции (КГР) для оценки достоверности сообщаемой информации.

Выдвинутые гипотезы подтверждены частично, значимых различий в показателях диаметра зрачка в группе лжецов между контрольным и релевантным контекстом не обнаружено.

Значимыми (с точностью 91%) индикаторами лжи можно считать уменьшение длительности RR-интервалов и усиление кожно-гальванической реакции (КГР) в релевантном контексте, а также снижение показателей кожно-гальванической реакции (КГР) в контексте контрольного типа.

Литература

- Жбанкова О. В., Гусев В. Б.* Применение айтрекинга в практике профессионального отбора кадров // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 1. С. 156–165.
- Огнев А. С., Лихачева Э. В.* Валидность айтрекинга как инструмента психодиагностики // Успехи современного естествознания. 2015. № 1 (8). С. 1311–1314.
- Cook A. E. et al.* Lyin' Eyes: Ocular-motor measures of reading reveal deception // Experimental Psychology. 2012. № 18 (3). P. 301–313.
- Demareva V., Edeleva Y.* Eye-Tracking based l2 detection: universal and specific eye movement patterns in l1 and l2 reading // Procedia – Computer Science. Postproceedings of the 10th Annual International Conference on Biologically Inspired Cognitive Architectures, BICA 2019. 2020. С. 673–676.
- Lee E. J., Lee J. H.* Increase of lie detection accuracy through integrated measurement of pupil dilation and polygraph // International Journal of Psychophysiology. 2018. Т. 131. P. S124 – S125.

Образ Я и самоотношение у лиц с разной ценностной ориентацией

А. А. Семенков (Москва)

Целью данного исследования является анализ научных исследований, изучающих проблему самооценки и образа Я на философском и психологическом уровне, а также эмпирическая проверка гипотез о взаимосвязи образа Я, самоотношения и ценностных ориентаций личности. Мы предположили, что у лиц с направленностью на ценность самоосознания выше самопринятие и шире образ Я. Выборка состояла из 50 человек (средний возраст – 30,78 лет, 15 мужчин и 35 женщин). Были использованы методики М. Куна «Кто Я?», тест-опросник самоотношения В. В. Столина и С. Р. Пантилеева и методика СЖО Д. А. Леонтьева. Гипотезы подтвердились частично: самоотношение находится во взаимосвязи с ценностями субъекта и образом Я, но для получения более точных результатов необходимо проводить дальнейшие исследования.

Человек на протяжении многих лет задавался и продолжает задаваться вопросами относительно собственной природы. Ответ на этот фундаментальный вопрос позволяет отвечающему оказаться в условном месте некоторого переживания, которое в различающихся друг от друга традициях приобретает разные оттенки. Нас, в первую очередь, интересует явление, которое предстает в сознании человека как Я. В индуистской традиции при рассуждении о Я выдвигается идея Атмана – это «Абсолютный субъект, никогда не могущий стать объектом...» (Торчинов, 2019, с. 259). В соответствии с буддистской традицией личность состоит из пяти групп психофизических элементов и само Я является лишь именем, лишним представлением. В западной культуре Я – это концепция, включающая физический образ, идентичность и дифференцирующий «образ-Я» (Столин, 1983), или Я предстает как «Я-объект» – познаваемое (физическое, социальное, духовное, самооценка) и «Я-субъект» – чистое Я – познающее (У. Джемс).

Мы предположили, что существует взаимосвязь между базовыми ценностями, особенностями образа Я и самоотношения у взрослых респондентов. У лиц с направленностью на ценность самоосознания выше самопринятие и шире образ Я. Самоосознание – это условное состояние, при котором человек осознает себя в максимально доступном для его индивидуального развития контексте. Мы думаем, что индивид, который соотносит себя с определенными ценност-

ными ориентирами или идеями, использует соответствующие выражения в своем самоописании. Для решения поставленных задач мы использовали методику М. Куна «Кто Я?», тест-опросник самоотношения В. В. Столина и С. Р. Панталева и Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева.

Выборка состоит из 50 человек: 15 мужчин и 35 женщин разных профессий в возрасте от 21 до 47 лет, средний возраст – 30,78 лет. Из 50 респондентов 32 имеют высшее образование, 11 имеют неоконченное высшее образование и 7 человек со средним специальным образованием. Исследование проводилось с использованием интернет-технологий на базе платформы Google-forms: участники проходили по интернет-ссылке и отвечали на вопросы.

Методика М. Куна «Кто Я?», предназначенная для изучения содержательных характеристик идентичности личности. Теоретической основой методики служат концепции социальных ролей и ролевого поведения. Представления о себе как носители некоторой роли находят свое отражение в самоописаниях испытуемых. В то же время личности свойственно рефлексировать и свои психологические характеристики, свое место не только в социальном мире, но и в мире в целом. Поэтому методика охватывает не только ролевые аспекты, но и все сферы представлений человека о своей личности и ее ядре – Я. Респондентам предлагалось в течение 12 минут дать некоторое количество ответов на вопрос «Кто я такой?», а затем оценить каждый свой ответ как позитивный (+), негативный (–) или неоднозначный (\pm).

Далее определяются количественные (общее число ответов, количество положительных, отрицательных и неоднозначных оценок) и качественные (содержание ролевых и метафорических определений Я) характеристики.

Для оценки такой базовой характеристики человека, как самоотношение, была использована методика В. В. Столина и С. Р. Панталева. В. В. Столин рассматривал самосознание как совокупность психических процессов, которые направлены в сторону Я субъекта и благодаря которым личность выделяет себя из окружающего мира и утверждает свою сущность. С. Р. Панталева, разрабатывая идеи В. В. Столина, рассматривал самоотношение как иерархически-динамическую систему. В методике заложено различие между содержанием образа Я и самоотношения, которое реализуется через шкалы: 1 – Самоуверенность; 2 – Отношение других; 3 – Самопринятие; 4 – Саморуководство, Самопоследовательность; 5 – Самообвинение; 6 – Самоинтерес; 7 – Самопонимание + шкала S (глобальное

самоотношение) — измеряет интегральное чувство «за» или «против» собственно Я испытуемого. Шкала I — Самоуважение — Глобальное самоотношение, Шкала II — Аутосимпатия, Шкала III — Ожидаемое отношение от других, Шкала IV — Самоинтерес.

Для выявления базовых ориентаций субъекта мы используем тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, который разработан на основе стремления к смыслу и идеям логотерапии В. Франкла. Показатели теста включают общий показатель осмысленности жизни (ОЖ), а также пять субшкал, отражающих три конкретные смысложизненные ориентации и два аспекта локуса контроля: 1) Цели в жизни; 2) Процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни; 3) Результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией; 4) «Локус контроля — Я (Я — хозяин жизни)»; 5) Локус контроля — жизнь, или управляемость жизнью; 6) Общий уровень осмысленности.

Результаты

При рассмотрении количества ответов по методике Куна мы обнаружили, что 14 респондентов дали максимальное количество ответов — 20, 15 респондентов дали минимальное количество ответов — $N \leq 7$ (при разбиении на квартили). При сравнении результатов этих двух групп с помощью U-критерия Манна–Уитни мы обнаружили значимые различия по следующим шкалам: образование, глобальное самоотношение, самоуважение, аутосимпатия, самоуверенность, самопринятие, самопонимание и общая осмысленность. Что позволяет сделать вывод о широте образа Я у лиц с ценностью самосознания: респонденты, которые дали больше ответов, обладают высоким уровнем самопринятия. Также данные показатели позволяют говорить о том, что большее количество ответов по соответствующей шкале, было получено в результате осмысленной активности респондента, а не случайно.

Проанализировав содержание определений Я, мы обнаружили, что основные формы самоописания — это роли и метафоры. Роли присутствуют у всех респондентов, но только 19 человек (38% из всей выборки) использовали в собственном самоописании ответы-метафоры. Количество же ответов свидетельствует об уровне рефлексии. Самые частые ответы — «я человек» и гендерная принадлежность. Факт употребления метафор интересует нас, поскольку приближает к возможности вести разговор о ценностной ориентации. Метафоры используются, когда человек исчерпывает возможность самовыразиться через ролевые, гендерные и прочие характеристики.

Применив коэффициент корреляции Спирмена, мы обнаружили положительные значимые корреляции шкал методики Столина–Пантилеева (Аутосимпатия, Самопонимание, Глобальное самоотношение, Самоуважение, Самопринятие и др.) с количеством ответов и количеством положительных оценок своих ответов по методике «Кто Я?».

Применяя r Спирмена, мы обнаружили положительные значимые корреляции количества «+» по методике «Кто Я?» со шкалами теста-опросника самоотношения и СЖО. Количество же ответов («Кто Я?») имеет положительную значимую корреляцию со всеми шкалами СЖО. И главным является то, что мы выделили ответы-метафоры («Кто Я?») и обнаружили интересующие нас значения со шкалами Самопринятие и Аутосимпатия.

Наша гипотеза: у лиц с направленностью на ценность самоосознания выше самопринятие и шире образ Я. В качестве базовых ценностей мы взяли шкалы методики СЖО. Далее нам нужны маркеры, которые могли бы указать на ценностную ориентацию человека. По методике М. Куна «Кто Я?», мы выделяем количество ответов и их качество (метафоры, роли и т. д.). Метафоры (38% из всей выборки) указывают на определенную ценность, выражением которой является осознание себя в более широком контексте. Мы обнаружили положительные корреляции количества ответов со шкалами: Глобальное самоотношение, Аутосимпатия, Самоуважение, Самопринятие и др. Ответы-метафоры коррелируют со шкалами Самопринятие и Аутосимпатия.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что существует отношение между базовыми ценностями индивида и его образом Я. Самоотношение находится во взаимосвязи с ценностями субъекта. Также мы можем говорить о тенденции: люди с ценностью самоосознания, обладают более высоким уровнем самопринятия. Для получения более точных результатов необходимы дальнейшие исследования. Анализ сферы ценностей субъекта следует проводить более точными методами.

Литература

- Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1983.
- Торчинов Е. А. Путь запредельного: Религии мира. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Пальмира, 2019.

Нейросетевое моделирование структуры стратегий совладающего поведения в контексте школьной успеваемости*

Я. И. Синовская (Москва)

В статье приводятся результаты нейросетевого моделирования структуры стратегий совладающего поведения в контексте школьной успеваемости (суммарный средний балл по всем предметам, выставленный в электронном дневнике школьника). Участники исследования: 158 старших подростков в возрасте 15–18 лет. Методики: данные электронного школьного журнала; опросник «Способы совладающего поведения» (адаптация Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, 2007). Результаты: нейросетевая модель, которая с точностью 79,82% описывает/предсказывает показатели продуктивности школьной интеллектуальной деятельности в старшем подростковом возрасте, где переменными выступают стратегии совладающего поведения. Данная модель описывает превалирование положительного переосмысления проблемной ситуации за счет рассмотрения ее как возможности для личностного роста по сравнению с попытками преодоления негативных переживаний за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее.

Подростковый возраст является одним из критических этапов онтогенетического развития человека, сопряженным с разрушением прежних и формированием новых способов взаимодействия с окружающим миром. Изменения происходят в эмоциональной, интеллектуальной, физической и мн. др. сферах, и именно этим фактом и особой сензитивностью данного возрастного периода аргументируется актуальность изучения системы стратегий совладающего поведения в контексте интеллектуальной (учебной) успеваемости.

Гипотеза исследования: существуют различия в использовании копинг-стратегий поведения в трудной жизненной ситуации у учащихся подросткового возраста с разным уровнем школьной успеваемости.

Предмет исследования – нейросетевая структура стратегий совладающего поведения в контексте школьной успеваемости старших подростков; *объект исследования* – старшие подростки, у которых формируются стратегии совладающего поведения, обучающиеся в старших классах школы.

* Статья подготовлена по Госзаданию на НИР ИП РАН № 0159-2019-0008, Институт психологии РАН.

Методики исследования:

1. Электронный журнал успеваемости школьников.
2. Опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус, С. Фолкман, 1988, адаптация Т.Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, 2007).

Выборка: в исследовании приняло участие 158 старших подростков в возрасте 15–18 лет.

Результаты исследования

В ходе построения нейросетевых моделей показателей стратегий совладающего поведения было выделено 12 моделей, из которых была выбрана одна – MLP 133-9-3, производительность обучения которой составила 79,82, тестовая производительность – 86,96, контрольная – 78,26.

При рассмотрении анализа чувствительности выбранной модели был установлен факт: первое и второе место по значимости в построенной модели занимает показатель стратегий совладающего поведения «положительная переоценка» и «бегство-избегание» (1,27), третье место принадлежит стратегии «самоконтроль» (1,21), третье и четвертое – стратегия «принятие ответственности и «конфронтационный» копинг (1,20), далее – «поиск социальной поддержки» (1,19), затем следует стратегия «планирование решения проблемы» (1,12), а замыкает эту последовательность копинг-стратегия «дистанцирование» (1,07).

Соответственно был сделан вывод о том, что построенная модель описывает превалирование положительного переосмысления проблемной ситуации за счет рассмотрения ее как возможности для личностного роста по сравнению попытками преодоления негативных переживаний в связи с проблемой за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее, для которой характерно использование интеллектуальных приемов рационализации, переключения внимания, отстранения, юмора, обесценивания. В целом же установлена сетевая структура, состоящая как из активных (например, планирование), так и пассивных (например, избегание) копингов

Построенная модель продемонстрировала значимость учета при изучении школьных учебных достижений (высокой успеваемости по предметам) не только высокоорганизованных метакогнитивных способностей, связанных с планированием, самоорганизацией, ответственностью и др., но и таких стратегий совладающего поведения, которые больше ориентированы на регуляцию эмоциональной (непроизвольной, энергетической) компоненты интеллектуальной деятельности.

Литература

Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.

Взаимосвязь толерантности к неопределенности и проактивного копинга у студентов

И. Ю. Скрынникова (Москва)

В данной статье рассматриваются особенности отношения к неопределенности у студентов, а также их взаимосвязь со стратегиями проактивного копинга. Цель работы состоит в изучении особенностей выбора стратегий проактивного копинга у студентов и соотнесение их с уровнем отношения к неопределенности. Гипотеза исследования: существует значимая прямая взаимосвязь между уровнями ТН/ИТН и выбором стратегий проактивного копинга у студентов. В выборку вошли 105 студентов (средний возраст — 19 лет; 23% мужчин). В исследовании были использованы следующие методики: «Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера» (в адаптации Т. В. Корниловой); «Опросник проактивного копинга» (в адаптации Е. П. Белинской). В результате исследования было выявлено, что студенты с разным уровнем ТН и ИТН склонны выбирать разные стратегии проактивного совладания. Результаты показали, что высокие показатели ИТН связаны с планированием и рефлексивным копингом.

Толерантность к неопределенности (ТН) и интолерантность к неопределенности (ИТН) выступают психологическими конструктами, которые могут объяснять поведение людей в различных ситуациях, в том числе связанных со стрессом. В данном исследовании ТН и ИТН будут рассматриваться, согласно диспозиционной концепции, в качестве независимых друг от друга личностных черт. В ситуации возможных будущих трудностей человек смотрит на происходящее со стороны временной перспективы, ориентируясь на будущее.

Исследование направлено на изучение особенностей выбора стратегий проактивного копинга у студентов и соотнесение их с уровнем отношения к неопределенности. В ходе исследования проверялось предположение о существовании значимых различий в выборе проактивных копинг-стратегий у студентов с разным уровнем ТН

и ИТН, а также о взаимосвязи между уровнями ТН/ИТН и выбором стратегий проактивного копинга у студентов.

Данное исследование было проведено в дистанционном формате с помощью Google-forms.

Выборка: 105 студентов (23% – мужского пола) различных специальностей в возрасте от 17 до 31 года (средний возраст – 19,5; Std= 1,755) из разных вузов РФ. Большая часть выборки обучается на гуманитарных направлениях.

В качестве методик были выбраны: «Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера» (Корнилова, Чумакова, 2014) для определения уровня ТН и ИТН у респондентов; «Опросник проактивного копинга» (Greenglass, Schwarzer Taubert, 1999, в адаптации Е. П. Белинской – Белинская, Вечерин, Агадуллина, 2018) – для оценки частоты использования проактивного совладающего поведения и определения его специфики. Методы математической статистики: описательная статистика; критерий Манна–Уитни; коэффициент корреляции r Спирмэна.

В результате оказалось, что студенты с разным уровнем ТН и ИТН склонны выбирать разные стратегии проактивного совладания. Молодые люди с высокими показателями ИТН (интолерантность к неопределенности) прибегают к поиску поддержки со стороны (эмоциональной и инструментальной), а также выстраивают план своих действий на ближайшее будущее («Планирование»). Можно сказать, что студенты с высоким уровнем ИТН нуждаются в помощи со стороны, причем им нужна не только социальная поддержка в моральном плане, но и помощь советом и делом. Интолерантные студенты нетерпимо относятся к неопределенному будущему и не могут справиться со стрессом в одиночку.

Студенты же с высоким уровнем ТН (толерантность к неопределенности) чаще используют стратегию «Проактивный копинг», т. е. они заранее подготавливают свои ресурсы для разрешения возможных трудных ситуаций в будущем. Молодые люди с высокими показателями ТН более ориентированы на будущее, более проактивны, а также готовы к разрешению стрессовой ситуации в будущем. Они не боятся будущих затруднительных ситуаций, готовы вступить в борьбу с ними.

Корреляционный анализ позволил выявить, что уровни ТН/ИТН и специфика проактивного копинга у студентов взаимосвязаны: с увеличением показателя ТН увеличивается частота использования стратегий «Проактивный копинг» ($r=0,286$) и «Превентивный

копинг» ($r=0,249$). Высокие показатели ИТН положительно коррелируют со стратегиями «Рефлексивный копинг» ($r=0,192$) и «Планирование» ($r=0,366$).

Таким образом, толерантные студенты выбирают ориентированные на будущее стратегии, т. е. они позитивно оценивают возможные в будущем затруднительные ситуации. Высокий показатель ТН свидетельствует о том, что человек способен накапливать ресурсы для совладания с предстоящим стрессом и более легко и осознанно подходить к возникновению трудных ситуаций в будущем.

Обнаружено, что студенты с высоким уровнем ИТН более склонны планировать свою жизнь, так как они не терпят неопределенности. Также для них более характерен рефлексивный копинг, направленный на поиск разных вариантов поведения и оценку накопленных для совладания с предстоящим стрессом ресурсов. Такие студенты могут выбрать нужную стратегию поведения из некоторого количества вариантов, а также оценить, смогут ли они справиться с будущей ситуацией или не смогут.

Практическая значимость разработки данной темы состоит в том, что на основе исследований можно будет создавать различные профилактические программы в области психического здоровья.

Литература

Белинская Е. П., Вечерин А. В., Агадуллина Е. Р. Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 192–211.

Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 92–110.

Анализ эмпатических способностей при развитии суеверности и стереотипии

Е. В. Соловьева (Ярославль)

Статья посвящена изменениям эмпатических способностей при росте компонента антидемократической подверженности личности. Цель нашего исследования заключалась в продолжении изучения конструктивной и деструктивной роли эмпатии при формировании стереотипии и суеверности мышления у студентов. Было предположение, что эмпатия

тия разрушает антидемократические установки, но она была опровергнута. С помощью методик В. В. Бойко на эмпатические способности и Т. Адорно и его коллег «Шкала фашизма» был установлен достоверный рост отдельных параметров эмпатии при увеличении суеверности и стереотипии мышления у студентов.

Постановка проблемы исследования

Эмпатия часто представляется в работах отечественных и зарубежных психологов как синоним сочувствия, сопереживания. Это и профессионально важное качество психолога, и важный элемент «гибких навыков». Часто высказывается мнение, что эмпатию необходимо развивать. Если эмпатия так важна, может ли развитие эмпатических способностей привести к пониманию изменчивости социального мира, к толерантности к другим установкам, взглядам, к гибкости мышления?

В настоящее время существуют тенденции к увеличению категорического мышления, что может вести к стереотипии и ригидности мышления, его «окостенению», отсутствию гибкости. «Склонность к перенесению ответственности за поступки на внешние неподконтрольные человеку инстанции» может проявляться в период пандемии как сильного внешнего фактора. Отсутствие контроля над течением заражаемости в обществе приводит к склонности к мистификации и уходу в религию, склонности к суевериям (Николаев, 1998).

Иррациональные начала личности являются фундаментом роста структуры подверженности антидемократии (Райх, 2004). Это часто неосознаваемые, бесконтрольные влечения (З. Фрейд), комплексы (К. Юнг), которые складываются в архитектуру приверженности фашизму.

Цель и гипотеза исследования

Необходимо найти ингибитор, который разобщает структуру авторитарной личности. Было предположено, что таким фактором снижения фашизации личности является эмпатия, но эта гипотеза была опровергнута (Смирнов, Соловьева, 2021).

Организация процедуры и методы исследования

Для диагностики эмпатии была выбрана методика В. В. Бойко «Диагностика уровня эмпатических способностей» (Бойко, 1996).

Для выявления признаков авторитарной личности была использована методика Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсона, Р. Сэнфорд «Шкала фашизма» (Николаев, 1998).

В качестве испытуемых выступили студенты первого курса (в общем количестве 125 человек).

В целях изучения выраженности параметров эмпатии общая выборка была разделена на три группы, выделенных на основании показателей суеверности и стереотипии (Е): 19 человек низкого, 84 человека среднего и 22 человека высокого уровня.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате статистической обработки были получены следующие значимые различия групп для U-критерия Манна–Уитни. Чем выше стереотипия, тем выше параметры эмпатии.

При сравнении низкого и среднего уровней суеверности и стереотипии (далее – Е) были обнаружены значимые различия по таким параметрам эмпатии, как Интуитивный канал эмпатии ($p < 0,01$) и Установки, способствующие эмпатии ($p < 0,05$).

При сравнении среднего и высокого уровня Е – одно значимое различие групп: увеличение Интуитивного канала эмпатии ($p < 0,01$).

При сравнении низкого и высокого уровня Е – два значимых различия групп: рост Эмоционального ($p < 0,05$) и Интуитивного ($p < 0,001$) каналов эмпатии.

В. Г. Николаев описывает компонент Е следующим образом: «Вера во внешние (мистические или фантастические) детерминанты индивидуальной судьбы; склонность к суевериям; ригидность мышления; нетерпимость к неопределенности; предрасположенность к примитивным и упрощенным интерпретациям человеческого мира» (Николаев, 1998).

Установленные результаты подтверждают найденную закономерность о деструктивном влиянии иррационального в эмпатии (Смирнов, Соловьева, 2021). Эмпатию часто описывают как структурный феномен, состоящий из множества параметров (Бойко, 1996). Можно предположить, что интуитивное познание, эмоциональное понимание – это менее осознанные структуры, которые слабее поддаются контролю. Низкоуровневые каналы в эмпатии являются субстратом, который предрасполагает личность к упрощению реальности. Интуитивный и эмоциональный каналы эмпатии являются неосознанными в структуре личности, и их базовое расположение в нижележащих уровнях бессознательного сказывается на увеличении суеверности, мистификации мышления. В. Райх пишет, что природа фашизма именно в подсознании: «В чистом виде фашизм представляет собой совокупность всех иррациональных характерологических реакций обычного человека» (Райх, 2004). Следовательно, и эм-

патия как проявление иррациональных установок тоже способствует увеличению фашизма.

Выводы

Представленные результаты демонстрируют рост параметров эмпатии при выраженности суеверности и стереотипии. А именно низкоуровневых параметров: интуитивного и эмоционального каналов эмпатии. Их бессознательная природа, трудноосуществимый контроль и экспликация («развертывание» процесса) превращают их в катализаторы антидемократической подверженности личности. Для снижения деструктивного воздействия этих параметров эмпатии, необходимо развивать высокоуровневые процессы в эмпатическом взаимодействии, повышать осознанность и контроль в акте эмпатии.

Литература

- Бойко В. В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1996.
- Райх В.* Психология масс и фашизм. М.: АСТ, 2004.
- Смирнов А. А., Соловьева Е. В.* Структура антидемократической подверженности при уровнях общей эмпатии студентов // Ярославский психологический вестник. 2021. № 1 (49). С. 8–47.
- Николаев В. Г.* Личность авторитарная. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. СПб.: Университетская книга—Алетейя, 1998.

Представление учащейся молодежи о духовном здоровье

У. Ю. Соломатина (Москва)

Посвящается памяти М. И. Воловиковой

Целью исследования стало изучение обыденных представлений о духовном здоровье. Предполагалось, что подавляющее количество ответов респондентов будет связано со светской характеристикой предмета. В исследовании приняли участие 105 человек – студенты философского и политологического факультетов ГАУГН. В качестве методики использовалось письменное интервью на заданную тему.

Научно-технический прогресс, помимо направленности на улучшение жизни людей, несет с собой ряд отрицательных тенденций.

Незаменимое общение родителя и ребенка сводится к минимуму, компьютерные технологии берут на себя роль обучающего механизма, рабочая деятельность переходит в режим онлайн. Становится очевидна тенденция замены гуманистических ценностей на технические, сфера духовного нивелируется, обесценивается с точки зрения социальной значимости. Также налицо умышленное искажение морально-нравственных норм, подмена традиционных ценностей, задевающих, в первую очередь, институт семьи, пропаганда принципа потребления и утверждение философии прагматизма.

Особую опасность подобная ситуация представляет для молодежи. Это обусловлено тем, что часть молодежи имеет клиповое сознание. В силу возрастных особенностей молодым людям сложно составить понимание о нравственных ценностях.

Самоопределение — это возможность и способность выбора, осмысление своих ресурсов, целей, задач и интересов. И «наиболее активно личностное самоопределение в различных жизненно важных сферах начинается в старшем школьном возрасте и продолжается в период ранней зрелости... В это время складывается система устойчивых взглядов на мир и свое место в нем, осуществляется выбор жизненного пути, что в целом составляет основу направленности личности, ее ценностных ориентаций» (Журавлева, 2014, с. 171).

Современная ситуация такова, что для выбора не остается места в бесконечном потоке контента, течение которого надо успевать отслеживать. «Люди изменяют свои приоритеты в ценностных ориентациях, адаптируясь к новой социальной среде» (там же, с. 172). Существует опасность, что сформируется целое поколение, не способное к дифференциации допустимого и недопустимого, пустых и одиноких людей, без внутренних ценностных ориентиров.

Видимо, поэтому в настоящее время в российском обществе в очередной раз проявился интерес к проблеме духовности. Однако само понятие далеко не однозначно не только на бытовом, но и на научном уровне. Несмотря на многообразие подходов, утвердились в основном два понимания духовности: в узком смысле духовность определяется как категория религиозного сознания, в широком — как имеющая отношение к умственной деятельности, области духа (Михалец, 2011). Относительно первой точки зрения можно сказать, что такого понимания уже недостаточно: большая часть общества, прежде всего молодежь, — это светская ее часть, мало связанная с религией.

Целью нашего исследования было изучение обыденных представлений о духовном здоровье среди учащейся молодежи. Причина ис-

следования именно обыденных представлений заключается в том, что обыденные, ненаучные представления находятся в основании восприятия действительности, они упорядочивают знания человека и отвечают за регуляцию его поведения. К тому же, как утверждала М. И. Воловикова, рассуждая о событиях и явлениях окружающего мира, люди пользуются понятиями; житейские, обыденные понятия, которыми оперируют в повседневной жизни, конкретны, а научные понятия стремятся к обобщениям (Воловикова, 2012). Предполагалось, что для современной молодежи понимание термина «духовное здоровье» будет носить нерелигиозный, светский характер.

Характеристика выборки

В качестве респондентов мы привлекали к исследованию студентов философского и политологического факультетов ГАУГН (105 человек — 53 мужчины и 52 женщины), средний возраст — 19 лет.

Методика

Задачей респондентов было ответить в письменной форме на вопросы интервью: «Что такое духовное здоровье? Кто такой духовно здоровый человек? Много ли в нашем обществе духовно здоровых людей?»

Посредством качественного и частотного анализа ответов мы выделили дескрипторы и сформировали основные смысловые группы понятий, наиболее часто встречающиеся для описания духовного здоровья, а также определили, в позитивном или негативном свете респонденты видят состояние духовного здоровья современного российского общества.

Результаты

Нами были выделены 207 дескрипторов (100%), отражающих семантическое содержание — понимание предмета духовного здоровья опрошенными респондентами. Все дескрипторы были распределены по 9 смысловым группам. Самой объемной стала группа «Равновесие» (31%), в нее вошли такие понятия, как адекватность, баланс, гармония, спокойствие, стабильность, умиротворение, уравновешенность, целостность, гибкость восприятия и т. п.

В группу «Направленность на себя» (29,5%) вошли такие понятия, как комфорт, внутренняя энергия, творчество, развитие, забота о себе, самопринятие, образованность, рефлексия, самостоятельность, преодоление трудностей, уверенность, удовлетворенность, целеустремленность, самореализация, самосовершенствование, наполненность и т. п.

Группа «Морально-этические нормы» (9,17%) объединяет понятия морали и нравственности, следование этическим нормам и т. д.

Группа «Осознанность и осмысленность жизни» составляет 8,21%.

Равна ей в процентном отношении группа «Направленность на других» (8,21%), куда вошло социальное взаимодействие, любовь, эмпатия, созидание, возможность влиять на мир, энергия делиться с другими, доброта, бескорыстие и диалог.

6,28% респондентов духовное здоровье определяют как «Ментальное здоровье» (психологическое здоровье, психическое здоровье, а также единство психологического и психического здоровья).

Как «Позитивное мировосприятие» предмет исследования понимает 3,86% опрошенных. А как «Свободу» — 1,93%. Такой же процент составляет понимание духовного здоровья как «Религиозного понятия» (вера в Бога, видение собственных грехов и т. д.).

В результате исследования выяснилось, что из 100% респондентов лишь 18% считают, что в нашем обществе духовно здоровых людей большинство, 59% считают, что таких людей крайне мало (22% воздержалось от ответа).

Интерпретация результатов

Поскольку 1,9% опрошенных понимают термин «духовное здоровье» через призму религиозности, предположение, что подавляющее большинство не связывает категорию духовности и духовного здоровья с религиозной направленностью, подтвердилось.

То, что в большинстве своем смысловое содержание термина «духовное здоровье» раскрывается классическими темами равновесия или направленности на себя, ожидаемо. Также ожидаемо и раскрытие этого термина посредством обращения к морально-этическим нормам, пусть они и составляют меньший процент. Однако ни гармония, ни целеустремленность, самопознание или самосовершенствование невозможно без диалогического общения, т. е. без направленности вовне, на других, со-бытие. Так, Т. А. Флоренская считает, что формирование духовности должно идти опосредованно, в большом количестве связей и отношений, в разнообразной деятельности, в формах духовного общения (Флоренская, 2001).

Литература

Воловикова М. И. Житейские представления о порядочном человеке. М.: РООИ «Реабилитация»—Канон+, 2012.

Журавлева Н. А. Актуальные тенденции в ценностных ориентациях молодежи в современном российском обществе // Психологическое

здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 171–191.

Михалец И. В. Психология духовности как компонента духовно-нравственных отношений личности в системе образования // Актуальные проблемы эффективной модернизации образования в России / Под ред. В. В. Сохранова. Пенза: ПДЗ, 2011. С. 142–153.

Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии: Наука о душе. М.: Владос, 2001.

Групповой тренинг как средство реабилитации пациентов с синдромом неглекта

Г. К. Степанов, М. С. Ковязина (Москва)

В статье рассматривается эффективность разработанного авторами реабилитационного тренинга, направленного на повышение адаптации у пациентов с синдромом неглекта к повседневным условиям. Статистический анализ полученных после прохождения тренинга результатов демонстрирует тенденцию к улучшению показателей зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта. Помимо специфических эффектов тренинга, отмечено наличие неспецифических.

Синдром неглекта является уникальным психоневрологическим феноменом, проявляющимся в неспособности реагировать на раздражители, локализованные на противоположной пораженному полушарию стороне пространства.

В настоящее время со стороны исследователей повышается интерес к проблеме реабилитации пациентов с синдромом неглекта. Одним из нелекарственных путей реабилитационного процесса является реабилитационный тренинг. Его цель состоит в первоначальном осознании пациентом с когнитивными нарушениями собственного дефекта, адаптации к условиям повседневной жизни и адекватном функционировании в ней.

Проблема нейропсихологической реабилитации пациентов с синдромом неглекта в основном рассматривалась в рамках зарубежного подхода (Ben-Yishay et al., 1985; Niemeier, 1998; и др.).

Цель нашего исследования заключается в разработке и дальнейшей реализации реабилитационного тренинга, направленного

на возможное изменение динамики зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта.

Мы предполагаем, что разработанный нами реабилитационный тренинг улучшает показатели зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта, тем самым минимизируя проявление левостороннего игнорирования.

В исследовании использовались следующие методы:

1. Метод нейропсихологической диагностики с применением следующих диагностических методик: «батарея тестов А. Р. Лурии»; Trail Making Test и Bells Test; авторская методика «Пазлы» на констатирующем и контрольном этапах исследования.
2. Количественный и качественный анализ результатов эмпирического исследования; методы статистической обработки (U-критерий Манна–Уитни, непараметрический T-критерий Вилкоксона для связанных групп).

Эмпирическая часть исследования проходила на базе ФГБУ «Национальный медико-хирургический центр имени Н. И. Пирогова» (г. Москва) в отделении медицинской реабилитации. В нем приняли участие 47 пациентов с неврологическими нарушениями различной этиологии и локализацией очага поражения в области правого полушария головного мозга в возрасте от 36 до 80 лет (медиана – 58 лет) (I этап) и 5 пациентов с синдромом неглекта в возрасте от 37 до 64 лет (медиана – 58 лет) (II этап). Набор пациентов в выборку продолжается и в настоящее время.

Данное исследование проводилось в несколько этапов. На I этапе нами были выявлены особенности зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта с применением авторской диагностической методики «Пазлы». Чувствительность данной методики, наряду со специализированными зарубежными тестами Trail Making Test и Bells Test, при диагностике пациентов с синдромом неглекта была доказана с помощью применения U-критерия Манна–Уитни.

II этап включал разработку и реализацию реабилитационного тренинга, а также оценку его влияния на изменение динамики зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта. Реабилитационный тренинг состоял из четырех встреч с пациентами продолжительностью 45 минут каждая. Формат тренинга являлся индивидуально-групповым, что, в свою очередь обеспечило активное участие пациентов в занятиях.

Содержательно тренинг включал этап психообразования и ряд тренировочных заданий. В рамках этапа психообразования психо-

лог сообщал больным информацию о проявлениях синдрома неглекта, его классификации и механизмах возникновения.

Реабилитационные задания основывались на теории планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий П. Я. Гальперина (Гальперин, 2017) и стратегии «Маяк» (Niemeier, 1998). Образ маяка, с которым идентифицировал себя пациент, служил определенным вспомогательным психологическим средством для осознанного произвольного приспособления к собственному дефекту.

Вся стимульная ситуация, используемая в данном тренинге, направлена, прежде всего, на зрительную модальность и ориентирована на применение стратегии, впервые упомянутой Дж. Нимайером (Niemeier, 1998). В реабилитационный тренинг вошли задания на визуальное сканирование, на распознавание содержимого тарелки, игра «Лото», задание «Кроссворд», задание на сбор слова в обратном направлении, задание на поиск предметов по вербальной инструкции, задание «Поиск отличий», задание «Крестики–нолики», задание «Немые часы» и др. Большинство заданий имели социально-бытовой характер, приближенный к условиям повседневной жизни.

До и после проведения реабилитационного тренинга при выполнении авторской методики «Пазлы» у пациентов в качестве объективных показателей оценивались количество поворотов головы влево, общая зрительная активность пациента и время, затраченное на выполнение методики.

Сравнительный анализ результатов исследования до и после проведения тренинга с применением непараметрического Т-критерия Вилкоксона продемонстрировал тенденцию к улучшению показателей зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта. У всех пациентов, участвующих в цикле реабилитационных занятий, по результатам контрольной диагностики отмечались повышение зрительной активности и наличие результативности при выполнении методики «Пазлы».

Помимо специфических эффектов реабилитационного тренинга, сотрудниками ФГБУ «Национальный медико-хирургический центр им. Н. И. Пирогова» отмечались и неспецифические эффекты. Они заключались в повышении мотивации, склонности к оказанию пациентами помощи друг другу при работе в группе, лучшей готовности к индивидуальным нейропсихологическим занятиям, наличию эффекта сопричастности, выражающемся в позитивном эмоциональном настрое по отношению к участникам тренинга, и повышении активности на других реабилитационных занятиях.

В настоящее время исследование не завершено. Для улучшения результатов и выявления значимых статистических различий мы планируем увеличить выборку и в дальнейшем провести статистическую оценку влияния тренинга на показатели зрительно-пространственного поиска у пациентов с синдромом неглекта.

В исследование будут входить три группы испытуемых: одна экспериментальная и две контрольные. Экспериментальную группу составят пациенты с синдромом неглекта, прошедшие через воздействие специализированного реабилитационного тренинга. Первая контрольная группа будет включать пациентов с синдромом неглекта, испытавших воздействие неспециализированного тренинга, а вторая контрольная группа — пациентов с синдромом неглекта, его не испытавших.

Литература

- Гальперин П. Я.* Опыт изучения формирования умственных действий // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2017. № 4. С. 3–20.
- Ben-Yishay Y., Rattok J., Lakin P.* et al. Neuropsychological rehabilitation: Quest for a holistic approach // Seminars in Neurology. 1985. V. 5. № 3. P. 252–259.
- Niemeier J.* The Lighthouse Strategy: use of a visual imagery technique to treat visual inattention in stroke patients // Brain Injury. 1998. V. 12. № 5. P. 399–406.

Психофизиологические и психологические особенности подростка, связанные с эффективным поиском учебной информации в Интернете

Н. В. Сутормина (Санкт-Петербург)

Целью исследования было выявление психофизиологических и психологических характеристик подростков, влияющих на эффективность поиска учебной информации в Интернете. Гипотеза исследования: существуют взаимосвязи между психофизиологическими и психологическими показателями и характеристиками онлайн-поиска учебной информации. Участники выполнили взаимосвязанные задания по поиску информации в Интернете и давали оценку своим навыкам пользования сетью. Анализ проводился с использованием следующих методов: окулография, компьютерная оценка когнитивного контроля и рабочей памяти, тесты для оценки психологических характеристик обработки информации. В исследовании приняли участие 44 подрост-

ка (средний возраст — 13,7±1,9 года, 40,9% девочек). Были проведены факторный и множественный регрессионный анализы. Для статистической обработки данных использовали пакет программ IBM SPSS v. 22. Анализ данных показывает, что результат поиска учебной информации в Интернете выше у школьников, которые демонстрируют более низкую самооценку навыков использования компьютера, а также более высокий уровень рефлексивности и более часто возвращаются к инструкции по выполнению задания. Полнезависимость и обучение во время выполнения задания положительно связаны между собой.

Поиск учебной информации в Интернете стал для школьников рутинной задачей, но данных о психологических и психофизиологических параметрах, определяющих эффективность образовательного онлайн-поиска, недостаточно.

Цель исследования — выявление психофизиологических и психологических характеристик подростков, влияющих на эффективность поиска учебной информации в Интернете.

Гипотеза исследования: существуют взаимосвязи между психофизиологическими и психологическими показателями и характеристиками онлайн-поиска учебной информации.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 44 подростка (средний возраст — 13,7±1,9 года, 40,9% девочек). Были проведены факторный и множественный регрессионный анализы. Для статистической обработки данных использовали пакет программ IBM SPSS v. 22.

Исследование проводилось в условиях лаборатории. Участники исследования работали индивидуально, выполняя несколько взаимосвязанных учебных заданий, которые предполагали поиск информации в сети Интернет. Затем участники давали оценку своим навыкам пользования сетью.

После выполнения заданий были проведены психологические и психофизиологические методики. Для выявления психологических характеристик обработки информации использовались следующие тесты «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана (параметр «импульсивность/рефлексивность»), «Тест включенных фигур» К. Готтшальдта (параметр полнезависимость/полнезависимость) (Холодная, 2004).

В исследовании были использованы три психофизиологические методики. Для оценки параметров окулографии использовался айтрекер Gazepoint GP3 HD. Это дистанционный айтрекер, представ-

ляет собой блок, который располагается на подставке между испытуемым и монитором ноутбука. Оценивались разные параметры фиксации в области интереса (инструкция к заданиям).

Для оценки параметров рабочей памяти была использована компьютеризированная методика (Разумникова, Николаева, 2019), предназначенная для запоминания зрительных объектов, представленных на экране компьютера. Подсчитывалось число правильно воспроизведенных элементов в каждой серии и оценивалось соотношение числа воспроизведенных элементов в разных сериях.

Для оценки тормозного контроля использовали парадигму go/go and go/no-go. Этот вариант тестирования связан с выработкой определенной реакции, которую затем испытуемому запрещают выполнять. С этой целью была использована методика РеБОС (Николаева, Вергунов, 2017). Оценивалось среднее время реакций, число пропусков стимулов, число ошибок (реакция на запрещенный сигнал).

Результаты и их обсуждение

Был проведен факторный анализ. Один из факторов включал с отрицательным знаком переменную «Самооценка навыков использования компьютера», с положительным знаком – «Итоговый ответ в баллах», «Число повторных возвратов в область интереса (окулография)» и «Рефлексивность (тест Кагана)». Это единственный фактор, в который вошли результаты психологического тестирования, самооценка, данные окулографии и оценка тормозного контроля. Итоговый результат тем выше, чем ниже самооценка навыков использования компьютера, выше уровень рефлексивности и чаще происходит возврат к требованиям задания.

Следующий фактор объединил переменные с положительным знаком «Инсайт», «Число ошибок в серии go/no-go» и с отрицательным знаком «Полнезависимость». Переменная «Инсайт» определяет способность ориентироваться в потоке сигналов и чувствовать структуру этого потока. Данные свидетельствуют о том, что чем менее чувствителен испытуемый к структуре потока сигналов, тем более выражена его полнезависимость и тем ниже уровень тормозных процессов.

Затем был проведен множественный регрессионный анализ. При пошаговом регрессионном анализе в конце осталась лишь одна значимая переменная, влияющая на результат поиска в Интернете при выполнении учебного задания. Обнаружено влияние переменной «самооценка навыков использования компьютера». Только 13% изменений зависимой переменной связаны с изменениями в незави-

симой переменной. Таким образом, лучшие результаты поиска определялись низкой самооценкой навыков использования компьютера.

На следующем этапе была проведена множественная регрессия для оценки влияния психофизиологических характеристик и параметров окулографии на эффективность онлайн-поиска. Эти переменные не оказали значительного влияния на результат онлайн-поиска. Тем не менее, были получены отдельные взаимосвязи между переменными.

Были выявлены связи между психологической характеристикой «Полезнезависимость» и рабочей памятью. Оказалось, что независимая переменная «Обучение как результат воспроизведения» (характеристика рабочей памяти, которая показывает, что в процессе эксперимента испытуемый обучается) связана с зависимой переменной «Полезнезависимость». Независимая переменная объясняет 14,5% изменений зависимой переменной. Следовательно, полезнезависимые люди могут обучаться в процессе выполнения задачи. Возможно, что такой тип обучения обеспечивает людям возможность опираться в большей мере на собственные ощущения и видение мира.

Есть связь между поведением в процессе чтения инструкции в Интернете и психологическими особенностями. Так, число возвратов к уже прочитанному связано с самооценкой навыков использования компьютера в учебном процессе, т. е. чем выше ценит свои навыки использования компьютера испытуемый, тем меньше он возвращается к уже прочитанному. Следовательно, данная самооценка противоречит реально производимым показателям.

Важным результатом исследования является отсутствие прогнозируемой прочной связи между эффективностью онлайн-поиска в процессе выполнения учебного задания, с одной стороны, и психологическими и психофизиологическими характеристиками школьников, с другой. Поэтому мы полагаем, что эффективность онлайн-поиска, который учащиеся используют в учебной деятельности, можно успешно повысить, организовав специальное обучение вне зависимости от психологических или психофизиологических особенностей школьников. Такое обучение, по-видимому, должно быть направлено на повышение качества обработки инструкций и рефлексивности в процессе выполнения задания.

Выводы

Более высокий результат поиска учебной информации в Интернете связан с более низкой самооценкой навыков использования компьютера, более высоким уровнем рефлексивности и более частым

возвращением к требованиям к задаче. Полнезависимость испытуемого положительно связана с обучением в процессе выполнения задания. Таким образом, выявлены взаимосвязи между психофизиологическими и психологическими показателями и характеристиками онлайн-поиска учебной информации.

Литература

- Николаева Е. И., Вергунов Е. Г. Что такое «executive functions» и их развитие в онтогенезе // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 62–81.
- Разумникова О. М., Николаева Е. И. Возрастные особенности тормозного контроля и проактивная интерференция при запоминании зрительной информации // Вопросы психологии. 2019. № 2. С. 124–132.
- Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004.

Рабочая память как фактор, определяющий эмоциональную дифференцированность*

Е. А. Сучкова (Москва)

В работе представлена программа исследования, направленного на изучение роли рабочей памяти (РП) в разных методиках, оценивающих эмоциональную дифференцированность (ЭД). ЭД выражает дробность эмоционального опыта человека, степень различения человеком своих эмоций. Предполагается наличие трех компонентов ЭД: способность к ЭД, автоматизированность ЭД и мотивация. Существуют разные методики оценки ЭД. Предполагается, что вклад каждого из компонентов ЭД в результат каждой методики может отличаться. Также методики могут различаться по вкладу РП. В работе представлена программа исследования, а также обозначены основные ожидаемые результаты.

Введение

Эмоциональная дифференцированность (ЭД) выражает дробность эмоционального опыта человека, степень различения человеком своих эмоций (Barrett et al., 2001). Р. Томпсон с соавт. предполагают на-

* Исследование выполнено по Программе фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

личие трех компонентов, отвечающих за ЭД: способности к ЭД, автоматизированности ЭД и мотивации (Thompson, Springstein, Boden, 2021). Способность к ЭД отражает адаптивность выбранных стратегий регуляции эмоций и поведения человека. Автоматизированность ЭД показывает автоматизированность процесса дифференциации эмоций. Мотивация к ЭД определяет стремление человека дифференцировать свои эмоции. Особенно важную роль мотивация играет для людей, чья автоматизированность дифференциации имеет низкие значения.

В данный момент существует несколько методик, которые принято использовать для измерения ЭД. К ним относятся методика регулярных оценок (Erbas et al., 2014), методика «Эмоциональный дневник» (Barrett et al., 2001), задача с ситуациями (Boden et al., 2013), задача с изображениями (Erbas et al., 2014). В первой паре методик от испытуемого требуется на протяжении длительного времени регулярно оценивать свое эмоциональное состояние. Вторая пара методик может быть реализована в лаборатории, для оценки ЭД у испытуемого индуцируются эмоциональные состояния. Можно предположить, что участие в исследовании на протяжении недели и на протяжении одного часа – разные по трудоемкости задачи. Существуют данные отдельных исследований о связи между результатами методик, однако данные эти отрывочны.

Предполагается, что разные компоненты ЭД по-разному проявляют себя в методиках, так, например, мотивационный компонент может играть роль при применении методики регулярных оценок и методики «Эмоциональный дневник», в то время как в методиках с ситуациями и изображениями мотивация столь важной роли играть не будет. Рабочая память (РП) может лежать в основе ЭД, в особенности быть связанной с автоматизированностью. Такую связь можно предположить, так как автоматизированность ЭД можно считать ее когнитивным компонентом.

Проблема исследования состоит в том, что разные методики измеряют ЭД, не учитывая роли разных ее аспектов в каждой из задач. Таким образом, результаты проведения методик не могут быть сопоставимы друг с другом.

Цель исследования – выявить вклад мотивации и РП в результаты разных методик на ЭД.

Гипотезы исследования:

- 1) вклад РП в результаты разных методик будет отличаться; наибольший вклад РП ожидается для методики регулярных оценок;

- 2) мотивация будет играть большую роль в методике регулярных оценок, чем в задачах с ситуациями и изображениями.

Метод

Для достижения мощности 80% при размере эффекта $r=0,3$ выборка должна составить не менее 64 человек. Мы берем размер эффекта, соответствующий минимальному осмысленному значению коэффициента корреляции между результатами разных методик, измеряющих ЭД. Коэффициенты корреляции ниже 0,3 будут свидетельствовать о низкой связи между результатами методик, а следовательно, отрицать единство конструкта ЭД.

Испытуемым будет представлен набор методик. Для измерения ЭД будет использована методика регулярных оценок (experience sampling method – Erbas et al., 2014), задача с изображениями (PED-task – Erbas et al., 2014) и задача с ситуациями (scenario rating task – Boden et al., 2013). Для оценки РП будет использована задача на определение объема операций (operation span – Turner and Engle, 1989). Также планируется оценивать мотивацию к ЭД.

Методика регулярных оценок реализуется при помощи специального приложения M-RATN и состоит в том, что в течение 10 дней испытуемые будут оценивать свое эмоциональное состояние (Erbas et al., 2014). На протяжении исследования каждый день в случайные моменты времени интервала бодрствования испытуемому будет приходиться 7 уведомлений о необходимости пройти очередную оценку. Для оценки будет предложен список, состоящий из 6 положительных (радость, воодушевление, предвкушение, гордость, удовлетворение, веселье) и 6 отрицательных (грусть, раздражение, беспокойство, стыд, зависть, вина) слов. Испытуемый будет оценивать свое состояние при помощи 6-балльной Ликертовской шкалы, где 1 – очень слабо, а 6 – чрезвычайно сильно. Также предусмотрен выбор «не испытываю данную эмоцию».

Задача с ситуациями является альтернативной относительно методики регулярных оценок, к ее преимуществам относится возможность проведения в лабораторных условиях (Boden et al., 2013). Испытуемым дается набор из 20 гипотетических ситуаций. Требуется прочитать каждую из ситуаций, представить себя на месте героя и предположить, какие эмоции испытывал бы он находясь в такой ситуации. Для оценки предлагается список, состоящий из 6 положительных (веселье, восторг, гордость, предвкушение, радость, удовлетворение) и 6 отрицательных (беспокойство, вина, грусть, злость, страх, стыд) слов. Оценка происходит при помощи 7-балль-

ной Ликертовской шкалы, где 0 – совсем нет, а 6 – чрезвычайно сильно.

Задача с изображениями похожа на задачу с ситуациями, однако ее можно считать самой простой для испытуемых, так как оценивать свое состояние нужно, глядя на изображения (Erbas et al., 2014). Испытуемому дается набор изображений, вызывающих эмоции. Требуется оценить, какие эмоции и в какой степени вызывает у испытуемого каждое. Для оценки предлагается список, состоящий из 6 положительных (веселье, восторг, нежность, предвкушение, радость, спокойствие) и 6 отрицательных (вина, грусть, злость, страх, презрение, отвращение) слов. Оценка происходит при помощи 7-балльной Ликертовской шкалы, где 0 – совсем нет, а 6 – чрезвычайно сильно.

Задача на определение объема операций является вариацией классической версии (Turner and Engle, 1989). В задаче последовательно предъявляются слова, чередующиеся с простыми уравнениями. Испытуемому необходимо запоминать слова, которые предъявляются и параллельно отвечать, верно или не верно уравнение. Продолжительность пробы будет варьироваться от 1 до 5 пар слово – уравнение. В конце пробы от испытуемого требуется сообщить слова, которые ему были предъявлены.

Оценка мотивации будет представлять собой ответ на вопрос «Насколько в целом вы мотивированы дифференцировать свои эмоции?». Для оценки будет предложена 7-балльная Ликертовская шкала, где 0 – совсем нет, 6 – чрезвычайно сильно.

Планируемый анализ данных и ожидаемые результаты

Для расчета ЭД по каждой из методик будет применен коэффициент внутриклассовой корреляции (ИСС 3). Данный коэффициент показывает силу связи между проявлением эмоций. Основной анализ будет проводиться при помощи моделирования структурными уравнениями. Планируется выделить две латентных переменных – ЭД и РП. Ожидается, что вклад ЭД в результаты методики регулярных оценок – задачи с изображениями и задачи с ситуациями – будет выше, чем вклад РП. В то же время вклад РП в задачу на определение объема операций будет выше, чем вклад ЭД. Также ожидается связь в остатках для задачи с ситуациями и задачи с изображениями. Такая связь будет обнаружена по причине схожести задач по сложности и низкой важности мотивации для выполнения этих задач. Ожидается, что переменная мотивация будет играть роль модератора между результатами методики регулярных оценок и латентной переменной ЭД.

Литература

- Barrett L. F., Gross J., Christensen T. C., Benvenuto M.* Knowing what you're feeling and knowing what to do about it: Mapping the relation between emotion differentiation and emotion regulation // *Cognition and Emotion*. 2001. V. 15. № 6. P. 712–724. doi: 10.1080/02699930143000239.
- Boden M. T., Thompson R. J., Dizén M., Berenbaum H., and Baker J. P.* Are emotional clarity and emotion differentiation related? // *Cognition and Emotion*. 2013. V. 27. № 6. P. 961–978. doi: 10.1080/02699931.2012.751899.
- Erbas Y., Ceulemans E., Lee P. M., Koval P., Kuppens P.* Negative emotion differentiation: its personality and well-being correlates and a comparison of different assessment methods // *Cognition and Emotion*. 2014. V. 28. № 7. P. 1196–1213. doi: 10.1080/02699931.2013.875890.
- Thompson R., Springstein T., Boden M.* Gaining clarity about emotion differentiation // *Social and Personality Psychology Compass*. 2021. P. 1–14. doi: 10.1111/spc3.12584.
- Turner M., Engle R.* Is working memory capacity task dependent? // *Journal of Memory & Language*. 1989. V. 28. P. 127–154. doi: 10.1016/0749-596X(89)90040-5.

Предикторы «реальной субъектности» учебной группы

С. В. Тарасов, И. В. Ларионов (Москва)

Исследование посвящено проблеме детерминации свойств учебной группы как коллективного (группового) субъекта. Цель исследования – выявление признаков реальной субъектности учебной группы и факторов, ее обуславливающих. Предположение: выраженность изучаемого свойства обусловлена разным вкладом личностных и групповых социально-психологических характеристик. Выборка исследования – шесть учебных групп. Методы исследования: опросник «Типы групповой субъектности» (К. М. Гайдар), опросник «Суверенность психологического пространства – 2010» (С. К. Нартова-Бочавер), модифицированный вариант методики О. В. Лишина «Выявление мотивов участия учащихся в делах классного и общешкольного коллектива», опросник психологической атмосферы А. Ф. Фидлера. Показано, что основными предикторами уровня выраженности «реальной субъектности» учебной группы выступают психологическая атмосфера (групповой уровень) и суверенность психологического пространства личности (личностный уровень).

Исследование феномена «коллективный (групповой) субъект» на современном этапе социальной психологии связано с развити-

ем представлений о его свойствах. Анализ структуры и содержания феномена наиболее полно представлен в трудах А. Л. Журавлева, К. М. Гайдар, А. С. Чернышева, С. В. Сарычева и других исследователей (Гайдар, 2013; Журавлев, 2009; Чернышев, Сарычев, 2015; и др.). Так, А. Л. Журавлев выделяет три важнейших свойства (критерия) субъектности группы: взаимосвязанность и взаимозависимость членов группы, способность группы проявлять различные формы совместной активности и способность группы к саморефлексии (групповая рефлексивность) (Журавлев, 2009, с. 73–75). В рамках разрабатываемого нами интегративного подхода к исследованию коллективного субъекта вышеприведенный список свойств дополнили критерием «баланс индивидуального и группового субъекта» (см.: Чернышев, Сарычев, 2015), который изучался посредством выявления границ суверенности психологического пространства личности (см.: Нартова-Бочавер, 2014) в условиях учебной группы полузакрытого типа (см.: Дробышева, Тарасов, Войтенко, 2020; и др.). Тем не менее, вопрос о соотношении вклада групповых и личностных характеристик в развитие того или иного типа субъектности группы (независимо от степени свободы входа в группу и выхода из нее) до конца не изучен.

Выделенные А. Л. Журавлевым свойства субъектности группы легли в основу типологии, в которой тип определяется ведущим (наиболее выраженным) свойством группы. Речь идет о *потенциальной субъектности* (взаимосвязанность и взаимозависимость членов группы), *реальной субъектности* (многообразие форм совместной активности) и *рефлексирующей субъектности* (саморефлексия группы). *Предметом* нашего исследования выступила реальная субъектность группы. Для данного типа субъектности характерна совместная формулировка целей групповой деятельности, соблюдение групповых норм и ценностей, принятие совместных решений и их выполнение, что свидетельствует о самоорганизации и самоуправляемости группы (Гайдар, 2013). *Объектом* исследования выступили учебные группы с дополнительным компонентом в образовательной программе, направленным на профессиональную подготовку. Данные группы выполняли роль сравнения в исследовании полузакрытых учебных групп. Они отличались высокой степенью свободы входа и выхода из группы, но имели сходство по профессиональной направленности подготовки. Факторы пола и возраста как дополнительные переменные контролировались.

Целью исследования стало выявление признаков реальной субъектности учебной группы и факторов ее обуславливающих.

Гипотеза включала предположение, что личностные и групповые социально-психологические характеристики имеют разный вклад в уровень выраженности «реальной субъектности» группы.

Выборка и методы исследования

Выборка была представлена шестью реальными группами подростков в возрасте 15–19 лет, обучающихся на первом курсе московского колледжа бизнес-технологий (N = 20, N = 15, N = 12, N = 20, N = 12, N = 7).

В работе применяли следующие *методики*: опросник «Типы групповой субъектности» К. М. Гайдар (2013), опросник «Суверенность психологического пространства – 2010» С. К. Нартовой-Бочавер (2014), методику «Выявление мотивов участия учащихся в делах классного и общешкольного коллектива» (модифицированный вариант методики О. В. Лишина), Опросник психологической атмосферы (по А. Ф. Фидлеру).

Методы статистического анализа: частотный анализ, анализ различий для k-групп по критерию Н Краскела–Уоллиса, анализ различий для двух несвязанных выборок U Манна–Уитни, регрессионный анализ.

Результаты

На первом этапе работы осуществлялся анализ уровня выраженности признаков реальной субъектности в исследуемых группах. Результаты анализа показали, что группы статистически различаются по уровню реальной субъектности ($H = 18,013$; $p = 0,003$). Три группы имели низкий уровень и три – средний. В связи с этим всех участников распределили по двум группам – с низким (группа 1) и средним (группа 2) уровнем выраженности реальной субъектности.

На втором этапе выполнили регрессионный анализ с целью определения вклада независимых переменных (групповые и личностные социально-психологические характеристики) в зависимую (уровень выраженности «реальной субъектности» группы). Результаты показали, что 75% распределения «реальной субъектности» в первой группе зависит ($R = 0,871$, $R^2 = 0,758$, $F = 7,709$, $p = 000$) от ориентации на ценность любви ($\beta = 0,543$, $t = 3,384$, $p = 0,002$), суверенности привычек ($\beta = -0,438$, $t = -3,660$, $p = 0,001$), суверенности социальных связей ($\beta = -0,348$, $t = -2,828$, $p = 0,009$) и психологической атмосферы группы ($\beta = -0,357$, $t = -2,945$, $p = 0,007$). Таким образом, низкий уровень субъектности данной группы обусловлен недостаточно благоприятным уровнем психологической атмосферы, нарушением в группе временной организации жизни ее членов, ограничени-

ем права на выбор друзей и круга общения, а также высокой значимостью ценности любви. Независимыми переменными в модели второй группы ($R=0,879$, $R^2=0,772$, $F=5,272$, $p=000$) стали: мотив «общественно полезная деятельность» ($\beta=0,823$, $t=5,178$, $p=0,000$), суверенность привычек ($\beta=0,592$, $t=2,911$, $p=0,007$), суверенность ценностей ($\beta=0,66$, $t=3,53$, $p=0,001$), ценность познания ($\beta=0,394$, $t=2,981$, $p=0,006$) и показатели психологической атмосферы ($\beta=0,55$, $t=3,762$, $p=0,001$). Средний уровень выраженности «реальной субъектности» группы определяется благоприятной психологической атмосферой в ней, соблюдением временной организации жизни членов группы и свободой вкусов и мировоззрения (нормальный уровень суверенности привычек и ценностей), направленностью молодых людей на познание и участие в общественно полезной деятельности.

Итак, основными предикторами развития «реальной субъектности» учебной группы открытого типа выступают как групповые (психологическая атмосфера), так и личностные характеристики (показатели суверенности психологического пространства и ценностные ориентации). Иными словами, если в учебной группе благоприятная психологическая атмосфера и не нарушаются границы приватности, то высока вероятность, что данная группа способна к самоорганизации и самоуправляемости.

Заключение

Исследование показало, что действия практического психолога, работающего с учебной группой с низкими показателями самоорганизации и самоуправления, должны быть направлены на поддержание благоприятной психологической атмосферы в группе и профилактику суверенности психологического пространства ее членов. В развитии работы предполагается расширить спектр социально-психологических характеристик, которые могут выступать предикторами субъектности, провести сравнительный анализ открытых и полузакрытых учебных групп с целью выделения общих закономерностей развития субъектности группы.

Литература

- Гайдар К. М.* Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2013.
- Дробышева Т. В., Тарасов С. В., Войтенко М. Ю.* Факторы суверенности психологического пространства личности в учебных группах полузакрытого типа (на примере учащихся военного вуза) // Ученые записки Курск. гос. ун-та. 2020. № 4 (56). С. 307–317.

- Журавлев А. Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
- Нартова-Бочавер С. К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2014» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 105–119.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В. Социально-психологическая модель учебной группы как субъекта жизнедеятельности // Ученые записки Курск. гос. ун-та. 2015. № 2 (34). С. 189–198.

Об использовании информационно-коммуникационных технологий в психологической практике

П. С. Татти (Витебск, Белоруссия)

В данной статье представлены результаты исследования, демонстрирующего особенности использования специалистами-психологами информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в профессиональной деятельности. Преимущественному анализу подверглись социальные сети и возможность использования сети Интернет в профессиональной деятельности. Цель исследования: изучение возможности использования ИКТ в деятельности педагога-психолога. Исследование проводилось с привлечением 32 практикующих педагогов-психологов г. Витебска, среди которых 24 женщины и 8 мужчин. Средний возраст испытуемых – 27 лет. В качестве эмпирического метода использовалось анкетирование. Сравнительный анализ исследуемых показателей, а также оценка выявленных тенденций осуществлялись с помощью определения процентного соотношения. В ходе проведенного исследования было выявлено, что у специалистов в большинстве своем достаточный уровень умений и навыков, необходимых для использования современных ИКТ в профессиональной деятельности. Прослеживается явная заинтересованность в развитии сетевого диалогового взаимодействия между специалистами.

Переход к постиндустриальному обществу ознаменовал стремительное внедрение информационно-коммуникативных технологий во множество сфер человеческой жизнедеятельности. На современном этапе развития технологической сферы применения и преобразования информации способность использовать ИКТ во многом определяют успешность выполнения задач образования и воспитания обучающихся.

Значительный вклад в развитии и внедрении ИКТ внесли российские и зарубежные ученые: Г. Р. Громов, В. И. Гриценко, В. Ф. Шолохович, О. И. Агапова, О. А. Кривошеев, С. Пейперт, Г. Клейман и др. В нормативно-правовых актах Республики Беларусь используется такое определение: «Информационно-коммуникационные технологии – совокупность информационных технологий и технологий электросвязи, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, распространение, отображение и использование информации в интересах ее пользователей» (О некоторых вопросах..., 2011).

Практика проведения уроков с использованием ИКТ технологий показывает, что они имеют большее коррекционное и развивающее воздействие, чем обычные. Учащиеся на таких уроках более активно и охотно включаются в работу, заметно увеличивается время, в течение которого учащиеся готовы сосредоточенно и самостоятельно выполнять необходимые для усвоения темы задания.

Цель исследования: изучение возможности использования ИКТ в деятельности педагога-психолога.

Характеристика выборки: исследование проводилось с участием 32 практикующих педагогов-психологов г. Витебска, среди которых 24 женщины и 8 мужчин. Средний возраст испытуемых – 27 лет.

В качестве *эмпирического метода* использовалось анкетирование.

Математические методы, применявшиеся при анализе данных

Сравнительный анализ исследуемых показателей, а также оценка выявленных тенденций осуществлялись с помощью определения процентного соотношения.

Результаты и их интерпретация

Для проведения исследования была разработана анкета, состоящая из 20 вопросов открытого и закрытого типа. Анкета была реализована на базе площадки Google-формы, т. е. исследование полностью проводилось онлайн – результаты получены посредством сети Интернет без личного присутствия интервьюера.

Основная часть вопросов направлена на исследование сетевого взаимодействия как одного из составляющих ИКТ. Также в анкету были включены вопросы, предполагающие собственный вариант ответа.

В исследовании участвовали как педагоги-психологи учреждений образования, так и специалисты, занимающиеся частной практикой. Для распространения материала опросного листа была создана анкета, которая по своей сути является полноценной онлайн-стра-

ницей, но предоставляет достаточно широкий функционал для создания и редактирования опросных листов. Распространение материала происходило посредством отправки ссылки на онлайн-форму, необходимую для заполнения.

Как показало исследование, наиболее часто используемым техническим средством в нашем исследовании выступает смартфон (62,5%) ввиду явных преимуществ в виде мобильности, автономности и удобства использования. Данный показатель свидетельствует о том, что при разработке мобильных приложений, методических рекомендаций, инструкций, следует отталкиваться от того, что пользователи отдадут предпочтение, прежде всего, мобильным устройствам. Работая с документом, необходимо учитывать, что, скорее всего, сначала он будет открыт пользователем на мобильном устройстве и первое впечатление о нем будет получено именно в «мобильной версии», а затем уже в полноразмерной версии для персонального компьютера.

Считают возможным использование сети Интернет для реализации различных направлений в профессиональной деятельности 90,6% респондентов, не считают 9,4%. В настоящий момент значительная составляющая деятельности педагогов-психологов осуществляется через глобальную сеть.

При анализе ответов респондентов по вопросу методов работы психолога в сети Интернет получены следующие ответы. По мнению 71,9% респондентов возможно проведение консультаций, 59,4% – психодиагностики, 50% – обучение и профессиональное общение, 28,1% – организация межведомственного взаимодействия. На открытый вопрос были получены ответы о невозможности переноса методов работы психолога в сеть Интернет в 6,1% случаев. Других вариантов ответа получено не было.

По мнению респондентов, наиболее полные возможности для профессионального общения в сети Интернет предоставляют мессенджеры (65,8%), социальные сети (15,6%). В меньшей степени такие возможности дают интернет-форумы и специализированные сайты для учреждений образования (9,4%).

Анализ ответов респондентов, касающихся представления специалистов о важности участия педагогов-психологов в сетевом диалоговом общении с учащимися и их родителями, дал следующие результаты: 62,6% респондентов считают важным такого рода взаимодействие, 21,9% опрошенных не видят в этом необходимость, достаточно и личного общения, 15,6% респондентов испытывали трудности с ответом.

На похожий вопрос о важности участия психологов в сетевом диалоговом общении с коллегами были получены схожие результаты. Так, важным это считают 65,6% опрошенных, 25% – «за» личное общение с коллегами, не смогли ответить на этот вопрос 9,4%.

Проанализировав блок вопросов о необходимости сетевого диалогового общения с коллегами, обучающимися и их законными представителями, следует сказать, что более 60% респондентов считают важным такого рода взаимодействие.

Специалисты обозначили основные факторы, влияющие на успешность сетевого профессионального общения: компьютерная грамотность и знание общих правил ведения диалогового общения (65,6%), готовность человека идти на контакт (56,3%), возрастной фактор (40,6%). Как видно из исследования, самый высокий процент респондентов считает наиболее важным фактором навыки владения персональным компьютером и готовность идти на контакт.

Считают возможным повысить свой профессиональный уровень посредством сетевых сообществ 46,9% опрошенных, не считают возможным также 46,9%, не смогли ответить на этот вопрос 6,3% респондентов. В этом вопросе мнение респондентов разделились практически поровну, что достаточно странно ввиду того, что в совокупности с высоким процентом респондентов, осведомленных о наличии такого рода сообществ, только 46,9% считают возможным повысить свой профессиональный уровень. Возможно, это связано с низким образовательным уровнем сообществ, с которыми респонденты имели опыт общения.

На открытый вопрос о том, какие темы для общения в сетевом профессиональном сообществе были бы интересны респондентам, были получены следующие предложения: чаще всего предлагались темы семейной и социальной психологии, следующими по популярности выступают сетевые сообщества и межведомственное взаимодействие.

Выводы

В ходе проведенного исследования было выявлено, что у специалистов в большинстве достаточный уровень умений и навыков, необходимых для использования современных ИКТ в профессиональной деятельности. Прослеживается явная заинтересованность в развитии сетевого диалогового взаимодействия между специалистами. Данные, полученные в ходе пилотажного исследования, демонстрируют заинтересованность специалистов во внедрении ИКТ в профес-

сиональную деятельность. При этом развитие коммуникационной стороны ИКТ является приоритетным, что подтверждается как результатами проведенного исследования, так и личным опытом психолого-педагогической деятельности.

Литература

О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 8 ноября 2011 г., № 515 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2011. № 125. 1/13064.

Потенциал применения когнитивной нагрузки для детектирования лжи

Е. А. Тихомирова (Нижний Новгород)

В статье представлены результаты исследований, демонстрирующие высокий идентификационный потенциал новой технологии, позволяющей на основе влияния индуцированной когнитивной нагрузки на психофизиологические показатели достоверно дифференцировать правдивые и ложные ответы. Целью настоящего исследования являлось изучение возможности дифференциации влияния эмоционального возбуждения, неизменно сопровождающего процедуру тестирования, и когнитивной нагрузки на маркеры лжи, а также апробирование технологии Eye-Tracking в сочетании с событийно-связанной телеметрией ритма сердца в контексте детектирования лжи. Стержневым элементом работы является лабораторный эксперимент с моделированием имитационной кражи, в ходе которого регистрировались изменения диаметра зрачка (айтрекинг) и длительности RR-интервалов (событийно-связанная телеметрия ритма сердца) для проверки гипотезы о значимом увеличении диаметра зрачка и сокращении длительности RR-интервалов в когнитивном контексте у испытуемых, сообщающих ложь, в сравнении с нейтральным или эмоционально возбуждающим контекстами, а также с правдивыми испытуемыми. В исследовании приняли участие 30 человек – учащиеся и сотрудники вуза. Технология событийно-связанной телеметрии ритма сердца включена в исследование для изучения ее потенциала в отражении вегетативного обеспечения процесса сознательного сокрытия информации. Установлено, что лица, сообщающие заведомо ложную информацию, демонстрируют значимо ($p < 0,001$) более низкие значения RR-интервалов при когнитивной нагрузке в сравнении с аффектив-

ным и нейтральным контекстами внутри группы, а также в сравнении с правдивыми испытуемыми при межгрупповом анализе, что подтверждает возможность применения в области детектирования лжи технологии событийно-связанной телеметрии ритма сердца. Результаты исследования динамики изменений диаметра зрачка показали значимое ($p < 0,001$) сужение зрачка у лжецов под влиянием когнитивной нагрузки как в сравнении с эмоциональным и нейтральным контекстами, так и в сравнении с испытуемыми, сообщающими правду. Эти данные не согласуются с предыдущими исследованиями и требуют дальнейших уточнений.

На сегодняшний день существует ряд теорий, отмечающих, что ложь требует больших когнитивных усилий в сравнении с сообщением правды. Предполагается, что дополнительное индуцирование когнитивной нагрузки с помощью специально выстроенного интервью поможет лучше идентифицировать лжецов (Walczyk, 2013). Для оценки нового подхода в детектировании лжи чаще всего используется технология айтрекинга, основанная на регистрации и анализе параметров движений глаз.

Эксперименты с использованием айтрекинга показали, что выбор ложного ответа отражает процесс решения дополнительной мыслительной задачи, вследствие чего скрывающий что-либо человек, вероятнее всего, будет демонстрировать увеличенный диаметр зрачка, медленнее читать и отвечать на вопросы, а также реже моргать при чтении значимых вопросов (Cook et al., 2012). Однако следует учитывать, что свободное когнитивное интервью может вызывать у испытуемых не только когнитивную нагрузку, но и различные эмоциональные реакции (тревогу, чувство вины), влияющие на психофизиологические показатели. Таким образом, необходимо сравнить относительную силу эффекта когнитивной нагрузки и эмоционального возбуждения. С этой целью корейскими учеными Cho и Lee из Chung Ang University было проведено исследование, доказавшее, что когнитивная нагрузка в большей степени, чем эмоциональное возбуждение, влияет на изменение диаметра зрачка (Cho, Lee, 2018).

Еще одним перспективным методом для оценки достоверности сообщаемой информации может быть технология событийно-связанной телеметрии ритма сердца, обеспечивающая непрерывный мониторинг и анализ динамики вариабельности ритма сердца (ВРС) с учетом событийного контекста. Анализ динамики ВРС позволяет изучать, в частности, характер вегетативного ответа при работе с субъективно сложным учебным материалом (Demareva et al.,

2019). Так, например, с возрастанием уровня сложности когнитивной нагрузки снижается степень выраженности в динамике сердечного ритма вазомоторных компонентов, за счет чего снижается общая вариабельность сердечного ритма (McCraty, Shaffer, 2015). Можно предположить, что лица, сообщающие заведомо ложную или искаженную информацию, будут демонстрировать меньшие значения длительности RR-интервалов по причине более высокой когнитивной нагрузки. Таким образом, анализ ВРС может использоваться для изучения вегетативного обеспечения процесса сознательно сокрытия информации.

Данное исследование продолжает предшествующие (Cho, Lee, 2018) с целью изучения возможности дифференциации влияния эмоционального возбуждения, неизменно сопровождающего процедуру тестирования, и когнитивной нагрузки на маркеры лжи, а также апробирования технологии Eye-Tracking в сочетании с событийно-связанной телеметрией ритма сердца в контексте детектирования лжи.

Были выдвинуты *гипотезы* о значимом увеличении диаметра зрачка и сокращении RR-интервалов в когнитивном контексте у испытуемых, сообщающих ложь, в сравнении с нейтральным или эмоционально возбуждающим контекстами, а также с правдивыми испытуемыми.

Для проверки выдвинутых гипотез был проведен эксперимент с использованием портативного девайса SMI Eye-Tracker Glasses, обеспечивающего, в частности, регистрацию диаметра зрачка. Измерения ВРС производились с помощью специализированной сенсорной платформы – Bluetooth Heart Rate Monitor (HxM, Zephyr Technology), объединяющей микропроцессор, блок приема-передачи радиосигналов и маломощные миниатюрные датчики ЭКГ.

В проведенном эксперименте выборка испытуемых (4 мужчин и 26 женщин в возрасте от 20 до 59 лет) была случайным образом разделена на две равные группы. Каждому участнику первой группы (условно «невинной») было дано задание пойти в указанную аудиторию (первую комнату) и сделать ее снимок на мобильный телефон. Участники второй группы (условно «виновной») после выполнения того же действия совершали имитационную кражу. После подключения и настройки оборудования испытуемые отвечали на вопросы, образующие три блока: эмоционально-возбуждающие («Я слышала, что пропали деньги, они у вас?» и др.), вопросы с когнитивной нагрузкой («Пожалуйста, опишите происшедшее в первой комнате в хронологическом порядке» и др.) и нейтральные вопросы («Какая у вас специальность?» и др.).

Статистическая обработка результатов осуществлялась с применением многофакторного дисперсионного анализа для исследования влияния группы факторов, таких как принадлежность к группе «виновных»/«невиновных» и тип задаваемых вопросов, на зависимую переменную – диаметр зрачка и RR-интервалы.

Гипотеза исследования подтверждена лишь частично: группа «виновных» действительно демонстрирует значимо ($p < 0,001$) более малые значения RR-интервалов при когнитивных вопросах относительно «невиновной» группы и эмоционально значимых и нейтральных вопросов внутри группы, что указывает на пребывание в состоянии большего напряжения из-за необходимости конструировать ложь. Эти данные подтверждают возможность применения в области детектирования лжи технологии событийно-связанной телеметрии ритма сердца.

Однако вопреки гипотезе исследования в когнитивном контексте «виновные» участники продемонстрировали значимое ($p < 0,001$) снижение диаметра зрачка в сравнении с эмоциональным и нейтральным контекстами, в то время как у испытуемых, сообщающих правдивую информацию, напротив, обнаружилось значимое увеличение диаметра зрачка при когнитивных вопросах. Эти данные не согласуются с результатами предшествующих исследований и требуют проверки.

В дальнейшем планируется включение в программу исследования анализа динамических изменений электрической активности мозга – электроэнцефалографии (ЭЭГ) и когнитивных вызванных потенциалов (КВП), а также количественное и качественное увеличение выборки испытуемых.

Литература

- Cho B. A. A., Lee J. H. A.* Comparison of cognitive load and emotional arousal on liar's pupil diameter changes // *International Journal of Psychophysiology*. 2018. V. 131. P. S74.
- Cook A. E.* et al. Lyin' eyes: Ocular-motor measures of reading reveal deception // *Experimental Psychology*. 2012. № 18 (3). P. 301–313.
- Demareva V. A., Bovykina D. V., Edeleva Yu. A.* Autonomic factors of successful foreign language acquisition by students and schoolchildren // *Sovremennye tekhnologii v meditsine*. 2019. V. 11 (1). P. 177–183.
- McCraty R., Shaffer F.* Heart rate variability: New perspectives on physiological mechanisms, assessment of self-regulatory capacity and health risk // *Glob. Adv. Health Med*. 2015. V. 4. № 1. P. 46–61.

Walczyk J. J. et al. Advancing lie detection by inducing cognitive load on liars: a review of relevant theories and techniques guided by lessons from polygraph-based approaches // *Frontiers in Psychology*. 2013. V. 4. P. 14.

Взаимосвязь между самооценкой находчивости, креативностью и тестовым показателем находчивости

Е. А. Троицкая (Москва)

Статья посвящена исследованию, целью которого было выявление связи самооценки находчивости с показателем находчивости по тесту на определение творческих способностей и с показателем креативности по опросной методике. Гипотеза исследования состояла в предположении, что самооценка находчивости взаимосвязана с креативностью и тестовым показателем находчивости. В качестве испытуемых в исследовании приняли участие школьники и студенты гуманитарных направлений подготовки. Для определения самооценки находчивости испытуемым предлагалось оценить свою находчивость по шкале от 0 до 5. Показатель находчивости измерялся также по тесту на определение творческих способностей Х. Зиверта. Для диагностики креативности применялся опросник креативности Д. Джонсона в адаптации Е. Е. Туник. В результате исследования было установлено, что самооценка находчивости взаимосвязана с тестовым показателем находчивости и с креативностью, которые не связаны между собой.

В XXI в., когда во многих отраслях рутинные задачи могут выполнять компьютерные системы, все больше начинают цениться психологические качества, которые отличают человека от компьютера. Одним из таких качеств является находчивость. В психологии находчивость часто упоминается как профессионально важное качество представителей самых разнообразных профессий, в том числе профессии учителя (Левитов, 1960; Маркова, 1993).

Однако, несмотря на значимость находчивости как в профессиональной деятельности, так и в межличностных отношениях, данный психологический феномен остается мало исследованным. Интересным представляется исследование сути феномена «находчивость», что можно сделать посредством анализа связи находчивости с другими феноменами, измеряемыми апробированными психодиагностическими методиками.

Целью нашего исследования стало выявление связи самооценки находчивости с показателем находчивости по тесту на определение творческих способностей и с показателем креативности по опросной методике. Гипотеза исследования состояла в предположении, что самооценка находчивости взаимосвязана с креативностью и тестовым показателем находчивости.

Выборка испытуемых насчитывала 103 человека в возрасте от 14 до 40 лет ($M = 19,17$, $SD = 3,32$) – 27 мужчин и 76 женщин. В качестве испытуемых были привлечены школьники, студенты бакалавриата и магистратуры очной и очно-заочной форм обучения по гуманитарным направлениям подготовки (психология, психолого-педагогическое образование, лингвистика, политология, журналистика, социология).

Диагностика самооценки находчивости проводилась следующим образом: испытуемых просили оценить по шкале от 0 до 5, в какой степени качество «находчивый» проявляется у них (0 – качество полностью отсутствует; 5 – качество ярко выражено и проявляется постоянно). На основе полученных ответов испытуемые были разделены на две группы по уровню самооценки находчивости. Группа с низким уровнем самооценки находчивости насчитывала 47 человек, давших ответы от 0 до 3. В группу с высоким уровнем самооценки находчивости были включены 56 человек, оценивших свою находчивость в 4–5 баллов по шкале от 0 до 5.

Показатель находчивости измерялся также по тесту на определение творческих способностей Х. Зиверта (Зиверт, 1998). Данные о валидности и надежности теста нам найти не удалось, однако эта методика применялась в ряде кандидатских и докторских диссертаций по психологическим наукам.

Для диагностики креативности применялся опросник креативности Д. Джонсона в адаптации Е. Е. Туник, который представляет собой перечень характеристик креативности (Туник, 2013). Методика предполагает вычисление суммарного итогового показателя креативности. Для более детального анализа нами также использовались оценки испытуемых по каждой характеристике в отдельности. Испытуемые были разделены на две группы: группа с низким уровнем выраженности характеристики (испытуемые с ответами «никогда», «редко», «иногда») и группа с высоким уровнем выраженности характеристики (ответы «часто», «постоянно»).

Для статистической обработки данных применялись: хи-квадрат Пирсона, точный критерий Фишера, тест Шапиро–Уилка, критерий Манна–Уитни, коэффициент корреляции Спирмена, крите-

рий Краскела–Уоллиса. Тест Шапиро–Уилка выявил статистически значимое отклонение от нормального распределения, поэтому применялись непараметрические методы статистики. Анализ данных проводился с использованием компьютерной программы IBM SPSS Statistics v. 23.

Ввиду большого разброса по возрасту в выборке испытуемых на предварительном этапе нами были проверены возрастные и половые различия по всем измеренным показателям. В результате расчета точного критерия Фишера, критерия χ^2 Пирсона, критерия Манна–Уитни и критерия Краскела–Уоллиса не были выявлены статистически значимые различия по полу и между тремя возрастными группами (14–15 лет, 17–21 лет, 22–40 лет) на уровне значимости $p=0,05$, что дало нам основание считать выборку достаточно гомогенной и проводить последующий статистический анализ на всей выборке в целом.

На первом этапе исследования анализу подверглись связи между самооценкой находчивости с измеренными показателями креативности и находчивости. Критерий Манна–Уитни позволил выявить статистически значимые различия между группой испытуемых с высоким уровнем самооценки находчивости и группой с низким уровнем самооценки находчивости по показателю находчивости методики Х. Зиверта ($p=0,031$) и по суммарному показателю креативности опросника Д. Джонсона ($p=0,001$). Более высокие значения показателей по методике Х. Зиверта и по методике Д. Джонсона наблюдаются у группы с высоким уровнем самооценки находчивости. По точному критерию Фишера были выявлены статистически значимые взаимосвязи между уровнем самооценки находчивости и уровнем выраженности отдельных характеристик креативности, по методике Д. Джонсона (полученные в результате расчетов уровни значимости варьировались в пределах от 0,001 до 0,015). Более высокий уровень выраженности каждой из характеристик креативности соответствует более высокому уровню самооценки находчивости. Таким образом, испытуемые с более высокой самооценкой находчивости отличаются более высокой находчивостью, измеренной с помощью тестовой методики диагностики творческих способностей Х. Зиверта, и более высокой креативностью, измеренной с помощью самооценочного опросника креативности Д. Джонсона. Полученный результат согласуется с проведенным нами ранее исследованием, в котором было показано, что креативность является одним из факторов, объясняющих основные качества, характерные для находчивого человека (Троицкая, 2020).

На втором этапе исследования были проанализированы связи между показателем находчивости по методике Х. Зиверта и показателями креативности по методике Д. Джонсона. Не было выявлено статистически значимых связей по коэффициенту корреляции Спирмена между показателем находчивости по методике Х. Зиверта и суммарным показателем креативности по опроснику Д. Джонсона ($r_s = 0,183$, $p = 0,065$). Сравнение по показателю находчивости методики Х. Зиверта групп испытуемых, сформированных по уровню выраженности каждой из характеристик креативности по методике Д. Джонсона, по критерию Манна–Уитни также не обнаружило ни одного статистически значимого различия (полученные в результате расчетов уровни значимости варьировались в пределах от 0,088 до 0,853). Такой результат можно объяснить тем, что методика Х. Зиверта представляет собой тест, который измеряет находчивость как компонент творческих способностей в процессе выполнения тестового задания, в то время как методика Д. Джонсона представляет собой опросник, который основан на более субъективной оценке своих качеств самими испытуемыми.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сказать, что самооценка находчивости взаимосвязана с показателем находчивости по тесту на определение творческих способностей и с показателем креативности по опросной методике, которые при этом не связаны между собой.

Литература

- Зиверт Х.* Тестирование личности. М.: Интерэксперт, 1998.
- Левитов Н. Д.* Детская и педагогическая психология: Учеб. пособие для пед. ин-тов. М.: Учпедгиз, 1960.
- Маркова А. К.* Психология труда учителя: книга для учителя. М.: Просвещение, 1993.
- Троицкая Е. А.* Психологические качества находчивого человека // Вестник Московск. гос. лингвистического ун-та. Образование и педагогические науки. 2020. № 4 (837). С. 240–253.
- Туник Е. Е.* Лучшие тесты на креативность. Диагностика творческого мышления. СПб.: Питер, 2013.

Особенности социально-психологического благополучия у студентов с разным уровнем самоконтроля

Ю. А. Трушичкина (Омск)

В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого выступила проверка гипотезы о взаимосвязи уровня самоконтроля студентов и социально-психологического благополучия. В выборку вошли 38 студентов 2–4 курсов высших учебных заведений г. Омска. Метод сбора данных – тестирование. Доказано, что для студентов характерен средний уровень благополучия (психологического и субъективного) и самоконтроля, при этом их показатели имеют прямую связь.

В современном обществе все чаще поднимается вопрос о состоянии и самочувствии молодежи. Психологи разных областей активно занимаются изучением проблем и противоречий, возникающих у молодых людей и препятствующих их успешному функционированию. Несмотря на достаточную изученность проблемы благополучия отечественными и зарубежными учеными, главное противоречие состоит в том, что в современном мире существует множество разнообразных факторов, оказывающих значительное влияние на самочувствие и состояние населения, и их список постоянно увеличивается. Кроме того, сами факторы не остаются неизменными, трансформируясь под воздействием социальной среды.

Психологическое благополучие играет важную роль в структуре и развитии личности. Функционирование человека становится весьма затруднительным, если не достигнут его оптимальный уровень. В связи с этим может быть нарушена работа мотивационной сферы, познавательных и регулятивных процессов, самоотношения и других конструктов.

В психологии существует множество теорий, рассматривающих природу феномена благополучия. Все теории условно можно разделить на две основные группы, основным конструктом которых выступают: 1) «субъективное благополучие»; 2) «психологическое благополучие».

Так, Р. М. Шамионов вводит следующее определение субъективного благополучия: «Понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для нее значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о „благополучной“ внешней и внутренней среде и характеризующееся переживанием удовлетворенности» (Шамионов, 2008, с. 11).

К. Рифф, в свою очередь, ввела интегральное понятие — психологическое благополучие — и трактовала его как базовый субъективный конструкт отражающий восприятие и оценку своего функционирования с точки зрения вершины потенциальных возможностей человека, оно является многомерным динамическим процессом, а не окончательным состоянием (Ryff, 1989).

Рассмотрение данной проблемы именно на студенческой молодежи связано с возможностью коррекции и воздействия на состояние молодых людей. Как известно, студенческий возраст является одним из наиболее насыщенных периодов в становлении личности, в это время, помимо обучения, происходит процесс сепарации от родителей, осознание и принятие своего жизненного пути и смыслов, а также возможно обретение собственной семьи. Данные события могут спровоцировать повышение напряжения, тревожность, эмоциональные застревания и привести к дезадаптации молодых людей. На фоне преодоления возникающих трудностей в данный период у молодежи активно развивается самоконтроль, который может выступать одним из факторов благополучия, однако связь этих феноменов не так очевидна и прямолинейна.

Авторы рассматривают данный феномен в разных ракурсах. Так, например, Г. С. Никифоров утверждает, что самоконтроль является лишь компонентом в системе саморегулирования и самоуправления и играет подчиненную роль. Под самоконтролем же автор понимает процесс сопоставления задумки и конечного результата, сравнение того, что достигнуто, с неким изначальным эталоном (Никифоров, 2020).

Е. П. Ильин связывал с регуляцией поведения понятие воли и определял ее как самоуправление своим поведением с помощью сознания, которое предполагает самостоятельность человека не только в принятии решения, но и в инициации действий, их осуществлении и контроле (Ильин, 2000).

Подобные толкования феномена самоконтроля согласуются с тем, что регуляция своего поведения, деятельности, а также эмоций и переживаний, может иметь влияние на самочувствие и благополучие человека. Однако связь между этими двумя феноменами требует эмпирических исследований для подтверждения данной гипотезы.

Из-за многообразия толкований природы благополучия возникает необходимость введения интегрального и обширного понятия социально-психологического благополучия, включающего в себя характеристики как субъективного, так и психологического благополучия. В нашем исследовании целью выступило изучение взаимосвязи

между уровнем самоконтроля у студентов и социально-психологическим благополучием. В исследовании приняли участие 38 студентов высших учебных заведений г. Омска 2–4-х курсов обучения (18 юношей и 20 девушек в возрасте от 19 до 22 лет). Метод сбора информации – тестирование (методика К. Рифф «Шкалы психологического благополучия», методика Р. М. Шамионова, Т. В. Бесковой «Диагностика субъективного благополучия личности», методика Е. Г. Ксенофонтовой «Локус контроля»), метод обработки – частотный анализ, первичные описательные статистики.

В первую очередь, нами было исследовано благополучие молодых людей и выявлено, что большая часть студентов имеет средний уровень психологического и субъективного благополучия (50% и 57,9% соответственно). В отношении полярных уровней ситуация сложилась иначе – более трети учащихся имеют низкий уровень психологического благополучия, в то же время больше трети студентов имеют высокий уровень субъективного благополучия. Мы полагаем, что данные результаты связаны с тем, что психологическое благополучие отражает в большей степени успешность жизни и деятельности, оценку со стороны других, достижения определенного уровня развития, некие «объективные» показатели, что может вызывать трудности у отвечающих при описании себя. В то же время, высокий уровень субъективного благополучия может свидетельствовать о том, что при описании собственного отношения к разным сторонам жизни молодым людям легче давать более точные ответы. Вероятно, они склонны чаще давать положительные ответы, так как субъективное благополучие направлено на отражение их собственного опыта и не предполагает анализа внешних оценок.

При изучении самоконтроля было установлено, что 68,4% студентов имеют средний уровень и лишь 31,6% – высокий. Это может быть связано с тем, что молодые люди находятся в процессе овладения навыками самоконтроля и еще не достигли высшего уровня регуляции.

Далее нами были проанализированы показатели психологического и субъективного благополучия в группах студентов, имеющих средние и высокие показатели внутреннего контроля. Было выявлено, что студенты со средним уровнем внутреннего контроля в большинстве случаев имеют низкий уровень психологического благополучия (57,7%), в то время как высокий уровень практически не представлен (3,8%). Это может свидетельствовать о том, что люди со средним контролем не имеют достаточных ресурсов для достижения высокого уровня благополучия, причиной этого может

быть отсутствие мотивации, застревание на негативных моментах, нежелание что-то менять. В группе с высоким уровнем внутреннего контроля 75% студентов имеют средний уровень психологического благополучия, а низкий уровень не представлен вовсе. Это может свидетельствовать о том, что у молодых людей из данной группы есть стремление к развитию, достижению результатов и изменению своей жизни, четверть из них уже смогли достичь высокого уровня благополучия.

При рассмотрении субъективного благополучия у групп студентов с разным уровнем контроля была обнаружена похожая картина соотношения уровней благополучия. У студентов со средним самоконтролем преобладает средний уровень благополучия (73%), низкий и высокий уровень имеют близкие друг к другу значения. Это может свидетельствовать о том, что данные молодые люди достаточно позитивно оценивают обстоятельства своей жизни и данного уровня самоконтроля достаточно для развития субъективного благополучия до комфортного уровня. В группе с высоким уровнем внутреннего контроля картина иная: низкий уровень благополучия вовсе не представлен, в то время как большинство студентов имеют высокий уровень субъективного благополучия (75%). Это также свидетельствует о том, что молодым людям свойственно оценивать свою жизнь положительно, у них есть стремление к достижению высоких результатов и повышению комфорта своей жизни.

Вывод

Самоконтроль связан с состоянием и самочувствием личности в студенческом возрасте, выступая одним из важных факторов в достижении уровня благополучия, оптимального для успешного функционирования.

Литература

- Ильин Е. П.* Психология воли. М: Питер, 2000.
- Никифоров Г. С.* Психология самоконтроля. СПб: Скифия, 2020.
- Шамионов Р. М.* Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Научная книга, 2008.
- Ryff C. D.* Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. V. 57. P. 1069–1081.

Социально-эмоциональная компетентность в старшем подростковом возрасте*

А. Ю. Уланова (Москва)

Социально-эмоциональная компетентность старших подростков рассматривается на примере эмоционального интеллекта, измеренного методом самооценки, и внешней оценки разных форм социального поведения школьным учителем. Показана слабая фрагментарная согласованность оценок подростков и учителей, меняющая свою специфику при изучении в разных классах. Результаты показывают необходимость поиска внешних критериев социально-эмоциональной компетентности в подростковом возрасте и подбора адекватных способов их оценки.

В современной литературе, характеризуя способность человека эффективно взаимодействовать с окружающими его людьми, многие исследователи оперируют понятием социально-эмоциональной компетентности. Среди многообразия теоретических представлений о социально-эмоциональной компетентности и близких ей понятий можно выделить несколько общих компонентов: понимание чужих и собственных эмоций, саморегуляция, эмпатия, коммуникативные и социальные навыки (Durlak et al., 2011).

В качестве одного из конструктов, который позволяет содержательно раскрывать некоторые аспекты социально-эмоциональной компетентности, можно рассматривать эмоциональный интеллект. Большинство авторов относят к эмоциональному интеллекту такие способности, как идентификация и понимание эмоций, использование эмоций в решении проблем, управление эмоциями (Дж. Мэйер, П. Сэловей, Д. Гоулман, Р. Бар-Он, М. А. Манойлова, Д. В. Люсин). Эти способности развиваются непрерывно, начиная с раннего возраста, но в разной степени выражены у детей, подростков, взрослых разного возраста. Особенно сензитивным периодом в его формировании является подростковый возраст, что обуславливается стремительной социализацией. Подростки с более высоким эмоциональным интеллектом и развитыми социальными навыками реже сталкиваются с эмоциональными и поведенческими трудностями (Poulou, 2014).

В настоящем исследовании ставится задача изучения представлений о своем эмоциональном интеллекте у старших подростков в связи с проявлением социально-эмоциональной компетентности,

* Статья подготовлена по Госзаданию № 0138-2021-0005.

как показателем эффективности индивида в социальном взаимодействии. Ставится вопрос: какие формы социального поведения в большей мере обнаруживают связь с эмоциональным интеллектом в подростковом возрасте и почему?

Цель исследования — изучить взаимосвязь между представлениями о развитии своего эмоционального интеллекта подростков и представлениями о социально-эмоциональной компетентности педагогов.

Участники и методы исследования

Выборку исследования составили 42 участника старшего подросткового возраста 14–16 лет (21 юноша, 21 девушка).

Для оценки эмоционального интеллекта (ниже ЭИ) был использован опросник ЭМИн (Люсин, 2009). Необходимо отметить, что опросники на эмоциональный интеллект, включая и ЭМИн, измеряют не саму способность понимать эмоции или управлять ими, а представления людей о своем эмоциональном интеллекте. Опросник состоит из 46 утверждений, которые объединяются в четыре шкалы: *Межличностный ЭИ* (способность к пониманию эмоций других людей и управлению ими), *Внутриличностный ЭИ* (способность к пониманию собственных эмоций и управлению ими), *Понимание эмоций* (способность к пониманию своих и чужих эмоций), *Управление эмоциями* (способность к управлению своими и чужими эмоциями).

Для внешней оценки уровня социально-эмоциональной компетентности подростков была использована «Анкета оценки социально-эмоциональной компетентности детей подросткового возраста». 15 утверждений анкеты были направлены на оценку: распознавания и понимания эмоций; понимания ментальных состояний других людей и возможности использования их для прогнозирования поведения; понимания обмана и недоразумений в социальных ситуациях; эмпатии, просоциального поведения, понимания морально-нравственных норм и правил; развития социально-коммуникативных навыков. На всех участников исследования анкета была заполнена учителем класса, в котором ребенок проходит обучение. Поскольку часть вопросов анкеты оценивает те же способности ребенка, что и тестирование, в исследовании ставится вопрос о согласованности внешней оценки взрослым и результатов индивидуального тестирования детей.

Результаты исследования

Первая линия анализа данных позволила оценить специфику развития социально-эмоциональной компетентности. Результаты по-

казывают отсутствие различий в выраженности средних значений отдельных шкал эмоционального интеллекта (внутриличностного и межличностного, понимания и управления эмоциями) у старших подростков. Полученные средние значения соответствуют выраженности признаков на взрослой выборке, приведенной в литературе (Люсин, 2009). При оценке половой специфики был обнаружен более высокий уровень (но не достигающий значимости) межличностного эмоционального интеллекта у девушек, и внутриличностного — у юношей.

Анализ анкеты, заполненной учителями, демонстрирует равномерное распределение средних значений при оценке разных блоков социально-эмоциональной компетентности.

Далее для сравнения показателей эмоционального интеллекта и социально-эмоциональной компетентности по оценкам учителей был проведен корреляционный анализ. Результаты анализа на общей выборке, вопреки нашему предположению, не обнаружили выраженной взаимозависимости. Детальный анализ отдельных шкал эмоционального интеллекта и групп вопросов анкеты не выявил сопряженности. Единственная корреляция была обнаружена между шкалой понимания эмоций и блоком вопросов, в котором учителя оценивали понимание участниками ментальных состояний других людей и возможности использования их для прогнозирования поведения ($r=0,315$, $p=0,042$). Содержательное сходство вопросов в этом случае позволяет говорить о близости оценки данной способности подростками и учителями.

Для выявления специфики в согласованности оценок подростков и учителей корреляционный анализ был проведен отдельно для каждого школьного класса. В одном из классов ($N=27$) были обнаружены несколько взаимосвязей: блок вопросов анкеты, оценивающий проявления у детей эмпатии, просоциального поведения понимания морально-нравственных норм выявил корреляцию с тремя шкалами эмоционального интеллекта — внутриличностным компонентом ($r=0,452$, $p=0,018$), пониманием эмоций ($r=0,442$, $p=0,021$) и контролем экспрессии ($r=0,464$, $p=0,015$). Можно предположить, что поведение, связанное с проявлением помощи или моральным выбором, является одним из доступных признаков развития компетентности и позволяет делать более точные выводы о развитии соответствующих способностей. Кроме того, в данном классе оценки подростками своего уровня понимания эмоций обнаружили взаимосвязь с оценкой учителем понимания ментальных состояний других людей (не только эмоций) ($r=0,536$, $p=0,004$).

В другом классе ($N = 15$) были обнаружены только две взаимосвязи, причем с отрицательным знаком. Обратную согласованность обнаружила шкала «контроль экспрессии» с двумя блоками вопросов: на оценку понимания обмана и недоразумений в социальных ситуациях ($r = -0,544$, $p = 0,036$) и развития социально-коммуникативных навыков ($r = -0,654$, $p = 0,008$). Подростки, которые указывали, что способны лучше контролировать проявления своих эмоций, получали более низкие оценки коммуникативных навыков и понимания социальных ситуаций от учителя. Возможным объяснением может быть то, что эмоциональная экспрессивность в некоторых ситуациях воспринимается как признак коммуникабельности и социальной ориентированности.

Таким образом, оценки социально-эмоциональной компетентности подростков и учителей характеризует слабая фрагментарная согласованность. Интерпретация полученного результата может быть проведена с разных точек зрения. С одной стороны, представления подростка могут отличаться недостаточной зрелостью, а ответы на некоторые вопросы отражать субъективно желательный результат, желание казаться «более взрослым». С другой стороны, оценка социально-эмоциональной компетентности учителями, как и любая внешняя оценка, также отражает субъективное представление о способностях детей и ограничена возможностями распознавания разных эмоциональных состояний и наблюдательностью респондента. Кроме того, представление учителя формируется на основе взаимодействий внутри школы, которые не составляют единственный социальный контекст подростка.

Полученные результаты ставят новые исследовательские вопросы и обозначают необходимость дальнейшего поиска внешних критериев социально-эмоциональной компетентности в подростковом возрасте и подбора адекватных способов их оценки.

Литература

- Люсин Д. В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264–278.
- Durlak J. A., Weissberg R. P., Dymnicki A. B., Taylor R. D., Schellinger K. B.* The impact of enhancing students' social and emotional learning: A meta-analysis of schoolbased universal programs // *Child development*. 2011. V. 82. № 1. P. 405–432.

Poulou M. S. How are trait emotional intelligence and social skills related to emotional and behavioral difficulties in adolescents? // Educational Psychology. 2014. V. 34. № 3. P. 354–366.

Особенности социального интеллекта младших школьников в транзитивном обществе

Е. О. Филозоп (Мурманск)

В статье рассматривается специфика социального интеллекта в младшем школьном возрасте. Показана роль социального интеллекта в психическом развитии личности. Особое внимание уделено анализу социального пространства как категории психологии личности, расширяющей объяснительный потенциал феноменологии личностного развития. В исследовании приняли участие 50 респондентов (в возрасте 10–11 лет). Целью эмпирического исследования было изучение специфики социального интеллекта в младшем школьном возрасте. Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что младшим школьникам сложно предвидеть последствия своего поведения и дифференцировать особенности межличностных ситуаций в динамике. Изучение социального интеллекта в младшем школьном возрасте происходило с помощью методики «Уровень социального интеллекта» (Дж. Гилфорда, М. Салливена, модификация А. М. Щетининой) и методики «Шкала эмоционального отклика» (А. Меграбяна, Н. Эпштейн). Результаты исследования показывают, что для младших школьников характерен низкий уровень проявления социального интеллекта, вместе с тем у них достаточно развита эмпатия. Респонденты умеют не только выражать свои эмоции, но и адекватно демонстрируют в различных ситуациях. У них не вызывает затруднения определение проксемических средств общения. Доказано, что развитие социального интеллекта в младшем школьном возрасте происходит за счет усвоения социальных навыков, умения прогнозировать поведение других людей, анализа своего и чужого поведения, развития эмпатических тенденций.

Достаточно длительное время при изучении интеллекта значительное внимание уделялось роли познавательного развития, роли показателей интеллекта (психометрического) в успешности образования, обретению компетентности в профессиональной деятельности, успешности в карьере. Но добиться успехов и значимых результатов могут только те индивиды, которые обладают высоким личностным

развитием и социальной компетентностью. Вместе с тем до сих пор остается дискуссионным не только вопрос о природе и структуре, но и об определении социального интеллекта.

Термин «социальный интеллект» был введен Э. Торндайком. В зарубежной психологии социальный интеллект рассматривается как приспособленность индивида к человеческому бытию (Г. Айзенк), способность, обеспечивающая эффективное взаимодействие между людьми (Р. Балтес, М. Салливен, Г. Олпорт). В отечественной психологии социальный интеллект анализируется с позиций коммуникативной компетентности (В. Н. Куницына, Е. С. Михайлова, М. И. Бобнева), определяется как успешность социального взаимодействия (Н. П. Ульянова), субъектно-личностный конструкт, включающий способность к социальному познанию и социальной саморегуляции, а также личностные характеристики (Лунева, 2015).

Развитие социального интеллекта обучающихся является одним из основных направлений деятельности в образовании, поскольку от уровня его сформированности зависит успешность социальных взаимодействий, социализация и процессы становления гражданина и полноправного члена общества (Абдурахманов, 2019). Однако изучение социального интеллекта как в нашей стране, так и за рубежом проводится в основном в группах молодежи и взрослых, но исследований его становления и развития на ранних этапах социализации недостаточно.

Исследование проводилось в 2021 г. на базе МБОУ г. Мурманска «СОШ № 42». В нем приняли участие 50 младших школьников, обучающихся в 3-м классе. Специфика социального интеллекта в младшем школьном возрасте изучалась при помощи методик «Уровень социального интеллекта» Дж. Гилфорда и М. Салливена в модификации А. М. Щетининой и «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна.

Результаты исследования позволяют утверждать, что для младших школьников характерен низкий уровень социального интеллекта, что находит проявление в особенностях межличностных отношений, сложности при выстраивании социальных и личностных взаимодействий. В общении они больше акцентируют внимание на вербальных ответах партнера, но могут неправильно понять смысл услышанного, так как не обращают внимания на невербальные средства общения.

Полученные данные указывают на то, что младшие школьники эмоционально реагируют на все происходящие с ними события. Они часто инициируют оказание помощи окружающим, сосредото-

чены на моральной стороне суждений, ориентированы на дружеские и теплые взаимоотношения.

Методика «Уровень социального интеллекта» Дж. Гилфорда и М. Салливена включает четыре группы заданий. Каждая группа направлена на выявление уровня развития какого-либо умения или способности, которые в общем виде отражают уровень развития социального интеллекта.

Эмпирические данные показывают, что доминирующим в младшем школьном возрасте является низкий уровень умения предвидеть последствия своего поведения (56%). Поэтому респонденты не могут прогнозировать результаты своего поведения, не умеют конструктивно разрешать конфликтные ситуации, не подчиняются общепринятым законам и правилам поведения. В то же время для них характерен средний уровень проявления способности правильно оценивать состояния других людей (52%) и выражения своих чувств/эмоций (72%). Они легко выражают и понимают свои эмоции, в социальных отношениях могут раскрыться и объяснить свои чувства. Выделенные особенности психического развития позволяют им адекватно взаимодействовать с социумом, правильно понимать речь партнеров по общению, правильно не только подбирать тон, но и эмоциональные реакции в общении.

Низкий уровень проявления способности рассматривать конструкцию межличностных обстоятельств в процессе взаимоотношений у младших школьников (60%) не позволяет им правильно выстраивать социальные и личностные отношения.

Анализ данных по методике «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна показал, что 36% младших школьников имеют высокий уровень способности к эмоциональному отклику, поэтому только эти респонденты эмоционально реагируют и без стеснения демонстрируют свои чувства.

Таким образом, младший школьный возраст является сензитивным периодом для развития социального интеллекта. Развитая эмпатия позволяет младшим школьникам компенсировать низкий уровень развития социального интеллекта в этот возрастной период развития. Респонденты умеют не только выражать свои эмоции, но и адекватно демонстрируют их в различных ситуациях. Новая социальная ситуация развития, связанная с поступлением детей в школу, стимулирует развитие социального интеллекта в младшем школьном возрасте за счет развития конкретных умений и способностей, которые являются катализатором развития всех компонентов социального интеллекта. Разработка и проведение программ,

направленных на развитие всех компонентом социального интеллекта, будет способствовать личностному развитию младших школьников и позволит им более успешно адаптироваться к новым социальным условиям.

Литература

- Абдурахманов С. Р.* Особенности социального интеллекта у детей: анализ проблемы // Форум молодых ученых. 2019. № 2 (30). С. 29–32.
- Лунева О. В.* Социальный интеллект: основные проблемы и перспективы исследования // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 41–51.

Вера в конспирологические теории, связанные с COVID-19, у медицинских работников с разным уровнем доверия окружающим*

Е. Б. Фокина, А. Е. Воробьева (Москва)

Целью исследования было выявить взаимосвязь доверия окружающим людям у медработников с их верой в отдельные конспирологические теории, связанные с COVID-19. При помощи авторской анкеты и опросника доверия миру, другим людям, себе (А. Б. Куррейченко) на выборке российских медицинских работников (N = 225) было установлено, что те медработники, которые не доверяют другим людям, склонны верить в то, что COVID-19 имеет искусственное происхождение, распространяется искусственно, является инструментом запугивания населения, вакцинация от него опасна.

Введение

За последние десятилетия сильно возрос общественный интерес к представлениям о конспирологии и смежных явлениях. Об этом свидетельствует большое количество научно-популярной литературы, посвященной данной теме.

Конспирология является концепцией, состоящей из конспирологических теорий, или теорий заговора (эти понятия употребляются как синонимы), с помощью которых объясняются отдельные общественно значимые исторические, политические, экономические и другие события, причиной которых являются действия отдельной

* Статья подготовлена по Госзаданию № 0138-2021-0010.

небольшой тайной/секретной группы людей или организации, преследующих чаще всего некую зловещую цель.

Конспирологические теории имеют тенденцию активно создаваться и развиваться во времена кризисов и неопределенности, особенно когда люди чувствуют угрозу, неуверенность и незащищенность.

Пандемия COVID-19 создала «идеальные» условия для появления новых теорий заговора. Первые конспирологические теории, связанные с COVID-19, начали появляться в социальных медиа незамедлительно после первых новостей о вирусе. Многие теории заговора произошли из существующего напряжения между социальными группами, например, теории про вирус как биологическое оружие из Китая и США. Вероятно, по мере продолжения пандемии теории заговора будут продолжать подпитывать эту напряженность.

Конспирологические теории необходимо изучать, потому что вера в них может привести к социальным последствиям, причинить вред человеку, обществу (Т. Oleksy, Maison, D. Romer и др.). Теории, отрицающие существование вируса COVID-19, приводят к пренебрежению мерами предосторожности и к намерениям отказаться от вакцины.

Для предотвращения распространения конспирологических теорий, связанных с COVID-19, необходимо выявить социально-психологические характеристики личности, верящей в теории заговора. Имеется небольшое количество зарубежных исследований по данной теме (Р. Wagner-Egger, А. Bangerter, Н. Darwin и т. д.), но на российских выборках их тоже немного (М. О. Макушева, Т. А. Нестик, О. С. Дейнеко, А. А. Максименко). Наиболее часто изучаемыми в данном контексте социально-психологическими характеристиками являются институциональное и социальное доверие, самоэффективность, уровень образования, уровень стресса, самооценка, самооценочный интеллект и др.

Важно изучать не только население страны в целом, но и работников медицинской сферы, которые непосредственно сталкиваются с пандемией, их мнение воспринимается как экспертное и способно оказать большое влияние на поведение пациентов.

Мы провели эмпирическое исследование в период января—марта 2021 г., целью которого было проанализировать связь доверия другим людям с верой в конспирологические теории, связанные с пандемией COVID-19, у медицинского персонала.

Гипотеза: медицинские работники, не доверяющие другим людям, верят в некоторые конспирологические теории, связанные с пан-

демией COVID-19, а именно: 1) вирус COVID-19 распыляют по воздуху на вертолетах; 2) вирус COVID-19 был специально разработан, чтобы сократить популяцию человечества; 3) вирус COVID-19 не так серьезен, как о нем говорят, людей просто запугивают; 4) вакцины против COVID-19 только ухудшают здоровье человека.

Описание исследования

Сбор ответов респондентов частично осуществлялся с помощью очного опроса (N = 63) в городских поликлиниках г. Москвы и онлайн-опроса (N = 162) в Google Forms. Ссылка на опрос размещалась в свободном доступе в группах медиков в социальных сетях «В контакте», Facebook и Telegram. Опрос проводился анонимно, без вознаграждения.

Исследование включало два этапа: предварительный опрос медицинского персонала городских поликлиник г. Москвы (N = 20) на предмет известных им конспирологических теорий в отношении COVID-19 (январь 2021 г.) и основной этап сбора ответов респондентов (январь—март 2021 г.).

Выборку эмпирического исследования составили 225 человек. Из них 43 мужчины (19%) и 186 женщин (81%) в возрасте от 21 до 65 лет. Половой состав выборки нами не выровнивался, так как, по данным статистики, число врачей женского пола в РФ выше, чем мужского (Скворцова, 2018). Большую часть выборки составили респонденты в возрасте от 26 до 40 лет (52,4%), 26,7% респондентов были в возрасте от 41 до 55 лет, 16% респондентов от 21 до 25 лет и 4,9% от 56 и до 65 лет.

152 респондентов (67,5%) являются медицинскими сотрудниками высшего медицинского персонала (врачи и другие специалисты с высшим и послевузовским медицинским образованием), 63 респондента (28%) находятся на позициях среднего медицинского персонала (фельдшеры, медсестры и медбратья, помощники врачей, рентгенлаборанты и т. п.), 10 респондентов (4,5%) — младший медицинский персонал (сестры-хозяйки, младшие медсестры, медрегистраторы, санитарки и санитары).

Методики исследования:

- 1) методика изучения доверия/недоверия личности миру, другим людям, себе А. Б. Купрейченко (шкала доверия/недоверия личности другим людям);
- 2) авторская анкета, которая содержала социодемографические вопросы (пол, возраст, уровень образования, город проживания)

ния, занимаемая должность), а также вопрос об отношении респондентов к распространенным конспирологическим теориям о COVID-19 (не существует, всех просто запугивают; созданное в Китае биологическое оружие; разработка ЦРУ, выпущенная США; специально разработан, чтобы сократить популяцию человечества; распространяется благодаря радиации 5G вышек; распыляют по воздуху на вертолетах; вакцины против COVID-19 «чипируют» людей и контролируют население, ухудшают здоровье человека).

Результаты

В целом по выборке медицинские работники в средней степени доверяют другим людям ($M = -3$ балла, максимальное знач. = 8, минимальное знач. = -13).

Для проверки выдвинутой гипотезы была применена процедура однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA).

Было выявлено, что медицинские работники, не доверяющие другим людям, верят в теории о том, что вирус COVID-19 распыляют по воздуху на вертолетах ($F = 2,575$, $p = 0,001$); вирус COVID-19 был специально разработан, чтобы сократить популяцию человечества ($F = 2,016$, $p = 0,009$); вирус COVID-19 не так серьезен, как о нем говорят, всех просто запугивают ($F = 1,91$, $p = 0,015$); вакцины против COVID-19 только ухудшают здоровье человека ($F = 1,654$, $p = 0,047$).

Вывод

Феномен конспирологии активно изучается в последнее время. Большинство исследований социально-психологических характеристик, связанных с верой индивида в конспирологические теории, проведены на разных категориях респондентов, но до сих пор не проведены на медицинских работниках.

В данной работе мы предприняли попытку эмпирически изучить связь социально-психологических особенностей личности медицинских работников с их верой в некоторые конспирологические теории, связанные с COVID-19.

Была найдена статистически значимая связь между недоверием медицинских сотрудников другим людям и верой в определенные конспирологические теории, связанные с пандемией COVID-19: вирус COVID-19 распыляют по воздуху на вертолетах; вирус COVID-19 был специально разработан, чтобы сократить популяцию человечества; вирус COVID-19 не так серьезен, как о нем говорят, людей

просто запугивают; вакцины против COVID-19 только ухудшают здоровье человека.

Медицинские работники, верящие в конспирологические теории, связанные с пандемией COVID-19, чаще всего не соблюдают меры предосторожности, относящиеся к предотвращению распространения вируса COVID-19, могут отговаривать пациентов от вакцинации, давать неправильные рекомендации по лечению и т. д.

Литература

Скворцова В. И. Число женщин-врачей в РФ существенно превышает число врачей-мужчин. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5587049> (дата обращения: 20.04.2021).

Профессионально ориентированные регуляторные ресурсы учащихся 9-х, 10-х и 11-х классов*

И. Ю. Цыганов, Ю. А. Ишмуратова, Н. Г. Кондратюк (Москва)

Цель — изучить профессионально ориентированные регуляторные ресурсы учащихся 9-х, 10-х, 11-х классов. Проверялось предположение о различиях в карьерной адаптивности между девятиклассниками и учащимися 10-х и 11-х классов, которые связаны с необходимостью целенаправленных действий выбора траектории будущего профессионального развития. В исследовании приняли участие 493 учащихся 9-х (211 человек), 10-х (148 человек) и 11-х (134 человека) классов. Применены следующие опросные методы: русскоязычная адаптация методики М. Савикаса и Э. Порфели «Шкала карьерно-адаптационных способностей» (Кондратюк и др., 2021), Опросная методика В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020» (Моросанова, Кондратюк, 2020). Результаты подтвердили предположение о наличии значимых различий в развитии карьерно-адаптационных ресурсов учащихся 10–11-х классов при более высокой у них в сравнении с девятиклассниками осознанной саморегуляции достижения целей.

Для ответа на вопрос о ресурсах, определяющих личностное и профессиональное саморазвитие подростков, исследователи очень часто обращаются к механизмам саморегуляции (Моросанова, 2021; Gestsdottir et al., 2017). В течение последних десятилетий неуклонно

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00741.

возрастает интерес к изучению профессионально ориентированных регуляторных ресурсов подростков, в частности, к карьерной адаптивности, которая связана с активностью человека в его профессиональной жизни, в том числе со способностью решать новые, сложные и неопределенные проблемы, возникающие в связи с задачами профессионального развития, профессиональными переходами и потрясениями (Savickas, Porfeli, 2012; Кондратюк и др., 2021).

Цель исследования – изучить профессионально ориентированные регуляторные ресурсы учащихся 9-х, 10-х, 11-х классов. Было выдвинуто предположение, что у учащихся 10-х и 11-х классов по сравнению с девятиклассниками должен наблюдаться сдвиг в развитии карьерной адаптивности, обоснованный необходимостью целенаправленных действий, связанных с дальнейшим построением карьеры и началом профессионального пути.

В данном исследовании предполагалось найти ответы на следующие вопросы:

- Есть ли различия в развитии карьерной адаптивности (как профессионально ориентированного регуляторного ресурса) и осознанной саморегуляции (как общепсихологического регуляторного ресурса) между учащимися 9-х, 10-х и 11-х классов?
- Можно ли говорить о том, что осознанная саморегуляция достижения целей и внешние контекстуальные факторы, в частности, предоставляемая в 10–11-х классах современной системой школьного образования возможность профильной подготовки по отдельным предметам при выборе дальнейшего профессионального пути, способствуют развитию карьерной адаптивности подростков?

Осознанная саморегуляция достижения целей понимается в данном исследовании как управляющая метасистема психологических ресурсов человека (когнитивных, личностных и регуляторных компетентностей), которые могут осознанно использоваться как средства решения задач жизнедеятельности (Моросанова, 2021). Карьерная адаптивность рассматривается как ключевая способность для решения различных задач профессионального развития с использованием профессионально адаптационных ресурсов, связанных с заинтересованностью в профессиональном будущем, с принятием на себя ответственности за свою карьеру, с проявлением любознательности в отношении профессиональных возможностей, с уверенностью в самоэффективности и успешной реализации своих профессиональных устремлений (Savickas, Porfeli, 2012).

Выборка

В исследовании приняли участие 493 учащихся 9-х (211 человек), 10-х (148 человек) и 11-х (134 человека) классов двух школ г. Липецка, 294 девушки и 199 юношей в возрасте от 14 до 18 лет ($M = 15,86$, $SD = 0,84$).

Методики

Русскоязычная адаптация методики М. Савикаса и Э. Порфели «Шкала карьерно-адаптационных способностей» состоит из 24 пунктов, которые путем суммирования дают общий балл, диагностирующий карьерную адаптивность, а также поровну разделены на 4 субшкалы, которые измеряют ресурсы адаптивности: заинтересованность, контроль, любознательность и уверенность (Кондратюк и др., 2021).

Опросная методика В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» предназначена для диагностики общей способности к осознанной саморегуляции и ее индивидуальных особенностей, устойчиво проявляющихся в различных видах произвольной активности и жизненных ситуациях (Моросанова, Кондратюк, 2020). Методика включает шкалу «Общий уровень саморегуляции» и 7 субшкал: планирование целей, моделирование значимых условий достижения целей, программирование действий, оценивание результатов, гибкость, надежность, настойчивость.

Статистическая обработка эмпирических данных проводилась с использованием среды языка программирования R (пакет *psych*). Перед проведением основных статистических процедур были вычислены описательные статистики и проведена оценка нормальности распределения данных на основании коэффициентов асимметрии и эксцесса, что и определило выбор устойчивых к отклонению от нормального распределения методов. Для изучения различий использовался U-критерий Манна–Уитни.

Результаты

При сравнении сформированности карьерной адаптивности и осознанной саморегуляции между учащимися 9-х, 10-х и 11-х классов значимые различия выявлены между девятиклассниками и десятиклассниками по общему уровню осознанной саморегуляции ($Z = -3,12$, $p = 0,002$), включая планирование целей, программирование действий, моделирование значимых условий, гибкость, настойчивость (Z от $-3,91$ при $p = 0,000$ до $-2,26$ при $p = 0,023$), а также по карьерной адаптивности ($Z = -2,59$, $p = 0,010$) и всем карьерно адап-

тационным ресурсам: заинтересованности, контролю, любознательности, уверенности (Z от $-2,51$ при $p=0,012$ до $-1,96$ при $p=0,050$). И они оказались значимо выше у учащихся 10-х классов. Аналогичная картина наблюдалась и при сравнении 9-х и 11-х классов. В 11-х классах по сравнению с 9-ми классами у учащихся значимо выше планирование целей, программирование действий, настойчивость (Z от $-2,86$ при $p=0,004$ до $-2,09$ при $p=0,036$) и на уровне тенденции общий уровень саморегуляции ($Z=-1,80$; $p=0,071$), а также карьерная адаптивность, заинтересованность и любознательность (Z от $-2,49$ при $p=0,013$ до $-2,10$ при $p=0,035$). Между учащимися 10-х и 11-х классов значимые различия в развитии осознанной саморегуляции и карьерной адаптивности не обнаружены.

На следующем этапе для изучения различий в сформированности карьерной адаптивности при разном уровне развития осознанной саморегуляции достижения целей вся выборка на основании данных описательной статистики была разделена на три группы по показателю общего уровня саморегуляции. В первую группу ($N=80$) вошли обучающиеся с низкими значениями по общему уровню саморегуляции, из них 43 девятиклассника, во вторую ($N=307$) – со средними (125 девятиклассников), в третью ($N=82$) – с высокими (20 девятиклассников). При сравнении групп с низкой и высокой осознанной саморегуляцией, групп с низкой и средней, а также со средней и высокой саморегуляцией значимые различия проявились по всем карьерно адаптационным ресурсам и общему показателю карьерной адаптивности.

На основании проведенных процедур получила подтверждение гипотеза о том, что в 10-х и 11-х классах наблюдается сдвиг в развитии карьерно адаптационных ресурсов учащихся. В частности, повышается их самодисциплина и готовность брать на себя ответственность в отношении своего профессионального будущего, их уверенность в реализации своих профессиональных устремлений, ориентация на самообразование, поиск и анализ информации об имеющихся профессиональных возможностях, развивается заинтересованность в собственном профессиональном будущем, готовность к предстоящим карьерным задачам и возможным вызовам. Результаты межгрупповых сравнений позволяют говорить и о большей развитости у учащихся 10-х и 11-х классов осознанной саморегуляции достижения целей. Эти данные согласуются не только с этапами профессионального развития человека, в частности, с объективной ситуацией первичного выбора в отношении своего профессионального будущего в старших классах школы. Но и подтверждают выводы других

исследований, показавших, что именно осознанная саморегуляция достижения целей способствует профессиональному развитию подростков (Моросанова, 2021; Napolitano et al., 2020).

Выводы

Учащиеся десятых и одиннадцатых классов по сравнению с девятиклассниками обладают более развитыми общепсихологическими (осознанная саморегуляция) и профессионально ориентированными (карьерная адаптивность) регуляторными ресурсами.

При высокой осознанной саморегуляции достижения целей наблюдается более выраженные проявления карьерной адаптивности и карьерно адаптационных ресурсов обучающихся 9-х, 10-х и 11-х классов.

Основное ограничение исследования связано с применением метода поперечных срезов. В дальнейшем для подтверждения выявленных закономерностей представляется необходимым провести исследование карьерной адаптивности на одних и тех же испытуемых в 9-х, 10-х и 11-х классах.

Литература

- Кондратюк Н. Г., Бурмистрова-Савенкова А. В., Моросанова В. И.* Шкала карьерно-адаптационных способностей М. Савикаса и Э. Порфели: психометрические характеристики русскоязычной версии на выборке подростков // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2021. № 3 (в печати).
- Моросанова В. И.* Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2021. № 1. С. 4–37.
- Моросанова В. И., Кондратюк Н. Г.* Опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – 2020» // Вопросы психологии. 2020. № 4. С. 155–167.
- Gestsdottir S., Geldhof G. J., Lerner J. V., Lerner R. M.* What drives positive youth development? Assessing intentional self-regulation as a central adolescent asset // International Journal of Developmental Science. 2017. № 11 (3–4). P. 69–79.
- Savickas M., Porfeli E.* Career Adapt-Abilities Scale: Construction, reliability and measurement equivalence across 13 countries // Journal of Vocational Behavior. 2012. № 80. P. 661–673.

Взаимосвязь психических состояний и самоотношения у студентов с разным уровнем эффективности саморегуляции состояний на экзамене*

А. В. Чернов, М. И. Лукоянова (Казань)

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи самоотношения и эффективности саморегуляции психических состояний студентов в ходе экзамена. Авторы предполагают, что взаимосвязь характеристик самоотношения и психических состояний студентов обусловлена как курсом обучения, так и уровнем эффективности саморегуляции состояний студентов. Общий объем выборки составил 102 человека (студенты-психологи 1-го и 4-го курсов Казанского федерального университета). В ходе исследования были использованы различные методики диагностики самоотношения, психических состояний и эффективности саморегуляции состояний в процессе сдачи экзамена. В результате исследования у студентов обнаружена взаимосвязь между высоким уровнем самопринятия и состояниями спокойствия и сосредоточенности, которые способствуют успешной сдаче экзамена. Показано, что высокий уровень самообвинения у студентов сопровождается общим негативным эмоциональным фоном переживаний, в то время как высокие показатели саморуководства связаны с оптимальными показателями подструктур психических состояний.

Как известно, стабильное позитивное самоотношение и высокая способность к саморегуляции состояния являются важными условиями эффективности субъекта в различных видах деятельности. Так, например, установлено, что позитивное Я способствует личностному благополучию в ходе обучения (Phan, 2017), а позитивная самооценка положительно влияет на повседневное функционирование и мотивацию к обучению (Козьмина, 2013). Позитивное самоотношение выступает как компонент субъективного благополучия личности студенческой молодежи (Тарасова, 2013).

В наших более ранних исследованиях показана роль системы Я в саморегуляции психических состояний в ходе учебной деятельности студентов (Прохоров, Чернов, 2020). Выявлено, что различные составляющие системы Я выступают в качестве условий переживания позитивных состояний человека. Именно позитивные познавательные состояния (вдохновение, заинтересованность) обеспечивают высокую продуктивность учебной деятельности студентов (Чернов, 2015).

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00076.

Цель данного исследования: выявить особенности взаимосвязи характеристик самоотношения и психических состояний у студентов разных курсов и с различным уровнем эффективности саморегуляции на экзамене. Предполагается, что взаимосвязь характеристик самоотношения и психических состояний студентов на экзамене обусловлена как курсом обучения (1-й или 4-й), так и уровнем эффективности саморегуляции состояний у студентов.

Для решения поставленных задач все респонденты (102 человека в возрасте от 17 до 25 лет) были сгруппированы в 2 выборки. В первую выборку вошли студенты-психологи 1-го курса очного отделения Казанского (Приволжского) федерального университета (42 человека). Вторую выборку составили студенты-психологи 4-го курса Казанского университета (60 человек). Исследование осуществлялось в процессе сдачи семестрового экзамена.

В ходе исследования было произведено сравнение выборок 1-го и 4-го курсов с использованием *t*-критерия Стьюдента. Корреляционный анализ методом *г* Пирсона позволил выявить взаимосвязь составляющих самоотношения и эффективности саморегуляции психических состояний на разных этапах обучения. Для обработки данных применялась математико-статистическая программа SPSS v. 18.

Исследование проводилось с помощью следующих методик:

- 1) Рельеф психического состояния личности (краткий вариант) (А. О. Прохоров, М. Г. Юсупов);
- 2) Методика исследования самоотношения (МИС) (С. Р. Пантеев);
- 3) Эффективность саморегуляции психических состояний (А. О. Прохоров, А. Н. Назаров).

Перейдем к основным *результатам* исследования.

У студентов 1-го курса с высоким уровнем эффективности саморегуляции психических состояний во время экзамена наблюдаются позитивные состояния. Обнаружена взаимосвязь между высоким уровнем самопринятия и состояниями спокойствия и сосредоточенности, которые способствуют успешной сдаче экзамена. В свою очередь, при высоком уровне самопривязанности студенты менее эффективно регулируют свое состояние, переживают состояния тревоги, волнения, неуверенности. Для студентов младшего курса с низкой эффективностью саморегуляции во время экзамена характерны негативные психические состояния (подавленность, тревога). На уровне физических проявлений отмечается слабость, вялость и неудовлетворенность своим актуальным состоянием.

Студенты старшего курса с высокой эффективностью саморегуляции психических состояний также отмечают положительный настрой, адекватность и ясность мыслей. Присутствует внутреннее ощущение силы собственного Я, общий фон восприятия себя положительный, что повышает их шансы на успешную сдачу экзамена. Для студентов четвертого курса с низкой эффективностью саморегуляции характерен общий негативный фон психических состояний: в ситуации экзамена такие студенты испытывают ярко выраженные физиологические и эмоциональные проявления, высокую интенсивность негативных переживаний.

Обратимся к результатам корреляционного анализа. У студентов с высокой эффективностью саморегуляции установлена следующая закономерность: чем выше общая эффективность саморегуляции состояний, тем более выражены подструктуры психических состояний (когнитивные проявления, переживания). Показана прямая корреляционная связь самоуверенности и отраженного самоотношения личности с ощущением веселости, оптимистичности и приподнятого настроения на экзамене ($p < 0,05$). Отметим, в свою очередь, что низкий уровень саморуководства и самооценности у студентов связан с высокой выраженностью негативных проявлений со стороны органов дыхания и желудочно-кишечного тракта ($p < 0,05$). Также установлено, что чем выше уровень самообвинения, тем более выражены проявления со стороны различных физиологических процессов, что указывает на переживание негативных психических состояний студентами в ходе экзамена.

Анализируя взаимосвязь способов саморегуляции психических состояний и самоотношения у студентов с низкой эффективностью саморегуляции, следует выделить прямую корреляционную связь ($p < 0,05$) между тоскливостью и самообвинением: чем более негативный эмоциональный фон у студента, тем более он склонен обвинять самого себя. Обратная взаимосвязь тоскливости с внутренней конфликтностью ($p < 0,05$) свидетельствует о том, что студенты с низким уровнем внутренних противоречий склонны переживать более оптимальные состояния в ходе семестрового экзамена. Примечательно, что высокие показатели саморуководства связаны с оптимальными показателями подструктур физиологических реакций и поведения у студентов на экзамене ($p < 0,05$).

Таким образом, полученные данные позволяют говорить о значимой роли самоотношения в эффективной саморегуляции психических состояний студентов в ходе промежуточной аттестации на различных этапах обучения.

Литература

- Козьмина Л. Б.* Самоотношение и самооценка как предикторы психологического благополучия личности студентов-психологов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 1. С. 193–197.
- Прохоров А. О., Чернов А. В.* Роль системы Я в саморегуляции психических состояний в ходе учебной деятельности студентов // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117). С. 79–87.
- Тарасова Л. Е.* Самоотношение как детерминанта субъективного благополучия личности // Известия Саратовского университета. Новая сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2013. Т. 13. № 3. С. 86–89.
- Чернов А. В.* Ментальные репрезентации познавательных состояний заинтересованности и вдохновения // Психология – наука будущего: сборник VI Международной конференции молодых ученых. М.: Институт психологии РАН. 2015. С. 531–534.
- Phan H. P.* Theself-systems: facilitating personal well-being experiences at school // Social Psychology of Education. 2017. V. 20 (1). P. 115–138.

Сбор феноменологии инсайтного решения с помощью метода анализа кейсов*

А. В. Чистопольская, А. Д. Савинова, Н. Ю. Лазарева (Ярославль)

В настоящем исследовании осуществлялся сбор понятной для испытуемого феноменологии инсайтного решения для дальнейшей разработки и усовершенствования уже существующих методов постэкспериментального интервью, а также методов, задачей которых является предварительное знакомство испытуемых с определением инсайта и инсайтного решения. Для сбора феноменологии и представлений решателей об инсайтном решении использовался метод анализа кейсов. В исследовании приняло участие 11 человек. В целом феноменологические описания, которые дали испытуемые, совпадают с представлениями ученых об этапах и специфике инсайтного решения.

Одной из наиболее разработанных и фундаментальных проблем психологии мышления является проблема детекции инсайтности решения. Распространенным методом фиксации инсайтного решения является метод постэкспериментального интервью (Danek et al., 2013; Novick, Sherman, 2003; и мн. др.). На наш взгляд, существую-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-78-00048.

шие методы постэкспериментального интервью требуют доработки и усовершенствования, в частности, большей ориентации на субъекта и его представления о творческом решении. Для сбора феноменологии и представлений решателей об инсайтном решении в данном исследовании использовался метод анализа кейсов. В целом данное исследование отсылает нас к исследованиям творческого решения долабораторного периода (Гельмгольц, 2008; Пуанкаре, 1909; Wallis, 1926). Из современных авторов методом анализа кейсов пользовались Г. Кляйн и А. Ярош, на основе анализа 120 кейсов они выделили основные элементы инсайтного решения, а также предложили несколько ключевых путей получения информации (Klein, Jarosz, 2011).

Целью настоящего исследования является сбор понятной для испытуемого феноменологии инсайтного решения для дальнейшей разработки и усовершенствования существующих методов постэкспериментального интервью, а также методов, задачей которых является предварительное знакомство испытуемых с определением инсайта и инсайтного решения.

Выборка: в исследовании приняло участие 11 человек ($M = 31,73$, $SD = 5,95$), 3 мужчины, 8 женщин.

Процедура

Было отобрано 20 кейсов, которые включают: описание великих научных открытий; истории создания различных инженерных находок; отрывки автобиографических описаний творческого процесса изобретателей, ученых, деятелей искусства; опыт переживания инсайта в повседневности и т. д.

Испытуемым необходимо было ознакомиться с кейсами и ответить на ряд вопросов:

1. Как вам кажется, что объединяет все предложенные истории? Выделите не менее 5 общих признаков.
2. Как вы думаете, как можно было бы назвать состояние, описанное в данных ситуациях, и противоположное ему?
3. Как вы думаете, когда возникают описанные ситуации, при каких условиях? Что провоцирует их появление?
4. Как вы думаете, что чувствует человек в подобных ситуациях? Как он ведет себя в подобных ситуациях?
5. Как вы думаете, как человеку приходят в голову идеи, подобные описанным в историях? О чем человек думает до момента нахождения решения, в момент решения, сразу после?
6. Охарактеризуйте каждую историю как минимум тремя прилагательными.

7. Можете ли вы выделить ключевое событие в каждой истории? Почему именно оно?
8. Какие этапы решения проблемы есть в историях? Укажите выделенный этап и номер истории, в котором он встречается.
9. Как вам кажется, есть ли в данных историях такие события, как
 - а) тупик (чувство безвыходности, непонимание, что делать дальше);
 - б) озарение (прояснение сознания, понимание чего-либо);
 - в) внезапность нахождения решения («решение пришло на ум неожиданно, как будто бы ниоткуда»);
 - г) яркие эмоции в конце решения.

Результаты

Вопрос 1. Как вам кажется, что объединяет все предложенные истории? Выделите не менее 5 общих признаков? Наиболее частотные ответы испытуемых: свежий взгляд, внезапное появление правильного решения, восприимчивость к любым событиям, интуитивное нахождение решения, озарение, осознание идеи, отвлечение от задачи, переключение внимания, поиск решения проблемы, счастье, трудности в решении.

Вопрос 2. Как вы думаете, как можно было бы назвать состояние, описанное в данных ситуациях, и противоположное ему? Наиболее частотные определения состояния: озарение и инсайт, наиболее частотное определение состояния, противоположное ему: тупик.

Вопрос 3. Как вы думаете, когда возникают описанные ситуации, при каких условиях? Что провоцирует их появление? Наиболее частотные ответы: высокая мотивация, поиск решения проблемы.

Вопрос 4. Как вы думаете, что чувствует человек в подобных ситуациях? Как он ведет себя в подобных ситуациях? При ответе на данный вопрос испытуемые назвали положительные (15), отрицательные (20), нейтральные (10) эмоции и состояния. Положительные эмоции испытуемые связывали с этапом поиска решения и озарением, отрицательные — с трудностями в решении и этапом тупика, нейтральную эмоциональную окраску имеет этап поиска решения, погружения в проблему, отвлечения и переключения внимания.

Вопрос 5. Как вы думаете, как человеку приходят в голову идеи, подобные описанным в историях? О чем человек думает до момента нахождения решения, в момент решения, сразу после? Наиболее частотные ответы можно объединить в следующие категории: внезапное появление правильного решения, интуитивное нахождение реше-

ния, недоумение («Почему не додумался раньше»), осознание идеи, отвлечение от задачи, перебор вариантов, поиск решения проблемы, проверка решения, свежий взгляд.

Вопрос 6. Охарактеризуйте каждую историю как минимум тремя прилагательными. Наиболее частотные прилагательные: неожиданный, внезапный, наблюдательный, случайный, творческий, вдохновляющий, интересный, сложный, озаренный, исследовательский, находчивый, познавательный, задумчивый, мучительный, напряженный, новый, успешный, экспериментальный.

Вопрос 7. Можете ли вы выделить ключевое событие. Наиболее частотные ключевые события, которые выделяют испытуемые: отвлечение от задачи, восприимчивость к любым событиям, обнаружение связей, свежий взгляд, переключение внимания, поиск решения проблемы, озарение, актуализация задачи, интуитивное нахождение решения, осознание идеи, азарт, трудности в решении.

Вопрос 8. Какие этапы решения проблемы есть в историях? Укажите выделенный этап и номер истории, в котором он встречается.

Из ответов испытуемых можно выделить следующие этапы, присутствующие во всех историях: 1) появление некоей проблемы, которую необходимо решить; 2) поиск решения (сознательный поиск решения, перебор вариантов, сосредоточенность и погружение в задачу); 3) препятствие, непонимание, тупик; 4) отдых от решения, отвлечение от решения; 5) использование одной из стратегий: взгляд под другим углом, восприимчивость к любым событиям, переключение внимания, обнаружение связей; 6) свежий взгляд на поставленную проблему; 7) озарение, внезапное или случайное решение; 8) осознанное и сформированное решение; 9) радость, счастье, облегчение, удивление, что не додумался/лась раньше (ощущение свободы); 10) проверка правильности решения.

Вопрос 9. Как вам кажется, есть ли в данных историях такие события, как: а) тупик (чувство безвыходности, непонимание, что делать дальше); б) озарение (прояснение сознания, понимание чего-либо); в) внезапность нахождения решения («решение пришло на ум неожиданно, как будто бы ниоткуда»); г) яркие эмоции в конце решения.

Большинство испытуемых отметили, что во всех предложенных им историях встречаются перечисленные этапы.

Выводы

Была собрана феноменология инсайтного решения, которой пользуются испытуемые, а также были определены основные этапы, которые выделяют наивные испытуемые при описании инсайтного решения.

Испытуемые отмечают, что для решения творческой задачи необходимо воспользоваться одной из стратегий: «взгляд под другим углом», «восприимчивость к любым событиям», «переключение внимания», «обнаружение связей». Стоит отметить, что в целом феноменологические описания, которые дали испытуемые, совпадают с представлениями ученых об этапах и специфике инсайтного решения.

Литература

- Гельмгольц Г.* Как приходят новые идеи // Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. А. Спиридонова, М. В. Фаликман, В. В. Петухова. М.: АСТ–Астрель, 2008. С. 627–629.
- Пуанкаре А.* Математическое творчество. Психологический этюд. Юрьев: Типография Э. Бергмана, 1909.
- Daneq A. H. et al.* Aha! experiences leave a mark: facilitated recall of insight solutions // *Psychological Research*. 2013. V. 77. № 5. P. 659–669.
- Klein G., Jarosz A.* A naturalistic study of insight // *Journal of Cognitive Engineering and Decision Making*. 2011. V. 5. № 4. P. 335–351.
- Novick L. R., Sherman S. J.* On the nature of insight solutions: Evidence from skill differences in anagram solution // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology. Section A*. 2003. V. 56. № 2. P. 351–382.
- Wallas G.* *The Art of thought*. London: Butler & Tanner Ltd, 1926.

Эмоциональный интеллект и лидерские способности студентов и специалистов в области программного обеспечения информационных технологий

А. В. Чудакова (Витебск)

В статье проанализированы результаты сопоставления показателей эмоционального интеллекта и лидерских способностей студентов 1-го и 4-го курсов, а также специалистов в области программного обеспечения информационных технологий (в каждой группе $n = 20$, всего $N = 60$). Цель исследования — определение уровня эмоционального интеллекта и лидерских способностей указанных студентов и специалистов. В ходе исследования были использованы метод опроса, представленный следующей батареей методик: тест «Диагностика лидерских способностей» (Е. Жариков, Е. Крушельницкий), тест (опросник) эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Д. В. Люсин). Для обработки данных применялся, непараметрический критерий U-критерий Манна–Уитни.

В исследованиях по вопросу лидерства центральное место занимает изучение проблем повышения эффективности работы организаций. Эффективность работы коллектива связана с уровнем эмоционального интеллекта ее лидера (Гоулман, 2008). Эмоциональный интеллект – способность к пониманию и управлению эмоциями, своими собственными и чужими (Социальный интеллект, 2004). Лидер способен оказывать как позитивное, так и негативное влияние на деятельность сотрудников. Развитый эмоциональный интеллект помогает лидеру находить контакты с людьми, вдохновлять, поддерживать, мотивировать своих сотрудников. Успешные лидеры осознают влияние эмоций на работу и взаимоотношения с членами группы. Лидерство всегда имеет эмоциональную первооснову (Гоулман, 2008). Лидер, который смотрит на вещи с позитивной точки зрения, способен выстроить более эффективные межличностные отношения с сотрудниками, чем лидер, который обладает негативными жизненными убеждениями. Позитивный настрой помогает сотрудникам работать более эффективно, быстро реагировать на меняющиеся ситуации и находить подходящие решения. Негативные эмоции способны оказывать отрицательное влияние на трудовую деятельность, отвлекать сотрудников от решения задач. Лидеры, которые обладают высоким уровнем эмоционального интеллекта, направляют эмоции своих подчиненных в нужное русло (Белоконь, 2008).

Изучение уровня эмоционального интеллекта и лидерских способностей проводилось в ВГУ им. П. М. Машерова среди студентов, обучающихся по специальности «Программное обеспечение информационных технологий» 1-го и 4-го курсов, и в IT-компании ООО «Андерсан» среди программистов. В исследовании приняли участие 40 студентов в возрасте 17–23 лет ($M = 19,2$), 20 программистов в возрасте 23–32 лет ($M = 26$). Общее количество испытуемых – 60 человек.

Испытуемым были предложены три методики: тест «Диагностика лидерских способностей» (Е. Жариков, Е. Крушельницкий), тест (опросник) эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Д. В. Люсин), методика «Эффективность лидерства» (Р. С. Немов).

Результаты, полученные по методике «Диагностика лидерских способностей» (Е. Жариков, Е. Крушельницкий), позволили установить, что 40% студентов 1-го курса обладают средней степенью выраженности лидерских качеств. Такие студенты имеют достаточно высокий интеллект, способны рационально оценивать происходящее. 40% студентов обладают низкой степенью выраженности лидерских качеств. Данную группу составляют студенты, которые склонны проявлять замкнутость при общении и стремятся работать

индивидуально. Высокая степень выраженности лидерских качеств диагностирована у 20% студентов 1-го курса. Данную группу можно охарактеризовать как организованных, дисциплинированных людей, готовых брать ответственность за результаты работы всей группы.

Большинство студентов 4-го курса (47%) обладают низкой степенью выраженности лидерских качеств, при общении замкнуты и предпочитают работать индивидуально. Студенты (37%), обладающие средним уровнем лидерских качеств, при необходимости готовы взять на себя руководство группой, но эффективность их руководства носит ситуативный характер. Высокая степень выраженности лидерских качеств диагностирована у 16% студентов 4-го курса, они организованны, дисциплинированы и ответственны, способны проявлять гибкость и обязательность в любых ситуациях.

Большинство специалистов (80%) в области программирования обладают средней степенью выраженности лидерских качеств. При необходимости они готовы взять на себя руководство группой, но эффективность их работы и способность влиять на мнение группы будет носить ситуативный характер. Часть программистов (10%) обладают развитыми лидерскими качествами. В коллективе уважают чужое мнение, всегда принимают участие в решении групповых вопросов. Низкая степень выраженности лидерских качеств диагностирована у 10% программистов.

Результаты исследования по методике «Тест (опросник) эмоционального интеллекта ЭМИн» (Д. В. Люсин) позволяет сделать вывод, что большинство студентов 1-го курса обладают низким уровнем общего эмоционального интеллекта (50%). Студенты с низким уровнем не способны понять природу эмоций, которые они испытывают, не способны управлять ими. Средний уровень выявлен у 20% студентов. Студенты, которые обладают высоким уровнем общего эмоционального интеллекта (30%), хорошо разбираются не только в своих эмоциях, но и в эмоциях окружающих людей.

Проведенное исследование по методике «Тест (опросник) эмоционального интеллекта „ЭМИн“» Д. В. Люсина среди студентов 4-го курса позволило установить, что большинство студентов обладают низким уровнем общего эмоционального интеллекта (50%), студенты не способны распознавать свои и чужие эмоции, испытывают сложности в управлении ими. Средний уровень общего эмоционального интеллекта выявлен у 20% студентов. Наличие высокого уровня общего эмоционального интеллекта позволяет студентам (30%), хорошо разбираться в своих эмоциях и в эмоциях других людей.

Результаты исследования по методике «Тест (опросник) эмоционального интеллекта ЭМИн (Д. В. Люсин)» у программистов позволяет сделать вывод, что большинство (60%) программистов обладают средним уровнем общего эмоционального интеллекта. Низкий уровень общего эмоционального интеллекта выявлен у 20% программистов, они долго адаптируются к новым условиям, испытывают трудности в понимании и управлении эмоциями. Программисты, которые обладают высоким уровнем общего эмоционального интеллекта (20%), хорошо разбираются не только в своих эмоциях, но и в эмоциях окружающих людей.

Сравнительный анализ с помощью U-критерия Манна–Уитни студентов 1-го курса и студентов 4-го курса показал, что среди данных групп отсутствуют значимые различия по уровню развития лидерских качеств и общему эмоциональному интеллекту. Сравнительный анализ группы студентов 4-го курса и программистов показал, что уровень общего эмоционального интеллекта достигает более высокого уровня у программистов, чем у студентов 4-го курса. По уровню развития лидерских качеств значимых различий обнаружено не было.

Специалисты в области программирования обладают более высоким развитым эмоциональным интеллектом, чем студенты 4-го курса. Можно предположить, что профессиональная деятельность положительно влияет на развитие данного вида интеллекта. Особенностью коллектива программистов является то, что все они заняты разработкой одного продукта/проекта, стремятся к общей цели, корпоративная культура настроена на поддержание положительной и дружеской атмосферы. В свою очередь, студенты 4-го курса нередко находятся в обстановке конкуренции, чаще заняты индивидуальными проектами.

Проведенное исследование позволило сделать *выводы*, что большинство студентов 1-го курса обладают средней степенью выраженности лидерских качеств. Большинство студентов 4-го курса обладает низкой степенью выраженности лидерских качеств. Наибольшее количество студентов 1-го и 4-го курсов обладают низким уровнем общего эмоционального интеллекта. Среди программистов большинство обладают средней степенью выраженности лидерских качеств и средним уровнем общего эмоционального интеллекта.

Результаты сравнительного анализа группы студентов 1-го курса и студентов 4-го курса показал, что среди данных групп отсутствуют значимые различия по таким показателям, как уровень развития лидерских качеств и общий эмоциональный интеллект. Различия

были выявлены между студентами 4-го курса и программистами, при этом уровень общего эмоционального интеллекта выше у программистов, чем у студентов 4-го курса. По уровню развития лидерских качеств значимых различий между сопоставляемыми группами не обнаружено.

Литература

- Белоконь О. В. Эмоциональный и социальный интеллект и феномен лидерства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 3. С. 137–144.
- Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.
- Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

Аутентичность личности ребенка в школьной среде

Т. В. Чумакова (Москва)

В работе рассматривается феномен диспозициональной аутентичности личности ребенка и его проявления в школе, определяются факторы, влияющие на переживание учеником аутентичности как с точки зрения поддержания этого чувства, так и с точки зрения факторов и источников его подавления. Выборку составили 53 ученика 7-х и 9-х классов (12–15 лет) подмосковной школы г. Лобни. Полученные данные позволяют выявить, какие факторы способствуют появлению аутентичности или «потери себя» ребенком, в каком возрасте и к каким факторам дети более сензитивны, а также как ценности детей могут быть связаны с рассматриваемыми феноменами. Наиболее важный вывод, который можно сделать по результатам данной работы: школа не способствует приобретению чувства аутентичности, но и не всегда содействует самоотчуждению. Несмотря на то, что школа действительно оказывает давление на учеников, многие из них могут справляться с этим давлением. Ситуации, которые в наибольшей степени ведут к ощущению самоотчуждения: конфликты в школе, а также невозможность заниматься тем, чем хочется.

Аутентичность – это способность быть «самим собой», прожить подлинную жизнь, реализовать свою истинную сущность. Феномен аутентичности наблюдается в основном у взрослых сформированных людей. За рубежом данный вопрос изучают Э. П. Лентон, Л. Слабу и другие, а в отечественной психологии – С. К. Нартова-Бочавер (Нартова-Бочавер, 2011; Lenton et al., 2013). Разделяют аутентичность как переживание и как черту личности, которая и обуславливает проявление аутентичности в отдельных ситуациях. В данном исследовании интерес отводится подросткам – людям, у которых чувство аутентичности только закладывается и формируется или сложилось недавно. От того, как будет закладываться данное переживание в раннем возрасте, зависит ощущение человека в зрелости (Harter, 2002). Антагонистом аутентичности выступает самоотчужденность, под которой понимается распад целостной личности, потеря цели жизни и смысла существования, чуждость человека самому себе. В данной работе будет исследоваться аутентичность как диспозициональная черта, а не как состояние. Черта личности, является довольно постоянной и устойчивой во времени структурой.

Целью настоящей работы является определение и рассмотрение факторов, влияющих на переживание аутентичности учеником как с точки зрения поддержания этого чувства, так и с точки зрения факторов и источников его подавления. Выборку составили 53 ученика 7-х и 9-х классов (12–15 лет) подмосковной школы г. Лобни. Используется метод письменного интервью в виде ответов на ряд вопросов (например, «Что значит для вас „быть в школе самим собой“? Как бы вы описали это чувство? Что оно включает в себя?»), шкала аутентичности, включающая три субшкалы (Wood et al., 2008), а также опросник ценностей (Doring et al., 2010). Исследование проводится для изучения ситуаций школьной жизни, которые благоприятствуют тому, чтобы дети чувствовали себя «самими собой», и которые способствуют появлению отчужденности. Также будет выявлено, какие причины являются предикторами аутентичности или отчужденности школьников, а также рекомендации для дальнейших исследований в данной научной области.

Наиболее показательными результатами можно считать следующие: в процессе исследования выяснилось, что ученики 9-го класса рассматривают самоотчуждение как довольно частое, но кратковременное переживание (21 человек из 28), тогда как в 7-м классе дети реже испытывают подобные чувства (14 человек из 25). Соотношение влияния факторов также довольно сильно различается между классами, например, другие люди в наибольшей степени способст-

вуют потере 7-классниками самих себя, тогда как в 9-м классе различия между влиянием других людей, школы и настроением очень незначительное. Аутентичность так же, как и самоотчужденность, чаще рассматривается подростками в качестве кратковременного переживания, в связи с чем, например, в 9-м классе только 1/7 часть школьников не чувствует себя аутентично. В 7-м классе понимание аутентичности довольно сильно рознится, тогда как более старшие ребята чаще отмечают, что это чувство связано с естественностью. При анализе результатов проведения опросника ценностей выяснилось, что менее аутентичные дети из 7-го класса выделяют в качестве непредпочтительных ценностей следование традициям и конформность. Определено преобладание ориентации на достижения в 9-м классе, тогда как в 7-м классе это по большей степени желание оказывать добро окружающим. Лидирующую же позицию в обоих классах занимает желание получать удовольствие от жизни.

В результате данного исследования удалось выяснить, что школа не способствует появлению ощущения себя «самим собой», однако и не является главным фактором самоотчуждения. Дети «теряют себя» главным образом из-за сложных взаимоотношений с другими людьми в рамках школы. Конфликты со сверстниками, непонимание с учителями, буллинг, отстраненность от общения и отсутствие близких контактов в школе — те факторы, которые приводят детей к самоотчуждению. Школа в большой степени влияет на самочувствие подростков, поскольку не предоставляет им возможности заниматься тем, с чем они могут себя идентифицировать. Школа занимает много времени в жизни ребенка, и часто у него не остается возможности заниматься хобби, которые приносят ему удовольствие и через которые он может себя определить.

Что же касается давления, которое оказывает школа в виде оценок, форм контроля и др., то подростки часто справляются с ним. За многие годы обучения у многих из них сформировались навыки самозащиты, которые помогают им «не потерять себя» и быть способными выполнять те задания, которые ставит перед ними школа.

Литература

- Нартова-Бочавер С. К.* Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования // Психологический журнал. 2011. Т. 32. 6. С. 18–29.
- Doring A. K., Blauensteiner A., Aryus K., Drogekamp L., Bilsky W.* Assessing values at an early age: The Picture-Based Value Survey for Children (PB-

VS-C) // Journal of Personality Assessment. 2010. V. 92. № 5. P. 439–448.
doi: 10.1080/00223891.2010.497423.

Harter S. Authenticity // Handbook of Positive Psychology / Eds C. R. Snyder, S. J. Lopez. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 382–394.

Lenton A. P., Bruder M., Slabu L., Sedikides C. How does “being real” feel? The experience of state authenticity // Journal of Personality. 2013. V. 81. № 3. P. 276–289. doi: 10.1111/j.1467-6494.2012.00805.x.

Wood A. M., Linley P. A., Maltby J., Baliousis M., Joseph S. The Authentic Personality: A Theoretical and Empirical Conceptualization and the Development of the Authenticity Scale // J. Counselling Psychology. 2008. V. 55. P. 385–399. doi: 10.1037/0022-0167.55.3.385.

Особенности применения метода айтрекинга в психологических исследованиях

Е. Ю. Шелепин, К. А. Скуратова (Санкт-Петербург)

Данная статья посвящена айтрекингу как объективному аппаратному методу в области психологии и междисциплинарных исследований. Авторами анализируются алгоритмы детекции фиксации, используемые в специализированном программном обеспечении для регистрации и анализа движений глаз. Также приводятся качественные и количественные методы анализа глазодвигательной активности.

Процессы зрительного восприятия в значительной степени бессознательны и недоступны для самоанализа. Например, испытуемые сообщают только о некоторых движениях своих глаз или сообщают о движениях глаз, которых они не делали. Для их изучения требуются специальные методы исследования. Поскольку движения глаз отражают обработку зрительной информации, айтрекинг может использоваться как эффективный, объективный и относительно простой метод изучения, в первую очередь, перцептивных, а также когнитивных и даже эмоциональных процессов при восприятии сложных визуальных сцен, выполнении когнитивных задач, взаимодействии с интерфейсами, восприятии социальных сцен и мн. др.

Айтрекинг применяется как основной или дополнительный метод во всех областях психологии: когнитивной психологии, возрастной психологии, социальной психологии, психологии здоровья, психологии спорта, а также смежных областях (дефектологии, психолингвистики, эргономики, нейромаркетинга).

Долгое время на рынке программного обеспечения для регистрации и анализа движений глаз были представлены только зарубежные решения. Проанализировав их функциональные возможности, а также потребности исследователей, нами было разработано программное обеспечение Нейробюро, обеспечивающее синхронную регистрацию движений глаз, ЭКГ, ЭМГ, ЭАК, ЭЭГ и ответов испытуемых, а также широкий набор качественных и количественных методов анализа.

Алгоритм детекции фиксаций

В специализированном программном обеспечении, предназначенном для проведения исследований с регистрацией движений глаз, используются различные алгоритмы детекции фиксаций и сепарации их от саккад. Входными данными для алгоритма является последовательность вида (временная отметка, координата по горизонтальной оси, координата по вертикальной оси), где пространственные координаты положений взгляда соответствуют каждой временной отметке. Временные отметки следуют с частотой, соответствующей частоте дискретизации айтрекера.

Выделяются две группы алгоритмов: алгоритмы, основанные на скорости движений глаз, и алгоритмы, основанные на пространственном положении движений глаз (Komogortsev et al., 2010).

К основанным на скорости алгоритмам детекции фиксаций относятся:

- I-VT (классификация на основе порога скорости саккад);
- I-NMM (классификация на основе скрытой марковской модели);
- I-KF (классификация на основе фильтра Калмана).

К основанным на пространственных данных алгоритмам детекции фиксаций относятся:

- I-MST (классификация на основе минимального остовного дерева);
- I-DT (классификация на основе пространственной дисперсии точек положения взгляда).

В программном обеспечении «Нейробюро» применяется алгоритм семейства I-VT (*the Velocity-Threshold Identification*), который заключается в классификации движений глаз на основе определения порога скорости саккад:

Для каждого расстояния между текущей и следующей точкой вычисляется скорость.

Затем каждая точка классифицируется либо как точка фиксации, либо как точка саккады на основе порогового значения скорости: если скорость точки ниже порога, она становится точкой фиксации, в противном случае она становится точкой саккады.

Далее процесс агрегирует последовательные точки фиксации в группу фиксации.

Наконец I-VT переводит каждую группу фиксации в представление $\langle x, y, t, d \rangle$, используя центроид точек как x и y , время первой точки как t и продолжительность точек как d (Salvucci, Goldberg, 2000).

Таким образом, для работы алгоритма I-VT необходимо задать порог скорости саккад. Рекомендуемым значением данного параметра является $70^\circ/\text{с}$ (Komogortsev et al., 2010).

Для повышения точности детекции фиксаций в программном обеспечении «Нейробюро» алгоритм I-VT был дополнен следующими функциями: заполнение пропусков, выбор источника данных, подавление шума, объединение смежных фиксаций, удаление коротких фиксаций.

Возможности Нейробюро

Разработанное программное обеспечение позволяет проводить как качественный (с помощью карт движения взгляда и тепловых карт), так и количественный (с помощью выделения АОИ) анализ движений глаз (Шелепин, Шелепин, Скуратова, 2019).

Карта движения взгляда основывается на пространственных (где произошла фиксация) и временных данных (когда произошла фиксация и как долго она длилась). Последовательность фиксаций и ее схематичное изображение зависит от того, куда смотрят испытуемые и сколько времени на это тратят, и дает более глубокое понимание механизма внимания. Порядок внимания является часто используемым параметром в исследованиях глазодвигательной активности, поскольку отражает интерес человека и позволяет выделить наиболее существенные объекты на экране или в окружающей среде, которые определяются визуально (например, цветом или яркостью) или являются эмоционально или социально значимыми.

Тепловая карта – статическое или динамическое объединение всех точек взгляда испытуемого, показывающая распределение визуального внимания и отображающаяся при помощи наложения цветового градиента на представленное изображение. Построенные на основе удобной для понимания цветовой схемы тепловые карты служат прекрасным методом визуализации того, какие элементы стимула привлекли наибольшее внимание: «теплые» красные об-

ласти соответствуют большему числу точек взгляда (и, таким образом, наибольшему интересу), более «холодные» желтые и зеленые области соответствуют меньшему числу точек взгляда (и более низкой доле внимания). Бесцветные области соответствуют элементам, не привлечшим внимания испытуемых.

Область интереса (*AOI*, сокращенно от *Area of Interest*) представляет собой инструмент для выбора зон предъявляемого стимула, а также для извлечения показателей специально для этих областей. На данный момент Нейробюро позволяет получать количественные характеристики как по фиксациям (например, количество фиксаций до первой фиксации на AOI, количество фиксаций на AOI, продолжительность первой фиксации, средняя продолжительность фиксаций), так и по саккадам (например, средняя амплитуда саккад, общая длина пути сканирования, средняя скорость саккад, время до пика). Также доступны такие параметры, как суммарное время фиксации на AOI, количество возвратов в AOI, соотношение числа просмотревших на AOI испытуемых к общему числу испытуемых, соотношение площади AOI к общей площади стимула.

Литература

- Шелепин Е. Ю., Шелепин К. Ю., Скуратова К. А.* Айттрекинг. Методическое пособие по применению. СПб.: Скифия-принт, 2019.
- Kotogortsev O. V., Gobert D. V., Jayarathna S., Koh D. H., Gowda S. M.* Standardization of automated analyses of oculomotor fixation and saccadic behaviors // *IEEE Transactions on Biomedical Engineering*. 2010. V. 57. № 11. P. 2635–2645. doi: 10.1109/TBME.2010.2057429.
- Salvucci D. D., Goldberg J. H.* Identifying fixations and saccades in eye-tracking protocols // Paper presented at the Proceedings of the Eye Tracking Research and Applications Symposium. 2000. P. 71–78. doi: 10.1145/355017.355028.

Ресурсы и гибкость совладания в разные возрастные периоды*

Н. С. Шипова (Кострома)

Целью представленного в настоящей статье исследования является рассмотрение специфики гибкости совладающего поведения лиц разного возраста, а также ресурсов, используемых ими в трудных жиз-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00435-А.

ненных ситуациях. Эмпирическую базу составили лица подросткового, юношеского и взрослого возрастов. При анализе исследуемых показателей в разные возрастные периоды нами обнаружены значимые различия между характеристиками гибкости копинга (множественный копинг) и применяемыми ресурсами совладания с трудными жизненными ситуациями.

Тема стратегий преодоления трудных ситуаций и используемых для этого ресурсов является популярной в современной психологии. Большое количество исследований по этой теме выполнено в русле возрастной психологии (A. S. Masten, M. G. Reed, M. H. Schmidt, E. E. Werner, N. Garnezy, K. Niebank, F. Petermann, H. Scheithauer, Е. А. Петрова, А. А. Мелехин, Е. А. Сергиенко, Л. А. Головей, И. Б. Дерманова). Ведь именно личностные ресурсы отражают наличие сил и внутренней готовности к преодолению ситуаций вызова (Одинцова и др., 2019). И. Н. Базаркина выяснила, что личностные ресурсы и предпочитаемые копинг-стратегии имеют возрастные особенности: жизнестойкость снижается от юношеского возраста к зрелому, причем снижение происходит за счет принятия риска и контроля. От юношеского возраста к зрелому активность снижается, но повышается оптимизм при увеличении частоты использования конфронтации. В зрелости не меняется самовосприятие, но представления о природе человека оказываются более позитивными, чем в юности, также более высокими являются осмысленность жизни и экзистенциальная исполненность (Базаркина, 2013).

Внимание к гибкости копинга в современной российской науке является скорее новшеством (Крюкова, Екимчик, 2020). Гибкость копинга рассматривается как условие эффективной адаптации к стрессу путем использования большего количества копинг-стратегий или разных копинг-реакций в определенных ситуациях (Zimmer-Gembeck et al., 2018).

Предпринятое нами исследование является комплексным, оно направлено на изучение многообразных аспектов проблематики ресурсов, вопросов внутренних сил (ресурсов человека, делающих его продуктивным и стойким и обеспечивающих его позитивное развитие, несмотря на вызовы времени) а также тех факторов и механизмов, которые позволяют человеку открывать и активно конструировать собственные ресурсы. Целью представленной части исследования является рассмотрение специфики гибкости совладающего поведения лиц разного возраста, а также ресурсов, используемых ими в трудных жизненных ситуациях. Эмпирическая база состоит из трех подгрупп: подростки (51 человек) в возрасте от 13 до 18 лет, средний воз-

раст – 15,6 лет; лица юношеского возраста (115 человек) в возрасте от 18 до 24 лет, средний возраст – 20,4; взрослые люди (120 человек) в возрасте от 24 до 65 лет, средний возраст – 40,9 лет. Доля мужчин в выборке – 36%, доля женщин – 64%. Методический инструментарий представлен следующими *методами*:

- Опросник Самовоспринимаемой гибкости совладания со стрессом (Self-Perceived Flexible Coping with Stress) (Zimmer-Gembeck et al., 2018).
- Анкета, представляющая собой перечень ресурсов, используемых людьми в трудных ситуациях. Респонденту предлагалось оценить частоту встречаемости того или иного ресурса в его собственной жизни.

Гипотезой исследования служило предположение о наличии значимых различий между уровнями и характеристиками гибкости копинга и ресурсами совладания с трудными жизненными ситуациями лиц разных возрастов.

Полученные результаты

Дескриптивная статистика показала доминирование ситуативного копинга во всех группах испытуемых: в подростковом возрасте $M = 30,3$, $SD = 5,1$; в юношеском возрасте $M = 30,1$, $SD = 5,3$; во взрослом возрасте $M = 26,7$, $SD = 6,9$. Также высока встречаемость множественного копинга в группе лиц подросткового возраста ($M = 30,3$, $SD = 6,8$). Во всех возрастных группах минимальную выраженность имеет ригидный копинг (у подростков $M = 23,1$, $SD = 9,2$; у юношей $M = 20,0$, $SD = 7,5$; у взрослых $M = 20,9$, $SD = 6,4$). Значимые различия при статистическом анализе данных по критерию Краскела–Уоллиса выявились по шкале множественного копинга ($H(2, N = 103) = 6,21$; $p = 0,04$). Мы склонны это объяснять попытками подростков найти более эффективную стратегию (средний ранг – 69,53), в то время как у лиц юношеского и взрослого возраста уже сложился репертуар предпочитаемых стратегий совладания с трудностями жизни (средние ранги – 50,32 и 47,87, соответственно).

Изучение ресурсов, применяемых респондентами, показало большую распространенность таких ресурсов, как уважение к людям (69% и 77%), ум (73%, 77%), у респондентов подросткового и юношеского возрастов; при этом у взрослых людей к этим же показателям (уважение к людям – 88%; ум – 91%) добавилась еще большая выраженность ресурса самостоятельности (87%) и способность использовать предыдущий опыт (91%). В целом можно сказать, что взрослые

люди демонстрируют больший репертуар используемых в трудных жизненных ситуациях ресурсов, на это указывает значительно большее количество оценок «часто» и «очень часто» в вопросах анкеты.

Что касается содержательного анализа ресурсов в разные возрастные периоды, то можем сказать следующее: снижается роль креативности (с 61% в подростковом возрасте и 57% в юношеском до 40% во взрослом), возрастает роль доверительных отношений с близкими людьми и семьей (с 60% в подростковом возрасте и 67% в юношеском до 83% во взрослом). Роль целеустремленности как личностного качества, помогающего справиться с трудными жизненными ситуациями, также возрастает (с 58% в подростковом возрасте до 70% и 77% в юношеском и взрослом соответственно). Также возрастает способность использовать предыдущий опыт (67% и 71%, соответственно, по сравнению с 91% во взрослости) и умение контролировать себя (23% у подростков по сравнению с 63% у юношей и 73% у взрослых респондентов). Это мы можем объяснить более рассудочной позицией взрослых людей по сравнению с молодежью, пониманием необходимости самоконтроля и учета прошлых событий для эффективного действия в настоящем. Интересно отметить, что значение физических качеств также возрастает с увеличением возраста респондентов (с 35% и 39% в подростковом и юношеском возрастах до 62% во взрослом). Это мы склонны объяснять более бережным и ценностным отношением к своему здоровью с увеличением жизненного опыта и количества приобретенных заболеваний. Мало значения подростки придают близким, романтическим отношениям (21%) по сравнению с молодыми (51%) и взрослыми (49%) людьми. Мы склонны объяснять эти данные сконцентрированностью подростков на учебе и начальной профориентации либо, напротив, рассмотрением близких отношений как отдельной ценности жизни, а не как ресурса, позволяющего преодолевать трудности.

Статистический анализ данных подростков и взрослых по критерию Фишера показал значимость по шкалам *Уважение к людям* ($\varphi = 2,88$, $p = 0,01$), *Креативность* ($\varphi = 2,28$, $p = 0,05$), *Доверительные отношения с близкими/семьей* ($\varphi = 3,09$, $p = 0,01$), *Целеустремленность* ($\varphi = 2,46$, $p = 0,01$), *Способность использовать предыдущий опыт* ($\varphi = 3,63$, $p = 0,01$), *Умение контролировать себя* ($\varphi = 6,24$, $p = 0,001$), *Физические качества* ($\varphi = 3,3$, $p = 0,01$), *Близкие (романтические) отношения* ($\varphi = 3,6$, $p = 0,01$).

При анализе данных в группах подростков и юношей выявлены результаты по следующим шкалам: *Умение контролировать себя* ($\varphi = 4,93$, $p = 0,001$), *Близкие (романтические) отношения* ($\varphi = 3,84$, $p = 0,01$).

Таким образом, при анализе исследуемых показателей в разные возрастные периоды нами обнаружены значимые различия между характеристиками гибкости копинга (множественный копинг) и применяемыми ресурсами совладания с трудными жизненными ситуациями.

Литература

- Базаркина И. Н.* Личностные ресурсы и паттерны поведения в критических ситуациях в юношеском и зрелом возрастах: в разных культурно-исторических условиях: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
- Крюкова Т. Л., Екимчик О. А.* Апробация опросника самовоспринимаемой гибкости копинга со стрессом // *Ананьевские чтения – 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.): Материалы международной научной конференции, 8–11 декабря 2020 года / Под общ. ред. А. В. Шаболтас, Е. Л. Солдатовой; отв. ред. А. К. Кулиева. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 75–76.*
- Одинцова М. А., Радчикова Н. П., Козырева Н. В., Кузьмина Е. И.* Сравнительный анализ личностных ресурсов переходного и нового поколений белорусов и россиян в новых культурно-исторических условиях // *Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 47–66. doi: 10.17759/sps.2019100205.*
- Zimmer-Gembeck M. J., Skinner E. A., Modecki K., Webb H. J., Rapee R. M., Hawes T., Gardner A.* The self-perception of flexible coping with stress: A new measure and relations with emotional adjustment // *Cogent Psychology. 2018. V. 5. Iss. 1. doi: 10.1080/23311908.2018.1537908.*

Изучение качества жизни и самореализации лиц с типичным и атипичным развитием*

Н. С. Шипова (Кострома)

В настоящей статье представлены результаты исследования специфики качества жизни и самореализации лиц с типичным и атипичным развитием, а также выявление связей исследуемых феноменов в различных группах респондентов. Эмпирическая база исследования состоит из двух групп респондентов, общее количество – 40 человек. Установ-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-6263.2021.2.

лены корреляционные связи самореализации с показателями качества жизни, выявлены различия в показателях самореализации лиц с типичным и атипичным развитием, а также определено влияние самореализации на конструкт качества жизни.

Согласно теории А. Маслоу, потребность реализовать себя является высшей в иерархии человеческих стремлений. Невозможность ее реализации влияет на ощущение счастья и качество человеческой жизни. Именно эта связь заинтересовала наш исследовательский коллектив в контексте нормативного и нарушенного развития.

Целью исследования является поиск специфики качества жизни и самореализации лиц с типичным и атипичным развитием, а также выявление связей исследуемых феноменов в различных группах респондентов.

Основным является понятие самореализации, которое в концепции С. И. Кудинова понимается как воплощение, опредмечивание своих способностей, знаний, умений и навыков, возможностей в настоящий момент времени в различных сферах жизни (Кудинов, 2007). Л. Коростылева понимает самореализацию как комплексный процесс, предполагающий реализацию сущностной природы человека и собственного опыта субъекта (Коростылева, 2001).

Ссылаясь на определение Всемирной организации здравоохранения, мы склонны рассматривать качество жизни как восприятие человеком его жизненной позиции в контексте той культуры и системы ценностей, к которым он принадлежит и которые разделяет в соответствии с целями, ожиданиями, нормами и заботами (Felse, Reggu, 1995). Поскольку качество жизни является обширным понятием, отражающим многие стороны жизни субъекта и общества (социально-экономическое, экологическое, культурное и политическое состояние) (Юдина, 2017), мы ограничиваемся только рассмотрением субъективной оценки индивидом собственной удовлетворенности различными жизненными категориями

Опишем дизайн проведенного исследования. Методический инструментарий представлен тестовыми методиками:

- Опросник качества жизни и удовлетворенности (Quality of Life Enjoyment and Satisfaction Questionnaire);
- Авторская анкета по тематике самореализации, построенная на основе Теста суждений самореализации личности (С. И. Кудинов). Исходная методика позволяет выявить специфику самореализации субъекта и разработана в рамках авторского полисистемного подхода. Анкета представляет собой список из 19 вопросов,

часть которых — обратные. Анкета проясняет такие аспекты изучаемого понятия, как сферы (личностная, профессиональная), характеристики (активность, инертность, оптимистичность, пессимистичность, интернальность, экстернальность, креативность, консервативность, конструктивность, деструктивность), мотивация (социоцентрическая, эгоцентрическая мотивация, общая мотивированность), а также ценность и смысл самореализации.

Качественные данные собирались при помощи феноменологического полуструктурированного интервью. Математическая обработка производилась при помощи пакета Statistica, применялась дескриптивная статистика, сравнительный анализ с помощью U-критерия Манна–Уитни, корреляционный и регрессионный анализ.

Эмпирическая база исследования состоит из группы респондентов с типичным развитием (20 человек, из них 10 мужчин и 10 женщин), а также группы лиц с нарушенным развитием (также 20 человек, половой состав идентичен первой группе). Общее количество респондентов — 40 человек, возраст — от 18 до 35 лет, средний возраст — 23,6 лет.

Гипотезой исследования выступало предположение о наличии связей между показателями самореализации и аспектами качества жизни, а также наличие специфики исследуемых показателей в группах лиц с типичным и атипичным развитием.

Перейдем к описанию полученных результатов. У респондентов с нормативным развитием преобладают показатели по шкалам *Физического здоровья* ($M = 13,25$, $SD = 2,5$ по сравнению с $M = 12,7$, $SD = 3,7$) и *Общениия* ($M = 17,8$, $SD = 4,1$ по сравнению с $M = 15,3$, $SD = 4,1$). Это может быть обусловлено отсутствием у данной группы ограничений по здоровью и проблем с коммуникацией. Показатели по шкале *Эмоциональных переживаний* у лиц с атипичией развития выше ($M = 18,0$, $SD = 5,2$), чем у нормативно развивающихся респондентов ($M = 16,9$, $SD = 3,7$). Если рассматривать показатели по дополнительным шкалам, можно выделить то, что уровень *Удовлетворенности лекарствами* у лиц с атипичным развитием ниже, чем у лиц с типичным развитием ($M = 1,9$, $SD = 1,2$ по сравнению с $M = 2,8$, $SD = 1,4$). Это может быть обусловлено неоправданными ожиданиями улучшения самочувствия посредством приема лекарственных средств у респондентов с нарушенным развитием. Также обнаружено, что уровень *Удовлетворенности взаимоотношениями* у лиц с атипичным развитием несколько ниже, чем у группы лиц с нормативным развитием ($M = 3,5$, $SD = 1,4$ по сравнению с $M = 2,8$, $SD = 1,3$).

На основании результатов авторской анкеты можно сказать, что у лиц с нормативным развитием максимально выражена *Собственная ценность* ($M=9,58$, $SD=1,83$) и *Деструктивность* ($M=7,67$, $SD=2,02$). Минимальные значения у этой группы наблюдаются по шкале *Инертности* ($M=3,5$, $SD=1,51$). У лиц с нарушенным развитием в большей степени выражены показатели *Деструктивности* ($M=7,62$, $SD=1,89$), самые низкие показатели по шкале *Экстернальности* ($M=2,85$, $SD=1,14$). Это может свидетельствовать о том, что для лиц с атипичным развитием большее значение имеет внутренняя работа, а лица с нормативным развитием склонны придавать большое значение самореализации как собственно ценности для субъекта.

В дальнейшем нами были выявлены статистически значимые различия между исследуемыми группами по шкалам *Активность* ($U=30$, $p=0,007$), *Собственная ценность* ($U=39$, $p=0,03$), исследуемые показатели выше у группы лиц с нормативным развитием.

Корреляционный анализ показателей самореализации и составляющих качества жизни показал, что прямые связи наблюдаются у шкалы *Инертности*:

- со шкалой *Эмоциональные переживания* ($p<0,01$),
- со шкалой *Удовлетворенность взаимоотношениями* ($p<0,01$),
- со шкалой *Удовлетворенность функционированием* ($p<0,01$), что свидетельствует о том, что состояние удовлетворенности состоянием, отношениями и функционированием связана с высоким уровнем инертности; это можно объяснить субъективным ощущением реализованности человека в обозначенных сферах, что приводит к снижению активности по реализации себя в них и стремлением просто поддерживать достигнутый уровень.

Шкала *Консервативность* имеет со шкалой *Активность в свободное время* ($p<0,01$) прямую корреляционную связь, что означает стремление субъекта реализовать себя в известной и хорошо знакомой ему сфере деятельности в свое свободное время.

Также прямая корреляционная связь наблюдается у шкалы *Оптимистичности* со шкалами *Эмоциональные переживания* ($p<0,05$), *Общение* ($p<0,05$), *Удовлетворенность взаимоотношениями* ($p<0,05$), *Удовлетворенность функционированием* ($p<0,05$), что свидетельствует о том, что чем выше показатели эмоционального переживания, удовлетворенности отношениями и функционированием, а также общения, тем выше уровень оптимистичности в достижении самореализации. Полученные данные можно объяснить убежденностью человека

в том, что он способен хорошо реализовывать себя в окружающем мире при высокой удовлетворенности основными жизненными сферами.

Согласно результатам регрессионного анализа, для физического здоровья как показателя качества жизни ($R^2=0,84$, $F=2,3$, $p<0,13$) предикторами являются *Личностная шкала самореализации* ($\beta=0,69$, $p=0,02$), *Эгоцентрическая мотивация* ($\beta=0,44$, $p=0,04$), *Смысл самореализации* ($\beta=0,96$, $p=0,008$).

Таким образом, нами установлены корреляционные связи самореализации с показателями качества жизни, выявлены различия в показателях самореализации у лиц с типичным и атипичным развитием, а также определено влияние самореализации на конструкт качества жизни.

Литература

- Коростылева Л. А.* Психология самореализации личности: Основные сферы жизнедеятельности. Дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2001.
- Кудинов С. И.* Самореализация как системное психологическое образование // Ростовская электронная газета. 2007. № 16. URL: <http://www.telga.ru> (дата обращения: 12.04.21).
- Юдина Н. А.* Психологические подходы к изучению субъективного качества жизни // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 1. «Проблемы образования, науки и культуры». 2017. Т. 23. № 2 (162). С. 104–110.
- Felce D., Perry J.* Quality of life: its definition and measurement // Research in Developmental Disabilities. 1995. № 16 (1). P. 51–74.

Формирование самооценки учащихся среднего школьного возраста под влиянием группы сверстников

В. С. Щекотунова (Ростов-на-Дону)

Данное исследование направлено на изучение процесса формирования самооценки школьников при взаимодействии со сверстниками в подростковом возрасте. Результаты исследования показали, что уровень самооценки коррелирует со статусным положением подростков в группе сверстников.

Формирование адекватной самооценки является одним из ключевых условий, благодаря которым индивид становится личностью. Правильно сформированная самооценка выступает не просто как знание самого себя, но и как определенное отношение к само-

му себе, предполагает осмысление личности в качестве устойчивого объекта (Авдеева, 2015). Как показывают исследования А. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, К. Левина и др., самооценка является сложным, многоаспектным феноменом, который изучается в ряде гуманитарных наук, т. е. является предметом междисциплинарных исследований. Б. Г. Ананьев высказал мнение, что самооценка – это сложный процесс опосредованного познания себя, развернутый во времени, связанный с движением от единичных, ситуативных образов через их интеграцию в целостное образование – понятие собственного Я, являющегося прямым выражением оценки других лиц, участвующих в развитии личности (Ананьев, 1968). Многие исследователи (К. Роджерс, И. Кон, А. И. Петровский и др.) рассматривают самооценку как оценку человеком себя, своих способностей, качеств и статуса среди людей (Авдеева, 2015). А. В. Петровский указывает, что самооценка непосредственно связана с уровнем притязаний личности. Уровень притязаний – это желаемый уровень самооценки личности (уровень образа Я), проявляющийся в степени трудности цели, которую индивид ставит перед собой (Бороздина, 2000). Наибольший интерес ученых вызывает исследование подростковой самооценки. Именно в этот период происходят личностные изменения, связанные с реконструкцией самосознания, реализуется формирование личности Я, которое зависит от повышения значимости самопознания и самосовершенствования. Новообразованием подросткового возраста является «чувство взрослости», у подростка возникает интерес к своей внутренней личной жизни, он смотрит на себя чужими глазами. По мере взросления подросток начинает играть важную роль при оценке сверстников (Грецов, 2007). Исследования показали, что при отрицательных оценках детей сверстниками их самооценка снижается, и наоборот. В то же время под влиянием отношений со сверстниками развитие самооценки подростков сталкивается с множеством противоречий, главные из них: необходимость четкого внешнего ориентира для установления достаточной самооценки в подростковом возрасте; противоречие между желанием подростка достичь единства с референтной группой сверстников и его желанием выделиться из группы (Липкина, 1968). Необходимость решить указанные противоречия, выявить и более полно понять условия, влияющие на развитие адекватной самооценки в подростковом возрасте, определяют выбор данной темы для исследования.

Цель исследования: изучение взаимосвязи уровня самооценки учащихся среднего школьного возраста и их социального статуса в группе.

Предмет исследования: уровень самооценки, социальный статус в группе.

Гипотеза состоит в том, что учащиеся младшего подросткового возраста, имеющие низкий уровень самооценки, также имеют низкий статус в классе, и наоборот: учащиеся с высокой и средней самооценкой имеют благоприятное статусное положение в группе сверстников.

Эмпирические задачи:

1. Определить уровень самооценки у учащихся среднего школьного возраста.
2. Определить социальный статус подростка в группе.
3. Выявить зависимость уровня самооценки личности от его статуса в группе.

В исследовании был использован следующий *методический инструментарий*:

- 1) тест-опросник «Определение уровня самооценки» С. В. Ковалёва;
- 2) методика Дж. Морено «Социометрия».

Эмпирический объект исследования: 19 школьников 6-го класса МБОУ школы № 16 имени 339 Ростовской стрелковой дивизии.

По результатам тест-опросника «Определение уровня самооценки» С. В. Ковалева было получено следующее процентное соотношение в группе: из общего количества детей у 10% выявлен низкий уровень самооценки, 32% испытуемых имеют адекватную самооценку, 58% детей с высокой самооценкой. Полученные данные показали, что в исследуемой группе больше половины учащихся имеют высокий уровень самооценки.

При определении статусного положения подростков с разными уровнями самооценки (методика Дж. Морено «Социометрия»), были получены следующие результаты: из общего количества подростков первой статусной категории «предпочитаемые» (4 человека – 21%), все четверо имеют высокий уровень самооценки. Из всех детей, находящихся в статусе «принятые» (10 человек – 52%) 7 человек имеют высокий уровень самооценки, и 3 – средний. Из категории «пренебрегаемые» (4 человека – 21%) средний уровень самооценки имеют 3 человека и 1 человек – низкий уровень самооценки. У категории «отвергаемые» (1 человек – 6%) наблюдается низкая самооценка. Таким образом, по результатам сопоставления статусной

категории каждого учащегося и их уровня самооценки можно сделать вывод о том, что существует взаимосвязь между самооценкой и статусным положением. В классе присутствуют почти все категории, кроме категории «лидера». В целом каждой категории соответствует уровень самооценки. Категории «предпочитаемые» и «принятые» чаще соответствует высокий уровень самооценки, чем средний. К категории «пренебрегаемые» и «отвергаемые» относятся учащиеся с низким или средним уровнем самооценки. Полученные результаты частично подтверждают выдвинутую гипотезу. Имеется множество причин, влияющих на статус подростка и его положение в группе. Например, личные качества, внешние данные и т. д. Особое внимание нужно уделить детям со статусом «отверженные». Основная задача для педагога – это создать оптимальные условия для поднятия статуса в коллективе. К примеру, создание ситуации, в которых ребенок будет проявлять себя с положительной стороны (Липкина, 1968).

По результатам анализа литературных источников было выделено два вектора направления работы с самооценкой школьников среднего возраста. Первый вектор – индивидуальная работа с детьми. Здесь применимо консультирование, игровой подход, беседы и др. На социализацию подростка хорошо влияет досуг, так как основывается на личных интересах детей. Второй вектор – это групповое взаимодействие. Часто применяются тренинги – обучение через поведение, через «проживание» участниками группы ряда смоделированных ситуаций. В отличие от индивидуального обучения обучение в группе намного эффективнее. Вследствие развития группа становится самостоятельной, быстрее передается информация, появляются идеи, которые не пришли бы в голову отдельному человеку, за счет так называемого эффекта синергии.

Литература

- Авдеева Л. И.* Особенности самооценки младших: Автореф. ... канд. психол. наук. М., 2015.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
- Бороздина Л. В.* Что такое самооценка? // Психологический журнал. 2000. № 2. С. 14–19.
- Грецов А. Г.* Тренинг общения для подростков. СПб.: Питер, 2007.
- Липкина А. И.* Психология самооценки школьника: Автореф. ... докт. психол. наук. М., 1968.

Психологическое сопровождения детей раннего возраста на базе Центра игровой поддержки ребенка

Е. Г. Шукина (Чита)

В статье затрагивается проблема психологического сопровождения детей раннего возраста, освещаются вопросы повышения психолого-педагогических компетенций родителей в рамках взаимодействия семьи и Центра игровой поддержки ребенка. Предполагается, что создаваемые психологом условия будут способствовать улучшению эмоционального фона родителей, повышению их компетенций в вопросах развития детей, а также окажут положительное влияние на развитие базовой культуры, физических, интеллектуальных и личностных качеств ребенка. Для проведения исследования использовались теоретические, статистико-математические и практические методы. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы: после проведенных занятий у детей повышается уровень психологической устойчивости и креативности мышления; у родителей формируются определенные модели поведения с ребенком, повышается уровень психолого-педагогической компетенции.

Дошкольное учреждение является открытой системой для общения, взаимодействия и поддержки детей и родителей. На современном этапе развития системы дошкольного образования особую актуальность приобретает процесс формирования социально-личностных качеств ребенка. Важно также создать условия, которые бы формировали мотивацию родительского поведения. Осознание и принятие родителями ценности своего опыта, необходимости саморазвития, достижения большей эффективности в воспитательной деятельности являются основой повышения родительской компетенции, которая имеет доминирующее значение в воспитании успешного ребенка (см.: Волконская, 2014; Головчанова, 2009; Левченко, 2014; Чернецкая, 2010).

С целью организации психологического сопровождения детей раннего возраста создан Центр игровой поддержки ребенка (ЦИПР).

Основная цель – всестороннее развитие детей от 2 до 3 лет на основе современных методов организации игровой деятельности. Организация работы ЦИПРа осуществляется непосредственно педагогом-психологом дошкольного учреждения 2 раза в неделю. Во время занятий с родителями дети находятся под присмотром других специалистов. Отметим, что педагог и родители являются партнерами

для ребенка по интересным, занимательным делам. Каждая встреча посвящена определенной проблеме. Основная форма проведения встреч – практическая работа, во время которой отрабатываются конкретные навыки взаимодействия с детьми. В программе используются стандартизированные методики современных авторов, которые, по нашему мнению, обладают прогностической значимостью для дальнейшего развития ребенка.

В результате занятий планируется добиться:

- осознания родителями ценности собственного развития в сфере детско-родительских отношений;
- наличия определенных психолого-педагогических знаний по основным вопросам роста и развития ребенка;
- умения изменять свое поведение в зависимости от поведения ребенка, т. е. гибко реагировать на потребности ребенка, творчески подходить к вопросу воспитания;
- умения создать атмосферу доверия, безоценочного принятия, психологической безопасности и равноправного сотрудничества;
- способности к саморегулированию, самооценке своего поведения как родителя.

Каждое занятие имеет типовую структуру, включающую следующие элементы:

- 1) ритуал приветствия (позволяет создавать атмосферу группового доверия и принятия);
- 2) разминку (воздействие на эмоциональное состояние детей, уровень их активности, настройка на продуктивную деятельность);
- 3) основное содержание занятия (игротерапия, работа с метафорическими картами, тренинг, проигрывание ситуаций, дискуссии);
- 4) рефлексия (смысловая и эмоциональная оценка занятия: почему это важно, зачем мы это делали; понравилось/не понравилось, было хорошо/плохо);
- 5) ритуал прощания (по аналогии с ритуалом приветствия, домашнее задание – закрепление полученных знаний).

Для детей раннего возраста важно следовать этому алгоритму. Это имеет большое значение для успешной социализации ребенка и помогает снизить уровень его тревожности. Знакомый алгоритм помогает малышам легко переходить от одной деятельности к другой. На следующем занятии родители демонстрируют полученный опыт при общении с детьми.

После проведенных занятий у родителей формируются определенные модели поведения с ребенком, повышается уровень психологических и педагогических знаний и умений, активизируется позитивное мышление, помогающее преодолевать трудности в воспитании детей. Основными результатами для детей считаем: повышение уровня инициативности, самостоятельности; облегчение адаптации в другой среде; развитие навыков саморегуляции эмоциональных состояний и поведения; стремление проявлять самостоятельность в бытовом и игровом поведении. Кроме того, ребенок эмоционально вовлечен в действия с игрушками и другими предметами, проявляет интерес к продуктивной деятельности (рисование, лепка, конструирование, аппликация); хорошо развита крупная моторика.

Значимые качества определяются общим характером взаимоотношений ребенка с взрослыми и другими детьми. Для нас важна лично-ориентированная модель взаимодействия, предполагающая уважение к ребенку, создание доброжелательной атмосферы. Развитие активной позиции у ребенка обеспечивается предоставлением ему инициативы в самых разных видах деятельности, прежде всего в игре.

Ниже приводятся основные методики, использующиеся для изучения компетенций родителей, а также полученные результаты диагностической работы за 2020 г. Исследуемая группа – 25 детей и 25 родителей.

1. Тест-опросник. 70% родителей имеют поверхностные представления о направлениях воспитательной работы. Не всегда правильно определяют, какие методы целесообразны на данном этапе развития ребенка. В отдельных случаях может проявляться несогласованность со стороны разных членов семьи, а требования могут носить разумный, но часто несистематический характер.
2. Опросник А. Я. Варги, В. В. Столина «Родительское отношение к детям». 86% родителей считают интересы, увлечения, мысли и чувства ребенка несерьезными.
3. «Диагностика родительской любви и симпатии» Е. В. Милюковой. У 90% родителей преобладает любовь по отношению к ребенку, у 10% – симпатия.
4. «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис. У большинства родителей доминирует неустойчивость стиля воспитания.
5. PARI Е. С. Шеффера и Р. К. Белла, адаптированная Т. В. Нищерец, в интерпретации Т. В. Архиреевой. 40% родителей могут переносить семейный конфликт на производственные отношения,

для них характерна зависимость от семьи, низкая согласованность в распределении хозяйственных функций.

6. Сочинение «Какие родительские компетенции у меня есть». Большинству родителей не хватает практических знаний о возрастных и психических процессах.
7. Диагностика умственного развития детей раннего возраста (Е. А. Стребелева). 12 детей из 25 – норма развития. 8 детей сразу же принимают задание, понимают его условия и стремятся выполнить. Трое детей часто самостоятельно не могут найти адекватный способ выполнения и обращаются за помощью к взрослому. После показа способа выполнения могут самостоятельно справиться с заданием, заинтересованы в результате своих действий. 2 ребенка нуждаются в уточнении клинического диагноза, требуется использование различных эмоциональных и игровых приемов для того, чтобы дети приняли задание. Отмечается стремление достигнуть искомого результата. Как правило, не учитывают свойства и качества предметов, характерны хаотические действия, отказ от дальнейшего выполнения задания. По подражанию многие справляются с заданиями, но самостоятельно выполнить их не могут, так как не осознают принцип действия. Даны рекомендации родителям.

Предполагаем, что после наших встреч родители получают знания, у них расширяются представления о возрастных и индивидуальных особенностях ребенка, проявятся умения позитивного общения с ребенком. Получение позитивного опыта взаимодействия всеми участниками способствует сплочению, мобилизации совместных усилий родителей, детей, педагогов в эффективном решении задач сопровождения личностного и возрастного развития детей в соответствии с требованиями ФГОС ДО.

Литература

- Волконская Т. Н.* Возможные способы организации и содержание работы с родителями в условиях коррекционного дошкольного учреждения // Дефектология. 2014. № 7. С. 14–23.
- Головчанова Н. С.* Жизненная успешность как предмет психологического исследования и психологического консультирования // Вестник Ярославского гос. ун-та им. П. Г. Демидова. 2009. № 3 (9). С. 47–50.
- Левченко В. В.* Секреты успеха и успешности современного человека: монография. М.: Флинта, 2014.
- Чернецкая Н. И.* Психология творчества. Учебное пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2010.

Особенности глазодвигательных паттернов при визуальном поиске дерматологических нарушений врачами-дерматокосметологами с различным опытом работы

Н. П. Яровая, Е. Ю. Шелепин, К. А. Скуратова (Санкт-Петербург)

Важная часть клинических рассуждений основана на визуальной информации. Целью данного исследования является анализ перцептивных стратегий врачей-дерматокосметологов с различным опытом работы при постановке диагноза. Нами была выдвинута гипотеза, что диагностический навык влияет на паттерны глазодвигательной активности врачей. Выборку составили 33 врача-дерматокосметолога с опытом работы от 0 до 24 лет. Задача испытуемых заключалась в визуальном поиске дерматологических нарушений на фотографиях лиц пациенток, в процессе которого регистрировались движения глаз. Согласно полученным результатам, по мере возрастания опыта врача движения глаз становятся менее хаотичными, число фиксации снижается и они объединяются в кластеры, длина пути сканирования сокращается. Всё это позволяет увеличить скорость поиска нарушений и постановки диагноза.

Исследования когнитивных процессов, задействованных при медицинской диагностике, остаются актуальными уже не первое десятилетие. Интерпретация диагностических изображений (таких как рентгеновские и КТ-снимки, изображения, полученные в процессе дерматоскопии, гистологические срезы и др.) является комплексным процессом, включающим визуальный поиск и сопоставление с образцом, генерацию и тестирование гипотез, а также рассуждение, решение проблем и принятие решений (Brunyé et al., 2019).

В 1960-е годы было проведено первое исследование с применением метода регистрации движений глаз для изучения перцептивных процессов при интерпретации медицинских изображений врачами рентгенологами (Llewellyn-Thomas, Lansdown, 1963).

Отслеживание движений глаз в процессе интерпретации диагностических изображений имеет большую практическую значимость как в клинической практике, так и в медицинском образовании, например, для разработки:

- автоматизированных систем аттестации студентов, ординаторов и врачей, позволяющих оценить не только декларативные знания о диагностических критериях, но и сами навыки диагностики;

- обучающих видеокурсов и расширенных клинических руководств, включающих наблюдение за движениями глаз экспертов;
- биологически вдохновенного искусственного интеллекта, способного помочь врачу в процессе диагностики, направляя его внимание;
- систем автоматического обнаружения и устранения возникающих ошибок при диагностике.

Методы

Выборка исследования составила 33 человека, работающих врачами дерматокосметологами. На основании критерия опыта работы были выделены следующие группы испытуемых: от 0 до 3 лет ($N = 10$); от 4 до 9 лет ($N = 9$); от 10 до 19 лет ($N = 9$); от 20 до 24 лет ($N = 5$). Каждому испытуемому в рандомизированном порядке предъявлялись на мониторе 15 цветных фотографий лиц женщин с различными дерматологическими нарушениями. Задача врачей заключалась в поиске дерматологических нарушений пациентов.

Регистрация движений глаз осуществлялась при помощи программно-аппаратного комплекса «Нейробюро», включающего айтрекер GP3HD и программное обеспечение «Нейробюро» (Шелепин, Шелепин, Скуратова, 2019).

Результаты

Однофакторный дисперсионный анализ позволил обнаружить статистически значимые различия по следующим параметрам глазодвигательной активности:

- количество фиксаций на лице пациента ($F = 74,794$, $p = 0,000$), с увеличением опыта работы их число снижается,
- средняя продолжительность фиксаций на лице пациента ($F = 3,836$, $p = 0,009$), у более опытных врачей она выше, что позволяет получать больше информации за одну фиксацию,
- общая длина пути сканирования, т. е. сумма всех амплитуд саккад ($F = 64,101$, $p = 0,000$), совершенствование навыка приводит к ее сокращению.

Благодаря формированию перцептивной стратегии снижается время визуального поиска ($F = 52,672$, $p = 0,000$). Для обнаружения нарушений начинающим врачам-дерматокосметологам (0–3 года медицинской практики) требуется $13,422 \pm 6,386$ секунды, а опытным врачам (10–19 лет медицинской практики) – почти в три раза меньше времени ($4,847 \pm 3,723$ секунд).

Качественный анализ карт движения взгляда позволил обнаружить изменения в стратегии восприятия диагностического изображения по мере возрастания опыта дерматокосметолога. Начинающий врач совершает большое количество хаотичных саккад, фиксируясь на всей поверхности лица. Совершенствование навыков приводит к объединению фиксаций в кластеры, привязанные к опорным диагностическим точкам.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить изменения перцептивной стратегии при анализе лица пациента как диагностического изображения врачами дерматокосметологами с различным опытом работы. По мере того как врач совершенствует свои навыки, ему требуется меньше времени на просмотр лица для выставления диагноза, при этом он совершает меньше фиксаций, средняя продолжительность которых возрастает. Сформированная перцептивная схема, а также способность целостно воспринимать лицо пациента позволяют опытным специалистам сокращать общую длину пути сканирования по сравнению с начинающими врачами. Айттрекинг может быть полезным инструментом для получения врачами обратной связи о собственном навыке восприятия диагностических изображений.

Литература

- Шелепин Е. Ю., Шелепин К. Ю., Скуратова К. А.* Айттрекинг. Методическое пособие по применению. СПб.: Скифия-принт, 2019.
- Brunyé T. T., Drew T., Weaver D. L., Elmore J. G.* A review of eye tracking for understanding and improving diagnostic interpretation // *Cognitive Research: Principles and Implications*. 2019. № 4 (1). Article 7. doi: 10.1186/s41235-019-0159-2.
- Llewellyn-Thomas E., Lansdown E. L.* Visual search patterns of radiologists in training // *Radiology*. 1963. № 81. P. 288–291.

Наши авторы

Агишева Анастасия Андреевна – аспирант 2-го года обучения, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), anastasya_ozornina@mail.ru

Александров Юрий Иосифович – чл.-корр. РАО, д. психол. н., профессор, зав. лаб. психофизиологии им. В. Б. Швыркова, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН); заведующий кафедрой психофизиологии, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), yuraalexandrov@yandex.ru

Андрющенко Екатерина Александровна – магистрант 2-го курса, инженер-исследователь лаборатории поведенческой нейродинамики, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), kateand625@gmail.com

Аносова Евгения Алексеевна – студентка 5-го курса, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (КГПУ им. В. П. Астафьева), anosova.evgeniya@yandex.ru

Анфалова Софья Витальевна – студентка 3-го курса, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), sofya.anfalova@yandex.ru

Апанович Владимир Викторович – научный сотрудник лаборатории психофизиологии им. В. Б. Швыркова, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН); старший преподаватель, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН); научный сотрудник, Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ); младший

научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), aranovitschvv@yandex.ru

Арамян Эрик Арамович – аспирант 1-го курса, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), aramyuan.eric@gmail.com

Артемцева Наталия Георгиевна – к. психол. н., доцент старший научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), artyomtseva@gmail.com

Баранова Александра Валерьевна – аспирант, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), преподаватель кафедры общей и специальной психологии с курсом педагогики, Рязанский государственный медицинский университет им. академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации (РязГМУ Минздрава России), av_baranova.62@mail.ru

Белановская Марина Леонидовна – доцент кафедры общей и организационной психологии, Институт психологии, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка (БГПУ им. М. Танка), belanovskaya.marina@gmail.com

Березина Василиса Дмитриевна – студентка 2-го курса магистратуры, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), frammenta@yandex.ru

Бикметов Илья Александрович – заместитель директора по ПО, Электромашиностроительный колледж, work-zslo@mail.ru

Блинова Екатерина Николаевна – аспирантка 3-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), blinova_e.n@mail.ru

Богачева Татьяна Игоревна – аспирант кафедры психологии, Курский государственный университет (КГУ), logtat91@gmail.com

Боева Яна Викторовна – магистрантка 3-го курса, Московский институт психоанализа (МИП), london8844@ya.ru

Буданова Елена Ивановна – к. мед. н., доцент кафедры психологии и педагогики, Среднерусский гуманитарно-технологический институт (СГТИ), erkina_elena@mail.ru

Бузина Александра Александровна – соискатель, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), super-alex@mail.ru

Бузина Дарья Олеговна – аспирант 1-го года обучения, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), dar4799@mail.ru

Булгакова Лея Руслановна – студентка 3-го курса, биологический факультет Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), leyabulgakova@gmail.com

Быховец Юлия Васильевна – к. психол. н., старший научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), bykhovets@yandex.ru

Вильде Ксения Александровна – магистр 1-го курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), исследование выполнено во время обучения в РГПУ им. Герцена, vilde-k@mail.ru

Владимиров Илья Юрьевич – к. психол. н., ведущий научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), доцент кафедры общей психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), kein17@mail.ru

Волкова Наталья Эдуардовна – младший научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В. Н. Дружинина, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), volkovane@ipran.ru

Воробьева Анастасия Евгеньевна – к. психол. н., старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), aevorobieva@yandex.ru

Гаврилова Мария Алексеевна – студентка 3-го курса, факультет психологии, Институт общественных наук ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ИОН РАНХиГС), gavrilova.mallla@yandex.ru

Галашева Ольга Сергеевна – аспирантка 2-го года обучения, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), oly.g.996@gmail.com

Гец Анна Александровна – студентка 4-го курса, Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина (БрГУ им. А. С. Пушкина), ann_hets@mail.ru

Гладилин Дмитрий Леонидович – студент 2-го курса магистратуры, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), dima.gladilin.psy@gmail.com

- Горшкова Анастасия Сергеевна** – студентка 2-го курса магистратуры, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), kitsune_2@outlook.com
- Горюнова Юлия Викторовна** – магистр психологии, ассистент кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы (СПбГИПСР), iuliagoguinova@gmail.com
- Гояева Дзерасса Эльдаровна** – научный сотрудник, Московский государственный психолого-педагогического университет (МГППУ), dzerassa.goyaeva@gmail.com
- Грачев Михаил Андреевич** – студент 5-го курса, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (ЮУрГУ НИУ), tkkbn@yandex.ru
- Грибов Василий Вахтангович** – аспирант, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), vas1988@yandex.ru
- Григорян Ани Камоевна** – аспирантка, Ереванский государственный университет (ЕГУ), anigrigoryanpsy@gmail.com, ani_grigoryan@ysu.am
- Грудинин Всеволод Александрович** – студент 2-го курса магистратуры, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), seva.grudinin@gmail.com
- Деева Анастасия Алексеевна** – студентка 4-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), nastya21deeva@gmail.com
- Демчук Максим Алексеевич** – младший научный сотрудник лаборатории психофизиологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ), demchukmax74@gmail.com
- Диффинэ Екатерина Андреевна** – студентка 2-го курса магистратуры, биологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), diffinenok@gmail.com
- Докучаев Денис Александрович** – аспирант 2-го года обучения, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), dokuchaevda@ipran.ru
- Долгих Александра Георгиевна** – к. психол. н., доцент РАО, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), ag.dolgikh@mail.ru

Долинина Валентина Егоровна – студентка 2-го курса магистратуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), dolinina.valia@gmail.com

Достанов Михаил Михайлович – аспирант 2-го года обучения, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), dostanov3@gmail.com

Евстафеева Евгения Александровна – декан факультета психологии и педагогики, Челябинский государственный университет (ЧелГУ); старший научный сотрудник лаборатории психофизиологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ), evgeniy-eg@mail.ru

Евтодий Мария Владимировна – студентка 2-го курса, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), mv.evtodiy@gmail.com

Елизарова Екатерина Владимировна – студентка 3-го курса, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), ekaterina.elizarovva@mail.ru

Ерофеева Виктория Георгиевна – аспирантка 1-го года обучения, стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), yerofeyeva.victoria@yandex.ru

Жарук Иван Антонович – аспирант 4-го года обучения; научный сотрудник, Национальный медицинский исследовательский центр детской травматологии и ортопедии имени Г. И. Турнера Министерства здравоохранения Российской Федерации; кафедра психофизиологии и клинической психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (ЛГУ им. Пушкина) ivanzharuk@gmail.com

Задорова Юлия Александровна – преподаватель кафедры специальной педагогики и психологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (КГУ), julia.zadorova@yandex.ru

Зеленцова София Николаевна – студентка 4-го курса, Костромской государственной университет (КГУ), zelentsova_sofiya_nik@mail.ru

Иванова Екатерина Сергеевна – студентка 2-го курса магистратуры, Московский институт психоанализа (МИП), iliveto@yandex.ru

Иванова Ольга Анатольевна – к. психол. н., старший преподаватель, Воронежский государственный университет (ВГУ), korablev_sam@mail.ru

Игнатьева Наталья Александровна – аспирантка 2-го года обучения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ им. А. И. Герцена), in_spb@mail.ru

Игнатюк Валерия Игоревна – студентка 3-го курса, кафедра общей психологии факультета психологии, Институт общественных наук ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ИОН РАНХиГС), valeriaignatyuk@gmail.com

Ишмуратова Юлия Алексеевна – научный сотрудник, Психологический институт Российской академии образования (ПИ РАО), ishmuratova08@gmail.com

Кадырова Наиля Ирековна – студентка 4-го курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), kadyrovanelia@gmail.com

Калугин Алексей Юрьевич – к. психол. н., доцент, старший научный сотрудник департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), kaluginau@yandex.ru

Камалова Майя Рустэмовна – студентка 4-го курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), kamalovamaya145@gmail.com

Камеристая Кристина Анатольевна – студентка 3-го курса, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), kristina19545@gmail.com

Кашавкин Роман Васильевич – студент 3-го курса, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ), plus2flaky@gmail.com

Ковалев Артем Иванович – к. психол. н., доцент РАО, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), artem.kovalev.msu@mail.ru

Ковязина Мария Станиславовна – д. психол. наук, доцент, профессор кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ)

Козлова Лидия Владимировна – студентка 3-го курса, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (РГУ им. А. Н. Косыгина), lidiakozlova@bk.ru

- Колташова Мария Евгеньевна** – ученица 11-го класса, ГБОУ «Школа № 1231», lifes4589t@gmail.com
- Кондратюк Наиля Гумеровна** – к. психол. н., старший научный сотрудник, Психологический институт Российской академии образования (ПИ РАО), n.kondratyuk@gmail.com
- Коровкин Сергей Юрьевич** – д. психол. н., доцент кафедры общей психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), korovkin_su@list.ru
- Коршиков Борис Николаевич** – аспирант, Костромской государственной университет (КГУ), boris.korshikov@bk.ru
- Косицина Вероника Игоревна** – студент 2-го курса магистратуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), nica.cosits@yandex.ru
- Костригин Артем Андреевич** – к. психол. н., научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), artdzen@gmail.com
- Кривобоков Андрей Станиславович** – старший преподаватель, Ярославский государственный медицинский университет (ЯГМУ), psyexpert@list.ru
- Кубенко Ксения Николаевна** – студентка 4-го курса, биологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), kubencko.k@gmail.com
- Кукава Софико Генадьевна** – аспирантка 2-го года обучения, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (КГПУ им. В. П. Астафьева), kukavasofiko@mail.ru
- Лазарева Наталья Юрьевна** – младший научный сотрудник, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), lazareva_natasha93@mail.ru
- Лаптева Надежда Михайловна** – младший научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), n.m.lapteva@mail.ru
- Ларионов Иван Викторович** – педагог-психолог, магистр психологии, аспирант 1-го года обучения, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН); Московский колледж бизнес-технологий, ivlar16@gmail.com
- Логвинова Маргарита Игоревна** – аспирантка 4-го года обучения, Курский государственный университет (КГУ), landaurita@mail.ru

- Лукоянова Мария Игоревна** – психолог Центра психолого-педагогической реабилитации и коррекции «Росток», Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), mrgysinkawork24@mail.ru
- Макаров Игорь Николаевич** – делопроизводитель кафедры психологии труда и организационной психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), geoge@mail.ru
- Макеенок Ксения Николаевна** – студентка 3-го курса, Полоцкий государственный университет (ПГУ), makeenokksenia7@gmail.com
- Макрыгина Анита Аркадьевна** – студентка 4-го курса, Ярославский государственный медицинский университет (ЯГМУ), emkinsan@gmail.com
- Малкина Светлана Александровна** – соискатель, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН); практикующий психолог, hatiha@bk.ru
- Матвеева Елизавета Валерьевна** – студентка 1-го курса магистратуры, Воронежский государственный университет (ВГУ), elizaveta9991@yandex.ru
- Матюхина Елена Геннадьевна** – студентка 4-го курса, Московский институт психоанализа (МИП), elgenma@yandex.ru
- Мелехин Алексей Игоревич** – к. психол. н., доцент, Гуманитарный институт им. П. А. Столыпина, clinmelehin@yandex.ru
- Михеева Лиана Алексеевна** – студентка 1-го курса магистратуры, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (ОмГУ), liana.mikheeva@yandex.ru
- Мишкевич Арина Михайловна** – к. психол. н., старший научный сотрудник департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), arinamishkevich@ya.ru
- Несмелова Мария Николаевна** – студентка 1-го курса магистратуры, Костромской государственный университет (КГУ), koal021119@yandex.ru
- Никитина Дарья Алексеевна** – младший научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), d.a.nikitina@yandex.ru

- Обухова Татьяна Сергеевна** – младший научный сотрудник, Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ), tatyana.krik@gmail.com
- Овсянникова Татьяна Михайловна** – младший научный сотрудник, Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ), tm.ovsyannikova@gmail.com
- Опекина Татьяна Петровна** – к. психол. н., доцент кафедры общей и социальной психологии, Костромской государственной университет (КГУ), grigorova.t90@mail.ru
- Падалка Юлия Алексеевна** – магистрантка кафедры общей психологии, инженер НОЦ «Системогенез профессиональной и учебной деятельности», Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), juliapadalka@gmail.com
- Панфилова Юлия Михайловна** – Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), panfilova-julia@mail.ru
- Первачева Ольга Александровна** – аспирантка 1-го года обучения, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), opervacheva@gmail.com
- Перикова Екатерина Игоревна** – к. психол. н., старший научный сотрудник лаборатории поведенческой нейродинамики, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), e.perikova@spbu.ru
- Подшиваленко Иван Андреевич** – магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), podshival99@gmail.com
- Подъячева Полина Андреевна** – студентка 3-го курса, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (ОмГУ им. Ф. М. Достоевского), polina.podyacheva@yandex.ru
- Полюхова Александра Игоревна** – студентка 1-го курса магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), a.poluhova@gmail.com
- Портнова Полина Григорьевна** – студентка 4-го курса, Полоцкий государственный университет (ПГУ), polina_ust@mail.ru
- Пушкарева Кристина Александровна** – обучающаяся в 11-м классе, школа им. Капцовых № 1520 (г. Москва), awe.fear.some66@mail.ru
- Роголева Юлия Александровна** – студентка 6-го курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), rogolevayulia@gmail.com

- Рудыка Екатерина Романовна** – студентка 3-го курса, Среднерусский гуманитарно-технологический институт (СГТИ), anufrieva.catia2018@yandex.ru
- Савеньшева Светлана Станиславовна** – к. психол. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), owslsveta@mail.ru
- Савина Полина Николаевна** – студентка 2-го курса магистратуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ им. А. И. Герцена), savinca@yandex.ru
- Савинова Анна Джумберовна** – к. психол. н., младший научный сотрудник НОЦ «Системогенез профессиональной и учебной деятельности», стажер лаборатории когнитивных исследований, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ИОН РАНХиГС); Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), anuta1334@yandex.ru
- Савко Инна Владимировна** – аспирантка, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (БГПУ им. М. Танка), inna.savko@gmail.com
- Сварник Ольга Евгеньевна** – к. психол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), svarnikoe@yandex.ru
- Селезнева Екатерина Игоревна** – аспирантка 1-го года обучения, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (ННГУ), ekaterina.selezneva.1996@yandex.ru
- Семенков Андрей Александрович** – студент 5-го курса, Московский институт психоанализа (МИП), andrew.content1@gmail.com
- Сергеева Оксана Михайловна** – к. психол. н., старший преподаватель кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (ННГУ), sergeeva_oxana@fsn.unn.ru
- Серобян Астхик Корюновна** – младший научный сотрудник, Ереванский государственный университет (ЕГУ), astghiks@ysu.am
- Сиповская Яна Ивановна** – к. психол. н., научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), syai@mail.ru

- Скотникова Ирина Григорьевна** – д. психол. н., ведущий научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), iris236@yandex.ru
- Скрынникова Ирина Юрьевна** – студентка 3-го курса, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), irina.skrynnikovaa@yandex.ru
- Скуратова Ксения Андреевна** – младший научный сотрудник, Институт физиологии им. И. П. Павлова Российской академии наук (ИФ РАН), k.a.skuratova@gmail.com
- Смирницкая Анастасия Витальевна** – аспирантка, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), a9159793033@gmail.com
- Соловьева Елизавета Валерьевна** – студентка 4-го курса, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), solovyeva.ev205@gmail.com
- Соломатина Ульяна Юрьевна** – аспирантка 1-го года обучения, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), ulianal-it-sport@mail.ru
- Степанов Георгий Константинович** – студент 5-го курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), jorik-99@mail.ru
- Стрельников Степан Владимирович** – студент 6-го курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), stepan99strelnikov@gmail.com
- Сутормина Надежда Владимировна** – аспирантка 3-го года обучения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ им. А. И. Герцена), nadya.sutormina.92@mail.ru
- Сучкова Екатерина Алексеевна** – аспирантка 1-го года обучения, стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), suchkova.e.a@yandex.ru
- Тарасов Семен Васильевич** – аспирант 1-го года обучения, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), sementarasovvas@gmail.com
- Татти Павел Сергеевич** – аспирант 1-го года обучения, Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (ВГУ им. П. М. Машерова), tattipavel@gmail.com

- Тихомирова Екатерина Александровна** – аспирантка 1-го года обучения, Национальный исследовательский нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (ННГУ), ekaterinann2012@yandex.ru
- Троицкая Елена Авенировна** – к. психол. н., доцент, доцент кафедры психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), ea.troitskaya@mail.ru
- Трушичкина Юлия Андреевна** – студентка 3-го курса, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (ОмГУ им. Ф. М. Достоевского), julia_trushichkina@mail.ru
- Уланова Анна Юрьевна** – старший научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), rachugina@gmail.com
- Филозоп Евгения Олеговна** – студентка 1-го курса магистратуры, Мурманский арктический государственный университет (МАГУ), zhenyaf38967@gmail.com
- Фокина Елена Борисовна** – бакалавр, факультет психологии, педагогики и социологии, Московский гуманитарный университет (МосГУ), irma8528@mail.ru
- Цыганов Игорь Юрьевич** – к. психол. н., старший научный сотрудник, Психологический институт Российской академии образования (ПИ РАО), i4321@mail.ru
- Чеплакова Мария Александровна** – студентка 3-го курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), mair.biol@gmail.com
- Чернов Альберт Валентинович** – к. психол. н., доцент, доцент кафедры общей психологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), albertprofit@mail.ru
- Чистопольская Александра Валерьевна** – к. психол. н., доцент кафедры общей психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), chistosasha@mail.ru
- Чудакова Анастасия Викторовна** – педагог-психолог, Оршанский государственный аграрный колледж, studentvsu@mail.ru
- Чумакова Тамара Вадимовна** – студентка 4-го курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), tvchumakova@edu.hse.ru

Шелепин Евгений Юрьевич – младший научный сотрудник, Институт физиологии им. И. П. Павлова Российской академии наук (ИФ РАН), sey2@yandex.ru

Шипова Наталья Сергеевна – к. психол. н., доцент кафедры специальной педагогики и психологии, Костромской государственной университет (КГУ), gonia_777@mail.ru

Щебетенко Сергей Александрович – д. психол. н., доцент, профессор департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), sshchebetenko@hse.ru

Щекотунова Виктория Сергеевна – студентка, Южный Федеральный университет (ЮФУ), v.shekotunova@yandex.ru

Щукина Елена Геннадьевна – соискатель, Иркутский государственный университет (ИГУ), elena.shykina@yandex.ru

Юдаков Константин Сергеевич – студент 4-го курса, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), kost05062000@mail.ru

Яровая Наталья Павловна – аспирантка, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации (ПСПбГМУ им. И. П. Павлова), dr.yarovaya@gmail.com

Ячменева Надежда Павловна – старший преподаватель кафедры общей психологии факультета психологии, Институт общественных наук ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (ИОН РАНХиГС), yachmeneva-np@ranepa.ru

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ – НАУКА БУДУЩЕГО
Материалы IX Международной конференции
молодых ученых «Психология – наука будущего»
18–19 ноября 2021 г., Москва

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет и верстка – *В. П. Ересько*

Лицензия ЛР №03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27
E-mail: vbelop@ipras.ru. <http://www.ipras.ru>

Сдано в набор 06.11.21. Подписано в печать 12.11.21
Гарнитура NewtonC. Усл. печ. л. 26,25. Уч.-изд. л. 22,9
Формат 60×90/16. Тираж 100 экз. Заказ

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6